

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России

Антология Сатиры и Юмора России XX века

ЛТ «Клуб 12 стульев»

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Евгений Обухов Владимир Владин Виктор Веселовский Ва
Битов Никита Богословский Сергей Бодров Владимир Волин
Юсванецкий Лион Измайлов Владимир Климович Виктор Коклю
Аркадий Хайт Андрей Кучаев Борис Лобков Евгений Попов Мар
Евгений Шатько Андрей Вознесенский Николай Глазков Анатолий
Владимир Лившиц Владимир Масс Владимир Орлов Эдуард Усп
Олейников Борис Брайнин Евгений Евтушенко Владимир Соколов
Левитанский Виталий Резников Семен Альтов Виктор Гастелло Гер
Владимир Трифонов Аркадий Унин Леонид Осадчук Лутфулла
Корсунский Андрей Кучаев Михаил Липскеров Эдуард Медвед
Славкин Ефим Смолин Варлен Стронгин Леонид Треер Валерий Ч
Кузнецов Новелла Матвеева Александр Сивицкий Юрий Тимянски
Борис Козлов Алексей Пьянов Борис Гуреев Леонид Зорин Миха
Майнер Людмила Петрушевская Ростислав Соломко Даниил Харм
Александр Дольский Борис Заходер Игорь Иртеньев Владимир Ко
мен Пивоваров Анатолий Преловский Владилен Прудовский Алекса
рей Мурай Виктор Шендерович Александр Брюханов Илья Бу
мир Гречанинов Валерий Чудодеев Артур Кангин Владимир
ва Евгений Сагаловский Сергей Силин Анатолий Трушкин
Ефим Ефимовский Наталья Заруцкая Аркадий Кайдан
Турилов Валерий Краско Евгений Лукин Виктор Матвийк
цын Сергей Сатин Юрий Тейх Зиновий Вальшонок Рост

Василий Аксенов Аркадий Арканов Вагрич Бахчанян Андрей
Григорий Горин Владимир Дворцов Виктор Драгунский Михаил
Юшкин Михаил Кривич, Ольгерт Ольгин Александр Курляндский
Марк Розовский Виктория Токарева Александр и Лев Шаргородские
Илья Житницкий Руслан Киреев Михаил Кудинов Михаил Либин
Спенский Павел Хмара Лев Щеглов Аркадий Аверченко Николай
Ов Александр Заславский Александр Иванов Вадим Левин Юрий
Герман Дробиз Николай Елин Владимир Кашаев Дмитрий Иванов,
Ала Кабиров Александр Каневский Герберт Кемоклидзе Лев
Редкин Михаил Мишин Лев Новожинов Владимир Панков Виктор
Чудодеев Андрей Яхонтов Олег Дмитриев Феликс Кривин Юрий
Игорь Бородин Борис Слуцкий Павел Хмара Владлен Бахнов Михаил Казовский
Александр Каил Задорнов Григорий Заколодяжный Александр Кабаков Лев
Александр Мс Наталья Веселовская Владимир Вишневский Наталия Грачева
Александр Костров Борис Мартыхин Сергей Мнацаканян Зиновий Паперный
Александр Раскин Эльдар Рязанов Ефим Самоварщиков Давид Самойлов
Авдеев Гутман Виктор Верижников Владимир Вестер Михаил Городинский
Александр Котенко Антон Макуни Андрей Панисяк Александр Портер Инна
Андрей Туманов Виталий Уражцев Василий Шимберов Евгений
Александр Янов Владимир Константинов Борис Рацер Юрий Котлярский
Александр Яко Григорий Медведевский Евгений Никифорова Ирина Осенняя
Александр Стислав Кривицкий Римма Казакова Илья Сулов Михаил Успенский

Венгений Обухов Владимир Владин Виктор Веселовский Василий
Виксенов Аркадий Арканов Владлен Бахнов Вагрич Бахчан
Вендрей Битов Никита Богословский Сергей Бодров Владимир
Видлин Гигорий Горин Владимир Дворцов Виктор Драгунский
Вини Михаил Жванецкий Лион Измайлов Владимир Климов
Вини Виктор Коклюшкин Михаил Кривич Ойгерт Ойгин Александр
Вини Курляндский Аркадий Хайт Андрей Кучаев Борис Лобков Евгений
Вини Попов Марк Розовский Виктория Токарева Александр и
Вини Маргородские Евгений Шатько Андрей Вознесенский Никол
Вини Лазков Анатолий Житницкий Руслан Киреев Михаил Кудин
Вини Михаил Либин Владимир Лившиц Владимир Масс Владимир Ор
Вини Эдуард Успенский Павел Хмара Лев Щеглов Аркадий Аверчен
Вини Ефимов Николай Олейников Борис Брайнин Евгений Евтушенко Владим
Вини Корколов Александр Заславский Александр Иванов Вадим Лее
Вини Рюри Левитанский Виталий Резников Семен Альтов Виктор Гастел
Вини Герман Дробиз Николай Елин Владимир Кашаев Дмитрий Иван
Вини Владимир Трифонов Аркадий Унин Леонид Осадчук Лутфу
Вини Пивоваров Александр Каневский Герберт Кемоклидзе
Вини Митрофановский Александр Курляндский Андрей Кучаев Мих
Вини Мипскеров Эдуард Медведкин Михаил Мишин Лев Новожен
Вини Вадимир Панков Виктор Славкин Ефим Смолин Варлен Строн
Вини Леонид Треер Валерий Чудодеев Евгений Шатько Анд
Вини Контов Олег Дмитриев Феликс Кривин Юрий Кузне
Вини Овелла Матвеева Александр Сивицкий Юрий Тимьянский Б
Вини Луцкий Павел Хмара Владлен Бахнов Михаил Казовс

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Людовед и душелюб
всех времен и народов

Евг. Сазонов

Антология Сатиры и Юмора России XX века

«Клуб 12 стульев»

«ЭКСМО-Пресс» 2001

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
К 51

**АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА
«Клуб 12 стульев»**

Серия основана в 2000 году

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский, Игорь Иртеньев,
проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженев, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта
Юрий Кушак

Ответственный редактор тома
Владимир Владин

Составители тома Евгений Обухов,
Юрий Кушак

Оформление тома Лев Яковлев

Рисунки художников «Клуба 12 стульев»

Рисунок на обложке Игоря Макарова

Подготовка макета — творческое объединение
«Черная курица» при Фонде Ролана Быкова.

К 51   **«Клуб 12 стульев»**. Антология Сатиры и Юмора Рос-
сии XX века. Том 11. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс,
2001. — 640 с.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 5-04-006965-0 (Т 11)
ISBN 5-04-003950-6

© Обухов Е.А., Кушак Ю.Н.
Составление, 2001
© Яковлев Л.Г. Оформление, 2001

Содержание

Евгений Обухов. Над расщелинами эпох	17
Как это начиналось?	22
Владимир Владин. Тоска по ностальгии	22
Виктор Веселовский. Вокруг смеха	30
Волшебная сила искусства. 1967 — 1972	
Ироническая проза	37
Василий Аксенов. Поэма экстаза	37
Аркадий Арканов. Очень крепкое здоровье императора Бляма	44
Владлен Бахнов. А было это так	47
Вагрич Бахчанян. Человек	51
Андрей Битов. Чужая собака	52
Никита Богословский. Если бы тогда был телефон	53
Сергей Бодров. Прилет вертолета	54
Владимир Владин. Ода «К радости»	56
Владимир Волин. Обычный день	60
Григорий Горин. Остановите Потапова!	62
Хочу харчо!	72
Владимир Дворцов. Жуков	74
Виктор Драгунский. Волшебная сила искусства	76
Михаил Жуванецкий. Думайте о здоровье	82
Лион Измайлов. Фиктивный брак	84
Владимир Климович. История	87
Виктор Коклюшкин. Телевизор	88
Михаил Кривич, Ольгерт Ольгин	
Кентавр Легкий-На-Подъем	90

Александр Курляндский, Аркадий Хайт	
Обеденный перерыв	92
Андрей Кучаев. Мозговая косточка	95
Борис Лобков. Неправильный ручей	97
Евгений Попов. Бессовестные люди	100
Марк Розовский. Стройка	103
Виктория Токарева. Сразу ничего не добьешься	104
Александр и Лев Шаргородские	
Вредная работа	109
Евгений Шатько. Ремесло	112
Ироническая поэзия	116
Андрей Вознесенский. Украли!	116
Николай Глазков. Баллада о похищении	
стеклянной ткани	118
Анатолий Житницкий. Эники-Беники	119
Руслан Киреев. Избавление	120
Михаил Кудинов. Крестики и нолики	121
Ученье — свет	122
Михаил Либин. Почему плюется верблюд	122
Владимир Лившиц. Страшный суд	123
Владимир Масс. Вавилонское столпотворение	124
Ящик Пандоры	124
Владимир Орлов. Кто кого боится	125
Неизвестные рубаи Омара Хайяма	126
Эдуард Успенский. Бабушка и внучек	129
Павел Хмара. Стихи о правильном питании	130
Лев Щеглов. «И задан был вопрос Дантесу...»	131
Павка букиниста	132
Аркадий Аверченко. Исторические	
нравоучительные рассказы	132
Николай Олейников. На именины	
хирурга Грекова	134
Машинистке на приобретение пелеринки	135

Пересмешник	136
Борис Брайнин. Это кто там в форме новой?	136
Владимир В. В. Корова	138
Евгений Евтушенко, Владимир Соколов	140
Про баню	141
Александр Заславский. Желания	142
Александр Иванов. Красная Пашечка	143
Высокий звон	144
Заколдованный круг	145
Вадим Левин. Самые новые английские сказки и баллады	145
Юрий Левитанский. Вышел зайчик погулять...	148
Монолог зайчика, рано вышедшего погулять	149
Ключик	150
Виталий Резников. Самоучитель игры на фортепиано с оркестром	151
Стенгазета «Клуба ДС»	151
Рога и Копыта	157
Фразы	157
Жизнь по вертикали. 1973—1982	
Ироническая проза	163
Семен Альтов. Как Иван Грозный сына убил	163
Виктор Гастелло. Жизнь по вертикали	165
Герман Дробиз. Опрокиднел, участник кавказкой легенды	168
Николай Елин, Владимир Кашаев	172
Ощутить себя личностью...	175
Дмитрий Иванов, Владимир Трифонов	180
Еще не вечер	183
Аркадий Унин, Леонид Осадчук	184
Таинственно звенит хрусталь	184
Лутфулла Кабилов. Пусть вся махалля знает	184
Александр Каневский. Смелый почин	184

Герберт Кемоклидзе. Ночное кафе	186
Лев Корсунский. Открытие	189
Александр Курляндский. Овчарка Барсик	192
Андрей Кучаев. Ребус	195
Михаил Липскеров. Воспоминание	197
Эдуард Медведкин. Стакан воды	200
Михаил Мишин. Появился Сидоров...	203
Лев Новоженков. Одинокий велосипедист	207
Евгений Обухов. Гвозди	209
Владимир Панков. Двойная ирония судьбы	211
Виктор Славкин. Крик души	214
Ефим Смолин. Мустанг	217
Варлен Стронгин. Круиз	220
Леонид Треер. Классик	224
Аркадий Хайт. Когда я смотрюсь в зеркало	228
Валерий Чудодеев. Глаголы женского рода	232
Евгений Шатько. Я от Тамары	234
Андрей Яхонтов. Не судьба	238
Ироническая поэзия	241
Андрей Вознесенский. Не забудь	241
Олег Дмитриев. Звездный час	242
Феликс Кривин. Восьмистишия	243
Юрий Кузнецов. Говорящий попугай	244
Новелла Матвеева. Чувство меры	246
Ничтожество	246
Александр Сивицкий, Юрий Тимянский	
Его работа	247
Борис Слуцкий. Понимание славы	248
Детская литература	249
Павел Хмара. Плата	250
Пересмешник	251
Владлен Бахнов. Вариации на тему	
«Белеет парус одинокий»	251

«Я море, парус я...»	251
Королева Маруся	251
Горный сонет	252
Лё Парусьон	252
Парусина	253
Хватит!	254
Борис Брайнин. Не в своей тарелке	256
Александр Иванов. Открытое письмо Пингвина Пина поэту С.Г.Островому. Москва. СССР	257
Призыв	258
Михаил Казовский. Пальпация доктора Коробкова	259
Борис Козлов. Особое задание	261
Юрий Левитанский. Вышел зайчик погулять Элегия на смерть Джона О'Грэя, достопочтенного зайца, эскайдера Другое дерево	263
Алексей Пьянов. Скучаю по сохе	266
Александр Хорт. Холостой выстрел	268
Стенгазета «Клуба ДС»	270
Рога и Копыта	270
Фразы	278
Вопросы — ребрами	282
Ашипки	283
Фабрика грез. 1983—1991	
Ироническая проза	287
Владимир Альбинин. Выскачка	287
Семен Альтов. Шанс	289
Аркадий Арканов. «Соломон» и сознание	296
Никита Богословский. Зануда	301
Борис Гуреев. Повестка дня	304
Гетман Дробиз. Письмецо от мамы	307

Леонид Зорин. Романтики	309
Михаил Жуванецкий. Паровоз для машиниста	314
Михаил Задорнов. Беседа замдиректора дома отдыха по культмассовой работе с отдыхающими в день заезда	317
Григорий Заколядажный. Фабрика грез	319
Аион Измайлов. Точно говорю!	322
Александр Кабаков. Второй звонок	325
Андрей Кучаев. Чайный сервиз	328
Лев Лайнер. Редактор	330
Михаил Мишин. Цари природы	331
Лев Новоженков. Мираж	335
Людмила Петрушевская. Луи и другие	340
Евгений Попов. Во зле и печали	343
Ефим Смолин. Светлое настоящее	345
Ростислав Соломко. Коэффициент усидчивости	351
Аркадий Хайт. Первый визирь	355
Даниил Хармс. Когда жена уезжает...	357
Скасска	357
Ироническая поэзия	359
Владлен Бахнов. Легенда о Сизифе и циклопах	359
Наталья Веселовская. Не рубите леса...	361
Владимир Вишневский. Вид на море	361
Наталья Грачева. Колыбельная на втором этаже панельного дома	362
Олег Дмитриев. Баллада о «телеге»	363
Александр Дольский. Встреча	365
Борис Заходер. Тайна творчества	365
Все очень просто	366
«Говорят, что в столице...»	366
Игорь Иртеньев. Приглашение в Мытищи	366
Владимир Костров. Испанская баллада	367
Феликс Кривин. Совет птицы	368

Бег	368
Фигурное катание	369
Борис Мартыхин. Размышление о деньгах	369
Сергей Мнацаканян. Уличное	369
Увы...	370
Физика	370
Владимир Орлов. Жалобы водяного	370
Козы под наркозом	371
Монолог телефонного аппарата	371
Зиновий Паперный. Творческая неудача	371
Семен Тивоваров. Услуга	372
В магазине «Игрушки»	372
Анатолий Треловский. О воспитании	
дарования	372
Судьба	373
Владилен Прудовский. Загадочная яма	373
Александр Раскин. Поэту Эн	373
Поэту-критику	373
«Принципиальный»	374
Литфлюгер	374
Эльдар Рязанов. Мои вещи	374
Ефим Самоварщиков. По моему примеру	378
Самокритичное	378
Все обо мне...	379
«Писал один еженедельник...»	379
«Повстречались на лавке...»	379
Родной пейзаж	379
«В моей гостиной, видимо, навек...»	380
Рецепт	380
Давид Самойлов. Эпитафии	380
Из Ионы Нежданова	381
Павел Хмара. Я и вы	381
Пересмешиник	383
Александр Иванов. Слово или дело	383
Андрей Мурай. Каприз	384

Алексей Пьянов. Все не так	885
Виктор Шендерович. Памятник	886
Стенгазета «Клуба ДС»	387
Рога и Копыта	387
Афонаризмы	391
Оговорочки	400
Поворот на Закидоновку. 1992—2000	
Ироническая проза	405
Семен Альтов. Окуньки	405
Александр Брюханов. Такая сказка	409
Тотальный контроль	409
Посмотрите	409
Главная ценность	409
Напахали	410
Разъяснение	410
Илья Бутман. Голод	411
Виктор Верижников. Бархатный якорь	413
Владимир Вестер. Диктатура	415
Виктор Гастелло. Меценат	417
Михаил Городинский. Дружеский ужин	419
Владимир Гречанинов	
Сибирский физкультурник	424
Борис Гуреев. Такая близкая и незнакомая	426
Герман Дробиз. Сплошные извинения	429
Михаил Жванецкий. Вс-с-ступление	431
Михаил Задорнов. Я другой такой страны	
не знаю	433
Лион Измайлов, Валерий Чудодеев	
Тоска по Родине	435
Аркадий Унин. «Осторожно, лифт!»	437
Артур Кангин. Собачка Павлова	441
Виктор Коклюшкин. Ограбление	442

Владимир Котенко. Медные лбы	444
Антон Макуни. По долинам	446
Евгений Осухов. Поворот на Закидоновку	448
Андрей Танисьяк. Вести с полей	453
Александр Портер. Дефолт	454
Марк Розовский. Счастье	456
Инна Савельева. «Новы людишки»	458
Евгений Сагаловский. Бить или не бить	460
Сергей Силин. Княжна	462
Анатолий Трушкин. Уроки в школе дураков	465
Андрей Туманов. Киллер	467
Виталий Уражцев. Почему мужика не расстреляли, а повесили	470
Василий Шимберев. Любовь	471
Андрей Яхонтов. Не пересолила	473
Ироническая поэзия	476
Борис Брайнин. Эпиграммы	476
Владимир Вишневский. В завершение спора с коллегой	477
«Пусть не аршином...»	477
«От этих щек, от этих рук...»	477
Сегодняшняя песнь	477
Евгений Гусев. Исповедь вкладчика	478
Герман Дробиз. Мой совет молодым	479
Ефим Ефимовский. Неловкий друг	480
Властитель	480
Поэт	480
Ради формы	480
Вежливость	480
Дым отечества	480
Наталья Заруцкая. Ода любимому мужу	481
Аркадий Кайданов. Не пороча Отчизну...	481
Владимир Константинов, Борис Рацер Эпиграммы	482

Юрий Котлярский. Выбор	484
Дмитрий Курилов. Атлантида	485
Валерий Краско. «Фугу вечности — в программе...»	486
Суета сует	486
Морская считалка	486
Пессимист	486
Ну, и...	486
Михаил Либин. Вперед долгами	487
Евгений Лукин. Чисто мужское	488
«На излете века...»	488
Шуточка	488
Нескладуха	489
Дачное	489
Под сенью обкома	489
«Все шло при нем наоборот...»	490
Виктор Матвийко. Я вижу вас	491
Групповой портрет на фоне бюрократической лестницы	492
Хвала тараканам	493
Григорий Медведовский. Крутые рубаи	495
Рецепт	496
Здравствуй, Киплинг!	496
Евгений Акифорова	
«Ну нету неталантливых людей...»	497
«Никто не станет ближе к Богу...»	497
«Как мы с моралью пролетели...»	497
«Когда увижу я порой...»	497
Владимир Орлов. Предложение	497
Время	498
Разборчивая плотва	498
Слуги и хозяева	498
Пророк и падишах	498

«Черная кошка...»	499
Ирина Асенная. Музыкой навеяло	499
Семен Тивоваров. Маршрут	499
Причина	499
Квиты	500
Любовное	500
Открытие	500
В чем дело	500
Виктор Плотичын. Песня протеста	501
Не напечатали зарплату	501
О главном	502
Сергей Сатин. Желание быть древним греком	502
Юрий Тейх. Бедный писатель	503
Другу	504
Термометр	504
Милой	504
Пушкину	504
Россия	504
Павел Хмара. «Когда б не твой солидный муж...»	504
Пара слов о сатире и сатириках	505
Пересмешник	506
Зиновий Вальшонок. Пастораль	506
Кот в кирзовых сапогах	507
Михаил Казовский. О, везунчик!	508
Ростислав Кривицкий. Дополнительные правила русского языка	511
Римма Казакова. Йорик-Ра	515
Евгений Обухов. Ай да Пушкин!	517
Стенгазета «Клуба ДС»	519
Рога и Копыта	519
Фразы	528
Транш шантрапы (Политскороговорки)	542

Бестолковый словарь	543
Опетачки	544
Сазониада	547
Тринадцатый стул	587
Павел Хмара. Трактат о зарубах	587
Илья Суслов. Из «Эссе о цензуре»	593
Картинки с выставки	600
И битвы, где вместе...	611
Владимир Владин. Еще о зарубах	624
Михаил Успенский. Дурной глаз	625
Евгений Обухов. Ностальгия по тоске	628
Приложение	
Лауреаты премии «Золотой теленок», учрежденной «Клубом 12 стульев»	636

Над расщелинами эпох

Редко кому удастся создать

собственное государство в государстве. Членам «Клуба 12 стульев» «Литературной газеты» удалось. В конце шестидесятых, когда страна начала медленно сползать к застою, они развернули свой корабль против течения. Придумав империю смеха под названием «Клуб 12 стульев» и подчинив ее влиянию весь Советский Союз, авторы и создатели 16-й полосы научили страну смеяться по-новому, а смеясь, расставаться со своим прошлым.

Нельзя сказать, что инъекции сатиры воспринимались властями безболезненно. Классической стала история с опубликованным в 1971 году рассказиком В.Климовича «История». Для тех, кто по странному стечению обстоятельств начал читать эту книгу не с конца и поэтому еще не ознакомился с текстом «Истории», поясню, что речь в этом небольшом произведении идет о человеке, возвращающемся под Новый год с новоселья. Замерзнув, он решает на отчаянный шаг — пытается поймать такси. Но все машины по железному советскому правилу мчатся мимо, хоть плачь. И вдруг он замечает — на бульваре еще один стоит голосует. Подошел герой рассказа к нему, потрогал — холодный, замерз, бедняга. Вот он и притащил бедолагу домой, положил на кровать. Тут-то жена и взбеленилась — кого, мол, приволок?! Пригляделся — а это памятник с бульвара.

Вот такая безобидная вроде бы вещица вызвала в советские времена бурю — «Клуб ДС» чуть было не закрыли. Оказалось, высшее руководство углядело в тексте издевку над образом вождя. «Но почему?!» — возопили литгазетовцы. «А потому, — изрек Тот, Кто Сидел Наверху, — что с протянутой рукой у нас только одни памятники — Ленину». Говорят, взмыленная администрация «Клуба 12 стульев» во главе с Виктором Веселовским и Ильей

Сусловым несколько дней шерстила столицу и окрестности, надеясь обнаружить для отмазки иной, нейтральный памятник «с протянутой рукой». Не обнаружили. Скандал еле-еле замяли.

Если бы у юмориста нынешнего была шляпа, то, встав, ее надо было бы снять перед светлыми образами создателей «Клуба ДС» Виктором Веселовским и Ильей Сусловым, перед плеядой писателей и художников, с первых дней утвердивших в «Клубе» удивительную атмосферу радости творчества. Дабы не обидеть здесь кого-то неупоминанием, отсылаю любопытствующих к эпохальной статье Владимира Владина «Тоска по ностальгии» и к графической части сборника. А здесь приведу лишь короткое воспоминание Григория Горина: «Это были фанатики своего дела, даже в спорах с начальством (не забывайте, что дело происходило в конце 60-х) они были по-своему ироничны».

Засылая очередную подборку, Суслов все время подкладывал заведомо непроходимые материалы. Главный редактор кипятился:

— Илья, в чем дело? Вы все время подкладываете мне идеологически вредные материалы. Вы что думаете, я пропущу случайно?! Вы зачем это делаете?

На что Илья отвечал:

— А почему я должен этого не делать?

— А почему я, например, этого не делаю?

— Потому что у вас паек, дача и высокая зарплата. Отдайте мне это — и ни одного непроходного, вредного, абсурдного материала...

— Во-он! Вон из моего кабинета!»

И кабинет опустел: забыты даже имена чиновников, его населявших.

А «Клуб ДС» живет. В начале двухтысячного года он отметил свое 33-летие. Недруги по этому поводу намекали, что именно в этом возрасте распяли Христа. Но мы приводили свою аналогию: как раз в тридцать три Илья Муромец слез с печи и отправился в народ вершить добрые дела. Похоже, вторая мысль ныне имеет куда больше прав на существование.

В свой тридцать четвертый сезон «Клуб ДС» вступил окрепнувшим и вострепнувшим. У него (в одной уп-

ряжке со всей «Литгазетой») теперь есть юмористическое приложение — газета «12 стульев».

Наконец, выходит очередной сборник «Клуба» — и он перед вами. Если говорить строго, сборник этот — четвертый. Два первых назывались одинаково оригинально — «Клуб 12 стульев» — и выходили в Москве в 1973 и 1982 годах. А третий — не совсем обычно, это спецвыпуск «Литературки» под названием «Алмазный фонд «Клуба 12 стульев». Разумеется, и две книги, и уж тем более появившийся в 1991 году спецвыпуск зачитаны до дыр. Так что нынешняя антология «Клуба», составлявшаяся почти по олимпийскому принципу «Больше! Лучше! Полнее!» и «Главное — участвовать!», как раз кстати.

Перечитывая хранящиеся в редакции подшивки 16-й полосы «ЛГ» и наслаждаясь трудом составления антологии, я с удивлением обнаружил, насколько вовремя выпускались предыдущие сборники. Своим появлением они будто отсекали не только очередной пласт истории «Клуба», но и очередной отрезок в истории страны.

Вот смотрите: 1973 год — выходит первая книга, когда вбиты последние гвозди в гроб мелькнувшей оттепели, а шестидесятники, ежась по кухням, с грустью отмечают, сколь быстро крепчает кремлевский маразм. Но позади несколько лет относительной вольницы, и потому раздел антологии «1967—1972» отражает именно эти настроения. В нем и искрометное горинское «Хочу харчо!», и добрая «Волшебная сила искусства» Виктора Драгунского, и многоплановое горинское «Остановите Потапова!», и написанное в 1969 году аркановское «Очень крепкое здоровье императора Бляма».

Следующий сборник — 1982 год. Как раз заканчивается брежневское время, научившее всех грамотно читать между строк. И если внимательно всмотреться, вещи, опубликованные на 16-й полосе в те годы и попавшие в раздел «1973 — 1982», отличаются от предыдущих. Какова эпоха, такова и сатира. Причем связь обратно пропорциональная. В «зажатые» семидесятые «Клуб 12 стульев» окончательно сформировался как властитель дум благодаря сатире — тонкой и настоящей.

Если бы далее — в 1991-м — не появилась очередная вежа под названием «Алмазный фонд «Клуба 12 стульев», ее следовало бы выдумать, и именно в этом году. Не нужно объяснять почему. И в 1983—1991, и в 1992—2000 годах ситуация в стране обусловила новое лицо «Клуба ДС». Переходные восьмидесятые призвали под знамена 16-й полосы плеяду новых авторов, которые приятно ужились с плеядой старых. И динамика событий — или, как сказал бы какой-нибудь умный человек, вектор перемен — очень точно прослеживается в стихах и прозе «1983—1991». Так же, как реформаторская вседозволенность девяностых — в последнем разделе.

Я надеюсь, что «Клуб 12 стульев» продолжит играть роль катализатора и в то же время талисмана добрых перемен. И что этот сборник «Клуба», как и предыдущие, встанет клином в расщелину эпох. Говоря попросту, выйдет антология, и пусть затем наступит период, когда все в России и других подведомственных администрации «Клуба ДС» территориях будет хорошо. И новые песни придумает жизнь.

Книга — не газетная полоса. И все же в некоторой степени разделы антологии сохраняют и передают структуру знаменитой 16-й. Это касается и попавших в этот сборник литгазетовских рубрик — «Пересмешник», «Подражания», «Фразы» (которые в один из периодов «Клуба» именовались «Афонаризмами»), «Ироническая проза» и такая же поэзия, наконец, знаменитые «Рога и копыта», в первом периоде выходившие в народ без подписей авторов.

Надеюсь, что костюмчик под названием «Клуб 12 стульев» по-прежнему моден и хорошо сидит. Люди же, которые на вопрос: «Кто шил костюм?!» хором отвечают: «Мы», собраны под этой обложкой. И, как сказал Зиновий Паперный, да здравствует все то, благодаря чему мы не смотря ни на что!

В заключение признаюсь, что существуют три вопроса, на которые ни это предисловие, ни весь умудренный жизненно-сатирическим опытом сборник «Клуба 12 стульев» ответа дать не могут. Во-первых, кто будет пятым

после Виктора Веселовского, Андрея Яхонтова, Павла Хмары и автора этих строк главным администратором «Клуба»? Во-вторых, кто и когда придумал приводящие корректоров в шок обозначение «Клуб 12 стульев» вместо Клуб «12 стульев»? И, в-третьих, кто же все-таки написал знаменитый девиз «Клуба» «Если нельзя, но очень хочется, то можно»?..

Впрочем, по сравнению с бессмертием «Клуба ДС» «Литературной газеты» все это просто мелочи.

· Евгений ОБУХОВ,
четвертый главный администратор
«Клуба 12 стульев»

Сентябрь 2000 г.

Как это
начиналось

Владимир Владим

Тоска по ностальгии

К очется уподобиться дотошным

летописцам и упомянуть всех, кто работал в отделе фельетонов в конце 1966-го и захватил самое начало 1967 года — года рождения «Клуба ДС»: Юрий Алексеев, Валентин Полонский, Владимир Панков и Владислав Смирнов. Первые трое ушли из редакции почти мгновенно, а Владислав Матвеевич Смирнов, опытный фельетонист, умный, желчный, ироничный человек с достаточно изломанной судьбой, довольно долго еще работал. Я ему многим обязан, мы впоследствии близко подружились. К несчастью, несколько лет назад его не стало. Недолго в «Клубе» работал и Александр Иванов, но, думается, в биографии Александра Александровича это был совсем небольшой эпизод.

Но пора переходить к главным действующим лицам, проработавшим долго и юридически и фактически создавшим «Клуб», тот «Клуб», который имел (не побоюсь этого слова) феноменальную популярность у читателей. Итак: Виктор Васильевич Веселовский, завотделом. Крупный рыжебородый человек. Тонкий политик, прекрасно умел и царствовать, и править. Пользовался большим уважением как наверху, так и среди простого народа — юмористов. Никогда не повышал голоса, но мог одним словом мгновенно усмирить разбушевавшуюся вольницу гениев — авторов, у которых ничего святого не было и языки распускались до беспредела. Когда начинало пахнуть политической статьей, тут-то Виктор

Васильевич и проявлял твердость. Короче, «отбирал у детей спички». Писать о человеке, с которым живешь в одном городе, встречаешься и перезваниваешься, очень трудно. Прости, Витя! Я это делаю с чувством искреннего подхалимажа!

О другом же человеке я могу писать более раскованно. Вот уже 17 лет мы не перезваниваемся и тем более не живем в одном городе (о чем лично я очень жалею).

Илья Петрович Суслов — заместитель Виктора Васильевича. Ничего общего не имел с Михаилом Андреевичем. Как говорится в одном анекдоте, «даже не однофамилец».

Вот кому я обязан, можно сказать, почти всем. Он меня «открыл» (те несколько публикаций, которые у меня были до «Клуба», не считаются), он меня приветил, он меня всячески поощрял и опекал. Когда я приносил что-нибудь новое, практически все шло «с колес», а когда Илья Петрович еще и читал принесенное вслух вечно толпящемуся в комнате народу — высшая степень признания и похвалы, — я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Уверен, что не я один. Читая что-нибудь очень удачное, Илья Петрович похохатывал и говорил: «Упыри! Чудовища!» Это тоже была высокая похвала.

Человек энергичный, влюбленный в дело, он получал, по-моему, физическое удовольствие от удачного материала. Полная противоположность Веселовскому — нервный, взрывной, беспощадный в гневе, непрощающий. Он отбирал практически все материалы, «лепил полосу», делал «Клуб» (вкус у него был прекрасный), но... Но «пробивал» все это у начальства (а пробивать в то время приходилось практически все), как правило, уравновешенный, тонкий знаток «начальственных душ» Веселовский. Они ссорились, спорили, но долгое время были настоящими единомышленниками в деле.

Несколько раз я попадал под горячую руку Илье Петровичу — он назначал мне самые невероятные наказания.

Приведу характерный случай. Как-то раз один известнейший и старейший поэт, отличавшийся абсолютно верноподданническим творчеством, принес в «Клуб» стихи, в которых был так называемый второй смысл,

превращающий их в очень острые и смелые по идее. Сам старик об этом даже не догадывался — так получилось. Но Суслов-то сразу понял, и стихи были опубликованы. И начальство пропустило, видимо загнипнотизированное именем твердокаменного патриота. А надо сказать, что автор за свои молодые заслуги в свое время получил звание «почетного комсомольца» — и до старости с гордостью носил комсомольский значок. Про него даже ходила эпиграмма, которую я не могу не процитировать, слегка изменив одно слово, чтобы не смущать читающих дам.

Вот она:

Волосы дыбом, зубы торчком —
Старый чудак с комсомольским значком.

Так вот, после публикации автора, видимо, обзвонили друзья и наговорили кучу комплиментов типа: «Поздравляем! Как это смело и остро!» «Старый чудак» перепугался не на шутку — до него наконец дошел смысл собственного произведения, — и на следующий день он явился в «Клуб».

Было раннее утро. Самое начало трудового дня. Веселящийся народ еще не подреб. Только Суслов за своим столом читал какие-то рукописи да я в другом углу доделывал какую-то срочную работу. Дверь отворилась, и шаркающей (но не кавалерийской) походкой, как говорится, гремя вестибулярным аппаратом, «старый чудак» направился к Суслову — и вместо «здравствуйте» произнес:

— Илья Петрович, а нам за это ничего не будет?

Вообще-то я человек воспитанный, но тут не удержался и выпалил:

— За такие штучки могут и из комсомола попереть...

Илья Петрович, задыхаясь от смеха, подскочил на стуле и мгновенно прорычал в мою сторону:

— Вон отсюда! И чтобы две недели твоей ноги здесь не было!

Слава богу, старик сделал вид, что не расслышал, и я был прощен. Две недели без «Клуба» — для меня это было страшным наказанием...

По окончании «срока» Суслов топал ногами и орал:

— Упырь! Чудовище! — И уже ко всем: — Заткнете вы наконец свои поганые пасти при посторонних?! Нас же всех посадят!

Обладатели «поганных пастей» затыкались, но ненадолго.

Особенно отличался самый, пожалуй, большой любимец Ильи Петровича коллажист и художник Вагрич Бахчанян. Он фонтанировал, он сыпал самыми парадоксальными остротами. Только ему могло прийти в голову, стоя у кинотеатра, доверительно спрашивать: «У вас нет лишнего партбилетика?»

Он же придумывал совершенно невероятные названия картин: «Явление Христа принадлежит народу» и «Буденный верхом на Коневе».

Реакция его была молниеносной. Входит дама: «Ну и накурено же у вас!» Вагрич: «Накурено так, хоть людей вешай...»

Он, как и Суслов, тоже уехал. Перед отъездом подарил мне коллаж, в основе которого репродукция с картины Маковского. Ну вы знаете — измученная женщина с ребенком грудью встала в дверях трактира и не пускает пьяницу мужа. Только Бах (так мы его звали) за спину несчастной женщины в дверь трактира вклеил кусок залитого огнями Бродвея. Картина называется «Не пушу!».

Входил Боря Брайнин, и у них с Бахчаняном начиналась настоящая многочасовая дуэль — кто кого перекаламбурит.

Целый день комната полна народу. Настоящий клуб. Сюда приносился самый свежий анекдот. Здесь постоянно шутили, острили, иронизировали, издевались. Человек, произнесший неудачную шутку, считал себя временно погибшим навсегда.

Чаще всего в кабинете можно было встретить талантливых художников — Игоря Макарова (сейчас он весь ушел в мультипликацию, в кино, карикатуру бросил, а жаль!), блестящего Виталия Пескова, добродушного, всегда улыбающегося, замечательного Володю Иванова (он рано умер — это был большой удар для «Клуба»). Всегда «при хорошем настроении» Вася Дубов. Потом уже появились Сережа Тюнин и Валя Розанцев — они сейчас нарасхват, сделали прекрасную карьеру.

Иногда приходили «мэтры». Улыбающийся Владлен Ефимович Бахнов, не улыбающийся Аркадий Михайлович Арканов, смеющийся Григорий Израилевич Горин.

Аркадий Хайт, Саша Курляндский, Феликс Камов (уехал), Женя Шатько (умер), Эдик Успенский, «отец» Сазонова Марк Розовский, Павел Хмара, Владимир Волин, Феликс Кривин. Появился тонкий знаток простонародья, автор блестящей «Мозговой косточки» Андрей Кучаев.

Заходили на огонек люди, известные на всю страну. Виктор Ефимович Ардов, Никита Владимирович Богословский, Борис Савельевич Ласкин, Владимир Соломонович Поляков, Виктор Юзефович Драгунский, Зиновий Самойлович Паперный и многие другие.

Однажды пришел Виктор Борисович Шкловский. Он пару часов просидел в шубе с бобровым воротником и рассказывал интереснейшие истории.

Что тянуло в эту комнату? Ну, Боря Брайнин, Ратмир Тумановский и я — мы были литконсультантами, отвечали на письма из самотека, этим в основном добывали себе средства на пропитание. Стоил каждый ответ аж 40 коп., но писем было очень много. Такое впечатление, что половина взрослого населения Советского Союза жаждала напечататься на 16-й странице «Литгазеты».

Подавляющее большинство вышеназванных никакого отношения ни к штату, ни к внештатной работе не имели — просто авторы. Но не приходил день-другой в «Клуб» — как будто чего-то недополучить в этой жизни.

Вот такое было чудесное застойное время. И дружили. И встречались вне редакции.

Теперь пришла очередь говорить о третьем главном действующем лице.

В 1968 году в комнате появился высокий, слегка заикающийся человек со светлыми глазами, в модной итальянской куртке из жеребца (единство формы и содержания), похожий на умного Иванушку-дурачка.

Виталий Борисович Резников сразу всем понравился. Биография его изобиловала совершенно невероятными зигзагами. Тракторист, оперный клакер («сыр»), официант в лучших московских ресторанах — даже обслуживал правительственные приемы у самого Хрущева, что дало повод злым языкам пустить остроумную, но неспра-

ведливую шутку: «Это тот редкий случай, когда человек не только из половых, но и из органов».

Больше всего нас поражало его невероятное жизнелюбие. Он любил все и получал удовольствие от всего. В сферу его интересов входили футбол, Большой театр, шахматы, симфонии Малера, хорошее застолье, политическая ситуация в Кот д'Ивуар, преферанс, философские труды Кьеркегора.

Однажды он написал фельетон из жизни официантов, за что из этой самой жизни был выгнан, но фельетон настолько понравился, что он стал сотрудничать в «Комсомолке». А потом пришел к нам. Просто вошел однажды к Виктору Васильевичу и сказал:

— Я знаю, у вас вакансия, так лучше меня вам никого все равно не найти...

Веселовский настолько опешил от этой простодушной наглости, что тут же его взял к себе.

Работал Резников с упоением. Сразу включился в «Сазониаду», написал очень смешные аннотации к классическим произведениям — от «Горя от ума» до «Ямы» Куприна. Обожал литературное хулиганство. Как редактор больше всего любил менять у авторов названия. Лиону Измайлову так это надоело, что он стал приносить рассказы без названий — бесполезно, все равно Резников переделает. Льву Толстому повезло — будь Виталий его редактором, он переделал бы «Анну Каренину» во «Фру», по имени бедной лошади Вронского.

Его беспредельное обаятельное хамство не знало границ.

Однажды (год 74—75-й, Суслов уже уехал в Соединенные Штаты, и Резников занял его место зама) в «Клуб» пришел автор, впервые в жизни напечатавший одну фразу. С подписью. В самом «Клубе»! По-человечески можно было понять его счастье. Внутренний карман пальто автора оттопыривался совершенно странным образом. Мы своими опытными глазами сразу определили, что это не водка и не советский коньяк, и, естественно, потеряли к посетителю всяческий интерес.

Автор же оказался человеком чрезвычайно застенчивым. Он никак не мог решиться освободить карман.

Другими словами, он терялся в догадках: существует в этой комнате институт взятки или нет? Он так переживал, что мы им даже залюбовались. Ну чистый Гамлет!

Наконец он решился. Открыл рот и, заикаясь, произнес:

— В-в-виталий Бо-бо-рисович! Воо-т вы меня наааа-печатали, я хотел как-то ооооо-тметить...

С этими словами он дрожащей рукой вытащил из кармана пузатую бутылку. Это оказался всего-навсего французский коньяк «Наполеон» (а фраза, которую он напечатал, стоила 5 рублей в базарный день).

Виталий Борисович встал, строго посмотрел на посетителя и сказал:

— Вы, конечно, понимаете, что предлагаете взятку...

Автор «изменившимся лицом» упал в кресло.

— Вы, конечно, понимаете, — продолжал Виталий, — что предлагаете мне взятку, когда я нахожусь при исполнении служебных обязанностей, а это вы знаете, чем пахнет...

Посетитель молча встал, держа коньяк на вытянутых руках, как сомнамбула, направился к выходу. «Неужели унесет «Наполеон»?!» — страшная мысль пронеслась у нас в головах.

А между тем несчастный автор уже дошел до двери.

— Стойте! — вдруг закричал Резников.

Тот остановился как вкопанный.

— ...но ваше счастье, что я взяточник! — закончил Виталий фразу, и у всех присутствовавших вырвался даже не вздох, а стон облегчения.

Виталию я благодарен за то, что он уговорил Суслова и Веселовского представить на обсуждение в жюри мой рассказ «Ода к радости». Они очень ценили меня, но считали, что мне рановато тягаться с маститыми. Было отобрано шесть лучших за год рассказов, Резников все-таки всучил мой седьмым, нейтральное жюри (очень представительное: Богословский, Лиходеев, Искандер, Рыклин — весь цвет) ставило баллы, потом они суммировались. К сожалению, так было только в 1968 году. Таким образом, я неожиданно для всех получил 3-ю премию, попав в компанию Г.Горина и В.Токаревой.

Конечно, вспоминаются мне наши женщины, ведущие секретарскую работу: обаятельная Лера Тахтарова и сменившая ее «палочка-выручалочка» Светлана Тумановская.

Я вспомнил первые годы «Клуба», его атмосферу. В 1973 году уехал Суслов. Ушел на «вольные хлеба» Виктор Васильевич Веселовский. Ушел в другое издание Виталий Резников. Ушла в другой отдел Света Тумановская. Не так давно не стало ее мужа, Ратмира Тумановского, отдавшего большой кусок жизни «Клубу». Да, многих уже нет... Совсем недавно покинул нас милый, интеллигентный Лёня Наумов.

Пришли другие люди, хорошие и разные, сменились поколения — они сами напишут о последующих событиях.

Иногда меня охватывает «тоска по ностальгии» (фраза гражданина США Вагрича Бахчаняна). Да, «иных уж нет, а тех долечат» (фраза гражданина Советского Союза Бориса Брайнина).

Всех-то я помню авторство, вот только кто придумал картину «Буденный на коне у постели больного Грького» — забыл... Хоть убей...

1 января 1991 г.

Виктор Веселовский

Вокруг смеха

(Отрывки из трактата)

Клуб занимает 16-ю, последнюю

страницу «Литературной газеты», однако, как говорят агентурные сведения, многие начинают читать «Литературку» с последней страницы. Кроме того, географическое положение «Клуба» привело к тому, что отступать нам некуда.

На 12 стульях «Клуба» сидят как молодые, так и маститые юмористы. Кое-кто разместился даже на двух стульях, а некоторые парами сидят на одном. Впрочем, единственный входной пропуск в «Клуб» — это чувство юмора.

Все эти годы нас очень волновала проблема дальнейшего увеличения чувства юмора на душу населения. И в этом плане мы добились определенных успехов: если раньше наших шуток не понимали отдельные товарищи, то сегодня уже отдельные товарищи наши отдельные шутки понимают. Судите сами.

Когда создавался «Клуб 12 стульев», мы поместили такое сообщение:

«Вам, хозяйки!

Возьмите сырое куриное яйцо, заройте его на 10—15 минут в мокрый песок, затем выньте, положите его на стол и постарайтесь сильным ударом руки разбить его. Сообщите в редакцию, что у вас получилось».

После этой публикации «Клуб» был буквально завален письмами возмущенных читателей, которые требовали возместить ущерб.

В другой раз поместили в нашей пародийной стенгазете «Рога и копыта» сообщение о том, что в одном австралийском селении живут братья-близнецы, одному из которых 24 года, а другому — 36. Пришла масса писем, в которых читатели недоумевали: как это так, разве такое

бывает? Мы публично, через газету покаяться — мол, по вине редакции допущена досадная опечатка: первому близнецу не 24, а 42 года.

Или еще пример: на полном серьезе в тех же «Рогах и копытах» мы написали, что житель города Клинска Карпов поймал говорящую рыбу. Лежа на берегу, рыба свободно говорила по-английски, по-японски и по-гречески. Но, к сожалению, пока Карпов бегал за переводчиком, рыба куда-то исчезла. И после этого случая многие жители Клинска начали серьезно заниматься изучением иностранных языков. Вот такая совершенно правдивая сенсационная заметка. Какова же была наша радость, когда через несколько дней мы получили от группы ихтиологов письмо, в котором с позиции формальной логики опровергалось существо заметки: мол, как известно, рыбы не говорят, и потом как же товарищ Карпов выяснил, что рыба говорила на трех языках, если он не знал ни одного и побежал за переводчиком.

Старая истина гласит: «Сколько голов, столько умов». Опыт нашей работы в «Клубе 12 стульев» говорит о том, что голов значительно больше.

Помещаем мы заметку «Конный спорт»: «Упорная борьба разгорелась между участниками главного заезда. Первым к финишу пришел жеребец Потоп. Второе место занял его наездник Быков». После этой публикации приходят письма: как это так? Ведь наездник и жеребец скакали вместе!

Как говорил один хороший писатель: не понимает человек шутки — пиши пропало. Это уже не тот ум, будь он хоть семи пядей во лбу.

«В последнем номере вашей газеты на последней странице в левом нижнем углу опубликованы претендующие на остроумие издательские аннотации. Посмеяться над нашими аннотациями можно — они бывают именно такого стиля во многих случаях. Но беда в том, что автор заметки — этого развязного фельетончика — не читал, очевидно, Пушкина, сатирическую аннотацию «Пиковой дамы» которого он приводит. Он знаком с чудесной повестью, очевидно, по либретто Модеста Чайковского. В аннотации фигурирует князь Елецкий — жених Лизы, которому Герман проигрывает крупную сумму.

Жениха Лизы, князя Елецкого, у Пушкина нет — это персонаж либретто Модеста Чайковского. И Лиза у Пушкина не Лиза, а Лизаветта Ивановна, или Лизетт. И Герман у Пушкина через два «нн», а не через одно, и если щелкоперу простительно исказить по неведению персонажи Пушкина, то «Литературной газете» этого делать не следовало бы.

Постскриптум. Прошу ответить. Как любитель Пушкина, надеюсь, имею права. А лучше бы и на страницах газеты. Впрочем, газета свои ошибки замечать не любит».

И подпись: профессор, доктор биологических наук, член-корреспондент Академии наук, заведующий лабораторией морфологии и экологии почвенных беспозвоночных Института эволюционной морфологии.

Мы полностью напечатали это письмо и сообщили, что по вине редакции допущена ошибка, а на провинившегося наложено взыскание — строгая эпиталама.

И вот вслед за этим получаем такое письмо:

«Уважаемые товарищи! Не хотел я вас огорчать, а придется. Вы сообщили, что на виновника халтуры писателя Евгения Сазонова наложена строгая эпиталама. Так как письмо напечатано на последней странице, посвященной в основном сатире и юмору, то я сначала подумал, что здесь тоже заложена какая-то шутка, состоящая в нарочитом смещении слов, близких по написанию, но не имеющих ничего общего по смыслу: эпиталама — это торжественное стихотворение или песенное поздравление новобрачным у древних греков и римлян, а епитимья — духовная кара, наказание, накладываемое церковью на кающегося грешника. Смущало только, что шутка требовала объяснения. Ведь многие читатели за ненадобностью могут и не знать этих слов. Однако никаких объяснений не оказалось. По-видимому, в редакции кто-то просто перепутал епитимию с эпиталамой. Конечно, сотрудникам «Литературной газеты» не пристало совершать такие ошибки, да что поделывать? Случиться может всякое. Но не слишком ли много ошибок из номера в номер? Нужно как-то организовать заслон, страховку от ошибок. Пусть бы это письмо и мужественный ответ редакции стали эпитафией (чуть было не написал «эпиталамой») участвующимся

огрехам. Хорошо бы с ними покончить, перевоспитать всех путаников и освободиться от услуг невежд и халтурщиков». Подпись: Икс, профессор, доктор технических наук, заведующий кафедрой физики.

Мы письмо печатаем. Пишем, что да, действительно, по вине редакции допущена досадная ошибка. Конечно, следовало писать не «эпиталама», а «епитимья». На виновного наложена строгая эпиталама.

Чувство юмора — деликатное чувство. Одним это смешно, другим — нет, третьих раздражает, четвертые реагируют официально и на полном серьезе.

Сообщаем мы как-то о том, что в знаменитых Сандуновских банях в Москве испробован новый веник из стекловолокна. Несмотря на дороговизну первого опытного образца (десять рублей), веник обладает целым рядом достоинств: многократностью употребления, повышенной хлесткостью и, кроме того, позволяет сэкономить порубки берез, осин и дубов на территории, равной Англии, Франции и Бурундии, вместе взятых.

И вдруг из далекого сибирского города на официальном бланке областного отдела коммунального хозяйства мы получили запрос: «Облкомхоз просит сообщить адрес предприятия, изготавливающего веники из стекловолокна. Статья об этом — «Новинка малой химии» была напечатана в вашей газете. С уважением, начальник управления такой-то».

Мы послали этому товарищу письмо, пригласили его в редакцию, хотели, образно говоря, продемонстрировать этот веник из стекловолокна, но уважаемый товарищ почему-то уклонился от встречи.

Чувство юмора — как деньги: либо они есть, либо их просто нет.

Но вообще-то должен сказать, что наши читатели — веселые люди, с хорошим чувством юмора. Значительная часть публикаций «Клуба» — заслуга незнакомых администрации людей. Но кое-где в отдельных нетипичных случаях отдельные нетипичные товарищи не понимают или плохо понимают шутки, а потому выглядят смешно. Особенно это обидно, когда твои коллеги, журналисты, которым по долгу службы полагалось бы иметь чувство юмора, не имеют его, а потому выглядят вдвойне смешно.

Пожалуйста, пример: одна ведомственная газета, занимающаяся охраной лесов, под рубрикой «ЛГ» сообщает на полном серьезе перепечатала из нашего пародийного раздела «Рога и копыта» такую заметку:

«Образцовые работники»

В подмосковном лесу браконьер выстрелил в лося. Когда он подбежал к добыче, из-под шкуры животного выскочили два егеря и задержали опешившего нарушителя. Так находчиво и изобретательно несут службу работники охотничьего хозяйства Морковкин и Севастьянов. Работать в паре под одной шкурой они начали еще в художественной самодеятельности».

Должен сказать, что если у человека нет чувства юмора, то должно быть по крайней мере чувство, что у него нет чувства юмора. К сожалению, это тоже не всегда бывает.

Помещаем мы как-то сообщение о том, что в парилке бани города Климовска установлены телефонные аппараты, и теперь каждый желающий может позвонить из бани на работу и сообщить, что он задерживается в министерстве.

Какова же была наша радость, когда из города Климовска мы получили следующий официальный ответ: «Банный трест города Климовска сообщает, что в ответ на критику «Литературной газеты» приняты следующие меры: банщик Петухов уволен с работы, директор бани Антонов переведен на другую руководящую работу, а сама баня закрыта и переоборудована в подземный переход».

Таким образом, как видите, сатира свое дело делает. И если дальше так пойдет, то мы не только себя обеспечим достаточным количеством юмора на душу нашего населения, но и сможем экспортировать, его в другие, менее развитые страны.

Волшебная сила искусства 1967—1972

Василий Аксенов

Поэма экстаза

Е двенадцати лет я начал очень

бурно развиваться физически. Мое физическое развитие стало пугать родителей. Они повели меня к врачу, и врач, голубоглазая тетенька, даже вздрогнула, когда я стащил через голову свитер.

— Феноменальный мальчик, — сказала она очень красивым голосом.

Мне почему-то не хотелось уходить из медицинского кабинета, но папа взял меня за руку и увел.

Папа был уже ниже меня на полголовы. С каждым годом он становился все меньше и меньше, но я все-таки уважал его и любил, пальцем никогда не тронул, хотя очень сильно обогнал его в своем физическом развитии. Кстати, именно такое отношение к родителям я рекомендую всем начинающим спортсменам.

Мое умственное развитие значительно отставало от физического. Вообще-то я был абсолютно на уровне своих одноклассников, в отличники, конечно, не лез — зачем? — но что касается теоремы Пифагора, бинорма Ньютона или там «Кому на Руси жить хорошо», то все эти премудрости у меня от зубов отскакивали. Однако физическое мое развитие ушло далеко вперед по сравнению с умственным. Иногда меня даже смех разбирал при взгляде на моих сверстников, но я, конечно, сдерживал смех, по мере возможности старался не выделяться. Дупо кичиться своим физическим развитием. Не рекомендую этого начинающим спортсменам.

Когда мне исполнилось четырнадцать лет, стал я что-то такое баловаться. Поломал все динамометры в кабинете

физического воспитания, в спирометр дунул разок — он распаялся, о силовых аттракционах в парке культуры нечего и говорить. А однажды в школьном коридоре, не отдавая себе отчета, поднял завуча Валериана Сергеевича, посадил его к себе на плечи и так, с завучем на плечах, вошел в класс. Итог: исключили на десять дней из школы.

Ну, от класса я, конечно, не отстал. Ежедневно пять часов занимался по программе, неясные вопросы консультировал с Мишей Гурфинкелем по телефону. Учебу запускать нельзя, а то окажется, что ты топчешься на месте, а все уже ушли вперед.

Странный инцидент с завучем многому меня научил. Я стал задумываться о своей дальнейшей жизни. Было о чем подумать: невероятное развитие мускулатуры и внутренних органов сделало меня совсем другим человеком. Подумайте сами: ведь очень многие мальчики хотят посадить себе завуча на плечи, но далеко не все могут это сделать, а я вот захотел — и сделал. При наличии такого физического развития мысли, свойственные очень многим мальчикам, а может быть, и всем, могли меня и окружающих привести к нежелательным последствиям.

Взвесив все «за» и «против», я решил обратиться к спорту. Поделился своими планами с родителями. Папа сказал:

— Это правильное решение. Направив избыток своей энергии в спорт, ты, Геннадий, избежишь конфликта с обществом.

Итак, решение было принято. Оставалось только выбрать вид спорта. Смешно, конечно, было мне заниматься легкой атлетикой, когда я уже в шестом классе на уроках физкультуры брал высоту 216, сотку пробегал за 10,3, ядро толкал на 19 метров, и все это без всякого труда, а если честно говорить, то и без удовольствия. Может быть, плавание? Плавать я не умел и учиться не собирался. Зачем?

Предаваясь раздумьям о выборе жизненного пути, я гулял по улицам, поглядывал на прохожих, выбирал мужчину поздоровее, знакомился, сжимал ему руку, глядел ему в застывшие от боли глаза, подталкивал плечом, потом, пристыженный, убегал. Не знаю уж, чем бы все это кончилось, если бы не попал я в секцию бокса.

Помню своего первого спарринг-партнера, массивного мастера спорта лет сорока.

— Не бойся, сынок, я легонько, — шепнул он мне перед началом встречи. Примерно минуту он молотил как

хотел, но мне его крюки и апперкоты были как слону дробина. На второй минуте я разглядел все премудрости этого вида спорта, сделал финт, да как дам прямым — старик упал. Так я получил путевку в жизнь.

Мне очень нравился бокс. Очень нравилось за секунду до гонга стоять в своем углу, скромно опутив длинные пушистые ресницы, с румянцем на нежных щеках, а при гонге вскинуть длинные пушистые ресницы, открыть большие голубые глаза, улыбнуться сверкающей улыбкой, заглянуть в сузившиеся от страха глаза партнера, обрушить на него шквал ударов. Обычно до второго раунда не доходило.

Пришла слава. Ежедневно получаю от пятидесяти до шестидесяти писем от молодежи. Аккуратно отвечаю на все письма. Вопрос: «Как стать таким сильным, как вы?» Ответ: «Только упорным трудом». Вопрос: «Как вы смогли добиться таких успехов в спорте?» Ответ: «Только упорным трудом». Вопрос девушки: «Почему вы такой красивый?» Ответ девушке: «Только упорным трудом».

Следует сказать, что я успешно сочетал спорт с учебой, от класса не отставал. Каждую свободную минуту использовал для занятий по программе.

Однажды перед боем сижу в раздевалке, уже в трусах, в перчатках, учу наизусть цитаты из «Луча света в темном царстве» — к сочинению. Заходит журналист Илья Слонов с фоторепортером. Фотарь покрутился вокруг меня, пощелкал.

— Испарись, Эдюля, — сказал ему Слонов, подсел ко мне и говорит: — Нравится мне ваш бокс, Мабукин.

Я даже покраснел. Я всегда был скромным и сейчас являюсь скромным. В этом смысле я тоже пример для начинающих спортсменов.

— Нравится, но не до конца, — говорит Слонов.

Вот тут я заволновался.

— Все у вас есть, — продолжает Слонов, — сила, реакция, техника на высоте. Нет только творческого духа.

— Как так нет? — спрашиваю.

— Возьмите, к примеру, Кассиуса Клея, — говорит Илья Слонов.

При имени Кассиуса у меня даже селезенка задрожала. Ох, как хочется мне познакомиться с этим товарищем, поработать с ним за милую душу

— ...Абсолютный чемпион мира и в то же время тонкий лирический поэт, — продолжает Слонов, — Уверяю вас, что он задавил Сонни Листона прежде всего своим интеллектом.

— Современный боксер — прежде всего творческая личность, — продолжает Слонов. — Бокс — это поэма. Поэма экстаза. Бокс — это симфония или, если хотите, симфоджаз. Бокс — это холст сюрреалиста. Бокс — это вдохновение, порыв, пластическая fuga, ассонанс или диссонанс.

Сказав это, он посмотрел в потолок, и в темных бархатных его глазах проплыли маленькие огоньки.

— Вы вообще-то книжки читаете, Мабукин? — спросил он.

— Да вообще-то читаю. Вот... «Луч света в темном царстве», — показал я.

— Ну а кроме хрестоматии? «Процесс» Кафки читали? С поэзией Велимира Хлебникова знакомы?

Так началась наша дружба, которая продолжается и по сей день.

Вскоре на обложке «Огонька» появился мой портрет — в перчатках и с хрестоматией. «Мастер спорта Геннадий Мабукин — страстный книголюб».

В это время наша команда готовилась к крупнейшим соревнованиям на кубок Сиракузерса в Южной Америке. Слонов ежедневно приезжал к нам на загородную базу, привозил книги, пластинки, альбомы репродукций. В короткий срок под его руководством я одолел «Процесс» Кафки, «Мастера и Маргариту» Булгакова, «Траву забвения» Катаева, прочел «Кентавра», «Детей капитана Гранта» (вот это книга!), разобрался во французском антиромане, Сартра, конечно, проштудировал (без этого сейчас нельзя), выучил наизусть несколько стихов Аполлинера, Велимира Хлебникова — «усадьба ночью чин-гисханы!.. а небо синее, роопсы!..», прослушал с преогромным удовольствием Баха, Малера, Прокофьева, «Модерн джаз-квартет», ознакомился с творчеством Василия Кандинского, Сальвадора Дали, Джакометти и многих других. Особенно мне понравились натюрморты Моранди. Как сказал Эренбург, «при всей их философской глубине в них нет рассудочности, сухости — они вызывают к миру эмоций». Постепенно для меня стало проявляться истинное лицо современного бокса.

Гуляя по подмосковным лесам, рощам, перелескам, опушкам, взгорьям и низинам, я сочинял стихи. Помню первое свое стихотворение:

Мое лицо
                    глядит из тьмы болот
Устало, одиноко,
                    непреклонно.
Глаза и лоб,
                    любви моей оплот...
Я не Нарцисс,
                    но все-таки влюбленный.

Наш главный тренер как-то сказал Слонову:

— Что ты парню голову мутишь? Ему, может быть, в финале с Хорхе Луисом Барракудой работать, а у того правая знаешь какая!

Слонов тут же отпарировал:

— Как вы не понимаете? Гена практически непобедим. Кубок Сиракузерса у него в чемодане, как и все остальные кубки в мире, но я хочу из него вылепить боксера нового типа, творца, художника!

— Может, ты шпион, Слонов? — хмуро спросил тренер.

И вот мы приехали в Южную Америку, в очень большой город, то ли Буэнос-Айрес, то ли Рио-де-Жанейро, сейчас уже не помню. Начались соревнования на кубок Сиракузерса. Что там было! Мои тренировки фотографировали от пятидесяти до шестидесяти репортеров, телевидение показывало меня с утра до ночи по всем двенадцати каналам. Ежедневно пятьдесят—шестьдесят писем от южноамериканской молодежи. «Как стать таким сильным, как вы?» — «Только упорным трудом». «Как стать таким красивым, как вы?» — «Только упорным трудом». «Правда ли, что вы поэт?» — «Правда».

В одной шестнадцатой я должен был работать с венгром. Тренер венгра снял. «Это олимпийская надежда нашей страны, и мы не можем им рисковать», — заявил тренер газетам. В одной восьмой англичанин тоже отказался от боя. «Я отец пяти детей, на фига мне уродоваться», — заявил он газетам. В четвертьфинале итальянец тоже не вышел на ринг: «Жизнь дороже». В полуфинале спасовал и японец: «Бронза есть, и ладно».

Свободного времени у меня было много, и мы с Ильей проводили его на художественных выставках, симфони-

ческих концертах, в подвальчиках местной богемы. Таким образом мы продолжали формировать мою личность боксера нового типа. Между тем главный мой соперник Хорхе Луис Барракуда в жестоких боях пробивался к финалу.

И вот финал настал. Перед боем ко мне зашел сам Адольфус Селестина Сиракузерс, миллионер-скотопромышленник, массивный дяденька с бычьей шеей, седым бобриком волос на шишковатой голове, в пунцовом жилете, на пальце — бриллиант, в ухе — рубин.

С удовольствием глядя на меня, он сказал представителям печати:

— Узнаю. Узнаю свою молодость.

И вот я вышел на ринг и впервые увидел Барракуду. Очень большой, очень черный, очень пожилой — лет тридцати — человек стоял в противоположном углу. Он сильно волновался, кажется, у него даже дрожали колени. А я скромно стоял в своем углу, опустив длинные пушистые ресницы, и сквозь длинные пушистые ресницы смотрел на него, ласково улыбаясь.

— Руки длинные. Навязывай ближний бой. Берегись правой, — прошептал мне тренер.

Чудак мой тренер. Он даже не знал, что я решил провести этот бой как симфоническую поэму, как пластическую фугу в сюрреалистическом ключе на ассонансах и диссонансах. Ближний бой, дальний бой — что за ерунда! Бокс — это поэма экстаза!

Я разыграл все как по нотам. Барракуда с его отчаянием и упорством был в моих руках отличным инструментом, словно скрипка Страдивариуса. Этот бой впервые принес мне истинное высокое эстетическое наслаждение, потому что теперь я был уже боксером нового типа, боксером-интеллектуалом.

В третьем раунде Барракуда неожиданным апперкотом бросил меня на канаты. В пустоте и тишине звенящая божественная боль пронизала меня. Задыхаясь от восхищения, я смотрел на приближающееся лицо Барракуды с трясущейся челюстью и алмазно сверкающими глазами. Наступал момент истины. Последний штрих, последняя трепетная нота. Голова Барракуды, словно кегельный шар, стукнулась о помост.

Ответив на пятьдесят—шестьдесят вопросов, я попросил журналистов оставить меня одного. Попросил и

своего друга Илью очистить помещение. Когда все ушли, включил магнитофон с записью концерта Рахманинова, открыл альбом Моранди и томик стихов Иннокентия Анненского.

Глубокой ночью, когда воцарилось безмолвие, я вышел из Дворца спорта. На ступеньках сидел Хорхе Луис Барракуда. Он плакал.

— Отчего вы плачете, Барракуда? Неужели из-за поражения? — спросил я.

— А из-за чего же еще? — ответил он.

— Вы вообще-то книжки читаете, Барракуда?

— Да читаю, читаю.

— Значит, недостаточно читаете. Больше нужно читать, слушать музыку, смотреть картины.

— Да знаю, знаю, все про вас знаю. Подражаю, а что толку?

— Моранди вам нравится, Барракуда?

— Да нравится, нравится.

— А «Модерн джаз-квартет»?

— Ну.

— Тогда у вас все впереди, Барракуда. Не плачьте. Пока.

— Уходи, пока цел, — буркнул он.

Я не стал с ним спорить.

Что могу сказать о своем питании? Утром я выпиваю стакан сока, съедаю два яйца. За обедом — кусочек сельди, полтарелки бульона, куру. Полдник: стакан молока и кекс. За ужином отвожу душу: икра, семга, балык, грибы в сметане. Филе на вертеле, шашлычков пару порций, крем-брюле, клубника в сметане, торт, мороженое и так далее. Рекомендую этот рацион всем начинающим спортсменам.

Кем я был раньше? Паровым молотом.

Кто я теперь? Художник удара.

Аркадий Арканов

Очень крепкое здоровье императора Бляма

Сказка-быль

У императора Бляма было очень

крепкое здоровье. Выходившая ежедневно императорская газета каждый раз сообщала об этом огромными буквами: «У императора Бляма и сегодня очень крепкое здоровье!»

И жители империи, встречаясь друг с другом в очередях за рисом, обменивались вместо приветствий бодрыми восклицаниями:

— Вы слышали радостную новость? У императора Бляма и сегодня очень крепкое здоровье!

— Да-да-да! Я читал уже эту радостную новость в газете! У императора Бляма и сегодня очень крепкое здоровье!

— И вчера у императора Бляма было очень крепкое здоровье!

— Да-да-да! И вчера у императора Бляма было очень крепкое здоровье!

— Мой сын, как узнал, что у императора Бляма и сегодня очень крепкое здоровье, так на радостях прямо взял и не пошел в школу!

— Да-да-да! Если бы у меня был сын, то и он, узнав, что у императора Бляма и сегодня очень крепкое здоровье, тоже бы на радостях прямо взял бы и не пошел в школу!..

И, получив причитающуюся порцию риса, жители империи расходились, вздыхая:

— Конечно, риса могло быть и больше, но разве это что-нибудь значит по сравнению с тем, что у императора Бляма и сегодня очень крепкое здоровье!..

...А между тем очень крепкое здоровье императора Бляма оставляло желать лучшего. Даже был создан ог-

ромный научный Институт Крепкого Здоровья Императора Бляма. Институт имел, разумеется, несметное количество отделов. Отдел Мозга Императора Бляма, Отдел Правой Руки Императора Бляма, Отделлевой Ноги Императора Бляма, Отдел Растительности Императора Бляма, Отдел Печени, Отдел Стула... Был даже один отдел, назвать который своим именем было не совсем прилично. Поэтому он назывался под псевдонимом — Личный Отдел Императора Бляма...

И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы сотрудник Отделалевой Ноги не раздобыл где-то левым путем препарат, увеличивающий рост и силу мышечных волокон.

Это привело к тому, что Левая Нога Императора Бляма в короткий срок достигла невероятных размеров и стала оказывать физическое и политическое давление на жизнь империи вообще. Все стало зависеть от прихотилевой Ноги Императора Бляма, с которой он в силу ее размеров вставал каждое утро.

Сотрудники Отделалевой Ноги стали получать по дополнительной унции риса, что привело к недовольству в других отделах.

Начались распри, мордобои и кровопролития. Сотрудникам того самого Личного Отдела удалось похитить пресловутый препарат силы и роста. В результате этого Личный Отдел Императора Бляма (вы только представьте себе!) принял такие параметры, что даже Крепкое Здоровье Императора Бляма оказалось под угрозой.

Тем не менее жители империи, стоя в очередях за рисом, по-прежнему обсуждали радостные газетные сообщения:

— Эй, уважаемый! Вы что же это изволите переться без очереди? Небось не читали, что у императора Бляма и сегодня очень крепкое здоровье?!

— Что-о?! Да как вы смеете говорить мне такое?! Да я читал, что не только сегодня у императора Бляма очень крепкое здоровье, но и завтра у императора Бляма очень крепкое здоровье!..

— А я читал, что и послезавтра у императора Бляма очень крепкое здоровье!

— А я читал, что и слепопослепослезавтра!!

— А я — что и слепопослепослепослезавтра!!!

— А я — что и слепопослепослепослепослезавтра!!!

Так они продлевали очень крепкое здоровье императора Бляма до десяти тысяч лет, и к этому моменту как раз подходила очередь за рисом...

И получив по крохотной порции риса, жители империи расходились, вздыхая:

— Если бы не очень крепкое здоровье императора Бляма, то вообще можно было бы протянуть ноги...

А крепкое здоровье императора Бляма постепенно расшатывалось.

Возмущенные своим бесправным положением, сотрудники Отдела Печени перекрыли баррикадами все желчные протоки и стали угрожать немедленным и острым циррозом.

Отдел Почек был обвинен в неблагонадежности и замурован камнями и песком. Начались бесконечные острые приступы.

Артериальный Отдел, пользуясь широко разветвленной агентурной капиллярной сетью, стал оказывать на Отдел Мозга весьма повышенное давление. Назревал явный кризис.

Реакционно настроенные эскулапы настаивали на старинном, испытанном дедовском средстве — на обширном кровопускании...

Но уже ничто не могло спасти очень крепкое здоровье императора Бляма, в организме которого были нарушены разумные природные принципы динамического равновесия...

Потомки жителей империи спустя много много лет недоуменно спрашивали друг друга:

— Как?! Неужели было когда-то такое время, когда у ИМПЕРАТОРА БЛЯМА БЫЛО ОЧЕНЬ КРЕПКОЕ ЗДОРОВЬЕ?

Им просто не верилось.

Владлен Бахнов

А было это так
Ненаучная фантастика

В некоторых научных кругах

существует такое робкое предположение, или, проще говоря, смелая гипотеза, что в очень отдаленные времена на нашу матушку Землю посещали представители инопланетных цивилизаций. И даже, мол, во время этих посещений звездные пришельцы научили наших далеких пещерных предков каким-то самым необходимым вещам.

Лично я глубоко убежден, что таковые события место имели. А может быть, и нет... И разворачивалась вся эта история следующим образом. Хотя, конечно, вряд ли.

***

Старый неандерталец Э-эх открыл глаза, громко зевнул и, почесывая волосатую грудь, вылез из пещеры поглядеть, не окончился ли этот проклятый ледниковый период. Однако льды еще не таяли, и Э-эх, озябнув, поспешил обратно в пещеру.

Костер едва тлел. «Светит, да не греет...» — озабоченно подумал старик и подбросил в костер хворосту. По стенам заматались тени, пещера наполнилась дымом, и стало теплей. Пещерные жители, не просыпаясь, довольно заурчали.

«Какое счастье, — подумал старик, — какое счастье, что Сыны Неба научили нас добывать и хранить огонь. Без них мы бы совсем вымерзли».

Э-эх был стар, и он забыл, как еще за четыре луны до первого появления небожителей молодой шалопай У-ух объявил, что он знает, как делать огонь.

— Смотрите, смотрите, как это просто! — И на глазах у изумленных зрителей У-ух развел огонь.

— Ты с ума сошел! — закричал разгневанный Э-эх. — Ты сожжешь всю пещеру! Сейчас же погаси костер! Огонь делают молнии, а не какие-то молокососы!

Костер забросали камнями. А спустя четыре луны с небес в громе и пламени опустилась странная скала. За-

тем, когда погасли молнии и стих гром, в скале открылась пещера и из нее вышли невиданные существа с прозрачными головами. Они походили вокруг своей скалы, сняли прозрачные головы, и под ними оказались другие головы — обыкновенные, непрозрачные.

Неандертальцы с облегчением вздохнули: они не любили ничего необычного и непонятного.

Посланцы звезд были очень приветливы и миролюбивы. Они научили пещерных жителей добывать и хранить огонь. С тех пор в пещере стало уютней, там никогда не гас костер, и старый Э-эх не забывал помянуть за это мудрых небожителей добрым словом.

Первым догадался сунуть в огонь кусок сырого мяса все тот же У-ух. Он нанизал мясо на палку, подержал его в огне и, обжигаясь, поднес ко рту. Жареное мясо ему пришлось по вкусу. Но Э-эх страшно рассердился.

— Где ты видел, чтобы мясо обжигали огнем?! — закричал он. — Ты хочешь, чтобы огонь рассердился и погас?! —

— Отчего же он рассердится? — возразил У-ух. — Я ведь его угощаю мясом.

Но Э-эх не любил долгих споров. Он поднял с земли толстую палку, трахнул ею по голове собеседника и бросил обломки палки в костер:

— Есть еще вопросы? А если нет, отправляйтесь на охоту. Пойдешь ты, ты и ты.

— Опять на охоту! — робко заныл молодой неандерталец О-ох. — Как на охоту, так я! Три дня туда да три дня обратно — и все пёхом!

— А ты бы хотел, чтобы жирные кабанчики водились прямо у нас в пещере? — и Э-эх, довольный своей остроумной, захихикал.

— А что тут смешного? — сказал неутомонный У-ух. — Я давно предлагал своих кабанчиков завести, домашних. Они б у нас жили, мы б их кормили и с мясом были!

— Да ты понимаешь, что ты говоришь?! — завопил Э-эх. — Да ты знаешь, как называется то, что ты предлагаешь?

— Как?

— Животноводство — вот как! Ты своими фантазиями всему племени голову морочишь! Неужели ты думаешь, что Сыны Неба глупее тебя?

— Нет, нет, что ты! — испугался У-ух.

— Тогда почему же всезнающие и всеильные небожители не предлагают нам разводить животных, а ты предлагаешь?

У-ух виновато молчал...

А три луны спустя снова пришли Сыны Неба.

— У нас тут появилась идея, — сказали они. — Почему бы твоему племени не обзавестись домашним скотом? А? Дело надежное, проверенное...

И старый Э-эх чистосердечно поблагодарил небожителей за безграничную доброту и мудрость.

— Что бы мы делали без вас, Сыны Неба?! — воскликнул он. — Не забывайте нас и не оставляйте без своих мудрых советов.

И стали разводить первобытные люди скот. И были сыты и счастливы.

И только один У-ух не знал покоя. Потому что втемяшилась в его беспутную головушку еще одна новая мысль.

— Если в землю посадить зерно, из земли вырастет колос, на котором будет много зерен. Так?

— Допустим... — уклончиво проговорил Э-эх.

— А если потом посадить очень много зерен, что тогда будет?

— А кто его знает, что будет... — осторожно ответил Э-эх.

— А я знаю. Тогда вырастет очень-очень много колосков, на которых будет очень-очень много зерен. И у нашего племени всегда будет хлеб!

— Вяжите его, люди! Подвешивайте его вниз головой! — визгливо закричал Э-эх. — Он оскорбляет Сынов Неба! Он считает, что небожители глупее его!

— Нет, нет, нет! — испугался У-ух.

— Так почему же Сыны Неба не предлагают сеять хлеб, а ты осмеливаешься предлагать?!

У-ух испуганно молчал...

А со временем небожители объяснили Э-эху, как сеять и убирать хлеб. И вождь первобытного племени был поражен мудростью и всеведением Звездных Пришельцев.

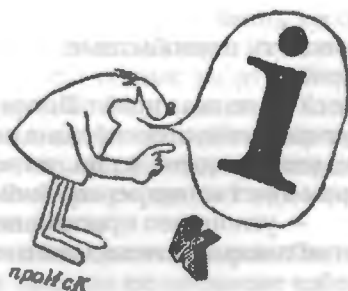
А У-ух не обижался. Он думал, как превратить каменный век в бронзовый. Более того — он уже знал, как это сделать. Но боялся об этом даже заикнуться...

***

Так что и без небожителей были у нас кой-какие находки и открытия.

Но Сыны Неба, как видите, помогали, и помогали здорово. Потому что без их помощи справиться с таким неандертальцем, как Э-эх, не мог бы ни один человек.

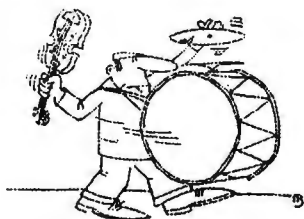
А тем более доисторический.

Вагрич Бахчанян

Человек

Человек был молодой, здоровый,

сильный, крепкий, жизнерадостный, бодрый, энергичный, деятельный, увлекающийся, трудолюбивый, дельный, образованный, умный, остроумный, смысленный, благородный, прекрасный, хороший, добрый, честный, искренний, открытый, скромный, одухотворенный, солидный, музыкальный, экономный, бескорыстный, самоотверженный, неустоимый, общительный, гостеприимный, галантный, щедрый, свободомыслящий, благовоспитанный, порядочный, наивный, неряшливый, незначительный, ограниченный, глуповатый, неотесанный, мелочный, лстивый, ничтожный, уродливый, злой, подлый, трусливый, жестокий, коварный, хитрый, мстительный, старый...

Чужая собака

На работе объявили выговор. Соседи

объявили бойкот. Жена сбежала с другом детства.

Я, конечно, могу сходить к тетке, погулять с ее собакой... У нее, у собаки, сегодня день рождения. Тетка приготовит торт.

Это молодой жирный боксер, я ничего не имею против него. Сильный зверюга. Он идет, виляя обрубок хвоста, натягивая поводок. Все время приходится тормозить, словно бежишь под горку. Морда у него, с точки зрения обывателя, малосимпатичная. По-моему, это красивое животное.

А я надеваю темные очки от солнца и веду его, желтенького, песочного, по Невскому.

А про него говорят:

— У-у-у! Голдуотер... чертяка! Мизантроп этакий...

А про меня говорят:

— А хозяин-то... Еще очки надел!

А одна говорит:

— Бедный... Такой молодой — и уже слепой!

А мальчик кричит:

— Хочу собачку! Хочу-у-у!

А один говорит:

— Почему собака без намордника?!

А я думаю: «На тебя бы намордник...»

А я иду по улице в темных очках, с боксером... И у меня к нему симпатия. Да он бы и внимания не обратил на этого типа! Он вообще ни на кого не обращает внимания. Наверно, у него свой, собачий мир, и он меня туда не пускает. Я его уважаю за это. Мы бы с ним нашли общий язык. Но мой мир его не интересует. Умный, зверюга! Лоб мыслителя. А глаза? Чтобы у всех людей такие глаза!

Люди зыркают на него — на меня, на меня — на него. А он ни глазом, ни ухом — все тянет и тянет меня вперед. Сосредоточенность и целеустремленность во всем. Он явно идет куда-то. Наверно, ему стыдно показать, что он идет просто так...

И я тоже вот — гуляю с собакой...

У нее сегодня день рождения... Тетка приготовит торт...

А еще я могу не пойти к тетке...

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

Если бы тогда был телефон

1

— **А**лло, оружейная лавка? Нет ли у вас хороших, крепких луков? Понимаете, завтра выходной — хочу с мальчишкой за город поехать, потренироваться... Есть? Пожалуйста, пришлите завтра с утра парочку. Если меня дома не будет — оставьте сыну, он в курсе. Так и скажите: по заказу господина Телля.

2

— Бюро добрых услуг? Пошлите, пожалуйста, мастера. Понимаете, фонарь не работает и днище у бочки прохудилось, заклепать надо. Адрес? На городской площади, там и стоит. А я прямо в ней и буду ждать. Пусть спросят Диогена, тут все знают.

3

— Слушаю, госпиталь. Какая миссис Ньютон? Не торопитесь, все по порядку. Как зовут раненого? Возраст? Чем болел в детстве? Адрес? Какая сейчас температура? На что жалуется? Яблоко на голову? Вы что, смеетесь, миссис? Если по всякому пустяку выезжать, кто же работать будет? Жаловаться — ваше право! (Отбой.) Подумайте, напутала!

4

— Граждане! Пошлите срочно кого-нибудь! На верхнем этаже жилец, Архимед звать, опять хулиганит. Сел в ванну, вытеснил воду, потолок протек, нас залило!

5

— Патрицианочка, дайте, пожалуйста, шестой легион, добавочный — «третья когорта»... Спасибо... Это кто, император? Слушай, Цезарь, против тебя заговор. Не важно, кто говорит. Доброжелатель. Этот твой приятель, Брут, первый заводила в этом деле. Да никакой не розыгрыш! Не хочешь верить — пеняй на себя. Сам дурак!

Сергей Бодров

Прилет вертолета

Старик Чуприн лежал на раскладушке

возле костра, смотрел на другой берег реки и думал.

За его спиной стоял белый чум. За чумом лежала зеленая тундра. В загоне шевелились коричневые олени..

«Сына женить надо», — думал старик.

— Женить тебя надо, Серега, — сказал старик, Жужжали комары. Молодой оленевод Серега пил чай.

— Комара много, — сказал он. — Олень нервный стал. Серега покраснел и улыбнулся.

— Вертолет летит, — прислушался Чуприн.

— Комар жужжит, — сказал Серега.

— Вертолет, — сказал Чуприн.

Серега не стал спорить со старшим. Отец всю жизнь в тундре прожил. Отец лучше знает.

Через два часа показался вертолет. Из чума вышел оленевод в кедах. Прислонил руку к глазам и посмотрел на небо. Потом он сел на нарты и переобулся в резиновые сапоги.

Вертолет, эта стальная птица, повис в воздухе.

Олени, эти нервные животные, испугались и разбежались по тундре. Оленеводы пошли их собирать.

Из вертолета выскочил молодой начальник, который прилетел из областного центра. Старик Чуприн встал с раскладушки.

— Здравствуй, бригадир, — сказал молодой начальник.

— Здравствуй, Юра, — поздоровался Чуприн.

Они стояли возле белого чума. За чумом лежала зеленая тундра. Коричневых путильных оленей в загоне не было.

Юра стукнул себя по лбу и убил много комаров.

— Где люди? Где олени? — спросил он.

— Однако, в тундре, — невозмутимо сказал бригадир.

— На пастьбе? — спросил Юра.

— Ну, — ответил Чуприн.

— Стадо большое, упитанное? — спросил Юра.

— Ну, — ответил Чуприн.

— Как ни прилечу, — огорчился Юра, — всегда на пастьбе.

Они сели на раскладушку и стали пить чай.

— Я на вертолете летел, белый чум видел, зеленую тундру, а оленей не видел, — сказал Юра. — Они на лошадей похожи?

— Я лошадей боюсь, — улыбнулся старик Чуприн.

— Чего их бояться? — сказал Юра. — Я у бабушки жил, в ночное на лошадях ездил.

Старик Чуприн с уважением покачал головой.

— Кур видел, гусей, верблюдов, — сказал Юра. — Мне бы оленей посмотреть. Ведь есть специфика?

— Однако, есть, — согласился Чуприн.

Юра стукнул себя по лбу и опять убил много комаров.

— Мой чум — твой чум, — предложил Чуприн.

— Спасибо, не могу, — сказал Юра, отмахиваясь от комаров. — Я как возвращаюсь, у меня все лицо опухшее.

Они еще попили чаю, поговорили о том о сем.

— Ладно, полечу я. Успеть надо туда-сюда.

— Прилетай, Юра, — сказал старик Чуприн.

— Прилечу, — вздохнул Юра. — Только олени всегда на пастьбе. А мне их посмотреть хочется, в специфику вникнуть.

И он пошел к вертолету. Вертолет, эта стальная птица, завертел винтами и улетел.

Вскоре оленеводы пригнали оленей. Стадо было большое и упитанное.

— Какой начальник? Чего сказал? — спросил Серега, ставя на костер чайник.

— Стада на север пора перегонять, сказал, — неторопливо ответил старик Чуприн. — Хороший начальник, умный.

Оленевод в резиновых сапогах сел на нарты и переобулся в кеды.

Старик Чуприн лежал на раскладушке и смотрел на другой берег реки. Другого берега не было видно.

Ода «К радости»

полковника только глубоко посаженные, с хитринкой, глаза выдавали волнение за людей, чью жизнь он оберегал на своем посту.

Павел Петрович Двоекуров оторвался от книги и посмотрел в зеркало. Лицо было как лицо — и внешне спокойное, и внутренне тоже. Двоекуров попробовал попереживать за людей, чью жизнь он оберегал на своем посту, но у него ничего не получилось.

Павел Петрович тяжело вздохнул и принялся читать дальше:

«Полковник прошелся по кабинету, подошел к столу, зачем-то перелистал лежащий там любимый томик Лермонтова, затем вынул из сейфа балалайку, и в тишине полились величавые звуки Девятой симфонии Бетховена...»

Двоекуров отложил книгу и снова задумался. Он давно уже чувствовал, что не только подчиненные, но и сам генерал, который иногда вставлял в разговор латинскую поговорку, косо посматривают на него. Конечно, Павлу Петровичу по чину латынь была необязательна, но уж что-нибудь, скажем, острое, украинское надо было бы непременно употреблять. Пробовал он вставлять «Не ходи, Грицю, тай на вечорницю» или «О це гарно!», но все как-то не к месту получалось. После долгих раздумий и чтения соответствующей литературы полковник успокоился на поговорке «Скоро только кошки родятся», за что рецидивисты дали ему прозвище Акушер.

От всех этих мыслей Павел Петрович еще раз тяжело вздохнул.

Вскоре на столе у Двоекурова уже лежал томик Лермонтова, а в сейфе находилась новенькая балалайка. С большим трудом Павел Петрович освоил с помощью самоучителя несложную мелодию песни «Светит месяц», но до Бетховена было еще далеко. Двоекуров начинал нервничать. Восстановлению душевного спокойствия меша-

ло еще и то, что генерал нет-нет да и заявлял что-нибудь вроде:

— Учтите, Павел Петрович. Там скерцо в третьей части надо давать почти престо, не сбиваясь на анданте. И конечно, в ре-минорной тональности...

— Слушаюсь! — отвечал полковник и угрюмо брел в кабинет разучивать оду «К радости».

От всех этих горестей Двоекурову показалось, что начало пошаливать сердце, однако врачи ничего не нашли и даже не возражали против курения. Но все-таки он стал курить тайком, правда так, чтобы все видели, что он курит тайком. При этом лейтенант Курочкин подыгрывал ему как по нотам.

— Вам же нельзя, товарищ полковник, — говорил он преданно.

— Ничего, Вася, — задумчиво отвечал Двоекуров, — вот закончим с Федоровым, тогда и на отдых можно — мотор подремонтировать.

Федоров, или Федька Интеллигент, находился под следствием по делу о краже со взломом. Два месяца бился с ним Двоекуров, и все без толку. Вот и сейчас предстоял очередной допрос матерого домушника, который слылся тем, что никогда не кололся, — настоящий вор, «в законе»!

— Введите, — по возможности устало сказал полковник. Допрос начался как обычно.

— Ну так будем говорить или по-прежнему в молчанку сыграем? — сурово спросил Двоекуров.

— А чего говорить, гражданин следователь? Не имею я отношения к этому делу. И не слушайте вы Петю Косого — он на меня инсинуацию возводит. Да и с точки зрения презумпции здесь абсолютный нонсенс. Вы попробуйте абстрагироваться...

— Нечего мне абстрагироваться, я уже два месяца с вами абстрагируюсь. Кроме вас, никто не мог. Ни Пете Косому, ни Академику в голову не придет забрать у профессора папирус. И по-древнеегипетски никто, кроме вас, читать не может...

— Академик тоже малость лопочет...

— Бросьте заливать. Он и персидский-то с грехом пополам знает. Кишка у него тонка для древнеегипетского. И полотно Боттичелли вы сперли — больше некому.

— Не Боттичелли вовсе, а Джотто — тут ваш профессор ни хрена не смыслит...

— Уж побольше вашего. Подлинный Боттичелли.

— Какой же Боттичелли, ежели фактура и фон в точности как у Джотто. И мазок реакный.

— Больно умные стали. Да и откуда вы знаете, что Джотто, если не брали?

— А я статью итальянского искусствоведа Антонио Брюкки штудировал. Там полотно и упоминается. Брюкки на Боттичелли собаку съел.

— Ну хорошо. Кого же тогда мог заинтересовать подлинник партитуры Фантастической симфонии? Может, Хромую Катьку?

— Катька точно не могла. У нее сейчас Барток в голове. Но и меня увольте — я романтиками не интересуюсь. Последнее время меня Дебюсси и Равель волнуют...

— Ах, Дебюсси! — побагровел полковник. — Уведите! Двоекуров в гневе метался по кабинету.

— Сосунки! — бормотал он. — Равеля им подавай! Ну, я ему дам Равеля! А «О, никогда я так не жаждал жизни!» не хочешь?! Ты у меня еще арию с колокольчиками запоешь! Ишь, разговорился!.. А уж Бетховена, наверное, и вовсе не считают...

При мысли о Бетховене Павел Петрович вдруг резко затормозил. А что, если?.. Да, в этом что-то есть... Ну конечно, отличная идея!

На очередном допросе Двоекурова было не узнать. Он улыбался, поил Федьку чаем, угощал папиросами и вообще вел себя, как радушный хозяин на вечеринке. О деле полковник не поминал — боялся спутнуть.

— Послушайте, Федор Иоаныч, — ласково вопрошал Двоекуров, — а ведь Третья симфония Бриттена во второй части чем-то напоминает Вторую симфонию Гершвина в третьей части...

— Эк куда хватили, гражданин следователь! У Бриттена вялое аллегretto, а здесь фортиссимо, и как можно скорее...

— Ну уж и скорее...

— Обязательно скорее. Иначе мощь пропадет.

— Ничего не скорее. Скоро только кошки родятся...

При упоминании о кошках Федька насторожился. Он понял, что его хотят завлечь в какую-то западню. Поэто-

му, придав своему голосу как можно больше достоинства, домошник спокойно сказал:

— И напрасно вы это все, гражданин следователь. Не участвовал я в деле.

Федька был тверд, как постовой милиционер. В жизни его и не так покупали, да все без толку.

— Федя, — нежно сказал полковник, — я ж не об этом. Вы лучше скажите, Бетховен труден для исполнения?

— Это смотря что. Лучше немецкого дирижера Абендрота его никто не может... А к профессору я все равно не лазил.

— Ну хорошо, а, например, Девятая симфония?

— Хрестоматийно. Сейчас и ребенок на губной гармошке сыграет. Насчет Джотто вы не по адресу — Академика потрясите.

— Ладно. А финал, эта самая ода «К радости», легко осваивается?

— Раз плюнуть... Да и вообще у меня полное алиби. Я в этот день на выставку Пиросманишвили ходил...

— Слушай, Федор, — как-то уж совсем вкрадчиво сказал полковник, — а ты бы мог научить? И на решение суда благотворно повлияет, участь смягчит... Как за искреннее признание...

— Да не брал я ваши египетские папирусы! Не брал! Их и не толкнешь никому... Чего вы ко мне прицепились...

— Успокойся, Феденька... Ну не брал, и бог с ними, с папирусами! Ты лучше скажи, а на балалайке можно?

— Что — на балалайке?! — затравленно заорал Федя. — Бетховена? Может, вам и Баха на ксилофоне? Профанация, в бога маты! Вы меня на гоп-стоп не возьмете! Все равно не расколете!

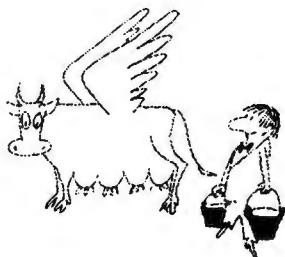
— Федь, да не нервничай ты так. — Двоекуров нежно погладил его по щеке. — Ты лучше сюда глянь-ка...

Павел Петрович подошел к сейфу и, пересиливая себя, как перед прыжком в воду, вынул балалайку. И уже совсем сжигая мосты, охрипшим от волнения голосом бухнул с мольбой:

— Как человека прошу — научи Бетховену! Надо, Федя...

Федька Интеллигент обезумел. С минуту он смотрел остекленелыми глазами на Двоекурова, державшего инструмент как подаяние, потом уронил голову на стол и измученно сказал:

— Ладно, ваша взяла, пишите всё...

Владимир Волин

Обычный день

Ночью я отлично выспался:

никто не ходил под окнами с гитарой и не ревел пьяными голосами «А нам все равно...». Я быстро побрился, ни разу не порезавшись, безопасным лезвием «Балтика». Тем более что горячая вода шла без перебоев.

В почтовом ящике лежал очередной том Собрания сочинений Есенина в приложении к журналу «Огонек»: том вышел вовремя.

Я спокойно, без спешки поехал на работу. Автобусы шли регулярно, один за другим, точно соблюдая интервалы. Пассажиры были настроены благожелательно уже с самого утра; динамик не хрипел, водитель отчетливо объявлял каждую остановку. Мне не отдавили ноги, и все пуговицы остались на своих местах.

На работу я не опоздал. За весь день ни разу не повздорил с начальством и сослуживцами. В перерыве я с аппетитом пообедал в центре города — почти без очереди, вкусно, с разнообразным выбором блюд. В книжном магазине без всякой давки я купил однотомник Экзюпери. По дороге успел зайти в «Оптику» и сменил разбитое стекло в очках: новое вставили тут же, при мне.

Я легко заказал по телефону билет на вечерний сеанс в кино. Шла новая комедия с участием лучших киноартистов — мастеров смеха. В фильме не было штампов, надуманных ситуаций, банальных шуток. Образы героев были жизненны и далеки от схемы, юмор — тонкий и свежий. В фойе кинотеатра продавались только что выпущенные пластинки и ноты с песнями из этого фильма. Играл слаженный оркестр, певица была одета скромно, со вкусом и даже обладала голосом.

Выйдя из кино, я позвонил по телефону-автомату: номер оказался занят, и автомат честно вернул монету. В вечернем кафе у предупредительно-любезного официан-

та я заказал бутылку простокваши и в уютной тишине сыграл партию в шахматы.

Купив в дежурной булочной свежий горячий батон, я пришел домой и, не отрываясь, смотрел телевизионный «КВН». Чувствовалось, что остроты веселых и находчивых ребят рождаются экспромтом, тут же, на сцене. Потом шла передача из Театрального общества; выступало много актеров и режиссеров, и никто из них ни разу не произнес слова «волнительно».

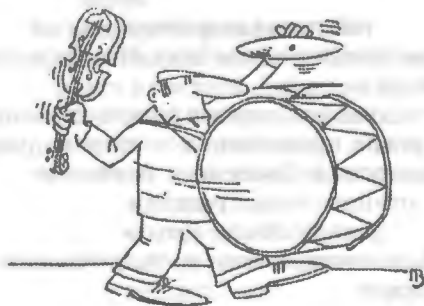
Спал я хорошо: во дворе не забивали «козла», не слышался стук костяшек. Сквозь стены блочного дома тоже не доносилось ни звука.

Это был обычный будничный день.

Не воскресенье.

Не праздник.

И даже не Первое апреля.

Григорий Горин

Остановите Потапова!

Ровно в семь утра звонок будильника

вырвал Потапова из сна. Сон был цветной и приятный. Снилось Потапову море и маленькое кафе на скалах, где он сидел под пестрым зонтиком и кого-то ждал. Это ожидание было томительно и прекрасно.

Перелезая через жену и спуская босые ноги с постели, Потапов еще некоторое время не открывал глаз, надеясь досмотреть сон, но не получилось. Жена недовольно заворчала, холодный пол обжег ступни, и Потапов открыл глаза.

Будильник показывал пять минут восьмого. Потапов сунул ноги в тапочки и вышел в коридор. По дороге в туалет он вытащил газеты из почтового ящика, потом зашел на кухню, поставил воду для кофе. Сидя в туалете, он просмотрел результаты вчерашних хоккейных матчей. Выйдя оттуда, он засыпал кофе в кофейник, залил его кипятком, поставил кофейник на газ и начал делать гимнастику. Делая гимнастику, Потапов следил, чтобы кофе не убежал.

Выключив газ и закончив делать гимнастику, он взял транзисторный приемник и пошел в душ. Принимая душ, он прослушал «Последние известия».

Затем Потапов снова прошел в кухню, достал из холодильника сыр и колбасу, потом взял с подоконника школьный дневник Алеши и, прожевывая бутерброды, начал его проверять.

За вчерашний день сын получил две двойки. Потапов недовольно покачал головой, расписался в дневнике и допил кофе.

— Если ты сегодня же не зайдешь в школу, я не знаю, что с тобой сделаю! — жена пришла на кухню и смотрела на Потапова сердитыми невыспавшимися глазами. — Завуч третий раз тебя вызывает! Ты отец или не отец?

— Отец! — сказал Потапов и посмотрел на часы. Было уже без двадцати минут восемь. — Не будем ссориться,

Любаша, — сказал он и правой рукой обнял жену, а левой достал с полки электробритву.

— Отстань! — жена стряхнула его руку. — Если ты сегодня не зайдешь в школу, я с тобой не разговариваю.

— Честное слово, зайду! Клянусь, Любочка! — Потапов прижал левую руку к груди, а правой стал включать вилку в розетку.

— Андрей, это дело серьезное, поскольку... — Дальнейшие слова жены потонули в реве электробритвы. Потапов разглядывал свое лицо в зеркальце и кивал жене. Затем он выдернул вилку из розетки. — Или ты не отец? — закончила Люба.

— Отец! — снова сказал Потапов. — Но во всем остальном, Любаня, ты абсолютно права. Он чмокнул жену в щеку, быстро прошел по коридору, завязывая на ходу галстук. Из своей комнаты вышел заспанный Алеша. Потапов, надевая пиджак, дал ему подзатыльник. Надевая пальто, сказал: «Я еще с тобой поговорю!» — схватил портфель, шапку и вышел.

На остановке, как всегда, было много народу. Потапов пропустил два автобуса и подышал свежим воздухом. Воздух был морозный, но уже какой-то пряный, вязкий, как бывает в начале весны. От него слегка закружилась голова и приятно застучало сердце.

И тут Потапов почему-то вспомнил Наташу. Он видел ее неделю назад, проезжая в такси по Тверскому бульвару. Наташа была одета в светлую дубленку с капюшоном. Потапов тогда же хотел остановиться, но передумал, потому что очень спешил. Он вспоминал о ней несколько раз с того дня, но сейчас, на остановке, вспомнил как-то очень сильно, физически ощутимо.

«Позвоню сегодня, — подумал Потапов. — Или лучше заеду без звонка... Нет, лучше все-таки позвонить».

Он так и не успел решить, что надо сделать: позвонить или заехать просто так, — подошел автобус.

Потапов перестал думать о Наташе, рванулся вперед и с трудом влез в автобус. Влезая в автобус, он увидел знакомое лицо — соседа по дому, а может быть, и не соседа — и поздоровался с ним кивком головы.

Пройдя в середину автобуса, Потапов громко выкрикнул: «Проездной!», потом, изловчившись, сунул руку в портфель и достал журнал «Иностранная литература». В журнале было напечатано продолжение романа

Ремарка. Потапов открыл загнутую 144-ю страницу и прочитал: «Днем я отправился к Кану. Он пригласил меня отобедать с ним в ресторане...» Автобус тряхнуло, журнал выпал из руки Потапова, но он поймал его на лету и продолжал читать: «...миссис Уимпер приготовила к моему приходу картины с водкой...» Это была уже 163-я страница. Потапов попытался найти загнутую 144-ю, но в автобусе было слишком тесно, кроме того, Потапов вспомнил, что журнал все равно придется завтра отдавать, поэтому решил читать с этого места. «Мы говорили с ней о визите к Силверсу...» — прочитал Потапов, но тут водитель объявил его остановку. Потапов закрыл журнал, убрал его в портфель и стал пробираться к выходу. Пробираясь, он опять увидел знакомое лицо — соседа по дому, а может быть, и не соседа, — снова кивнул ему и крикнул: «Почему не заходишь, старик?»

Ровно в девять утра Потапов поднялся к себе в отдел. Поздоровавшись с сотрудниками, Потапов сел за свой рабочий стол, подвинул к себе папку с материалами по стандартизации и начал ее изучать. Все материалы были на месте, недоставало только титульного листа.

— Где титульный лист этой папки? — спросил Потапов у сидевшего за соседним столом Михайлова.

— Понятия не имею, — сказал Михайлов. — Может быть, отдали в отдел реализации?

— Этого еще не хватало! — заволновался Потапов и пошел в отдел реализации.

Титульный лист был необходим ему по двум причинам: во-первых, Потапов любил, чтоб в его папках все было на месте, во-вторых, на оборотной стороне этого титульного листа им была переписана шахматная задача из «Науки и жизни», которую он сейчас собирался решить.

В отделе реализации Потапову сказали, что титульный лист передан в отдел учета, в отделе учета секретарша сообщила, что лист послан обратно в его отдел стандартизации. Придя на место, Потапов обнаружил титульный лист на своем столе, но задача уже была кем-то решена.

Тяжело вздохнув, Потапов убрал лист в папку, папку — в стол и посмотрел на часы. Было двенадцать часов дня.

«Через час — обед, — подумал Потапов и снова почему-то вспомнил Наташу. — Позвоню», — решил он и подвинул к себе телефон. Однако телефон зазвонил раньше, чем Потапов успел снять трубку.

— Алло! — сказал Потапов.

— Потапов? — послышался в трубке сиплый мужской голос. — Кондратьев говорит!

— Здорово, старик! — сказал Потапов, мучительно вспоминая, кто этот Кондратьев.

— Беда у нас, — сказал Кондратьев. — Сашка умер.

— Не может быть! — ахнул Потапов, мучительно вспоминая, кто такой Сашка.

— Сгорел. За два месяца сгорел, — печально сказал Кондратьев. — Такие, брат, дела. Сегодня похороны — на Востряковском, в три часа. Ты будешь?

— О чем разговор?! — сказал Потапов, мучительно вспоминая, где находится Востряковское кладбище.

После этого печального известия работать совершенно не хотелось. Потапов убрал со стола все бумаги и вышел в коридор покурить. В коридоре курило много народу. Увидев Потапова, секретарша директора стрельнула у него сигарету и сообщила:

— Сегодня у шефа в четыре — общее совещание отделов. Всем быть!

— Само собой! — сказал Потапов, поднося ей горящую спичку. — Все хорошеешь, Сонечка?

— Ну вас! — кокетливо отмахнулась Соня и выпустила дым струйкой. — Все только комплименты говорите, а на «Гамлета» сводить никто не догадается.

— А где билеты?

— В местком, у Ермоленко. Только он не даст.

— Кому не даст, а кому... — Потапов сделал многозначительное лицо и пошел в местком...

— Слушай, Ермоленко, — сказал Потапов, входя в местком, — ты искал добровольцев-дружинников?

— Ну? — Ермоленко подозрительно посмотрел на Потапова.

— Даешь мне два билета на «Гамлета» — я дежурю.

— Не получится, — тяжело вздохнул Ермоленко. — «Гамлет» сегодня вечером, и дежурить надо сегодня вечером.

— Получится! — сказал Потапов. — «Гамлет» в семь начинается, а хулиганы — позже. После спектакля отдежурю, честное слово!

— До полночи будешь ходить! — предупредил Ермоленко.

— Как штык! — пообещал Потапов, взял билеты и пошел обедать...

Обедая, он вдруг опять вспомнил о Наташе, и у него почему-то сжалось сердце.

«Приеду без звонка, — решил Потапов. — Приеду, и все! Полгода не видел любимую женщину. Это как?..» Он не закончил мысль. По радио стали передавать старинные русские романсы, и Потапов слушал их, пока не кончился обед.

Придя к себе в отдел, Потапов поглядел на часы. Было пятнадцать минут третьего. Он снял трубку и позвонил в министерство.

— Алло, Сергачев, — сказал Потапов. — Это Потапов говорит. Вызови меня, Леня, на пару часов.

— Старик, кончать с этим делом надо! — недовольно сказал Сергачев. — Поймают нас когда-нибудь с этими вызовами, всыплют по первое число.

— Последний раз, Леня, честное слово, — сказал Потапов. — Друг у меня умер. Хоронить поеду.

— Это правда?

— Стану я врать, — вздохнул Потапов.

— Ладно, — сказал Сергачев. — Машину, что ли, тебе дать?

— Да, — обрадовался Потапов. — Я быстро обернусь. Отдам последний долг, и все...

Через двадцать минут в комнату, где сидел Потапов, вошел начальник отдела.

— Потапов, — сказал он, — звонили из министерства, просили тебя срочно приехать.

— Да что они там? — зло спросил Потапов. — Без конца вызывают.

— Наверное, вопросы по твоей докладной, — сказал начальник.

— Вечно у них вопросы, — огрызнулся Потапов. — Надоело! У меня здесь завал работы. Вот не поеду, и все!

— Ну-ну, разговорчики! — строго сказал начальник. — Оставь все дела и дуй!

Министерская машина ждала Потапова у подъезда. Потапов сел на переднее сиденье, закурил, угостил сигаретой водителя.

— На кладбище поедem? — спросил водитель.

— Да, — вздохнул Потапов. — Но сначала в Химки, в двадцать первую школу...

Ему повезло. Он застал завуча, но во время перемены. Перемена заканчивалась, и завуч торопилась в класс.

— Здравствуйте, — сказал Потапов. — Я Потапов. По поводу сына вызывали.

— Вера Михайловна, — представилась завуч.

— Очень приятно, — улыбнулся Потапов. — Мою маму тоже звали Верой Михайловной. Прелестное имя...

— Спасибо, — сказала завуч и почему-то покраснела.

— Я неудачно приехал? — спросил Потапов. — Вы торопитесь?

— Да, — кивнула головой Вера Михайловна. — Меня ребята ждут... Вы не могли бы приехать сегодня часиков в семь?

— Никак, милая, — вздохнул Потапов. — Срочная командировка на Таймыр. Вы в двух словах...

— В двух словах нельзя, — сказала Вера Михайловна. — Мальчик плохо учится, дерзит, врет на каждом шагу...

— Убью! — решительно сказал Потапов.

— Нет, зачем же так? — завуч снова покраснела. — Просто надо нам с вами серьезно поговорить...

— Хорошо! — перебил Потапов. — Через два месяца вернусь с Таймыра, приеду к вам. А пока, милая Вера Михайловна, возьмите моего оболтуса под персональный контроль. Договорились? У вас какой размер ноги?

— Зачем это? — завуч снова покраснела. Она была очень молодым завучем и краснела каждую минуту.

— Унты вам хочу привезти, — сказал Потапов. — Унтайки меховые!

— Да что вы! — завуч просто залилась румянцем.

— Нет-нет, не спорьте! — строго сказал Потапов. — Решено! А сейчас не буду больше вас задерживать. Дети ждут!

Он поцеловал ей руку и выбежал из школы.

Потом они долго ехали к Востряковскому кладбищу, потом Потапов долго бродил мимо заснеженных могил, отыскивая место похорон. Наконец он увидел небольшую группу людей и, узнав доцента из своего института, сразу сообразил, что умер кто-то из его студенческих друзей, но кто именно, так и не понял, потому что гроб уже за-

крыли крышкой и опустили в мерзлую землю. Потапов помнил, что в их группе было несколько Александров, но сейчас все они, как назло, отсутствовали, поэтому сообщить, кто из них лежит ТАМ, было невозможно, а спрашивать — неудобно.

Потапов снял шапку, обошел всех собравшихся, пожимая им руки и печально говоря: «Эх, Сашка, Сашка! Как же это так, братцы?»

Потом он неожиданно для себя почувствовал, что плачет. От этого у Потапова сделалось очень скверно на душе, он вытер ладонью глаза, закурил и молча пошел к машине...

Когда он вернулся в свое учреждение, часы показывали ровно четыре. У директора начиналось совещание. По дороге туда Потапов заглянул в свой отдел, вынул из стола карманные шахматы, затем тихо прошел в конференц-зал и сел на последний ряд. К нему моментально подсел Михайлов.

Партия намечалась быть интересной. В дебюте Потапов допустил ошибку и потерял две пешки, но в миттельшпиле он активизировался и выиграл у Михайлова слона.

— Сдавайся, отец! — уверенно сказал Потапов.

— Ни в коем случае! — ответил Михайлов. — У меня есть шанс!

— Ну что же, товарищи, — директор стал подводить итог совещанию, — если ни у кого нет вопросов, можно заканчивать?

Потапов посмотрел на доску. Михайлов сделал авантюрный ход ладьей. Потапов ответил ходом ферзя. Эндшпиль обещал быть бурным.

— У меня есть вопрос! — громко сказал Потапов и встал. — Как дирекция думает решить вопрос с реализацией отходов при выпуске продукции в условиях новой стандартизации?

— Вопрос поставлен очень интересно, — сказал директор. — Мне кажется, что вопрос с использованием отходов...

— Ходи, — тихо сказал Потапов, садясь. — У нас есть еще полчаса.

Перед спектаклем Потапов пригласил Соню поужинать в кафе. Там они выпили по рюмочке, заболтались и поэтому опоздали к началу. Когда Потапов с Соней, при-

гибаясь, наступая на чьи-то ноги и ежесекундно извиняясь, пробирались к своим местам, Гамлет уже беседовал о чем-то с Горацио.

По сцене медленно и страшно двигался огромный вязаный занавес, подминая под себя людей.

— Здорово! — прошептала Соня.

— Художник гениальный! — тихо сказал Потапов.

— Как фамилия? — спросила Сонечка.

Потапов забыл купить программку, поэтому прижал палец к губам и осуждающе покачал головой. Сонечка сконфуженно замолчала.

Когда Гамлет убил Полония и, мучаясь от сознания непоправимости содеянного, склонился над трупом, Потапов вздрогнул и с удивлением почувствовал, что у него прошел странный холодок по спине. Потапов видел фильм «Гамлет», но только вторую серию, поэтому смерть Полония была для него неожиданностью.

Все дальнейшее действие Потапов смотрел заворуженно, радуясь тому, что сопереживает датскому принцу, и тому незнакомому ощущению, когда каждое слово, сказанное со сцены, отзывается холодком в спине.

В антракте он пошел в буфет, съел бутерброд, запил его лимонадом, и чувство холода в спине прошло. Потапов посмотрел на часы. Было без четверти девять.

«Затянули спектакль, — подумал Потапов. — Талантливо! Но затянули».

Он вдруг подумал о Наташе, и от этой мысли мучительно больно защемило сердце.

«Ехать!» — мысленно приказал себе Потапов. Он угостил Соню конфетами, вышел покурить, потом вернулся с сосредоточенным лицом.

— Соня, — сказал Потапов, — я сейчас домой звонил. Алешка заболел. Температура у парня. Сорок!

— Ой! — ахнула Соня.

— Ничего страшного, — сказал Потапов. — Грипп, наверное. Мне придется домой поехать... Вы уж извините кавалера.

— Да что за глупости? Конечно, поезжайте! — Соня сочувственно жала руку Потапова и поцеловала его в щеку.

Потапов доехал до своего учреждения на метро, прошел в штаб народной дружины, взял красную повязку, расписался в журнале.

— Ваш участок — сквер и район кинотеатра, — сказал Потапову какой-то юноша, сидевший за столом. — Дежурить надо до двенадцати ночи.

— Я буду до часу ночи, — сказал Потапов.

— Ну что вы, — улыбнулся юноша. — Хватит и до двенадцати.

Потапов нацепил повязку, вышел из штаба и медленно пошел к стоянке такси. Он шел, дышал весенним воздухом и думал о Наташе. Дождавшись своей очереди на стоянке, Потапов сел в зеленую «Волгу», угостил водителя сигаретой и дрогнувшим голосом сказал:

— На Полянку, шеф!

Он звонил долго, со страхом прислушиваясь к шорохам за дверью и соображая, одна она дома или нет. Наконец замок щелкнул, и он увидел Наташу. Она, по-видимому, только что приняла ванну — на ней был полосатый халатик, волосы влажные, а на лбу осталось несколько капелек воды.

— Ты?!

— Я! — сказал Потапов и снял шапку. — Можешь меня прогнать, а можешь впустить.

Наташа несколько секунд смотрела на Потапова, потом вытерла тыльной стороной ладони капли со лба и тихо сказала:

— Входи.

За полгода квартира Наташи совсем не изменилась. Только появились новые шторы на окнах да большой телевизор в углу. Телевизор был включен.

Потапов снял пальто, вошел и остановился посреди комнаты. Наташа выключила телевизор, подошла к столу, взяла из пачки сигарету, закурила.

— Наташа, — тихо сказал Потапов, — дай мне, пожалуйста, по морде.

Она чуть-чуть улыбнулась.

— Ударь! — снова попросил Потапов. — А хочешь — постели в прихожей вместо коврика... — Он шагнул вперед и обнял ее. Она уткнула свое лицо в пиджак Потапова и тяжело вздохнула. Потапов стал тихо гладить ее влажные волосы.

— Почему исчез? Почему не приехал ни разу, не позвонил? — сказала Наташа и всхлипнула. — Как не совестно?

— Молчи, милая, — говорил Потапов и целовал ее голову. — Не говори сейчас ничего.

Потом они лежали в темноте, курили и говорили о всякой ерунде. Потом Потапов сел на кровати, нащупал рукой свои брюки, начал одеваться.

— Уже уходишь? — тихо спросила Наташа.

— Да! — коротко ответил Потапов.

— Побудь еще, — попросила Наташа.

— Не могу, милая, — сказал Потапов. — У меня внизу такси стучит.

Он сразу понял, что сморозил глупость. Наташа вскочила, и даже в темноте было видно, как побелело ее лицо.

— Сволочь! — сказала она. — Мерзавец!

— Ну что ты, что ты? — Зашнуровывая туфли, Потапов почувствовал, что краснеет. — Я же пошутил, глупенькая. Это шутка! Как в том анекдоте, помнишь?

— Убирайся! — крикнула Наташа.

— Ну хочешь, ударь меня! — сказал Потапов, надевая пиджак.

— Пошел к черту! — крикнула Наташа и уткнулась лицом в подушку.

— Жаль! — вздохнул Потапов, надевая пальто. — Жаль, что мы так прощаемся...

Он не стал ждать лифта, бегом спустился по лестнице. Зеленая «Волга» стояла у подъезда.

— Долго, товарищ, — заворчал водитель. — Мне в парк пора.

— Все будет в порядке, шеф, — сказал Потапов, закурил и угостил водителя сигаретой. — Все будет оплачено. Жми в Химки.

Он приехал домой в четверть двенадцатого. Люба и Алеша уже спали. Потапов прошел на кухню, включил газ, поставил чайник. Поедая приготовленный женой ужин, он просмотрел «Вечерку». Потом, слушая спортивный выпуск «Последних известий», выкурил сигарету.

Потом он разделся и лег. Люба проснулась, хмуро посмотрела на него.

— Заставили дежурить в дружинке, — сказал Потапов. — Хотел тебя предупредить, звонил несколько раз, но все время было занято. Телефон что-то барахлит. Ты мастера не вызывала?

— В школе был? — спросила Люба.

— Был. Говорил с завучем. Все будет в порядке. Спи!

Люба еще раз хмуро посмотрела на Потапова, потом отвернулась к стене.

Потапов подвинул к себе будильник — было без пяти двенадцать. Он завел будильник, поставил стрелку звонка на семь. Несколько минут он полежал с открытыми глазами, глядя в потолок и ни о чем не думая, потом повернулся на правый бок и закрыл глаза.

Ровно в двенадцать часов ночи Потапов начал сон...

Хочу харчо!

Рассказ официанта

— Самое неприятное — это когда посетитель бестолковый попадаетеся. Скажем, иностранец... Или который наш, но по-русски не понимает. Вот на днях приходит к нам в ресторан один старик... Кто он, не знаю. В общем, в тюбетейке и халате... Старый такой, лет ему восемьдесят, а может, и больше — они там долго живут... Сел за мой столик, повертел меню и говорит мне: «Хочу харчо!» Я вежливо говорю: «Нету харчо!» Он заулыбался, головой закивал, будто понял, и говорит: «Хочу харчо!» Я объясняю: «Нету харчо!.. Там в меню написано «харчо», но это не значит, что есть харчо. Меню старое!.. Прошлогоднее меню... Заказали мы новое меню, но из типографии пока не прислали... У них с бумагой перебои... Поэтому лежит пока старое меню, в котором есть харчо, а на самом деле нет харчо!..»

Все так ему понятно объяснил, вразумительно.

А он меня выслушал, языком поцокал и говорит: «Хочу харчо!»

Я объясняю: «Нету харчо! Нету, дедушка!.. Харчо из баранины делают, а баранину сегодня не завезли... Не прислали с базы баранину! Говядину прислали... Вернее, свинину. А насчет баранины наш директор звонил на базу тому директору, но тот директор уехал куда-то.

Так что с бараниной пока неясность. А без баранины — нельзя харчо!»

Вроде бы объяснил ему, понятней нельзя. Все растолковал. А он смотрит на меня своими восточными глазками и говорит: «Хочу харчо!» Я уже нервничаю, но объясняю: «Какое харчо, дед?! Что ты пристал? Харчо готовить надо уметь, а у нас сегодня не тот повар... Клягин сегодня работает, а не Цугульков! Клягин не умеет харчо!.. Он молодой еще, практикант!.. Он только яичницу умеет... А

Цугульков, который умеет харчо, он оттул взял... У него жена рожает. Он, Цугульков, запил, потому что нервничает... А без Цугулькова никак нельзя харчо!»

Уж так я этому старику все разъяснил — и жестами, и руками... И про Цугулькова так понятно показал, как тот запил, и про жену, как она рожает... Даже вспотел от напряжения.

И он вроде бы понял. Головой закивал, руку мне пожал и говорит: «Хочу харчо!»

Я весь задрожал, но взял себя в руки, спокойно объясняю. «НЕТУ ХАРЧО! — кричу. — НЕТУ! НЕ НА ЧЕМ ГОТОВИТЬ ХАРЧО!.. ПЛИТА ПЕРЕГОРЕЛА!.. ЗАМКНУЛОСЬ ТАМ ЧТО-ТО!.. ПЛЮС НА МИНУС ЗАМКНУЛСЯ!.. СГОРЕЛА ПЛИТА К ЧЕРТОВОЙ БАБУШКЕ! А МОНТЕР ТОЛЬКО ЗАВТРА ПРИДЕТ, ЕСЛИ ПРИДЕТ... ЕСТЬ ВТОРАЯ ПЛИТА, НО НА НЕЙ НЕЛЬЗЯ ХАРЧО!.. ОНА НЕ ДЛЯ ХАРЧО ПЛИТА!.. ОНА САМА ПО СЕБЕ ПЛИТА!..» Кричу я, а сам про себя спокойно решаю, что если он еще раз скажет «Хочу харчо!», то я его убью.

Он говорит: «Хочу харчо!»

В голову мне что-то ударило, пошатнулся я, заплакал.

«Пожалей, — говорю, — меня, дедушка! Я человек больной... У меня гипертония... Давление двести двадцать на сто двадцать семь, как в трансформаторе... У меня кризы бывают... У меня «неотложка» возле подъезда каждую ночь дежурит... У меня сын — заика, а внук — двоечник... Нету харчо!!»

Реву я белугой, дед тоже плачет, обнимает меня, вытирает мне слезы тубетейкой и говорит: «Хочу харчо!»

Подкосились у меня колени, упал я.

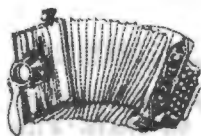
Хорошо, официанты подбежали, подхватили.

«Плюнь ты на него, Степанов, — говорят они мне. — Не связывайся! Видишь, он не понимает ни бельмеса по-нашему! Плюнь!..»

Ну что было делать? Как еще можно объяснить?..

Плюнул я с досады и принес ему харчо.

Владимир Дворцов

Жуков

Иван Жуков, 30-летний ассистент

физмата, посланный две недели тому назад на уборку картошки в дальнюю деревню, в ночь под выходной не ложился спать. Дождавшись, когда бригадир, к которому был определен на постой, его домочадцы и гости крепко заснули, он достал из хозяйского шкафа пузырек с чернилами, ручку с заржавленным пером и, разложив перед собой измятый лист бумаги, стал писать.

Прежде чем вывести первую букву, он несколько раз пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на темный угол, по обе стороны которого были развешаны фотографии экзотических стран, вырезанные из «Огонька», и прерывисто вздохнул.

«Милый Вы наш декан, Константин Макарович! — писал он. — Поздравляю Вас с праздником и желаю всего самого лучшего».

Жуков перевел глаза на темное окно, в котором мелькало отражение его свечки, и живо вообразил себе декана факультета Константина Макаровича. Это маленький, тощенький, но необыкновенно юркий и подвижной старикашка лет шестидесяти пяти, с вечно смеющимся лицом. Днем он сидит у себя в кабинетике или балагурит с хорошенькими студентками, которых в пединституте масса, вечером же, надев тренировочный костюм, бегают у себя в Тропареве трусцой. За ним вдогонку мчатся его любимые псы — старая Каштанка и кобелек Вьюн.

Жуков вздохнул, умакнул перо и продолжал писать:

«А вчера был мне выговор. Бригадир велел отвезти картошку в хранилище, а я лошадь плохо запряг — никак не научусь, — по дороге она распряглась и убежала на конюшню. Остался я горевать на досуге, сам чуть не околел от стужи и всю картошку поморозил. Теперь грозят вычесть у меня ее стоимость из зарплаты. А на неделе хозяйка велела мне слазить в подпол, достать сметаны

и молока, а там темно и сыро, с непривычки я все перебил и разлил. Неудобно получилось, и бригадирова жена ругалась. Местные на работе надо мной насмеваются: какой же, говорят, ты профессор, если и силос толком заложить не умеешь. Спать мне велят в сених, а когда ребенок ихний плачет, я и вовсе не сплю, никак к этому не привыкну.

Милый Константин Макарович, сделайте божескую милость, отзовите меня отсюда, нету больше никакой моей возможности... Кланяюсь Вам в ножки и буду вечно бога молить, вызволите меня из этой деревни, а то помру...»

Жуков покривил рот, потер своим черным кулаком глаза и всхлипнул.

«Я согласен на любой учебный план, не буду возражать против самого неудобного расписания. Дорогой декан, нету никакой возможности, просто смерть одна. Хотел было в город сбежать, да боюсь, ректорат и общественные организации не поймут и строго накажут. Жена телеграфировала, что ВАК утвердила мою кандидатскую диссертацию. Может, впоследствии стану я доктором наук, но и тогда буду Вас вечно помнить и в обиду никому не дам.

Константин Макарович, там наверняка пришли для меня новые журналы и оттиски из Америки и Франции, возьмите их, пожалуйста, и спрячьте в зеленый сундучок у себя в деканате. И одиннадцатый номер «Кемикал физикс леттерс» попросите в библиотеке барышню Ольгу Игнатьевну для меня отложить, скажите — для Жукова.

Большой привет Вашей верной заместительнице Ольге Егоровне. А мои семинарские занятия в ноябре никому не отдавайте. Остаюсь ассистент Вашего факультета, теперь кандидат физико-математических наук Иван Жуков».

Жуков свернул вчетверо исписанный лист и вложил его в конверт, купленный накануне за копейку... Подумав немного, он приклеил марку, а потом умакнул перо и написал адрес: «Деканат. Константину Макаровичу».

Виктор Драгунский

Волшебная сила искусства

— **З**дравствуйте, Елена Сергеевна!

Старая учительница вздрогнула и подняла глаза. Перед нею стоял невысокий молодой человек. Он смотрел на нее весело и тревожно, и она, увидев это смешное мальчишеское выражение глаз, сразу узнала его.

— Дементьев, — сказала она радостно. — Ты ли это?

— Это я, — сказал человек. — Можно сесть?

Она кивнула, и он уселся рядом с нею.

— Я вас сразу узнал, — сказал он, — и даже волновался, прежде чем окликнуть: а вдруг вы меня не узнаете...

— Нет, я тоже сразу, что ты... Глазищи-то те же. Ну и ну, встретились! А какой тебе теперь годик?

— Двадцать шестой миновал, Елена Сергеевна.

— Ай-ай-ай, а мне кажется, что ты вчера только пришел ко мне в класс, лохматый, и шнурки развязаны...

— Да. А было это около двадцати лет тому назад, дорогая Елена Сергеевна, — сказал Дементьев.

И оба они вздохнули и поглядели друг на друга с любовью и грустью.

— Как же ты поживаешь, Дементьев, милый?

— Работаю, — сказал он, — в театре. Я актер.

— Доволен?

— Ну, не все, конечно, сбилось... Чацкого не играю, Гамлета тоже почему-то не дают. Актер на бытовые роли, то, что называется «характерный». А работаю много!

— Я очень рада за тебя.

— Спасибо. Ну а вы? Как вы-то поживаете?

— Я по-прежнему, — бодро сказала она, — прекрасно! Веду четвертый класс, есть просто удивительные ребята. Интересные, талантливые... Так что все великолепно!

Она помолчала и вдруг сказала упавшим голосом:

— Мне комнату новую дали... В двухкомнатной квартире... Просто рай...

Что-то в ее голосе насторожило Дементьева.

— Как вы это странно произнесли, Елена Сергеевна, — сказал он, — невесело как-то... Что, мала, что ли, комната? Или далеко ездить? Или без лифта? Ведь что-то есть, я чувствую.

— Дементьев, — сказала учительница тихо, — откуда в людях хамство? И когда оно прекратится? Когда хамство перестанет калечить человеческие души, уродовать, отравлять отношения?

— Так, — сказал Дементьев, — я прав. Кто же вам хамит? Директор школы? Управдом? Соседи?

— Соседи, да, — призналась Елена Сергеевна. — Понимаешь, я живу как под тяжестью старого чугунного утюга. Мои соседи как-то сразу поставили себя хозяевами новой квартиры. Нет, они не скандалят, не кричат. Они действуют. Выкинули из кухни мой столик. Сказали, что от раковины рукой подать до подоконника, что он широкий, и пусть он мне заменяет столик. А два столика — тесно и некрасиво. Они запирают дверь на цепочку, и, когда я прихожу из театра, я бываю вынуждена звонить, долго и унижительно. Однажды не дозвонилась и поехала ночевать к подруге. Когда ко мне приходят ученики — а они ведь живые, бывает, и пошумят, — мои соседи стучат мне в стенку — они ложатся в восемь. В ванной заняли все вешалки и крючки, негде повесить полотенце. Газовые горелки всегда заняты их борщами, бывает, что жду по часу, чтобы вскипятить чай... Ах, милый, ты мужчина, ты не поймешь, это все мелочи, но получилось, что я живу как надоевшая квартирантка в доме, который мне дало мое же государство. Тут все в атмосфере, в нюансах, — не в милицию же идти? Не в суд же. Я не умею с ними справиться...

— Все ясно, — сказал Дементьев, и глаза у него стали недобрыми. — Вы правы. Хамство в чистом виде...

— И вот поди ж ты, — сокрушенно проговорила Елена Сергеевна, — мне бы жить да радоваться, а у меня понижается интерес к жизни — апатия, понимаешь?

— Угу, — сказал Дементьев коротко, — понимаю. А где же это вы проживаете, адрес какой у вас? Ага. Спасибо, я запомнил. Я сегодня вечером к вам зайду. Только просьба, Елена Сергеевна. Ничему не удивляться. И полностью мне во всякой моей инициативе помогать! В театре это называется «подыгрывать»! Идет? Ну, до вечера! Попробуем на ваших троглодитах волшебную силу искусства!

А вечером раздался звонок. Звонили один раз. Мадам Мордатенкова, неспешно шевеля боками, прошла по коридору и отворила. Перед ней, засунув ручки в брючки, стоял невысокий человек в кепочке. На нижней влажной и отвислой его губе сидел окурок.

— Ты, что ли, Сергеева? — хрипло спросил человек в кепочке.

— Нет, — сказала шокированная всем его видом Мордатенкова. — Сергеевой два звонка.

— Наплевать. Давай проводи! — ответила кепочка.

Оскорбленное достоинство Мордатенковой двинулось в глубь квартиры.

— Ходчей давай, — сказал хриплый голос, — ползешь как черепаха.

Бока мадам зашевелились порезвей.

— Вот, — сказала она и указала на дверь Елены Сергеевны. — Здесь!

Незнакомец, не постучавшись, распахнул дверь и вошел. Во время его разговора с учительницей дверь так и осталась неприкрытой. Мордатенкова, почему-то не ушедшая к себе, слышала каждое слово развязного пришельца.

— Значит, это вы повесили бумажку насчет обмена?

— Да, — послышался сдержанный голос Елены Сергеевны, — я...

— А мою-то конуренку видели?

— Видела.

— А с Нюрой, женой моей, разговор имела?

— Да.

— Ну что ж... Ведь я же так скажу. Я же честно: я бы сам ни в жисть не поменялся. Сама посуди: у mine там два корешка. Когда ни надумаешь, всегда на троих можно сообщить. Ведь это удобство? Удобство... Но, понимаешь, мне метры нужны, будь они неладны, метры!

— Да, конечно, я понимаю, — сдавленно сказал голос Елены Сергеевны.

— А зачем мне метры, почему они нужны мне, соображаешь? Нет? Семья, брат, Сергеева, растет. Прямо не по дням, а по часам! Ведь старшой-то мой, Альбертик-то, что отмочил? Не знаешь? Ага! Женился он, вот что! Правда, хорошую взял, красивую. Зачем хаять? Красивая — глазки маленькие, морда — во! Как арбуз!!! И голосистая... Прямо Шульженко. Целый день — «ландыши-ландыши»! Потому что голос есть — она любой красноар-

мейский ансамбль переорет! Ну прямо Шульженко! Значит, они с Альбертиком-то очень просто могут вскорости внука отковать, так? Дело-то молодое, а? Молодое дело-то или нет, я бе спрашиваю?

— Конечно, конечно, — совсем уже тихо донеслось из комнаты.

— Вот то-то и оно! — хрипел голос в кепочке. — Теперь причина номер два: Витька. Младший мой. Ему седьмой пошел. Ох и малый, я бе доложу. Умница! Игрун. Ему место надо? В казаки-разбойники? Он вот на прошлой неделе затеял запуск спутника на Марс, чуть всю квартиру не спалил, потому что теснота! Ему простор нужен. Ему развернуться негде. А здесь? Ступай в коридор и жги чего хошь! Верно я говорю? Зачем ему в комнате поджигать? Ваши коридоры просторные, это для меня плюс! А?

— Плюс, конечно.

— Так что я согласен. Где наше не пропадало! Айда коммунальные услуги смотреть!

И Мордатенкова услышала, что он двинулся в коридор. Быстрее лани мотнулась она в свою комнату, где за столом сидел ее супруг перед двухпачечной порцией пельменей.

— Харитон, — просвистела мадам, — там бандит какой-то пришел насчет обмена с соседкой. Пойди же, может быть, можно воспрепятствовать!..

Мордатенков пулей выскочил в коридор. Там, словно только его и дожидаясь, уже стоял мужчина в кепочке и с прилипшим к губе окурком.

— Здесь сундук поставлю, — говорил он, любовно поглаживая ближний угол — У моей маме сундучок есть тонны на полторы. Здесь мы его поставим, и пускай спит. Выпишу себе маму из Смоленской области. Что я, родной матери тарелку борща не налью? Налью! А она за детьми присмотрит. Тут вот ейный сундук вполне встанет. И ей спокойно, и мне хорошо.

— Вот здесь у нас еще маленький коридорчик, перед самой ванной, — опустил глаза, пролепетала Елена Сергеевна.

— Игде? — оживился мужчина в кепочке. — Игде? Ага, вижу, вижу.

Он остановился, подумал с минуту, и вдруг глаза его приняли наивно-сентиментальное выражение.

— Знаешь чего? — сказал он доверительно. — Я бы скажу как своей. Есть у меня, золотая ты старуха, брательник. Он, понимаешь, алкоголик. Он всякий раз, как подзашибет, счас по ночам ко мне стучится. Прямо, понимаешь, ломится. Потому что ему неохота в отрезвиловку попадать. Ну, он, значит, колотится, а я, значит, ему не отворяю. Мала комнатенка, куды его? С собой-то ведь не положишь? А здесь я кину на пол какую-нибудь тряпку, и пушай спит! Продрыхнется — и опять смирный будет, ведь он только пьяный скандалит. «Счас, мол, вас всех перережу». А так ничего, тихий. Пушай его тут спит. Брательник все же... Родная кровь, не скотина ведь...

Мордатенковы в ужасе переглянулись.

— А вот тут наша ванная, — сказала Елена Сергеевна и распахнула белую дверь.

Мужчина в кепочке бросил в ванную только один беглый взгляд и одобрительно кивнул:

— Ну что ж, ванна хорошая, емкая. Мы в ней огурцов насолим! Насолим на зиму! Ничего, умываться и на кухне можно, а под первый май — в баньку. Ну-ка, покажь-ка кухню. Игде тут твой столик-то?

— У меня нет своего стола, — внятно сказала Елена Сергеевна, — соседи его выставили. Говорят — два стола тесно.

— Что?! — сказал мужчина в кепочке грозно. — Какие такие соседи? Эти, что ли?! — Он небрежно ткнул в сторону Мордатенковых. — Два стола им тесно? Ах, буржуи недорезанные! Ну погоди, чертова кукла, дай Нюрка сюда придет, она тебе глаза-то живо выцарапает, если ты только ей слово поперек пикнешь!

— Ну, вы тут не очень, — дрожащим голосом сказал Мордатенков, — я попросил бы соблюдать...

— Молчи, старый таракан, — прервал его человек в кепочке, — в лоб захотел, да? Так я брызну! Я могу! Пушай я в четвертый раз пятнадцать суток отсижу, а я тебе брызну! А я-то еще сомневался, меняться или нет. Да я за твое нахальство из принципа переменюсь! Баушк! — Он повернулся к Елене Сергеевне. — Пиши скорее заявление на обмен! У меня душа горит на этих подлецов! Я им жизнь покажу! Заходи ко мне завтра утречком. Я бы ожидаю.

И он двинулся к выходу. В большом коридоре он, не останавливаясь, бросил через плечо, указывая куда-то под потолок:

— Здесь корыто повешу. А тут мотоциклет. Будь здорова. Смотри не кашляй.

Хлопнула дверь. И в квартире наступила мертвая тишина. А через час...

Толстый Мордатенков пригласил Елену Сергеевну на кухню. Там стоял новенький сине-желтый кухонный столик.

— Это вам, — сказал Мордатенков конфузясь. — Зачем вам тесниться на подоконнике? Это вам. И красиво, и удобно, и бесплатно! И приходите к нам телевизор смотреть. Сегодня Райкин. Вместе посмеемся...

— Зина, солнышко, — крикнул он в коридор, — ты смотри же, завтра пойдешь в молочную, так не забудь Елене Сергеевне кефиру захватить. Вы ведь кефир пьете по утрам?

— Да, кефир, — сказала Елена Сергеевна...

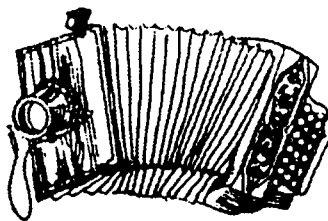
— А хлеб какой предпочитаете? Круглый, рижский, заварной?

— Ну что вы, — сказала Елена Сергеевна, — я сама!..

— Ничего, — строго сказал Мордатенков и снова крикнул в коридор: — Зинулик, и хлеба! Какой Елена Сергеевна любит, такой и возьми! И когда придешь, золотко, постираешь ей что нужно...

— Ох, что вы!.. — замахала руками Елена Сергеевна и, не в силах больше сдерживаться, побежала к себе. Там она сдернула со стены полотенце и прижала его ко рту, чтобы заглушить смех. Ее маленькое тело сотрясало от хохота.

— Сила искусства, — шептала Елена Сергеевна, смеясь и задыхаясь, — о волшебная сила искусства!..

Михаил Жванецкий

Думайте о здоровье

Что значит — вредно пить?

В журнале «Здоровая жизнь», кажется, за 1967 год, так и написано, что вино полезно. Один доцент, фамилию я забыл, так и пишет. Напивайтесь — полезно. Ну, коньяк, мол, вообще полезный, против простуды, против ревматизма, сосуды расширяет, сужает любые, ну, всегда полезный, но дорогой. Потому что очень полезный. А если сердце больное — водку с перцем нужно поровну перемешать, туда чуть крепленого, две рюмки, не больше, ну три. Все это перемешал, дал себе, очнулся — не найдешь, где сердце. Пусть все ищут — не найдут. В лаборатории сотрудники все испытывают на себе. Им иначе зарплата не идет. Святые люди. Я уважаю науку и этих людей.

А вот в журнале было, не то в «Науке и быте», не то в другом: профессор один сам вылечился, детей подлечил вот этим — водка, перец, крепленое и сухое. Там таблица есть, в каком журнале, не помню, за прошлый год. Можем подшивку взять. Только, пишет, — беременным женщинам нехорошо. Им можно без перца. А состав тот же. Почитай, почитай, ты молодой, девки в голове, а о здоровье не думаешь, а оно самое драгоценное.

Вино крепленое с пивом в кружке смешать. На кружку вина — стакан пива...

Один профессор себя на ноги поставил, жену, детей.

Сейчас на соседей перешел. Но, конечно, лучше с утра. Это для почек. Для суставов хорошо часов в двенадцать принять, когда солнце подошло и уже начинает палить. Ломоту снимает в суставах. Треск вот этот, щелканье, знаешь, в суставах на ходу. У тебя есть? У меня было, снял все. Вот слушай — тишина! Раньше треск стоял! Пулеметный!.. Не мог тихо ни к кому подойти. Демаскировал. В журнале «Вокруг мира» один профессор пишет: су-

ставам смазку дает. Сто пятьдесят «зубровки», две сотни мицного «Алиготе», «Столовое» и чуть капнуть ацетона. Чуть-чуть, для запаха. Мгновенно забудешь, где суставы. А желудочно-гастритчикам надо осторожно. Им «Алиготе» и марочных нельзя. Просто нельзя Это гибель для них. Спасает спирт с хреном и два часа ничего не кушать. Только пивом запить. Терпеть. Один профессор пишет, что только этим себя поднял. Академик один после инфаркта месяц лежал, пластом. Начали самогоном отпаивать. Через день встал. Бегаёт. Да этот случай описан! На Кавказе было. Он в горах лежал как безнадежный, после трех стаканов сам сбежал с горы. Внизу его родные ждали, внуки там, жена, шутка ли, покойником был. Хорошо, кто-то догадался самогон влить в рот. Бегаёт академик. Сейчас кандидатскую будет защищать. Надо же знать, что против чего. Брага хорошо почки прочищает. Сивуха дает печени прострел — навсегда.

Чистый спирт с бензином вообще убыстряет работу организма. На мозг хорошо действует древесный лак, спиртовой, но подогретый. Когда думаешь о здоровье, знаешь, что против чего. А тут один есть еще не старый, видишь, вон на двух палках качается, дальтоник, не отличает кислого от соленого и крепленого от сухого.

Для чего человек живет? Девушка, мне валидол, нитроглицерин, «Ессентуки» и что-нибудь от насморка.

Л и о н У з м а й л о в

Фиктивный брак

— **С**мотрю я на вас и думаю:

ну что у вас за жизнь, у семейных!

— Но вы ведь тоже, кажется, женаты? И даже познакомили меня со своей женой...

— Я? Да вы что? У меня же фиктивный брак. Стал бы я жениться на ней!

— А мне показалось, что ваша жена симпатичная.

— Да нет, она красивая женщина, но все равно брак фиктивный.

— А свадьба у вас была настоящая?

— Настоящая.

— И «горько» кричали?

— Конечно, я сам кричал.

— И вы целовались?

— А как же, еще как целовались. Надо же было, чтобы никто не догадался, что брак фиктивный. Да нет, в принципе она хороший человек, но вот походка...

— Некрасивая?

— Не то слово. Такое впечатление, что она все время подкрадывается ко мне.

— Простите, а какое значение имеет ее походка, если брак фиктивный? Что вам, ходить, что ли, куда-нибудь вместе?

— А как же! В кино, в театр, а к родственникам, к друзьям... Надо же, чтобы никто ни о чем не догадывался.

— Так, значит, вы к ней приезжаете, а потом вместе идете?

— Куда приезжаете?! Я у нее и живу.

— Вот так, в одной квартире и живете? Это же, наверно, очень неудобно?

— Конечно, неудобно. Она, муж ее тут же, рядом... Между нами говоря, муж-то ее и зарабатывает мало... слабо зарабатывает.

— Кто он, муж-то ее?

— Да я, кто же еще-то!

— Знаете, такое впечатление, что вы женаты по-настоящему.

— Я?! Что я, дурак, что ли, по-настоящему? У нее ж двое детей!

— Ах, вот оно что!.. Тогда другое дело. А как они вас называют?

— Папой.

— Привыкли, значит?

— Привыкли. Уж двенадцать лет как вместе.

— Извините, а от кого дети?

— От меня, от кого же еще! И дети так думают.

— А на самом деле?

— От меня и есть.

— Ничего не понимаю. А до замужества у вашей жены были дети?

— Были. Один был.

— Ах, вот в чем дело!

— Ну, конечно.

— А от кого?

— Пошляк какой-то! Да от меня, от кого же еще! Я ж вам говорю: живем вместе, я ей зарплату отдаю, она мне стирает, готовит — все делает, чтобы никто ни о чем не догадывался.

— Ерунда какая-то! Живете вместе, дети общие, зарплату отдаете — все как у меня, а брак — фиктивный. Ради чего это нужно?

— Ради свободы. Раз брак фиктивный, значит, я что хочу, то и делаю. У вас брак настоящий, а свобода фиктивная. А у меня брак фиктивный, зато свобода настоящая.

— Но ведь это же незаконно, фиктивный брак, за это же наказать могут!

— А кто об этом знает? Кто об этом догадывается?

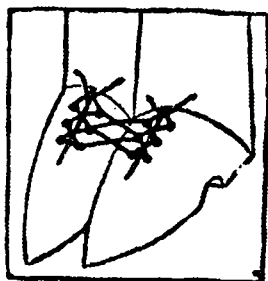
— А вдруг узнают?

— Ну, я надеюсь, что этот разговор останется между нами?

— Конечно. Но вы не боитесь, что ваша жена вдруг кому-нибудь расскажет, что брак фиктивный? Вдруг она вас выдаст?!

— Да вы что! Как это выдаст! Она об этом понятия не имеет. Она об этом и не догадывается.

- А-а...
- Вот так, милый мой! Вы вот куда сейчас пойдете?
- Домой.
- Вот. А я куда хочу, туда и пойду.
- Куда же вы хотите?
- Домой, конечно, куда же еще?!

Владимир КЛИМОВИЧ

История

У меня со всеми налажены

прекрасные отношения: начальство меня ценит, жена уважает, в магазине не обвешивают — в мясном отделе у меня школьный друг работает. Так что полный порядок.

Только с таксистами ничего не получается — не везут они меня, и все тут!

Вот из-за такси и случилась со мной одна история.

Под Новый год возвращался я от Прохоровых с новоселья. В метро, конечно, не пустили. Иду пешком. Чувствую себя, как на Марсе: зима, холодище, народу — никого, и на небе вижу две луны. Страшно мне стало. Идти далеко, устанешь, упадешь, заснешь — и пропал. Искать не станут — не на льдине.

И решил я на отчаянный шаг. Такси поймать.

Чего только я не делал: и руки поднимал, и кричал, и даже ложился на проезжую часть. Только один остановился — обещал морду набить.

Озяб я, чуть не плачу. Вдруг вижу — на бульваре человек стоит. Руку протягивает, тоже такси ловит. Обрадовался я: вдвоем веселей — и к нему.

— Тебе куда, друг? — спрашиваю. А он молчит. Я его за руку потрогал, а он холодный весь и на лице иней. Замерз, бедняга. И я так мог. Спасать человека надо. Взял я его на руки и понес. Тяжелый, черт.

Только к утру я его к себе домой дотащил. Умаялся. Положил его на кровать, а сам на кухню: там у меня четвертинка на черный день припрятана. Только я ее достал, а тут жена с ночной пришла. Свет в комнате зажег — да как закричит:

— Ты что притащил, алкоголик проклятый?

Ну, я туда. Смотрю, а он лежит. Памятник с бульвара.

Виктор Коклюшкин

Телевизор

Иван Сергеевич Подоконников сидел

в кресле, держал в руках журнал с юмористическим рассказом и возмущался:

— Черт знает что! Юмористический рассказ называется — плакать хочется! И ведь деньги еще за это получают пи-са-те-ли! Да я... Да что я — любой дурак и то смешнее придумает!

Иван Сергеевич отвел душу и перевернул страницу. На следующей странице было напечатано: «Объявляется конкурс на лучший юмористический рассказ. Приглашаются все желающие. Премия триста рублей».

Иван Сергеевич крикнул и почесал затылок: «Ишь ты, петрушка какая! Триста рябчиков — считай, это... новый телевизор!»

Он посмотрел в угол, представил, что там вместо старого телевизора стоит новый, и подумал: «Попробовать, что ли?»

Он вспомнил, как Трофимов, что живет в соседнем подъезде, шел сдавать посуду, поскользнулся и упал.

«Это и опишу!» — решил Иван Сергеевич.

«Однажды Трофимов, что живет в соседнем подъезде, — старательно выводил он, — шел сдавать посуду, поскользнулся и упал».

Иван Сергеевич поставил точку, перечитал и попробовал хихикнуть — не хихикалось.

«Да что же это такое! — начал нервничать он. — Ведь смешно же было! А может быть, это мне, автору, не смешно, а другой, может, от смеха лопнет?»

— Сим! — позвал Иван Сергеевич жену.

— Чего? — откликнулась та из кухни.

— Тут вот, Сим, рассказ в журнале смешной напечатан, — приврал Иван Сергеевич и от смущения зарделся. — Вот послушай. — Он прочистил горло и начал читать: — «Однажды Трофимов, что живет в соседнем подъезде, —

с выражением читал он, — шел сдавать посуду, поскользнулся и упал».

Иван Сергеевич кончил и выждал паузу. Жена не смеялась. Молчала.

— Ну как тебе? — робко спросил он. — Понравилось?

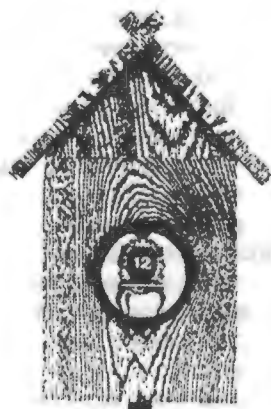
— Ерунда какая-то, — ответила жена.

— А вот автору, — обидевшись, второй раз соврал Иван Сергеевич, — за этот рассказ телевизор дали.

— По шее ему нужно было дать! — бухнула жена.

Иван Сергеевич вздрогнул, потрогал зачем-то свою шею, посмотрел еще раз в угол и сказал:

— А у нас с тобой телевизор хоть и старый, а работает лучше другого нового.

Михаил Кривич
Ольгерт Ольгин

Кентавр Легкий-На-Подъем

Из записок мастера-наездника Куницына

Вызывает меня директор ипподрома

и говорит: «Принимай, Куницын, кентавра». «Почему, — спрашиваю, — как что, так Куницын?» «А кого прикажешь? — спрашивает директор. — У Перцова язва, Сидоров с женой разводится, Оманский на картошке...» И пошел про спортивную честь, что кто-то всегда должен быть первым, об успехах нашего коневодства на международной арене и о том, что за наших лошадей архимиллиардеры платят звонкой инвалкотой, всякими долларами, гульденами и пиастрами. «Думаю, — говорит, — тебе объяснять нечего, думаю, — говорит, — вы с ним сработаетесь».

Раз дело государственное, иду в конюшню. У денника табличка — «Кентавр Легкий-на-Подъем, Эмский конзавод». Зашел в денник, похлопал кентавра по крупу. Холеный такой блондин, ухоженный, грива под скобку. Протянул я ему кусок сахара и говорю: «Ну что, брат Леха, ладить будем?» А он, с сахаром за щекой: «Тамбовский волк тебе брат...» И отвернулся.

Работать с ним было нелегко. То ему польский лосьон после бритья, то меняя подстилку по пять раз на день, то настенный календарь, как у директора в кабинете. Любил Леха красивую жизнь.

Я ему старался во всем угодить. Воблы принесу, или бутерброд с сервелатом, или пачку «Филип Моррис» раздобуду — он к тому времени пристрастился к хорошим сигаретам. И все равно на тренировки кентавр ходил без особой охоты, предпочитал сидеть в деннике под лампочкой и листать разные книжки из нашей библиотеки — все больше детективы да популярные брошюры по генетике и коневодству.

Месяца через два я уговорил Легкого-на-Подъем пробежать круг на время.

Прошли за минуту сорок восемь; сами понимаете, что за резвость. Нас с ходу поставили в программу, записали на приз.

На проминке перед стартом Леха был зол хорошей спортивной злостью и все допытывался, пошлют ли нас в Брайтон или еще куда, если выиграем. «Кого надо, того пошлют, — отвечаю. — Только что ты там оставил?» — «Курорт знаменитый, отели-мотели, трубку «Данхилл», глядишь, достану». До Брайтона далеко, думаю, а заезд у нас не малина. Тот же Перцов, хоть и язвенник, свое дело знает.

...У первого поворота мы были первыми. Даже на скорости видно было, как чудачки с сорокакопеечной трибуны размахивают программками и разевают рты. Леха, не сбавляя хода, буркнул мне через плечо: «Чего они суеются?» — «Как чего? Ставки сделаны, деньги плачены. Материальная заинтересованность...» — «А если мы первыми придем, сколько они получат?» — «Ты, Леха, головой не верти, знай себе дуй!»

Но, видно, тяжелая дума засела в кентаврову голову. «А нам с этого какой навар?» — спрашивает. «Известно, какой. Мне — к окладу призовые. Потом, спорт есть спорт, признание болельщиков...» — «Тебе призовые, а мне?» — «Тебе-то чего не хватает? И одет, и обут, и нос в табакее... Беги, Леша, обгонят!»

Мысль о чьих-то доходах на его, Лехиной, резвости окончательно отравила моему кентавру бодрое стартовое настроение. Забывшись, он перешел на неприличный галоп, я осадил. «Слушай, Куницын, — вкрадчиво сказал Леха, лениво перебирая ногами, — а если я приз не возьму, мне что — рацион питания уменьшат?»

Тут мимо нас пронесся вороной Экклезиаст, мелькнул малиновый картуз над зеленым камзолом Перцова. «Кому твой овес нужен?! — кричу. — Обходят нас!»

А кентавр свое гнет: «Уменьшат или нет?» — «Нет, не уменьшат, овса на всех хватит...» — «К чему ж тогда копыта драть? Работа не конь — в степь не убежит...»

Леха перешел на шаг, свернул на газон посреди круга, сплюнул на траву и растер копытом: «Дай закурить, Куницын». Я чуть не заплакал от злости: как что, так Куницын. «Леха, Леха, что ты натворил, подумай только...»

Легкий-на-Подъем чиркнул спичкой, затянулся и мрачно сказал: «Пусть лошадь думает. У нее голова большая».

Александр Курляндский
Аркадий Хайт

Обеденный перерыв

В обеденный перерыв вызывает
меня начальник:

— Сережа, у меня к вам дело небольшое. Был я сейчас в столовой и в ужас пришел. Народу — тьма, все кричат, ругаются, никто поесть не успевает. Вот я и подумал: а что, если для нашего отдела обед передвинуть. Сделать или раньше, или позже других.

— Верно, — говорю, — многие так думают.

— Вот и чудесно. Тогда возьмите лист бумаги, обойдите людей и соберите, так сказать, общественное мнение.

Сказано — сделано.

Взял я чистый блокнот, ручку — и прямо к столовой. Внутрь, конечно, пробиться невозможно, поэтому я у дверей встал. Смотрю, вылезает из дверей наш техник, Степан Петрович. Красный как рак, в руках пирожок, а на брюках повидло.

— Приятного аппетита, — говорю. — Ну как пообедали?

Степан Петрович покосился на мой блокнот, галстук поправил и говорит:

— В тот момент, когда весь отдел борется за выполнение плана, проблема питания, как никогда...

— Минуточку, — говорю, — вы меня не так поняли. Я же не для стенгазеты спрашиваю.

— А чего ты блокнот достал?

— Потому что я мнения выясняю.

— Понятно. Стало быть, в колхоз посылают.

— При чем здесь колхоз?

— А что? Уборка территории?

— Какая уборка? Устраивает вас время обеда или нет?

— А-а, вот в чем дело. Некого в командировку послать.

— Фу ты, господи! Да я правда насчет обеда.

— Обед, говоришь. Ой, хитер! Ну ладно, обед обедом. А вообще-то... чего тебе надо?

— Не надо мне ничего! Было надо, а теперь не надо.

— Понятно, — говорит он, — стало быть, сокращение намечается.

Махнул я рукой и спиной повернулся. Стою жду. В это время из столовой наша чертежница выходит, Марья Петровна. Тихая, милая женщина. Она всегда чуть раньше отпрашивается, чтобы другим очередь занять.

— Марья Петровна, я к вам насчет обеда.

— А что, — говорит, — я отпросилась.

— Дело не в этом.

— А в чем? У меня все уплачено.

— Я знаю. Вы лучше скажите, что нам с обедом делать?

— А что? Можно и без обеда.

— Не об этом речь. Может, нам его передвинуть?

— Я и говорю, можно и передвинуть.

— Значит, это время вас не устраивает?

— Почему не устраивает? Устраивает.

— А зачем же тогда передвигать?

— Можно и не передвигать.

— Марья Петровна, голубушка, поймите. Меня интересует ваше мнение. Как сделать, чтобы вам самой было лучше.

Она подняла на меня глаза и говорит:

— Сереженька, милый, не мучь ты меня, ради бога. Давай я тебе лучше свитер свяжу.

Ну что ты будешь делать! Не понимают они меня, что ли? Ведь я как лучше хочу. Для них же самих. Тут меня кто-то окликает:

— Сереженька, вы чего такой грустный?

Смотрю, Семен Григорьевич, старейший работник отдела. Ну, думаю, этот не подведет.

— Семен Григорьевич, — говорю.

— Да-да, я вас слушаю.

— Как вы думаете, стоит нам обед передвинуть?

— Не знаю, Сереженька, я в столовую не хожу. У меня бутерброды.

— Но в столовой же лучше. Там горячее...

— Да, там, конечно, лучше. Но я туда не хожу.

— Может, потому, что народу много?

— Сереженька, дорогой, что вы меня все время ловите? Откуда я знаю, сколько там народу, если я туда не хожу.

Нет, думаю, что-то я не так делаю. Может, я людей блокнотом пугаю или слишком официальничаю. Надо по-другому попробовать. По душам.

Спрятал я блокнот, ручку и, будто бы прогуливаясь, по коридору пошел. Иду, а навстречу мне Терентьев.

— Ну, как дела? — спрашиваю.

— Ничего, — говорит. — Идут помаленьку.

— Наверное, обедал уже?

— Какой там, разве пробьешься. О чем только начальство думает!

— В каком это смысле?

— В прямом. Взяли бы да и передвинули обед. Одни — в час, другие — в два. Полный порядок.

— Ну а ты-то как считаешь? Когда лучше, в час или в два?

— Лучше бы в два. Чтобы аппетит нагулять.

Тут я сразу достаю блокнот и ручку:

— Значит, ты считаешь, что лучше — в два. Так и запишем.

— Чего запишем?

— Твое мнение.

— Какое это мое мнение?

— Насчет обеда.

— Я тебе запишу. А ну, положи ручку!

— Но ты же сам говорил.

— Мало чего я говорил. А если я начну записывать, что ты говорил?.. Иди-иди. Тоже мне, писатель нашелся.

Вечером с пустым блокнотом я вошел в кабинет начальника.

— Ну что, — спросил начальник, — провели опрос?

— Провел.

— Ну и что?

— Да вроде бы и ничего.

— Как — ничего? Что, все довольны?

— Выходит, что довольны.

— Ну что ж, — сказал начальник. — Если все довольны, я ничего против не имею. Оставим все как было.

На том и порешили.

Андрей Кучаев

Мозговая косточка

На кухне в новой, только что

отстроенной квартире обедали два товарища: дядя и племянник. Обед их состоял из наваристых бараньих щей и «Московской».

Друзья и родственники съели уже по шесть тарелок щей и отправили под стол две порожние бутылки из-под «Московской».

Дядя, притомившись от еды, отдыхал, погруженный в глубокое раздумье, племянник трудился над осколком бедренной кости барана. Он отшлифовал кость так, что хоть сейчас на рукоятку трости, однако внутрь еще не проник.

— Мозговая... — сказал племянник, заглядывая одним глазом в кость, как в подзорную трубу. — Сейчас мы ее, момент...

— Самый сок теперь остался, — согласился дядя, не прерывая раздумий.

— Сейчас мы отсюда мозгу-то вытянем. — Племяш сунул кость в рот на манер курительной трубки и втянул со свистом воздух через кость.

— Тяни, тяни, — поощрил дядя, не прерывая раздумий. — В мозгу-то фосфор содержится... Пища для ума, витамин.

— Сейчас мы ее вытряхнем, момент! — Племяш, примериваясь, потюкал костью о край тарелки. — Сейчас мы ее отсюда выбьем! — И он грохнул острым краем кости со всей силы по дну тарелки.

Тарелка разлетелась вдребезги. Один осколок поцарапал дяде макушку.

— Во дает! — сказал дядя, почесав макушку спичкой и не прерывая раздумий. — Однако тарелки делают, а?

— Это мы ее сейчас расковыряем, момент! — сказал азартно племянник и полез в кость ножом из нержавеющей стали.

Нож со звоном сломался, и осколок ножа оцарапал дяде плечо.

— Во дает, — сказал дядя, почесав татуированное веснушчатое плечо. — Однако ножи делают, а? — добавил он, не прерывая раздумий.

— Сейчас мы ее разможем, момент! — Племяш положил кость на пол и шарахнул по ней тяжелым молотком.

Скользкая кость выстрелила из-под молотка дяде в ногу, а молоток переломился. Одна половинка осталась в руках у племянника, другая провалилась в дырку в полу.

— Вот шальной, — сказал дядя, поморщившись и почесав ногу спичкой. — Однако молотки делают, а? А полы?! — И дядя снова погрузился в раздумья.

— Ну сейчас-то мы ее выпотрошим, момент! — Племяш острым краем кости грохнул изо всех сил по стене. Стена рухнула — и племянник с дядей оказались на улице, прямо на мостовой.

— Во завелся, — сказал дядя, не прерывая раздумий. — Однако стены кладут нынче, а?

— Ну сейчас-то мы ее в момент расплющим! — сказал потный племянник и положил кость на трамвайный рельс.

Проходивший трамвай сошел с рельсов, придавив слегка дядю.

— Ты прям шальной какой-то, — сказал дядя, поставив трамвай на место. — Однако пути трамвайные кладут, а?! — сказал дядя и погрузился в свои раздумья, почесывая бок в голубой майке.

— Сейчас мы ее в момент раздолбаем! — крикнул племянник и ахнул острым краем кости дядю по лбу.

Мозг выскочил, дядя его поймал, выйдя из раздумий, и передал племяннику.

— Видал? — сказал дядя, почесав лоб спичкой. — На совесть сделано, а? — Дядя похлопал себя по веснушчатому темени и погрузился в свои раздумья.

неукА

Борис Лобков

Неправильный ручей

Это случилось утром, за полчаса до

начала рабочего дня. В 7.30 я открыл двери своей лаборатории. Я уже не помню, когда открывал их с удовольствием. Разве только в самом начале эксперимента. Я вошел в лабораторию, повесил куртку на спинку стула, распахнул окно и, включив систему, вынул пачку «Примы». Почти одновременно с щелчком моей зажигалки я услышал за спиной шипение. Я обернулся и обомлел. Настольная лампа всплывала над столом. Она всплывала как-то нехотя, но по тому, как она легко, не дрогнув, выдернула штепсель из розетки, я понял, что ее тянет кверху большая сила. Лампа сделала круг под самым потолком и вылетела в распахнутое окно. Я продолжал стоять не шелохнувшись на своем месте и смотрел, как моя лампа поплыла над зеленой поляной. Я знал все законы, по которым тела могут преодолевать земное тяготение, но закона, по которому настольная лампа сейчас летела впереди меня, я не знал. Я догнал ее у самого леса, потому что она неожиданно прекратила движение по горизонтали и начала плавно набирать высоту.

— Добрый день! — услышал я рядом. — Ваша новая модель? — Он указывал красивой тростью в направлении лампы.

— Вы... ее тоже видите? — спросил я быстро, потому что мне вдруг пришло о голову, что все это сон.

— Вижу. А что?

— Будьте любезны, — попросил я его, — ударьте меня вашей палкой по голове. Мне это чрезвычайно необходимо. Не смущайтесь, ради бога. Я вам все объясню потом.

«Сейчас все исчезнет», — подумал я и сказал:

— Не смущайтесь. Ударьте сильнее.

Он ударил меня значительно сильнее, чем хотелось. Я поднял голову — моя лампа продолжала набирать высоту.

— Как вы думаете, я не сплю? — спросил я его, когда из моих глаз перестали сыпаться искры.

— Нет, — сказал он. — Если бы вы спали, я бы вас только что разбудил.

— А вы знаете, что сейчас над нами в воздухе?.. Настольная лампа! Минуту назад она сорвалась с моего стола.

— А крылья у нее есть? — спросил он.

— Нету.

— А пропеллер?

— Нету.

— А двигатель? — он прислушался. — Я отчетливо слышу, как он работает.

— Это стучит мое сердце, — сказал я.

— А... реактивная струя у нее есть?

— Никакой струи нет!

— Может быть, ее увлекает шар, наполненный газом?

— Никакого газа там нет.

— Как же она может летать? — спросил он. — Я ничего не понимаю.

— Я тоже, — сказал я.

Он закусил нижнюю губу.

— А крылья у нее есть?

— Нет!

— Тогда она летать не может.

— Как это не может, если она летает, — сказал я.

— Она не должна летать, — сказал он твердо, — потому что она летать не может.

— Вы что, не верите своим глазам?

— Верю. Но теория... Вы читали труды професс..

— Это не объяснение! — перебил я его. — Вы знаете, что под лежащий камень вода не течет?

— Есть такая аксиома, — сказал он.

— А теперь смотрите сюда, — и я показал ему камень, под которым журчал ручей. Я даже отодвинул этот камень, для того чтобы он смог потрогать его мокрую сторону. Он понюхал кончики пальцев и сказал:

— Да, это вода... Но это неправильный ручей.

— Как «неправильный»?

— Правильный никогда не потечёт под камень. Ты хоть его убей — не потечет, — объяснил ученый.

— Но он же течет!

— Может быть, он и течет, хотя на самом деле он не течет.

Здрав головы, мы долго смотрели на уменьшающуюся в голубом небе черную точку.

— Черт его знает, — сказал он, — может быть, она и летает...

Я ничего ему не ответил.

В двенадцать часов я доложил ученому совету о случившемся.

— И вы утверждаете, что лампа вылетела через это окно?

— Да, — сказал я.

Ученый совет с любопытством рассматривал меня.

Потом меня спросили:

— Сколько будет дважды два?

— Четыре, — сказал я.

— Не волнуйтесь, — сказал председатель ученого совета. — Вы ученый, и мы ученые. Если бы это еще кто-нибудь видел...

— Видел! — сказал я и притащил того типа.

— И вы утверждаете, что видели, как она летит?

— Я ничего не утверждаю, — сказал он. — Я видел, как он видел, что лампа летела.

Я снова экспериментирую. Когда мне становится особенно грустно, я прихожу к моему неправильному ручью, который течет под лежащий камень... Вернее, тек раньше. Сейчас его кто-то отвел от камня. Наверное, для подтверждения истины.

Евгений Попов

Бессовестные люди

Раз случайно вызвал я по телефону

такси. Дай, думаю, съезжу-ка я к своей тетеньке. Поговорим с ней о том, а также о сем. Чаю попьем с вареньем. Правда, живет тетенька у черта на куличках, но если существует такси, то и довезет, думаю. Прямо от двери до двери, как говорится.

Вызвал такси, а сам немножко задремал. И проснулся точно вовремя, чтобы, выйдя на улицу, услышать от таксиста следующие слова:

— Ты где это шляешься, клиент? Я тебя уже жду.

— Помилуйте, но я вовремя. Я по часам. Аф-ф. — возразил я, зевая.

— Вот то-то и оно, что вовремя. Я не возражаю, что вовремя. А стоит мне чуть опоздать, так вы сразу и лае-тесь, как псы. А приедешь вовремя, так вы тоже недовольные.

— Что вы, что вы, дорогой! Я очень довольный. Да и вам грех сердиться. Счетчик стучит и стучит. Вон уже семьдесят копеек настучал. И я их оплачу.

— А вы как думали? Восемьдесят? Конечно, восемьдесят. А что счетчик стучит, так он не на мой карман стучит. Да я бы за эти пять минут да как бы уж насадил бы целых четыре человека — и с ветерком, с ветерком. Эх, я бы!.. — загоревал таксист. И тут же сделал попытку взять в машину какую-то не известно чью красавицу, стоявшую на обочине. Но та отказалась. Тогда таксист скрипнул зубом, но от реплик воздержался. И погнал, погнал с дикой скоростью по асфальту, по нашему городу прямо к черту на кулички.

А на этих самых куличках, где раньше лишь бродили домашние козы, выл ветер и лежали на чахлой траве какие-то камни, — там вырос громадный микрорайон из девятиэтажных домов.

— А теперь, друг, нам пора сворачивать вон к тем домам, окна которых все сплошь сияют огнями, — говорю я таксисту.

И тут в такси стало очень тихо.

— Как... как? — пролепетал таксист. — Зачем вы говорите, чтобы я ехал в сторону от асфальта, в сторону по дороге, туда, где могут быть ямы, кирпичи, стекла и неприятности? Давайте лучше я вас высажу здесь, а дальше вы пойдете пешком и своим ходом.

— Товарищ! — сказал я, чувствуя, как закипает жидкость в моих жилах. — Товарищ! А я все-таки попрошу вас везти так, как я это заказывал по телефону, то есть налево. Я бы с удовольствием пошел пешком, но я не могу.

— Почему это вы не можете? Все могут, а вы не можете. Почему это?

— Да потому, что я... я хромый. Я упал со скал. Знаете песню «А когда он упал со скал»? Так это я и упал. Я упал. У меня теперь одна нога короче другой. Понял?

И я замолчал, а таксист опять скрипнул зубом. Ишь, скрипун!

И доехали, представьте себе, очень хорошо. Таксист, правда, все поскрипывал, но это так, ничего.

Я расплатился. И вышел, хромая.

Да. Со стыдом, но признаюсь вам, что я захромал. Я притягивал к себе ногу, переваливался с боку на другой и полз-подползал к углу тетенькиного дома.

А за углом припустил. Я оказался бы мигом у тетеньки, если бы не... если бы не... Если бы не обнаружил в темном проеме подъезда все того же таксиста, который неизвестно как сумел меня перегнать.

— Ну и что? — сказал он. — Хромый! Упал со скал? Не можешь?

Я оробел и отвечаю:

— Не хромый, но не могу. Не хочу. А везти меня к дому вы были обязанные, так как это обговаривалось по телефону.

А тем временем уж и ночь наступила. То светили ясные звездочки, а тут вдруг стало темно. Темно-темно. И таксист, темнея лицом, сказал мне, находясь в темном подъезде:

— Бессовестные люди, — сказал таксист. — Совершенно обнаглевшие, бессовестные люди. Волки. А я-то пожалел. Дай, думаю, прокачу беднягу. Я, конечно, пожалел, но решил проверить. И вот. Вот. Как я ошибся! Как я ошибся! Бессовестные... Трахнуть бы тебя манти-

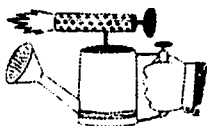
ровкой. Трахнуть бы, да нельзя. Нельзя. Трахнуть, а? — прошептал он, наклоняясь ко мне.

— Как вы так сразу... монтировкой. Нет такого закона. Пустите. Я больше не буду, — ныл я, зажмурившись. — Пустите.

А когда открыл глаза, таксиста уже не было. Не было и машины. Никого и ничего не было. Был новый микрорайон, тетенькин дом, а больше никого не было. И ничего.

Поэтому вполне возможно, что вся вышеописанная история мне пригрезилась спросонья. Ну, вообще-то, положим, не вся...

Марк Розовский

Стройка

Строили дом, строили...

Выстроить никак не могли.

Во-первых, кирпич. Если он есть — его воруют.

Во-вторых, стекло. Если его нет — значит, его разбили. А если оно есть — значит, еще разобьют.

В-третьих, шпиль. Только его поставили — следующей ночью кто-то в черной маске пришел на крышу и тихо спилил его обыкновенной крестьянской пилой. Ну хотя бы спилил и рядом оставил, злодей, а то унес с собой, ворюга проклятый.

После этого пошло. Совсем обнаглели. Кто-то фундамент утащил, кто-то — лестницу, кто-то — солнечную стену... О кафеле и говорить не надо: он до стройки ни разу и не дошел, его здесь рабочие и в глаза не видели никогда. Не знают даже, что это — кафель — такое. Когда слышат «кафель», некоторые думают, что это пиво новое, а другие, более культурные и начитанные, — будто это новая планета какая-то неподалеку от Луны, только немного сзади, и потому она, эта самая Кафель, нам долго не была видна.

Когда дом был готов, приехала комиссия его принимать.

— Ну что ж, — сказали, — нам лично это помещение нравится. Архитектура современная. Интерьер тоже вполне заслуживает. В общем, пусть первыми сюда введут тех, кто возводил это замечательное здание.

И двери нового городского суда широко распахнулись перед строителями.

Сразу ничего не добьешься

Федькин проснулся ночью оттого,
что почувствовал себя дураком.

Бывает, внезапно просыпаются от зубной боли или оттого, что в ухо кто-то крикнет. Федькину в ухо никто не кричал, в его семье не было таких привычек, зубы у него тоже не болели, потому что были вставные. Федькин просто почувствовал себя дураком — не в данную минуту, а в принципе. Возможно, это было наследственное и перешло к нему от родителей, а может, родители были ни при чем.

Федькин лежал и смотрел в потолок. Потолок был белый, четкий, как листок бумаги. Он сам его белил два раза в месяц. Федькину больше всего в этой жизни нравилось белить потолки: стоять на чем-нибудь высоком и водить над головой кисточкой — в одну сторону и в другую.

Федькин смотрел на свою работу, и настроение у него было грустно-элегическое.

А за окном между тем начиналось утро.

Утро начиналось для всех: для дураков и для умных. Федькин помылся, оделся и сел за стол, а жена подала ему завтрак. Завтракают все — дураки и умные, и жены тоже есть у всех. Иногда бывает, что у дурака умная жена, а у умного — дура. У Федькина жена была не очень умная, но вовсе не дура. Она ходила по кухне с лицом, блестящим от крема, а волосы у нее были собраны на затылке в хвостик и перетянуты резинкой от аптечной бутылки.

Федькин посмотрел на ее хвостик и почувствовал угрызения совести.

— Зина, — сказал он, — а ты зря тогда за меня замуж пошла...

— Почему? — удивилась Зина.

— Дурак я.

— Вот и хорошо, — сказала Зина.

— Что же тут хорошего? — не понял Федькин.

— Спокойно.

Самое главное в этой жизни — точно определить свое место. Чтобы соразмерить запросы с возможностями.

Когда Федькин вышел в это утро на улицу, он все про себя знал. И ему стало вдруг спокойно, не захотелось никуда торопиться. Он медленно шел, дышал и смотрел по сторонам. Если бы он был умный, то прочитал какие-нибудь стихи, вроде: «Октябрь уж наступил, уж роща отряхает...» Но Федькин Пушкина не знал и просто думал: «Хорошо-то как, господи...»

В холле перед кабинетом на красных плетеных стульчиках сидели люди, курили и беседовали, беспечно поводя руками. Они приходили сюда толкать и пробивать. Некоторые пробивали по два года. В первый год они расстраивались и даже болели на нервной почве, а ко второму году смирялись и находили определенное удовольствие в своей неопределенности.

Когда в холле появился Федькин, все замолчали, и он понял, что говорили о нем.

Прежде, когда Федькин шел мимо людей по кабинету, он напрягал лоб, лицо делал каменное, а взгляд устремлял в перспективу. Сегодня Федькин свой взгляд никуда не устремлял, а просто остановился и спросил:

— Сидите?

— Сидим! — дружно отозвались те, кто толкал и пробивал.

Федькин вошел в кабинет и закрыл за собой дверь, но дверь тотчас приотворилась, и в нее заглянул Лесин, тощий и нервный молодой человек. Он всегда грыз спички, и его пальцы от спичечных головок были коричневые.

— Здравствуйте, — сказал молодой человек. — Вы меня помните?

— Еще бы, — сказал Федькин. — Как ваша фамилия?

— Лесин.

— А вы чей сын? — прямо спросил Федькин.

— Лесина, — прямо сказал молодой человек. Федькин такого не знал. Он оторвал от календаря листок и стал ровно закрашивать его чернилами. Ему казалось, будто он белит потолок.

Лесин смотрел и ждал, когда можно будет заговорить о своих делах, а Федькин про его дела уже слышал, ему было неинтересно.

— У вас есть родители? — поинтересовался Федькин.

— Конечно, — удивился Лесин.

— А вам не стыдно второй год не работать?

— Так вы же мне не даете.

— Я?

— Ну а кто? Для того чтобы я начал работать, вы должны подписать бумагу, а вы эту бумагу не подписываете уже второй год. А я второй год хожу к вам как на службу и улыбаюсь и делаю вид, что ничего не происходит. Вы мой враг!

— Я не враг, — поправил Федькин. — Я дурак.

— В каком смысле? — растерялся Лесин.

— В умственном.

— Понятно. — Лесин моментально поверил, и Федькина это обидело. — Я понимаю, — повторил Лесин, — но и вы меня поймите. Я два года ничего не делаю. Вы дурак, а я-то при чем?

— Займитесь чем-нибудь другим...

— Почему я должен заниматься не своим делом?

— Я всю жизнь занимаюсь не своим делом, — грустно сказал Федькин.

— А кем бы вы хотели быть?

— Маляром.

— По-моему, это механическая работа, — пренебрежительно сказал Лесин.

— А ты попробуй побелить потолок, — оскорбился Федькин, — а я посмотрю, какая у тебя лестница получится. У меня, если хочешь знать, кисточка из Франции...

Федькин стал рассказывать про кисточку, это было очень интересно. Лесин слушал и кивал, потом посоветовал:

— А вы плюньте и идите маляром.

— На кого плюнуть? — уточнил Федькин.

— На всех.

— На всех не могу. Перед женой неудобно. Каково ей под старость лет быть женой маляра?

— Если она вас любит — поймет, — сказал Лесин, и лицо его стало печальным, а голос ломким. Видимо, Лесина кто-то не понимал.

— Она-то поймет, а вот знакомые... Сразу увидят, что я дурак. Из начальников в маляры пошел.

— А вы сделайте так, чтобы вас уволили.

— Не уволят... — задумчиво сказал Федькин. — Я ведь не вор, не алкоголик какой-нибудь.

— Дурак — это очень серьезно! — Лесин поднял палец. — Вы просто недооцениваете. Услужливый дурак опаснее врага.

— Я не услужливый. Я равнодушный. Нет...— Федькин расстроился. — Это не пройдет.

— Ну а вы просто обратитесь к вашему начальству, — стал учить Лесин, у которого был опыт. — Пойдите поговорите — так, мол, и так... Может, войдут в положение.

Начальницей Федькина была женщина. Когда Федькин вошел к ней в кабинет, она кричала в телефонную трубку:

— Эф равно эм вз квадрат, деленное на два. Зачем ты звонишь мне на работу, неужели ты не можешь посмотреть в учебнике?

Федькин понял, что внук начальницы делает сейчас уроки по физике, а она управляет им на расстоянии.

Начальница бросила трубку и пожаловалась:

— Это какой-то сумасшедший дом. Работаю на них как вол, и никакой благодарности. И что только с ними будет, когда я умру?

Федькин знал свою начальницу пятнадцать лет, и пятнадцать лет назад она говорила то же самое. Люди с возрастом не меняются. Меняются их возможности, а сами они остаются прежними.

— Что у вас? — спросила начальница.

— Я хотел бы уйти с работы, — сказал Федькин.

— Куда?

— Маляром.

— Обиделись?

— Нет.

— А в чем дело?

— Просто я не подхожу... по уму...

— Кто сказал? — насторожилась начальница.

— Никто. Я сам узнал.

— А давно вы об этом узнали?

— Нет. Только сегодня. Один день.

— А я знаю об этом все пятнадцать лет, которые вы у меня работаете. И я вас очень прошу: не говорите больше никому, что вы дурак, и не вздумайте писать заявление, иначе в дураках оказываетесь не вы, а я.

— Вы думаете о себе, когда речь идет об общем деле, — оскорбился Федькин.

— А общее дело не может пострадать от одного дурака.

Федькин пошел к самому главному начальнику. Главный начальник был седой и красивый, только маленького роста. Внешне он походил на Наполеона Бонапарта, и его звали за глаза не Михаил Иванович, а Мишель.

Мишель постоянно торопился и постоянно не успевал. Когда к нему кто-нибудь приходил, он вставал со своего стула и улыбался. По системе Станиславского существуют две настройки: сверху и снизу. Каждый начальник в разговоре с подчиненным соблюдает настройку сверху. Мишель придерживался настройки на равных, так что посетитель иногда путал, кто из них двоих начальник.

— Здравствуйте, Михаил Иванович, — начал Федькин.

Мишель встал и улыбнулся.

— В двух словах, — попросил он. — У меня только полторы минуты.

— Я дурак, — сказал Федькин. Получилось ровно два слова.

— Раз вы понимаете, что вы дурак, значит, вы уже не дурак.

Федькин хотел возразить, но у Мишеля кончилось время.

— Все, — сказал он, — я должен в Индию лететь.

Федькин медленно шел по коридору и думал о том, как отвратительно покрашены здесь стены, как неряшливо побелены потолки. А если бы сделать это по-настоящему, то у начальства, у всех, кто здесь бывает, возможно, менялось бы настроение. А за пятнадцать лет, которые ушли неизвестно на что, он мог бы побелить много потолков и научить этому других. А время ушло. Ушло гораздо больше, чем осталось. И не случайно он проснулся сегодня среди ночи.

В коридоре за низкими столиками на красных плетеных стульчиках сидели люди — курили и разговаривали, беспечно поводя руками. Когда подошел Федькин, все замолчали, и он понял, что все говорили о нем.

Федькин хотел пройти дальше, в свой кабинет, но не сделал этого. Сел на красный плетеный стульчик.

— Ну, — живо спросил Лесин, — сказал им? — Лесин перешел почему-то на «ты».

— Сказал.

— Ну? — участливо спросили остальные. Федькин промолчал. Вид у него был расстроенный.

— Так сразу ничего не добьетесь, — осторожно наметнули остальные.

— Так сразу ничего не добьешься! — подтвердил Лесин. — Пробивай!

Александр и Лев Шаргородские

Вредная работа

Водопроводчик Булыжников лежал

на диван-кроватьи и издавал звуки, напоминающие заунывное пение водопроводных труб.

Утром он почувствовал себя неважно и сейчас ждал врача.

В дверь позвонили.

Булыжников встал и, с трудом добравшись до двери, открыл. На пороге стоял участковый врач.

— Простите, вы Булыжников? — спросил врач, чем-то похожий на доктора Дымова.

— Да. Здравствуйте, доктор. Вы меня не узнаете? — гриппозным басом произнес Булыжников.

— Как же. Узнал. Наш водопроводчик, — улыбаясь, ответил доктор и тут же совершенно изменившимся голосом строго, по-деловому спросил: — Значит, вы вызывали, хозяин?

— Я, — подтвердил Булыжников. — Занемог что-то...

— Не-а, не пойдет, — грубо сказал доктор, внимательно изучая водопроводчика. — Пойду, пожалуй...

— Доктор, в чем дело? — растерянно спросил Булыжников.

— Да вы что, хозяин?.. С таким ростом. — Он указал на почти двухметровую фигуру водопроводчика. — Сейчас высоких не берем. Вон со средним ростом сколько просят. Работы хоть отбавляй.

— А-а... что же делать?

— Вам лучше знать, хозяин.

Водопроводчик задумался и, вдруг хлопнув себя по лбу, понимающе произнес:

— Ой, извините, доктор.

Он достал из бумажника деньги и протянул их врачу.

— Ну ладно уж, — сказал доктор, — положите там, на тумбочке... Сами понимаете, какая работа... Вредная.

Доктор забрался на табуретку, заглянул в горло водопроводчику и вдруг, быстро соскочив, в испуге бросился к двери.

— К-куда вы? — закричал ему вслед водопроводчик.

— Чего же не предупредил, хозяин? — гневно бросил доктор. — Ты же заразный. У тебя ж полное горло стрептококков. А я мог и в другое место пойти. Меня всюду просят. Вот клиент вызывал. С ногой лежит. Все тихо, спокойно. И ниже этажом, между прочим. Так что, извините. Я пошел.

— Я учту это, — жалобно простонал водопроводчик, вновь доставая бумажник.

— Возись с вами, — проворчал доктор. — Положь на первую. Работай здесь во вредной среде. Лечить-то как будем? С вашим материалом?

— В каком смысле?

— Ну и непонятливый ты, хозяин. Чему вас только в школах учат? Лекарства-то чьи? Наши? Ваши?

— Дык... у меня ж их нету. Дык это ж не трубы.

— Черт с тобой, — сказал доктор... — Положь на те две... Да место для работы приготовь.

Пока врач наполнял шприц, Булыжников нехотя стянул штаны и лег на диван-кровать...

— Да ты не волнуйся, хозяин, — сказал доктор. — Струмент справный. Я работаю аккуратно, грамотно. Переделывать не придется...

— О-о-ой! — закричал Булыжников. — Больно.

— Ты что шумишь? Только половину же влил. Вечером приду — докончу.

И, оставив шприц невынутым, доктор направился к двери.

— Куда же вы, доктор? Что мне, до вечера так лежать? — почти заплакал Булыжников.

— А меня это не касается. Опохмелиться я должен? Вот ты лежишь, а я тут работаю как проклятый... Ну, хозяин, до вечера.

— Доктор! Доктор!...

— Ну что тебе?

— Сколько? — В голосе водопроводчика слышалось отчаяние.

— Сколько дадите, — уточнил доктор.

Водопроводчик с трудом дотянулся до бумажника...

Доктор подошел, закончил укол и, собрав чемоданчик, небрежно произнес:

— Ну все. Я пошел...

— А бюллетень? — почти возмущенно произнес полуподнявшийся Булыжников. — Без бюллетеня-то как?..

— Об этом не договаривались, хозяин.

— Но это же само собой.

— Само собой, говоришь? А что бумага дефицит, знаешь? Трать там на всякие бюллетени...

Доктор задумался, потом махнул рукой и, примирясь, сказал:

— Ладно уж. Сколько там, на тумбочке? Прикинь-ка...

— И так знаю. Двадцатку из меня выжали.

— Ну так вот, хочешь бюллетень — десятку доложь, и по рукам.

— У-у, шкурники, — почти пропел водопроводчик, — совести у вас нету. — Но десятку добавил.

Доктор меж тем выписал бюллетень и как бы невзначай мягким, бархатным голосом спросил:

— Да, простите, пожалуйста, сколько вы у меня за бачок в туалете сверх запросили?

— Ну чего уж там, доктор, вспоминать, — протянул Булыжников. — Чего там...

— А все-таки сколько? — очень интеллигентно настаивал доктор.

— Да тридцатку...

— Так будьте любезны, возьмите там на тумбочке и, как поправитесь, попрошу вас ко мне. Буду очень рад.

И доктор, собрав чемоданчик, тихо вышел.

Евгений Шатко

Ремесло

Все мальчишки нашей слободки

свистели в его свистульки. К сожалению, на второй день они переставали свистеть. Жизнь без свистулек была невыносима, и поэтому мы без конца таскали ему старые вещи и макулатуру.

Наконец, я добрался до штабелей книг в чулане и тайком понес ему несколько запыленных томов и почти новые галоши. Он приветливо улыбнулся мне из-за прилавка добрым розовым лицом.

— А, Шекспир! — воскликнул он, возбужденно хватая книгу, испуганно оглянулся и прошептал: — Зайди-ка в лавку, мальчик!

Я зашел. Он опустил окно, закрыл дверь. Дрожащими руками снова схватился за Шекспира и бережно полистал желтые страницы.

— Это то, о чем я мечтаю! — признался он и засиял. — Ведь что мне приносят? Всякую мятую рвань! А настоящий товар уходит к этим сумасшедшим, к этим букинистам! Как будто я, старый макулатурщик, не хочу взять в руки стоящую книгу! Ты носи книги только мне. Не говори ни папе, ни маме, ни учительнице. И держись подальше от этих отъявленных букинистов! Я один знаю, что такое настоящий Шекспир! Это меловая бумага номер один по тридцать копеек за килограмм! А тисненый картон идет и до рубля! Но все это надо же обработать! Вот посмотри!

Он указал на стол, на котором был укреплен тяжелый нож, похожий на те, какие бывали в те времена в булочных.

— Я не люблю сдавать сырье кое-как, — сказал он и сунул отогнутую обложку Шекспира под нож. — Это надо обработать до высшего стандарта. Посмотри, поучись!

Он ловко отсек у книги обложки и содрал переплет, как кожуру с колбасы.

— Вот видишь — бумага отдельно, картон отдельно. Литературу надо уважать! Но это первая ступень.

Он сунул книгу под нож и точными, мастерскими движениями рассек ее на ровные дольки, как яблочный пирог.

Я открыл рот от восхищения.

— Что, красиво? — спросил он польщенно. — Главное — выдержан стандарт разреза, а это повышает сортность! Такую книгу грех рвать на клочья.

Он мечтательно почесал лысину.

— Да, в старину были прекрасные книги! Они давали много, очень много! Двадцатитомный Вальтер Скотт давал полтора пуда высококачественной бумажной лапши и до четырех килограммов картона в свиной коже, по-другому говоря — ты следишь за моей мыслью? — пятнадцать рублей и шесть копеек.

— А «Конек-Горбунок»? — спросил я.

— Славная вещь, примерно на килограмм.

— «Робинзон Крузо»?

— Полкило.

— А «Гулливвер у лилипутов»?

— Не забывай о полном «Гулливвере»! — возразил он, подняв палец. — Полный значительно весомее! Но еще выше «Илиада» в старом издании. Это недосыгаемая величина и вершина! Два килограмма одной бумажной массы! Что стоят тоненькие книжки? Рыхлая некондиционная бумага и даже — хи-хи — мягкая обложка!

Хотя я был крайне мало начитан в те времена, «Конька-Горбунка» мне стало жалко, и какой-то смутный вопрос закопошился во мне.

— А ты молодец! — сказал он, открывая дверь наружу. — Как премия я тебе дам еще свистульки на три голоса.

Сопя от радости, я рассовал свистульки по карманам и пошел к выходу, когда он сказал:

— Если хочешь, сядь на мое место и попробуй сам.

Довольный, я взобрался на его стул.

Он порылся в углу.

— Для начала изрежь чистую бумагу. Хотя бы пополам. Смотри не подсунь палец.

Я разрезал лист бумаги, и он сказал серьезно:

— У тебя есть задатки...

Я таскал ему книги до тех пор, пока свистульки не перестали казаться мне райской музыкой...

Прошло больше двадцати лет... Иногда, когда я брал в руки тяжелую книгу, что-то вздрагивало во мне... и странный детский вопрос пробуждался снова.

И вот я опять пошел в его лавку. На этот раз я ничего не нес ему, кроме своего вопроса.

Он все так же выглядывал из-за прилавка, еще более розовый и лысый.

— Вы узнали меня? — спросил я.

Он оживился:

— Мы с вами говорили о Шекспире!

— И о двух килограммах «Илиады», — добавил я.

— Вы шутите! — обрадовался он — Как же вы запомнили цифру?

— Этого нельзя забыть.

— Заходите в лавку, — сказал он. — У меня не много было таких клиентов.

Я зашел в лавку.

— А у меня маленькая механизация, — начал он, указывая на агрегат вроде стиральной машины. — Работает от общей сети.

Я не выдержал и оборвал его вопросом, который мучил меня все эти годы:

— Почему вы просто не продаете книги? Ведь вам приносят шедевры мирового...

— Это не мое ремесло! — ответил он сухо и забегал по своей лавке, точно барсук в норе. — Я делаю свое дело, я делаю свое дело, — повторил он быстро.

— Но вы бы подумали, что вы суete под нож!

Он вдруг подозрительно глянул на меня из-за плеча и визгливо спросил:

— Вас подослали эти букинисты?

Тогда — неожиданно для себя — я оторопело спросил:

— Послушайте, а вы читаете книги?

— Я вам повторяю — это не мое ремесло! — заорал он и открыл дверь на улицу.

Я пошел к двери, когда он со вздохом глухо проговорил:

— Много-много лет мы занимаемся только этим, весь наш род. Одни пишут книги — это их дело, другие читают, третьи... — это наше дело. Но в нашей, смею сказать, династии утильсырья и макулатуры произошел ужасный случай! — он понизил голос — Искажение природы! Мой дед попутно попробовал продавать книги. Дела по-

шли как будто блестяще. Но все это мираж! — вскрикнул он горестно. — Потом дедушка стал читать их! А потом вдруг перестал не только резать, но и продавать... Все пошло прахом. Дедушка очень мучился, — он помолчал и грустно закончил: — А перед смертью он даже начал писать... Не спрашивайте меня больше ни о чем!

— Послушайте, послушайте, а о чем писал ваш дедушка? — закричал я.

— Не знаю, не знаю, это не мое ремесло, — повторил он как заведенный — Дедушка очень мучился...

— А много ваш дедушка написал?

Он пошевелил губами, припоминая, и задумчиво ответил:

— Он исписал фунта полтора второсортной бумаги...

Ироническая ПОЭЗИЯ

Андрей Вознесенский

Украли!

Возмущенный репортаж
по поводу краж футбольных,
литературных и пр.

Нападающего выкрали!
Тени плоские,
как выкройки.

Мчится по ночной Москве
тело славное в мешке.

До свидания, соколики!
В мешковине, далека,
золотой своей наколочкой
удаляется Москва...

Перекрыты магистрали,
перехвачен лидер ралли.
И радирует радар:
«В поле зрения вратарь».

Двое в штатском
опечаленно
похвалялись, наподдавшие:
«Ты кого?» —
«Я — Главначальника». —
«Ерунда! Я — нападающего!»

«Продается центр защиты
и две штуки
незасчитанные!» —
«Я — как братья Эспозито!
Не играю за спасибо».

«Народился в Магадане
феномен с тремя ногами,
ноги крепят к голове
по системе «дубль-ве».

«Прикуплю игру на кубок,
Только честно,
без покупок».

Умыкнули балерину.
А певица на мели —
утянули пелерину,
а саму не увели.

На суде судье судья
отвечает: «Свистнул я.
С центра поля
в честном споре
нападающего сперли».

Центр сперт, край сперт,
спорт, спорт, спорт, спорт...

«Отомкните бомбардира!
Не нужна ему квартира.
Убегу!
Мои ноженьки украли,
знаменитые по краю,
я — в соку,
я все ноченьки без крали,
синим пламенем сгораю,
убегу!

убегу!»
Как Жанна д'Арк он —
ни гу-гу!
Не притронулся
к подаркам,
к коньяку.

«Убегу» — лицо как кукиш,
за паркет его не купишь.
«Когда крали, говорили —
«Волга». М-24...»

Тень сверкнула на углу.
Ночь такая — очи выколи.
Мою лучшую строку,
нападающую — выкрали...

Ни гу-гу.

Николай Глазков

Баллада о похищении стеклянной ткани

Лезет, лезет вор в окно
На завод «Стекловолокно».
Из окна выносит он
Ткани шелковой рулон.
Говорит жене своей:
— Сколько хошь белья
нашей
И простынку сделай мне,
Будем спать на простыне.

От рассвета дотемна
Шьет рубашечки жена.
Ночь. Легли супруги спать
На совместную кровать
И на новой простыне
Пребывают в сладком сне.
Просыпаются, встают,
Ощущают в теле зуд.

Простыня из полотна,
Но стеклянная она,
И осколки стекла
Разъедают их тела!..

Говорит жена: — Ох, ох!
И спина зудит, и бок!..

Муженек мой мне помог,
Видно, метит шельму бог...
Лучше, черт тебя возьми,
Повинись перед людьми,
Отнеси туда, где взял,
Распроклятый матерьял!

Вор относит полотно
На завод «Стекловолокно».
Говорит: «Повинен, да,
И достоин я суда!..
Но мучительней, чем суд,
Нестерпимый этот зуд.
И жены моей зудеж,
От него не удерешь!»

Говорят, с тех самых пор
Перевоспитался вор.
Честно трудится давно
На заводе
«Стекловолокно»!

Анатолий ЖИТНИЦКИЙ

Эники-Беники

(Посвящается некоторым
мемуаристам)

Эники-Беники ели вареники,
Эники-Беники кушали
пряники...
Сами питались
Эники-Беники,
Дяди и тети,
друзья и племянники.
Тихие эти семейные радости
Стали общественным
достоянием.

Но от кольца мне не было покою.
 В сомнении рукою трогал лоб.
 Да что же я сижу как остолоп?
 Я, овладевший силою такою!
 Поднялся я. Одернул я пижаму,
 Потер, как полагается, кольцо
 И пожелал тушеных баклажанов.
 И баклажаны были налицо.
 — Ну что ж, — сказал я, —

это очень мило!

И сел опять в уютный угол свой,
 Но вновь кольцо манило и дразнило
 И портило законный выходной.
 Вконец меня измучило к обеду.
 Я вышел вон с улыбкой на лице.
 Решил кольцо подбросить я соседу.
 Тайком его оставив на крыльце.
 Но перед тем, подумал я, пожалуй,
 Еще разок испробую кольцо.
 И пожелал тушеных баклажанов.
 И баклажаны были налицо.

Михаил Кудинов

Крестики и нолики

Не хотели кролики
 В крестики и нолики,
 В крестики и нолики
 С тиграми играть.
 Тигры удивились,
 Тигры огорчились,
 Стали тигры кроликов
 В гости зазывать.

Звали что есть мочи,
 Звали днем и ночью,
 Сколько, между прочим,
 Надо повторять:
 «Приходите, кролики,

Сядем мы за столики,
В крестики и нолики
Будем мы играть!
И опять на это
Не было ответа;
Как ни огорчительно,
Но пришлось признать:
Не желают кролики
В крестики и нолики,
В крестики и нолики
С тиграми играть.

Учение — свет

Времени даром не тратил
паук,
Много освоил он всяких
наук:
Химию, чтоб выпускать
паутину,
Физику, чтобы сплести
паутину,
Естествознание (в общих
чертах)
И, в довершение всего,
медицину.

И чтобы мухи не мёрли
от скуки,
Он приобщал их активно
к науке.

Михаил Либин

Почему плюется верблюд

Верблюд тогда на все плюет,
когда не с той ноги встает,
хотя с какой ноги вставать,
верблюду, в общем, наплевать.

Владимир Лифшиц

Страшный суд

Сатирику приснился страшный сон.
Под одеялом
В духоте квартиры
Увидел он...
Во сне увидел он,
Что больше нет объектов для сатиры!
Официанты с нами не грубы.
Все юноши в метро стоят —
Сидят старушки.
Столетние не рубятся дубы.
Не сносятся старинные «избушки».
С весами не колдуют продавцы.
Кассирши не утаивают сдачу.
Несет в детсад бесплатно огурцы
Тот, кто имеет собственную дачу.
В лесах не истребляется зверье.
Выпускники Москву покинуть рады.
Набившее оскомину старье
Нигде не исполняется с эстрады.
Трамвайные кондукторши добры.
Сдаются школы в срок, без опоздания.
Счастливые плывут по Волге осетры
В район прицельного икрометанья.
Дым не коптит небес.
На шорты снят запрет.
Залив асфальт,
В нем не буравят дыры...
Сатирик — в ужасе.
Но что поделать?
Нет
Ни одного
Объекта для сатиры!..
Он стонет, мечется,
Но вот — в себя пришел,
Включает свет дрожащею рукою,
На сахар капает пахучий валидол, —
Ну и кошмар...
Приснится же такое!..

Вавилонское столпотворение

Решили мудрецы во время оно построить первый в мире небоскреб. Вернее, башню в центре Вавилона для привилегированных особ.

Не все одной держались точки зрения. Взволнован был огромный Вавилон. Но все же дружно, после обсуждения, новаторский проект был утвержден.

Прораб воскликнул:

— С богом! Раз-два — взяли!

Но Бог был не на шутку возмущен: мол, с ним проекта не согласовали, и этого простить не может он!

И он придумал тут же наказание: за дерзость и беспочвенный размах заставить всех, кто строил это зданье, заговорить на разных языках.

Был ангелам вручен декрет об этом, и начался кошмарный кавардак. Испуганные Божеским декретом, одни кричат:

— Не так!

Другие:

— Так!

Строители уже клеймят друг дружку, уже спешат друг дружку взять на пушку, отторгнуть, оттеснить, зажать в тиски, оговорить, предать, убрать с работы...

Шум, ругань:

— Рутинеры! Дураки!..

— Мальчишки!.. Формалисты!.. Идиоты!..

И сразу все пошло и вкривь, и вкось. Достроить небоскреб не удалось.

Таков, увы, конец. Таков итог коварной Божьей зависти и злобы. А если б не мешал работе Бог, уже давно бы были небоскребы.

Ящик Пандоры

Великий Зевс, тот самый бог, который для сплетен столько пищи дал, на откровенный шел скандал, когда с красавицей Пандорой на землю ящик ниспослал.

Чудесный ящик из металла стал не случайно знаменит. Сама посланница не знала, кем скован он и чем набит. И только из легенды старой узнали все уже потом, что он являлся страшной карой за обладание огнем.

Что было в ящике Пандоры? Бесстыдство. Жадность. Скупость. Ложь. Злость, приносящая раздоры. Разврат... Всего не перечтешь!

А равнодушие? А чванство? Всегда! Повсюду! Каждый день!

А необузданное пьянство? А лицемерие? А лень?

То вдруг война, то просто драка. То град, то молния, то гром... Ох, Зевс!.. Каким же он, однако, жестоким был озорником! Тьма провокаций, взрывов злобы... И всюду — он, его рука. От похищения Европы в нелепом образе быка до разных мелких актов мести...

Все эти авантюры вместе, и спесь, и блажь, и хвастовство о доброй мудрости его, о благородстве и о чести не говорят нам ничего.

Владимир Орлов

Кто кого боится

— Скажите поскорее,
Кого боится мышка?
— Она боится кошки,
И больше никого!
— Кого боится кошка?
— Боится злой собаки,
Огромной, злой собаки,
И больше никого!
— Кого боится злая
Огромная собака?
— Хозяина боится,
И больше никого!
— Зато хозяин храбрый!
Кого ему бояться?
— Боится он хозяйки,
И больше никого!

— Но никого на свете
Хозяйка не боится!
Конечно, не боится
Хозяйка никого!
— Ну как же не боится?
Она боится мышки!
Боится только мышки,
И больше никого!

Неизвестные рубаи Омара Хайяма

Недавно, ведя раскопки Неаполя скифского под Симферополем, археологи обнаружили неизвестные рубаи Омара Хайяма.

Время так стерло строчки, написанные его собственной рукой, что от них ничего не осталось. Только номера, стоявшие над четверостишиями, позволили симферопольскому поэту Владимиру Орлову восстановить отдельные рубаи.

За достоверность номеров, впрочем, ручаться нельзя, ибо цифры тоже были стерты веками. Но зато после реставрации, как бы наперекор безжалостному времени, стихи Омара Хайяма зазвучали так, как будто они были написаны вчера, а не девять веков назад.

Реставрация рукописи продолжается.

***

Хоть руки мне протягивают боги,
Но я живу в смятенье и в тревоге:
Бывает так протянута рука,
Что от нее протягивают ноги.

***

На кладбище веда себя пристойно:
Здесь критик спит — великий и спокойный.
Но возле камня бдительно ходи —
Его носил за пазухой покойный.

***

О звезды, мы песчинки среди вас,
Для глаза неприметные подчас!

Хотя песчинку тоже замечают,
Когда она влетает в чей-то глаз.

***

Игра — как бой, она ведет к утратам.
Порой король становится солдатом.
Мы видим, что фигуру нужно снять,
А нам фигура отвечает матом.

***

Отращивает бороду иной,
Как будто он мудрец или святой.
И кое-кто готов ему молиться,
Не разглядев лица под бородой.

***

От мудрого совета не беги:
Врагов на всякий случай береги.
Когда друзья становятся врагами,
Друзьями нам становятся враги.

***

«Дурной, как пробка» — сказано умно.
Мы знаем эту истину давно.
Из века в век мы это повторяем
И... затыкаем пробками вино.

***

Вокруг двора, красуясь на пригорках,
Стоит забор, качаясь на подпорках.
Не для двора — он служит при дворе.
А при дворе — он где-то на задворках.

***

Издалека видать наверняка:
Издалека мы видим дурака.
И умного порою шлем подальше,
Чтоб рассмотреть его издалека.

***

Коль белый цвет — он только белый цвет.
Коль черный цвет — он только черный цвет.
И ничего нет общего меж ними.
А если есть — то это серый цвет.

***

Вокруг могилы запустенья след —
Никто сюда не ходит много лет.
На памятнике старая табличка,
Которая гласит «Приема нет».

***

Ты спишь в земле. Давно угас твой взор.
С вином боролся ты, ведя с ним долгий спор.
И все-таки оно тебя свалило
И не дает подняться до сих пор.

***

Терпению нас учат мудрецы —
Седые, престарелые отцы.
Легко терпеть тому, кому осталось
Совсем немного, чтоб отдать концы.

***

О Персия моя! Мой край богатый!
Твои плоды алеют, как закаты!
Но почему, базаром проходя,
Я вижу там грузинские гранаты?

***

О, где слова такие подобрать
О том, как трудно друга подобрать?
Вставай скорее! Здесь лежать опасно!
Тебя другие могут подобрать!

***

Когда поэт поэту угрожал,
Я до утра молился и дрожал, —
Спасибо тебе, Господи, за то, что
Ты дал ему перо, а не кинжал!

***

Средь мудрецов считался ты глупцом.
Глупцы тебя считали мудрецом.
И мудрецы глупцами оказались,
Когда ты стал влиятельным лицом.

***

Над соловьями сел на ветку чижи́к.
Был этот чижи́к выжи́гой из выжи́г!
Хотя сидел он выше соловьев,
Но пел, как прежде, только «чижи́к-пыжи́к».

***

Пора начать. Но как теперь начать?
Забыл очки — и вынужден молчать.
Скажи, Аллах, когда чужие мысли
Мы без очков научимся читать?

Эдуард Успенский

Бабушка и внучек

Лился сумрак голубой
В паруса фрегата...
Провожала на разбой
Бабушка пирата.

Два кастета уложила
И для золота мешок.
А потом, конечно, мыло,
Зубной порошок.

— Ложка здесь,
Чашка здесь,
Чистая рубашка есть.
Вот мушкет пристрелянный,
Вот бочонок рома...
Он такой рассеянный,
Все забудет дома!

Дорогой кормилец наш,
Сокол одноглазый,
Ты смотри, на абордаж
Попусту не лазай!

Без нужды не посещай
Злачные притоны.
Зря сирот не обижай —
Береги патроны.

Без закуски ром не пей —
Очень вредно это,
И всегда ходи с бубей,
Если хода нету.

Но на этом месте вдруг
Перебил старушку внук:

— Слушай, если это все
Так тебе знакомо,
Ты давай
Сама езжай,
А я останусь дома!

Павел Хмара

Стихи о правильном питании

В Крыму. В дыму. На берегу Иртыша.
В любви. В бою. В круговороте дела.
Духовной пищи требует душа
не меньше, чем насущной пищи — тело.
Но если тело жить нам не дает,
пока ему не выделена норма,
душа молчит, когда не ест, не пьет,
и незаметно тает с недокорма.
И человек становится другим:
он автомат, бездушный простофиля.
О, сколько душ растаяло, как дым,
не выдержав духовной дистрофии.
Но бегая, плодясь, трудясь, дыша,
играя в сногшибательные игры,
не всякий замечает, как душа
последние утрачивает фибры.

Не доводите дело до беды.
 Кому не поздно — хватит бить баклуши!
 Душа никак не может без еды.
 Друзья мои, кормите ваши души.

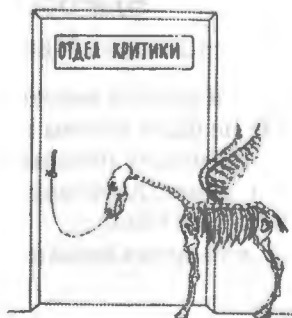
Лев Щеглов

***

И задан был вопрос Дантесу:
 — Вам не тревожно ли, Дантес?
 Когда вы слушаете мессу,
 Вас не страшит ли гнев небес?

— Нет, —
 Отвечал он равнодушно, —
 Вины своей не вижу здесь,
 Была дуэль.
 — Но он был Пушкин!
 — А я Дантес, —
 Сказал Дантес.

Когда на страшный суд однажды
 Иуда будет приведен,
 — Он был Иус, —
 Иуде скажут,
 — А я Иуда, —
 Скажет он.

Лавка
букиниста

Аркадий Аверченко

Исторические нравоучительные рассказы

Где у человека должны быть камни

 ратор Демосфен, в юности

заика, начал свою ораторскую деятельность тем, чем многие современные ораторы начинают, продолжают и кончают: его освистали.

Но он не смутился этим: набил себе рот камнями и произнес такую громовую речь против Филиппа, что эту речь удивленные современники называли филиппикой.

Очень жаль, что современные ораторы не похожи, на Демосфена: у них не камни, а каша во рту.

Камни же они обыкновенно держат за пазухой и бросают их без всякого толку в чужой огород.

Благородный жест Александра Македонского

Александр Македонский и все его войско залезли однажды в такую глушь, где не было совсем воды. Однако какой-то расторопный воин нашел небольшую лужицу, зачерпнул шлемом воды и принес Александру.

Александр заглянул в шлем и сказал:

— Как я буду пить воду, в то время когда мое войско изнывает от жажды?

И вылил воду на землю.

Поступок, конечно, красивый, но вот, дети, его объяснение: перед тем как пить, Александр заглянул в шлем — и что же он увидел там: немного жидкой кашицы из мусора и грязи, в которой плавала дохлая крыса.

Дети, какой поступок он совершил?

1. Гигиенический.
2. Красивый.
3. Исторический.

Дети! Помните, что вы тоже можете совершать красивые исторические поступки, в особенности тогда, когда другого выхода нет.

Зря не топай

Римский военачальник Помпеи вздумал воевать с непослушным воле римского сената Юлием Цезарем.

Войск у Помпея не было, но он не смущался этим.

Часто говорил своим друзьям:

— Лишь топну ногой, и из земли появятся легионы.

Топнул раз, топнул два — никто из земли не вылез. Ни одна собака.

Топал он, топал, пока не пришлось ему сломя голову топать от Цезаря куда глаза глядят.

И чем же кончилось это топанье? Убили его в Египте (куда человека занесло!), и конец.

Помните, милые дети, что исторические фразы говорить легко, а исполнять обещанное трудно.

Так что зря не топайте.

Публикацию подготовила Л.А. ЕВСТИГНЕЕВА

Николай Олейников

На именины хирурга Грекова*

Привезли меня в больницу
С поврежденною рукой.
Незнакомые мне лица
Покачали головой.

Осмотрели, завязали
Руку бедную мою,
Положили в белом зале
На какую-то скамью.

Вдруг профессор в залу входит
С острым ножиком в руке,
Лучевую кость находит
Локтевой невядалеке.

Лучевую удаляет
И, в руке ее вертя,
Он берцовой заменяет,
Улыбаясь и шутя.

Молодец профессор Греков,
Исцелитель человекoв!
Он умеет все исправить,
Хирургии властелин.

Честь имеем вас поздравить
Со днем ваших именин.

* Написано вместе с Е.Шварцем.

Машинистке на приобретение пелеринки

Ты надела пелеринку,
Я приветствую тебя!
Стуком пишущей машинки
Покорила ты меня.

Покорила ручкой белой,
Ножкой круглою своей,
Перепискою умелой
Содержательных статей.

Среди грохота и стука
В переписочном бюро
Уловил я силу звука
Ремингтона твоего.

Этот звук теперь я слышу
Днем и ночью круглый год,
Когда град стучит по крыше,
Когда сверху дождик льет,

Когда птичка распевает
Среди веток за окном,
Когда чайник закипает
И когда грохочет гром.

Пусть под вашей пелеринкой,
В этом подлинном раю,
Застучит сильнее машинки
Ваше сердце в честь мою.

Борис Брайнин

Сергей МИХАЛКОВ

Это кто там в форме новой?

Дядю Степу уважая,
Должен здесь
признаться я,
Что не очень
«подражаю»,
Опасаясь «Фитиля».
АВТОР

Жил у тещи без прописки
У метро «Аэропорт»
Дядя Алик Перепискин
По прозванию Натюрморт.
По профессии — художник
И по имени — Альберт.
Он для рифмы даже

в дождик
Брал на улицу мольберт.
Был известным этот дядя
И с поэтами знаком,
Потому что на ночь глядя
Кушал кофе с коньяком.
Но однажды простудился
Этот странный квартирант,
Так на тещу рассердился —
Хвать мольбертом

об сервант...
Только кто там в форме
новой

Вдруг стучится у дверей!
Дядя Степа — участковый,
Друг старушек и детей.

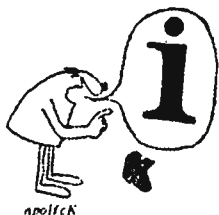
— Предъявите
документы, —

Он художнику сказал,
Улыбнулся, застегнулся
И его арестовал.

***

Я придумал эту басню
И решил ее издать,
Чтоб детишкам стало ясно:
Тещу нужно уважать.

Владимир Владимирович
Корова

Корова в доме — счастье в доме.
Французская пословица

4 то мы знаем о корове?

Казалось бы, все. Однако немецкий ученый Понтер Хюнтер утверждает, что это не так. Для того чтобы поближе узнать жизнь замечательных животных, он около года пробыл в стаде, питался их пищей, жил их интересами. Ласковые животные привязались к нему и долго не могли от него отвызаться.

Корова первая никогда не нападает на человека.

В корове много витаминов.

Корова — друг человека. Однажды корова спасла ребенка. Пятилетний мальчик отбился от рук и ушел высоко в горы. Вдруг сверху на него стал плавно падать камнем пожилой орел. Проходившая мимо корова с быстротой молнии бросилась на пернатого хищника и столкнула его в пропасть.

Известны случаи, когда коровы задерживали нарушителей границы.

В Шотландии у фермера Бобби Чарльстоуна была удивительная корова Мэри-Элизабет. Он ходил с ней охотиться на вальдшнепов.

На Огненной Земле коровы охраняют жилища, нянчат детей.

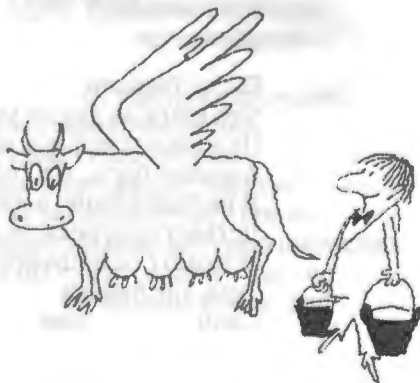
В Индии корова — священное животное. Именно поэтому там самое ласковое обращение к жене — «корова» (как, скажем, «птичка», «рыбка»).

В некоторых странах коровы выступают в балете на льду.

«Пегое золото» — так любовно зовут за все это корову в народе.

Дети, любите корову — источник молока и котлет.

Евгений Евтушенко
Владимир Соколов

Про баню

Вы не были в районной бане?

Б. СЛУЦКИЙ. «Баня»

Вы не бывали в бане, в женской,
Что шага за два от мужской,
Не в городской, а в деревенской,
А может быть, и в городской?
Я не был в бане, в женской бане.
Детьми смотрели мы туда,
Угрюмо сталкиваясь лбами,
Туда, где бабы и вода.
Сжигало засухой нивы.
А там, забывши про нее,
Себя водою мыли Нины,
А также нижнее белье.

Вы в бане, в женской, не бывали?
Несложно, есть одно окно,
Я покажу его! Едва ли
Вы не прильнете заодно.
Они гудят. У них блаженство,
У них мочалки и... вода.
Но я клянусь, что в бане, в женской,
Не буду мыться никогда!

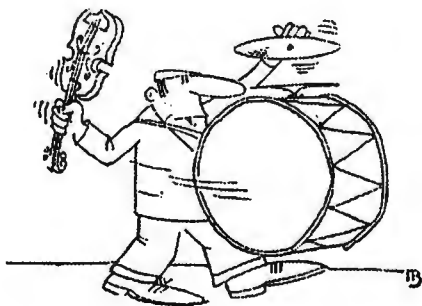
Александр Заславский

Леонид МАРТЫНОВ

Желания

Я желаю быть вездесущим,
Постоянно вперед летящим,
Некурящим, гудящим, зовущим,
Как весеннее солнце палящим.

Жарит солнце, как дьявол суший,
Иссушает ручей звенящий.
Если утром туманы гуще,
От жары будет ад настоящий,
И щеглы расщербются в рощах,
В щедрый полдень листвою шумящих...
Жизнь бы стала намного проще,
Если было бы больше шипящих!

Александр Иванов

Красная Пашечка

Людмила нварова

В конце лета мать с трудом оторвала

голову от подушки и слабым голосом позвала Пашечку.

Уж лет десять прошло с тех пор, как ушел от нее муж. Пашечкин отец, красавец, певун, гулена, бабник, любитель выпить и закусить.

Мать слегла. Врачи определили полиомиелит, потерю памяти, тахикардию с перемежающейся экстрасистолой, хронический гастрит, чесотку и энцефалопатический синдром.

— Сходи к бабушке, дочка, — прошептала мать. — Отнеси ей пирожков. Пусть порадует. Недолго уж ей осталось...

Бабушка жила одна в глухом лесу, где до ухода на пенсию по инвалидности работала уборщицей в Театре оперы и балета.

Как-то, заменяя внезапно умершую балерину, она упала в оркестровую яму, сломала ноги, руки, шею, позвоночник и выбила зубы.

С тех пор уже не вставала.

Раз в год Пашечка носила ей пирожки с начинкой из продукции фирмы «Гедеон Рихтер». Бабушка радовалась, счастливо улыбалась, ничего не видя и не слыша, и только выбивала желтой пяткой мелодию вальса «Амурские волны».

Вот и сейчас Пашечка собрала корзинку и, тяжело опираясь на костыли, вышла из дому.

Все называли ее Красной Пашечкой из-за нездорового румянца, который был у нее с детства. Она страдала рахитом, эпилепсией, слуховыми галлюцинациями и аневризмой аорты. И ходила поэтому с трудом.

На лесной тропинке встретился ей Алексей Сергеевич Волк, лучший в лесу хирург, золотые зубы, резавший безболезненно и мгновенно.

У него было размягчение мозга, и он знал это. Жить оставалось считанные минуты.

Еле передвигая ноги, Волк подошел к упавшей от изнеможения Красной Пашечке. Она слабо улыбнулась.

— К бабушке? — тихо спросил Волк.

— К ней.

— Поздно, — сказал Волк и, привалившись к березе, дал дуба.

Пашечка вздохнула и отошла. Последнее, что она увидела, был пробежавший мимо хромой заяц с явными признаками язвы желудка и цирроза печени.

Она приказала ему долго жить.

Высокий звон

Косматый облак надо мной кочует.
И ввысь уходят светлые стволы.

Валентин СИДОРОВ

В худой котомк
                                поклав ржаное хлебо,
Я ухожу туда,
                                где птичья звон.
И вижу над собою
                                синий небо,
Косматый облак
                                и высокий крон.
Я дома здесь.
                                Я здесь пришел не в гости.
Снимаю кепк,
                                одетый набекрень,
Веселый птичк,
                                помахивая хвостик,
Высвистывает мой стихотворень.
Зеленый травк
                                ложится под ногами,
И сам к бумаге тянется рука,
И я шепчу
                                дрожащие губами:
«Велик могучим
русский языка!»

Заколдованный круг

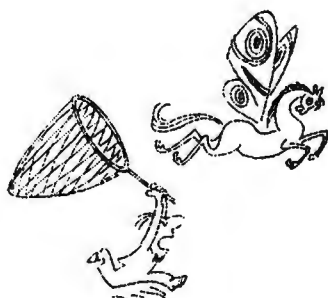
Площадь круга... Площадь круга...
Два пи эр...
— Где вы служите, подруга?
— В АПН.

Юрий РЯШЕНЦЕВ

Говорит моя подруга, чуть дыша:
— Где учился ты, голуба, в ЦПШ*?

Чашу знаний осушил ты не до дна,
Два пи эр — не площадь круга, а длина
И не круга, а окружности притом;
Учат в классе это, кажется, в шестом.

Ну поэты! Удивительный народ!
И наука их, как видно, не берет.
Их в банальности никак не упрекнешь,
Никаким ключом их тайн не отомкнешь.
Все б резвиться им, голубчикам, дерзать...
Образованность все хочут показать...

* Церковно-приходская школа.

Вадим Левин

Самые новые английские сказки и баллады

Предисловие переводчика

Я с детства мечтал перевести хотя бы

несколько английских стихотворений и сказок.

Недавно я купил словарь, достал английскую книжку со стихами и стал разбирать, что же там написано. Но едва я начинал улавливать смысл какого-нибудь стихотворения, как сразу вспоминал, что уже слышал это — в переводе Чуковского, Маршака, Заходера. Что же делать? Где найти такие английские стихи, которых никто не переводил?

А ведь англичане и сейчас, вероятно, сочиняют английские стихи...

Если б я знал их язык, я бы сам написал что-нибудь на английском языке, а потом перевел бы на русский.

И тут я подумал: «А почему, собственно, для того чтобы перевести английские стихи, непременно нужно ждать, пока их напишут по-английски? Почему бы не сделать наоборот — сначала сочинить перевод, а потом пускай англичане переводят обратно? А не захотят переводить — тем хуже для них: значит, у нас будет больше английских стихов и сказок, чем у самих англичан!»

Эта мысль показалась мне удачной, и я взялся за работу.

Мне будет очень приятно, если «Самые новейшие английские баллады и сказки» придутся по душе англичанам, но больше всего мне хочется, чтобы мои переводы понравились вам.

Как профессор Джон Фул разговаривал
с профессором Клодом Булем,
когда тот время от времени показывался
на поверхности речки Уз

Джон Фул — профессор трех наук —
Спешил в Карлайль из Гуллия
И в речке Уз увидел вдруг
Коллегу — Клода Буля.

— Сэр, видеть вас — большая честь! —
Профессор Фул воскликнул. —
Но что вы делаете здесь
В четвертый день каникул?

Плотая мелкую волну,
Буль отвечал:
— Сэр Джон,
Я думаю, что я
Тону,
Я в этом убежден.

Тогда Джон Фул сказал:
— Да ну?

Клод Буль обдумал это,
Помедлил
И пошел
Ко дну.
Наверно, за ответом.

— Простите, Буль,
Сейчас июль,
А теплая ль вода?

— Буль-буль, —
Сказал профессор Буль,
Что означало
«Да».

Джо Билл

Джонатан Билл,
который убил
медведя
в Черном Бору,
Джонатан Билл,
который купил
в прошлом году
кенгуру,
Джонатан Билл,
который скопил
пробок
два сундука,
Джонатан Билл,
который кормил
финиками
быка,
Джонатан Билл,
который лечил
ячмень
на левом глазу,
Джонатан Билл,
который учил
петь по нотам
козу,
Джонатан Билл,
который уплыл
в Индию
к тетушке Трот, —
так вот
этот самый Джо Билл
очень любил
компот.

Юрий Левитанский

Вышел зайчик погулять...

Евгений ЕВТУШЕНКО

Монолог зайчика, рано вышедшего погулять

Я не люблю ходить на именины.
О, как они надменно имениты!
О именитость наших именин!
А Поженин — представьте — армянин!
Но ты нужна мне, милая Армения,
и маленькая звездочка армейская,
и этот снег, что вьется или кружится,
и все, что вами пьется или кушается.
Я шел один по площади Восстания.
А может, просто брел себе в Останкино.
За мною шла машина поливальная,
как старенькая бабка повивальная.
И женщина. Мари или Марина,
клопов руками белыми морила.
Она была легка, как лодка парусная
и как икра задумчивая паюсная...
А дворник пел свою ночную арию,
Россия сокращала свою армию.
И только я один не сокращался
и о своем заветном сокрушался:
как совместить охотника свирепость
и зайца повседневную смиренность?
Я разный. Огородник я и плотник.
Я сам себе и заяц, и охотник.
Я сам себя ловлю и убиваю.
Сам от себя бегу и убегаю.
Но сколько я себя ни убиваю,
я все равно никак не убываю.

Владимир СОКОЛОВ

Ключик

Был дождик в полусне,
канун исхода.
Был зайчик на стене,
была охота.

Был дачный перегон,
грибы, сугробы.
Варили самогон.
Зачем? А чтобы.

Варили вермишель.
Когда? Вначале.
Когда еще — Мишель,
ау! — кричали.

Меж всех этих забот,
охот, получек
он был как словно тот
скрипичный ключик.

Он смутно различал
сквозь суть причины
концы иных начал,
иной кручины.

Диван вносили в дом,
тахту с буфетом.
Но суть была не в том,
а в том и в этом.
И пусть он не был тем,
а все ж заметим,
что был он между тем
и тем, и этим.

Он частью был всего,
что было тоже.
А впрочем, ничего,
Возможно, все же.

Виталий Резников

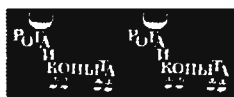
Самоучитель игры на фортепиано с оркестром

Неплохо в хороший зимний морозный

денек сыграть на фортепиано с оркестром. Спросите у всякого, и он вам пояснит, что от игры на фортепиано с оркестром исполнитель, как правило, получает громадное удовлетворение. По степени положительного эмоционального воздействия только хорошая парилка считается чуть получше игры на фортепиано с оркестром, а все остальное гораздо хуже. Фортепиано появились в России во второй половине XVIII века, когда царил просвещенный абсолютизм. Оркестры же появились раньше. По давности появления оркестры занимают место между картофелем и чаем, а по значимости они приравняются к табаку.

Итак, вы садитесь за фортепиано, или, как говорят в народе, рояль. Оркестр должен занять свое место на две-три минуты раньше. Перед тем как сделать первый аккорд, убедитесь, все ли клавиши на месте. Их должно быть 88 штук — черных и белых. Положите руки на клавиши: левую — слева, а правую — справа.

Начинает пусть оркестр. Для этого незаметно моргните дирижеру — что означает «пошел!» — и с этой минуты внимательно следите за его действиями. Сейчас он повернет в вашу сторону свое вдохновенное лицо и даст знак палочкой, что будет означать «давай!». Начинайте игру с правого бока влево — музыка будет звучать лучше (см. Первый концерт Чайковского и Пятый концерт Бетховена, если вы разбираетесь в нотах), а то получится похоронный марш вместо концерта для фортепиано с оркестром. После игры встаньте, подойдите к дирижеру, крепко пожмите ему руку, затем повернитесь налево и приблизьтесь к первой скрипке, то есть к концертмейстеру, улыбнитесь ему и по-простому также пожмите его руку. А потом вернитесь к роялю, закройте крышку и отодвиньте инструмент куда-нибудь в угол. Теперь вы свободны.

Рога и Копыта

Письмо в редакцию

Разрешите через вашу газету «Рога и копыта» сердечно поздравить меня в связи с тридцатилетием.

Я.Кузькин

Происшествие

Вчера на улице гр. Сидоркин вытащил буквально из-под колес автомашины гр. Федякина. Отвечая на вопрос нашего корреспондента, гр. Сидоркин скромно сказал:

— Было трудно!

Как выяснилось в дальнейшем, гр. Федякин находился под своим автомобилем, ремонтируя его.

Хочу все знать

На ночном небе легко найти сверкающее созвездие Козерога. А если необходимо узнать его местоположение в ясный солнечный день? В этом вам помогут наручные часы. Направьте часовую стрелку на Солнце, а минутную — на юг. Вот тут-то секундная стрелка и покажет, в какой стороне небесной сферы находится данное созвездие.

Вам, хозяйки!

Возьмите сырое куриное яйцо, заройте его на 15—20 минут в мокрый песок, затем выньте, положите на стол и попытайтесь сильным ударом руки разбить его. Сообщите в редакцию, что у вас получилось.

Реклама

Швейцарская фирма «Шафхаузен» наладила выпуск микроскопических часов, которые наклеиваются на роговицу глаза циферблатом внутрь. Теперь каждый, кто носит такие часы, не только знает, но и все время видит точное время, причем эти часы мешают глазу не больше, чем крупная соринка.

Плезные советы

Если в бидон с молоком бросить пару позитронов, молоко долго не прокисает.

Поправка!

Расстояние между Парижем и деревней Малая Касинка составляет 2447 км, а не 2446 км, как ошибочно сообщалось ранее.

Угра природы

9 сыновей и 8 дочек есть у Г.Силкина. Интересно, что все мальчики родились от нечетных жен, а все девочки — от четных.

Вундеркинды

Художник Джорогов написал свою первую картину, когда ему было 76 лет. Писатель Кириченко создал свой первый роман в 83 года. Актриса Лакомова впервые вышла на сцену когда ей исполнилось 95 лет.

Но подлинным вундеркиндом нужно считать, конечно, кинорежиссера Солодихина, который в 102-летнем возрасте начал снимать свой первый хороший фильм.

Объявление

Пропала рукопись двухтомного романа. Автор заранее просит нашедшего принять его глубочайшие извинения.

Для вас, новоселы!

Новый подарок подготовили для новоселов конструкторы мебели. Это кровать, которая одновременно служит люстрой.

Утром через несложную систему парных блоков вы подтягиваете кровать к потолку, к каждой ножке подвешиваете по электрической лампочке и получаете прекрасный современный светильник.

Происшествия

Милиции гор. Южногорска удалось задержать гражданина Гусева Николая Ивановича, долгое время скрывающегося под фамилией Коноплянская Мария Филипповна.

Заветный рубеж

Общее собрание шоферов 3-й автобазы тепло поздравило своего товарища И.Прямухина с новым достижением. Накануне его самосвал врезался в свой сотый столб.

Новое спортивное мероприятие

На острове Кальмар известный ныряльщик Кранкер установил новый мировой рекорд продолжительности пребывания под водой. Точное время рекорда пока неизвестно, поскольку замечательный ныряльщик до сих пор еще не вынырнул.

Кое-что о дельфинах

Удивительный случай произошел вчера на Черноморском побережье Кавказа. Знаменитый поэт Вольдемар Шмелев заплыл далеко в море и начал тонуть. Проплывающие мимо дельфины сделали возле него крут, но спасать не стали. Этот случай еще раз доказывает, что дельфины — мыслящие существа.

Кухня наших друзей

Возьмите несколько долек зеленой мантииссы, стакан сушеных практифлексов, ложку пахучего дрантыря, полейте все это крепким семандодом (0,25 л) и поставьте в печь.

Продержав кушанье в печи около часа, добавьте барбелот и положите в хорошо раскатанную пандеонею.

Получится ароматный блиндинг.

Если вам не удастся достать семандод, его можно с успехом заменить перцовкой.

«Человек ли?»

Итальянские ученые Антонио Чезарелли и Марчелло Перелини обнаружили в небольшом африканском городке Чочано следы человека, у которого шесть ног. Измерив эти следы, ученые убедились, что одну пару ног можно отнести к 40-му размеру, другую — к 43-му, а остальные — к 41-му размеру. Ученые занимаются разработкой добытых материалов.

«Дельцы от науки» вынесли нелепое предположение, что шесть ног могут принадлежать трем человекам.

В мире науки

Последние исследования ученых показали, что знаменитая фраза «Жена Цезаря вне подозрений!» принадлежит, оказывается, вовсе не Юлию Цезарю, а его жене.

Дерзкий опыт

Чтобы изучить быт дельфинов, проф. М.Черненко стал другом семьи этих загадочных существ. Прошло всего три года, а профессор уже свободно плавает «дельфином», охотно принимает пищу из рук человека, очень ласков к детям.

О братьях наших меньших

Еще один удивительный эксперимент произвел зоотехник Итырахшин. Взяв на себя повышенные обязательства, неутомимый ученый-практик вывел породу оленей, которые каждую весну не только сбрасывают рога, но и отбрасывают копыта.

Одержана еще одна победа в борьбе с природой.

Однажды в Кирилловке

В Австралии, как известно, овец пасут страусы. А в Кирилловке для этой цели решили использовать... волка! Хотя серый пастух и съедает в день по овце, все же поголовье скота сокращается медленнее, чем при пастухе Сидоре Заклятове.

Карась в порошке

Возьмите порошок фосфора, добавьте в него железо, кальций, магний, витамины А, В, С, Д, Е и тщательно перемешайте. Полученная смесь по химическому составу и калорийности не уступает живой рыбе.

Меняя вес и количество компонентов, можно получить любую рыбу вплоть до севрюги и осетрины.

Хорош приготовленный таким образом карась в сметане!

Происшествие

«Вчера ночью в районе центрального парка найден труп неизвестного, на теле которого обнаружена серия ножевых ран: три раны величиной в пятнадцать копеек, три раны величиной с двадцать копеек и две раны размером в десять копеек. Итого: восемь ран на сумму один рубль двадцать пять копеек». (Из протокола).

Знаете ли вы

...что фильм «Путешествие Одиссея» по сценарию Гомера из-за многочисленных проволочек был поставлен лишь спустя 3000 лет после смерти автора?

Фильм-ужас

— Какой ужас! — сказал недавно знаменитый режиссер Альфред Хичкок, просмотрев последний фильм режиссера Николая Кошкина.

Объявление

Гражданина, потерявшего левую черную кожаную перчатку, просьба сдать правую в «Стол находок» как ненужную, так как левую я уже нашел.

Фразы

Стояла тихая Варфоломеевская ночь.

Юрий БАЗЫЛЕВ

Весной они поженились и прожили в мире и согласии до глубокой осени.

Борис БРАЙНИН

Даже очень содержательный человек процентов на восемьдесят состоит из воды.

А. БУРМЕЕВ

Долг, к сожалению, платежом красен.

Владимир ВЛАДИН

Марионетка. Мне трудно представить, кем бы я стала, если бы меня не одергивали.

Змея. А если я свернусь колечком, ты пригреешь меня на груди?

Палач. Мне тяжелее тебя: я остаюсь со своей совестью.

Яйцо. Опять меня разбила глупая курица! Ну как же мне ее не учить?

Копия. Я докажу, что на свете нет ничего оригинального.

Пусть я в тупике, но тупик-то творческий!

Микробы появились на свет вместе с микроскопом.

Уберите эти строчки: они мешают читать между ними.

Поскольку я не собираюсь брать препятствия, уберите их с моего пути.

Так густо посадили деревья, что за ними не видно леса.

Они очень любят друг друга: он — себя, она — себя.

Если юмористу не до шуток, он становится сатириком.

Михаил ГЕНИН

«Плохие времена настают, — говорил Людоед, — человечество может погибнуть».

Не унывай: после завтра наступит послезавтра.

Разница между графоманами заключается в том, что одних печатают, а других — нет.

Редактор принимал юмор и отвергал сатиру. Ему было присуще одно лишь чувство юмора.

Владимир ГОЛОВОРОДЬКО

Не любить такую красивую женщину — преступление, любить — наказание.

Вал. ДЕВЯТЫЙ

Сатирический фильм решили выпустить в немом варианте.

Эрик ДИВИЛЬКОВСКИЙ

Нашего шефа нельзя не любить — он этого терпеть не может.

Не бей слабого, а тем более сильного.

В зале было так тесно, что яблоку упасть было негде, да и неоткуда.

Для того чтобы носить очки, мало быть умным, нужно еще плохо видеть.

В. ДУБИНСКИЙ

И на похоронах Чингисхана кто-то сказал:
— Он был чуткий и отзывчивый...

Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ

От зависти не умирают. От зависти убивают.

Врач категорически запретил ему грабить банки.

Встречала свою восемьдесят третью весну.

В этой компании на каждого дурака приходилось десять умных, так что силы были примерно равны.

Эпитафия на могиле старого солдата: «Виноват, ваше благородие!»

Душа, где не ступала еще нога человека.

Герцог угощал нас неотравленным вином.

Двуглазый пират.

Хотя все собравшиеся были в пиджаках и брюках, сразу было видно, что это конная гвардия.

В. КАЗАКОВ

— Быть может, при матриархате мужчины были прекрасным полом?

Сколько мрамора ушло на фиговые листочки!

«А не слишком ли быстро я бегу на Ловца?» — подумал Зверь.

А. КАЗАРЯН

Синоптики только предсказывают погоду, а делают ее совсем другие люди.

Григорий КЛЕБАНОВ

Разделяй чужое мнение и властвуй!

Полцарства за троянского коня!

Где же взять столько денег, чтобы иметь сто друзей?!

От кораблей всегда тянет шампанским.

Владимир КОЛЕЧИЦКИЙ

Скольким удалось проехать «зайцами» в поезде истории!

А как должны одеваться придворные голого короля?

Виктор КОНЯХИН

Отвергая новое, мотивируй это тем, что оно со временем все равно станет старым.

А. КРОШКИН

Если бы Лев Толстой жил в коммунальной квартире, он стал бы Салтыковым-Щедриным.

М. КРУТИК

Вот тебе, бабушка, и се ля ви.

В. КУРИЛЬЧЕНКО

Если волки сыты, а овцы целы, ищи злоупотребления.

Д. МИЛЬРУД

Ну что может знать эта молодежь о маразме!

Андрей ПЕТРИЛИН

Он посмотрел на нее по Фрейду.

Она женила его на себе. Так он и остался одиноким.

Юрий СКРЫЛЕВ

К его молчанию следует прислушаться.

Н. ТАРАКАНОВ

**Жизнь
по вертикали
1973—1982**

Ироническая проза

Семен АЛЬТОВ

Как Иван Грозный сына убил

Лекция

А теперь, товарищи, давайте

получим удовольствие от этой картины! Тебе сколько лет, мальчик? Пятнадцать?! Отвернись! Тебе еще рано смотреть такие вещи!

Итак, сейчас у нас на глазах Иван Грозный будет убивать своего сына. Как от каждого произведения искусства, от этой волнующей картины слезятся глаза. Хотя любители живописи по трещинам полотна легко определяют, что картина далеко не новая. Скажу честно, картина старая. Она была нарисована в 1885 году. А к девяноста годам и мы с вами выглядим уже не так, как в момент рождения.

Это полотно — программное произведение Ильи Ефимовича Репина. Оно посвящено вечной проблеме отцов и детей.

На картине изображен драматичный момент в жизни Ивана Грозного — он убивает своего сына! Такое случается не каждый день. Хотя, казалось бы, что может быть проще?! Но посмотрите, как мастерски делает это Репин! Это убийство безусловно удалось Илье Ефимовичу, талантливому художнику, родившемуся в 1844 году в семье родителей. Плядя на Грозного, чувствуешь, что он встревожен случившимся. Волосы у него стоят дыбом! Причем посмотрите: стоят волосок к волоску! Как все выписано! А глаза! Как убедительно они вылезают из орбит! Художнику на всех картинах удавались глаза. Особенно хорошо у Ивана Грозного левый глаз! Ниже, под глазом, мы видим губы. Их две. Между ними страдание.

А сын Иван?! Нет, он не равнодушный свидетель происходящего, а еще живой его участник. А может, и не жи-

вой. Ученые расходятся во мнениях: жив царевич или нет. Во всяком случае, пульс не прощупывается.

Полотно умышленно залито кровью. Она служит прекрасным фоном для розовой одежды царевича, его зеленых сапог. Ковер ручной работы тоже. Похоже, Ивану Грозному придется где-то доставать новый коврик! Так что ему еще не раз придется пожалеть о случившемся!

А вот и губы царевича. Они чуть приоткрыты. Если всмотреться, то можно услышать легкий протяжный стон. «А-а-а!» — доносится с полотна через десятилетия. Теперь давайте дружно взглянемся в полуприкрытые глаза царевича. В них мы заметим застывший ужас. И хотя, как я говорил, картина нарисована девяносто лет назад, ужас царевича до сих пор не прошел! То есть он потрясен случившимся. От кого угодно, но от папы он такого не ожидал!

Обратите внимание на искусную игру света и тени! Смотрите, как тень падает на пол вслед за царевичем! Нет у царя теперь ни сына, ни тени!

Что же будет с царевичем дальше? Оправится ли он от нанесенного ему удара? Боюсь, что нет. Это глубокая душевная травма на всю жизнь. С ней Иван и умрет. Потому что в те годы медицина была бессильна помочь человеку в подобных случаях.

Какой урок можно извлечь из этой картины сегодня? Надо сдерживать себя, товарищи! Помните: нервные клетки никем не восстанавливаются!

Ознакомившись с картиной, еще раз убеждаешься, что порка — не метод воспитания подрастающего поколения! Вместо того чтобы нервно стучать скипетром по голове царевича, почему Ивану Грозному было не поговорить с сыном, не объяснить, что тот в чем-то не прав! Тогда не было бы этого несчастного случая, не было бы этой картины и мне не пришлось бы вам ничего о ней рассказывать!

Виктор Гастелло

Жизнь по вертикали

Новосел Чупахин залез на стул,

приладил отбойный молоток, приобретенный по случаю вместе с компрессором, и навалился грудью. Панель не выдержала, рухнула. Чупахин нелепо замахал руками, потерял равновесие и, дико закричав, сорвался с шестнадцатого этажа.

В эти страшные, предсмертные мгновения вся жизнь, как и полагается, прошла перед его глазами.

До двенадцатого этажа шли детство, юность и молодость включительно.

Чупахин увидел себя в коротких штанишках, а вот он уже и в школе, первые тайные затяжки сигаретой и явные неприятности по этому поводу, выпускной вечер, институт... первая любовь, потом вторая, третья... от второй — мальчик, от третьей — неприятности по службе. Законный брак, жена Клава, широкая, как русская печка, и дом на слом на месте проживания.

На траверзе одиннадцатого этажа Чупахину впервые страстно захотелось на работу. Работу он увидел в цветном изображении. За окном серый, унылый дождь, а в комнате тепло и уютно. Макрушина, как обычно, висит на телефоне — у нее уйма подруг, и у всех не сложилось, надо помочь.

— Да брось ты его, — говорит она неведомой Джульетте. — Ему цена пятак в базарный день.

Джульетта, видимо, лучше знает базарные цены и что-то возражает Макрушиной. Это выводит Макрушину из себя.

— Ну и дура! — кричит она возмущенно в трубку.

А в углу комнаты жгучая брюнетка Рябухина, прикрываясь служебными вопросами, упорно соблазняет строгого красавца Пахова. Пахову Рябухина не нравится, и поэтому он прикрывается броней порядочности — холодно именует Рябухину по имени и отчеству. Сам же Пахов не прочь поволочиться за юной Семухиной, но Семухиной

надо замуж, и она бежит консультироваться к холостым инженерам. Жгучая брюнетка Рябухина нравится Чупахину... Но — увы! Рябухина любит видных мужчин — это ее принципы, и за них она готова пойти на смерть. Чупахин дружит с Паховым — когда они идут в столовую или по улице, женщины смотрят на них с интересом. Это приятно.

— А где наш полированный шкаф, — обычно спрашивает Макрушина, — опять его нет на месте?

— Ты в него тайно влюблена, — защищает приятеля Чупахин.

— Я?! — фырчит Макрушина. — Как можно любить шкаф, да еще без антресолей!

В районе восьмого этажа Чупахин почувствовал, что очень дует.

«Не хватает еще простудиться», — подумал он и поднял воротник рубашки. На работу захотелось еще сильнее.

И опять он увидел свою комнату... Ближе к обеду у женщин все обговорено, обмерено, и они со стоном включаются в работу.

Пахов заговорщицки подмигивает Чупахину, они встают и идут из комнаты.

— Мы к экономистам, на первый этаж, — говорит небрежно Пахов. И уже в коридоре бросает, как боевой клич, традиционную фразу: — А почему бы нам не попить пивка?

В пивном баре тихо, еще не накурено, никто никого пока не уважает и поэтому спокойно.

Чупахину представилось все это так ясно, что он почувствовал на языке вкус пива...

На уровне пятого этажа Чупахин испытал неожиданное облегчение и даже тихую радость. Ему привиделась скучная физиономия Забулина из соседнего отдела.

«У, скупердяй, — в душе обругал его Чупахин. — Ну должен пятьдесят рублей, но нельзя же об этом без конца долдонить. Вот и бери у таких займы... Ха... теперь плакали его денежки».

Забулин был уныло настойчив.

— Ну что ты, Вася, за мной ходишь, — говорил Чупахин. — Целы твои деньги, как в швейцарском банке. Спроси через месяц, скажу: целы, через два — тоже будут

целы. И тайна вклада сохранена — никто не знает, что твои деньги у меня.

Но Вася совершенно не понимал, сколь надежно хранятся его деньги.

После третьего этажа пошли воспоминания о будущем. Чупахин снова увидел свою работу... Все шушукаются — о покойнике плохо не говорят, — по рукам ходит список, искренне расстроен только Забулин. После обеда все идут на похороны... А Пахов с кем-то еще удирает пить пиво...

— Господи, — застонал Чупахин, — хотя бы в такой день постеснялись...

Настроение окончательно испортилось.

А ведь как хорошо все складывалось. Незадолго перед выселением удалось прописать недавно умершую бабушку, и на одну комнату получилось больше... И вот теперь Чупахин летел к бабушке...

Эх, не следовало самому сверлить дырки. Ведь подпольный сервис плотно блокировал дом. Вот и надо было поручить тому, с усиками.

«Рубль на дырку пожалел, — продолжал корить себя Чупахин. — А теперь похороны влетят в копеечку...»

Дом стоял на пригорке, поэтому Чупахин и в зоне нулевого цикла продолжал движение.

Если бы жизнь начать сначала... Не прописывал бы усопшую бабушку, нехорошо это, отдал бы долг, сделал много добрых и хороших дел, бездельника Пахова — из жизни вон... и... Нулевой цикл кончился.

В котлован с водой, оставленный строителями, Чупахин вошел как олимпийская чемпионка Вайцеховская — почти без брызг. Несколько секунд под водой что-то клочкотало, потом Чупахин вынырнул, выплюнул кусок арматуры и размашистыми саженками поплыл к берегу. На краю котлована он отряхнулся, как собака, и зло выругался:

— Дом сдали, а кругом грязь, вода... А ведь обещали все заасфальтировать! И лифт не работает, тащись теперь на шестнадцатый этаж.

Опрокиднев, участник кавказской легенды

Однажды Опрокиднев особенно

удачно рассчитал паропровод высокого давления и получил за это отпуск в августе.

Много чего повидал в своей быстротекущей жизни техник Опрокиднев, но, как ни странно, еще ни разу не посещал Кавказ. И Опрокиднев вылетел на Кавказ.

Он выбрал его еще и потому, что имел тайное намерение на некоторый период забыть женщин родного института и закрутиться в вихрях настоящего, крупного лирического чувства. Абаев и Джазовадзе, а также Курсовкин и лично Эдуард Фомич Буровин неоднократно информировали его о том, что на Кавказе проживают совсем другие женщины. Вернее, отдыхая на Кавказе, они становятся совсем другими.

И едва сойдя с трапа самолета, он, в чем был, отправился на поиски женщины, еще ничего не знающей о его безумной любви к ней. А был он в светлом летнем костюме с платиновой искрой, в алой сатиновой косоворотке с перламутровой пуговкой, в новеньких скрипучих сандалиях, плетенных дерюжкой, в велосипедистской шапочке с черным целлулоидным козырьком и словом «ТАРТУ», написанным на эстонском языке. Темные гангстерские очки задорно сидели на курносом, слегка облупившемся носу и, пряча до поры до времени темпераментные взгляды озорных глаз Опрокиднева, подчеркивали пунцовый румянец его щек.

Женщину он увидел сразу.

В центре площади стоял открытый экскурсионный автобус. В нем плотными рядами сидели отдыхающие.

Рядом с водителем стояла юная женщина в кожаных шортах и брезентовой штормовке. Ее колени золотились как апельсины. Возле губ она держала милицейский мегаскоп.

— Экскурсия в горы! — кричала она. — Мы проедем там, где не ступала нога человека. Ущелье духов! Вид с

Вершины грез на Долину слез! Древние кавказские легенды, объясняющие происхождение гор, морей и океанов! Семь легенд о вечной любви! Торопитесь! Осталось два свободных места! Одно! Ни одного! Поехали!

И тут только Опрокиднев опомнился. Одним прыжком догнал он автобус, перемахнул через низкий бортик и в бессознательной заботе о равновесии крепко ухватил укутанный в штормовку стан экскурсовода.

— Мест нет, гражданин! — закричала женщина-экскурсовод и обдала его дымным взглядом. — Ждите следующую машину.

— Только с вами! — бормотал Опрокиднев, доверчиво прижимаясь к упругому брезенту.

— Ладно, пусть едет, — пожалел кто-то из пассажиров. Женщина-экскурсовод одернула штормовку, отчего Опрокиднев сместился в угол кузова, и сказала:

— Пусть едет. Но это дело надо перекурить.

Несколько мужчин протянули ей сигареты. Особенно старательно это сделали Опрокиднев и смутный юноша, сидевший во втором ряду. Острая конкуренция была налицо.

Женщина внимательно оглядела желающих дать ей закурить и выбрала опрокидневскую «Экстру». Смутный юноша издал гортанный выкрик, напоминающий клекот орла, и вышвырнул свой «Филип Моррис» на дорогу.

Автобус покинул городские кварталы и вошел в первый поворот серпантина.

— Кого тошнит, остановка на семнадцатом километре, — объявила женщина. — Просьба потерпеть. Посмотрите направо — направо виднеется Черное море. Один из крупнейших внутренних бассейнов нашей страны. Обратите внимание на эти волны. С них Айвазовский писал свой «Девятый вал». Если хотите, расскажу анекдот про Айвазовского.

— Просим, просим! — закричал Опрокиднев.

— Женщины могут не слушать, — предупредила она.

— Почему это? — обиделась старушка в последнем ряду. — Что мы, шуток не понимаем?

Женщина-экскурсовод рассказала анекдот про Айвазовского, потом — про Лермонтова и княжну Тамару, потом — про сухумский обезьяний питомник. В автобусе наладилась атмосфера полного взаимопонимания. Особенно спланивали коллектив виражи серпантина: экс-

курсанты мотались в кузове, как грибы в лукошке. Женщина-экскурсовод грохалась на колени к Опрокидневу. Смуглый юноша перед каждым входом в вираж печально спрашивал: «Это еще не семнадцатый километр?» Его участь была решена.

— Марина! — жарко шептал Опрокиднев.

— Не здесь и не так, — строго отвечала она. — И с чего ты взял, что Марина?

Так они ехали-ехали, и вдруг дорога уперлась в скалу, и они приехали.

Место было замечательное. Справа была самая большая гора, слева — гора поменьше. Между ними чернело ущелье. В него с диким ревом улетал седой, как профессор, водопад. Он разбивался о прозрачное озерцо, где сновали форели.

— Это место, — закричала Марина в милицейский мегафон, — по плотности легенд на квадратный километр не имеет себе равных на всем Кавказском хребте. Легенда первая — о происхождении самой большой горы. Однажды княжна Тамара уехала далеко на север, и Демон затосковал. «Я хочу посмотреть, как она там проводит время», — сказал он. Тридцать лет и три года ставил он камень на камень, пока не сложил гору. Потом он взобрался на вершину и посмотрел на север. Каково же было его удивление, когда он увидел, что Тамара давно уже замужем.

В это время из-за скалы появился смуглый юноша.

— Скажите, уважаемая, — спросил он, — а какая легенда связана с этим водопадом?

Опрокиднев посмотрел на Марину, и сердце остановилось у него в груди: любимая растерялась. Очевидно, с водопадом ничего легендарного еще не было.

— Да-да, — потребовали остальные. — Расскажите про водопад.

И тогда Опрокиднев подошел к самому краю пропасти и негромко сказал:

— Рассказывай, Марина.

И прыгнул вниз.

— С этим водопадом, — начала Марина, — связана трогательная легенда. Один командированный полюбил девушку. Вот здесь. «Если ты не ответишь мне взаимностью, — сказал он, — я спрыгну со скалы». — «Прыгай, — ответила она, — но поскорей, а то я опоздаю на автобус».

И он прыгнул. С тех пор его дух вечно реет над этими суровыми водами, протягивает руки из бездны и спрашивает прохожих, не опоздала ли его девушка на автобус.

— Ого-го!!! — простонал Опрокиднев со дна ущелья, плавая среди форелей. Ледяные струи ласково шипели на его горячих ногах.

Некоторые из экскурсантов заплакали.

— А по-моему, это не дух, — сказал смуглый юноша. — По-моему, это тот тип, который опоздал, а потом еще не дал нам остановиться на семнадцатом километре.

Опрокиднев выпрыгнул из воды по пояс, простер руки к скале и, стуча зубами от холода, крикнул:

— Не порти легенду, провинциал!

— Жаль, старичок, что ты прихворнул, — сказала Марина, навестив Опрокиднева в больнице, где он лечил простуду. — Легенду с водопадом у нас в экскурсионном бюро утвердили с восторгом. Если не возражаешь, отработаем август вместе.

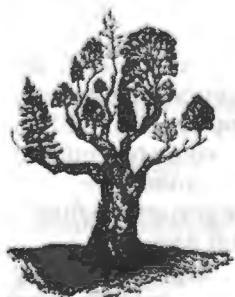
— Марина! — ахнул Опрокиднев.

— Не здесь и не так, — строго ответила она.

К вечеру он выздоровел, а утром уже мчался в автобусе. Колени женщины-экскурсовода освещали дорогу к легенде. Автобус вечным демоном кружил над скалами.

— Этот август я не забуду никогда! — крикнул водителю Опрокиднев.

С тех пор к его многочисленным титулам прибавился еще один: «Опрокиднев, участник кавказской легенды».

Николай Елин
Владимир Кашаев

Ощутить себя личностью...

Великое это дело — спорт!

Да что там — великое! Мировое! Помогает человеку, попросту говоря, личностью себя ощутить. Вот я, скажем, как боксом занялся, так и ощутил. Через год примерно. Вообще-то я и раньше, конечно, себя ею ощущал. Сижу, допустим, на службе — и ощущаю. Но только до тех пор, пока начальник наш не войдет, Александр Иванович, и не начнет меня распекать за то, что я вроде бы ничего не делаю. Тут я сразу этой вещью ощущать себя перестаю, куда-то она из меня вылетает. Сижу краснею, будто он мне в любви объясняется, и не знаю, что сказать. То ли у меня воля слабая, то ли у него голос сильный, но только теряюсь я как-то и так, беззащитный, перед ним и сижу.

Ну, и надоело мне это.

Хватит, думаю, попил ты моей кровушки! Больше я терпеть не стану. Теперь держись у меня!

И записался я в секцию бокса. Поначалу, конечно, тяжело пришлось. Ковры, из которых пыль на веревке выколачивают, стал за родственников почитать. Близость у нас с ними духовная появилась. Ну а потом постепенно привык, освоился. Месяцев через пять мы с этими коврами уже по разные стороны веревки оказались. А через год у меня уже такая техника была, что я бы и любого человека мог на бой вызвать, если бы он только ростом был пониже и жил поближе. А про Александра Ивановича и говорить нечего. Я его теперь нисколько не боялся. Он, конечно, мужчина здоровый, и кулачищи — во! Но зато я техникой прекрасно владею, а против нее никакая сила не устоит. В общем, в один прекрасный день решил я ему бой дать.

Утром прихожу на службу, сажусь, как обычно, за стол, достаю бутерброды и начинаю себя личностью

ощущать. И вдруг он входит, начальник. Раньше у меня бы руки-ноги отнялись, так бы и застыл с набитым ртом. Но недаром же со мной тренер возился, реакцию развивал! У меня теперь реакция появилась как у летчика. Не успел наш Александр Иванович вслед за животом голову в дверь протиснуть, как я сделал нырок и мгновенно под столом очутился. Сижу пережидая.

— Где этот бездельник? — спрашивает начальник и головой по сторонам крутит. — Хотел ему всыпать по первое число, а его нет. Где это он, интересно, пропадает?!

Бокс научил меня умению переждать атаку противника, затаиться до времени. Но тут, к несчастью, я делаю неосторожное движение головой... Заметил! Заметил меня, старый агрессор, черт его подери!

— Вы под столом?! Что вы здесь делаете?

В голове проносятся десятки возможных вариантов защиты: чиню паркет; завязываю шнурки; обдумываю ответ на письмо из главка... В доли секунды перебираю и отбрасываю эти варианты. Наконец нахожу нужное решение:

— Уронил важную бумагу. Вот, поднимаю...

Издавелека показываю ему бумагу, в которую был завершен бутерброд.

Противник идет на сближение:

— Где циркуляр номер семь? Куда вы его засунули?!

Я не люблю ближнего боя, предпочитаю работать на дистанции. Вылезаю с другой стороны стола. Попутно боковым зрением замечаю подложенную под ножку стола мятую бумажку. Пускаю в ход свою левую. Мгновенный выпад — и бумажка у меня в руке! Так и есть — тот самый циркуляр! Еще раз левой! Протягиваю циркуляр начальнику

— Вот он. Я с ним персонально работаю. Взял под свой личный контроль.

Соперник явно не ожидал, что поединок пойдет по такому руслу. Следует секундное замешательство, но вскоре он приходит в себя и меняет тактику:

— А где вы были вчера во второй половине дня? Я заходил, вас не было на месте...

Он пытается загнать меня в угол, но я легко парирую очередную атаку:

— Я искал вас. Хотел отдать вам циркуляр. Наверное, мы разминулись.

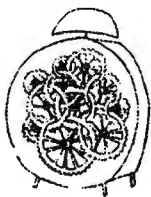
Он переполнен спортивной злостью, но начинает понимать, что победа на сей раз от него ускользнула. Не-

удовлетворенный исходом встречи, начальник поворачивается и покидает поле боя. И вот тут-то я наконец пускаю в ход свой коронный удар правой, удар, который я тренировал долгие месяцы и который ставит точку в нашем бескомпромиссном, остром поединке. Дождавшись, пока за соперником закроется дверь, я изо всех сил грохочу кулаком по столу и тихо, но с выражением говорю:

— Вот старый зануда! Чтоб тебе провалиться!!

После этого я сажусь на свое место, достаю недоеденный бутерброд и спокойно продолжаю ощущать себя личностью.

Дмитрий Иванов Владимир Трифонов

Еще не вечер

Фалалеев провожал жену

утренним поездом и потому явился на службу с опозданием.

— Ну что, Фалалеев, — спросили приятели, — проводил жену-то?

— Проводил, — сказал Фалалеев.

— А как надолго? — спросили приятели. — На сколько дён?

— Да на трое суток, — сказал Фалалеев. — Трое суток у нее командировка.

— Трое суток — это срок, — сказали приятели. — За трое суток это, боже ж мой, чего можно накуролесить, каких дров наломать.

Сам не зная отчего, Фалалеев потаенно улыбнулся в ответ, будто его поощрили, будто и точно получились у него трехдневные каникулы. Так он и просидел до конца дня, сберегая в области солнечного сплетения чувство неясной радости и предвкушение чего-то особенного.

Можно было многое. Можно было, к примеру, сесть, будто ненароком, в один автобус с голенастой секретаршей Верочкой и завести с ней шутливый разговор о том о сем. А потом, вроде шутя, пригласить ее к себе на чашку чая. И скорее всего — так чувствовалось по многим незначущим деталям — Верочка не стала бы брыкаться, а заскочила бы к нему на минуту-другую поглядеть телевизор. Правда, в фалалеевском телевизоре ничего такого особенного не показывали, то же, что и у всех. Но телевизор, ясное дело, был только поводом. Тем более что в серванте стояла бутылочка легкого десертного вина, без труда восполнимая к приезду жены, так как в соседнем магазине подобное вино не пользовалось успехом ввиду своей десертности.

Однако дальнейшего развития этой мысли Фалалеев не допустил, разумно предоставляя остальное случаю.

Автобус с Верочкой ушел, не дождавшись от Фалалеева решительных действий. А дома было пусто, чисто и не находилось самому себе никакого применения. Фалалеев бесцельно помотался по квартире, потом вышел на угол скверика и, оттоптавшись минут пять в очереди, без большой убежденности выхлебал кружку пива. Оттого он почувствовал себя еще более одиноким и неустроенным, метнул несъеденной сушкой в воробья, не попал и, вернувшись домой, лег на софу, как был, в пальто. Желая отвлечься, он стал складывать ладошку перед зажженной лампой, чтобы тень на стене походила на всяких зверей и птиц.

«Детей, что ли, завести, — раздраженно подумал он, — или аквариум с гупиями. Все же в квартире что-нибудь гуркало бы».

И выпитое пиво его толком не брало, и безвозвратно утекало каникулярное время.

Фалалеев поставил себе на грудь телефон и стал перелистывать записную книжку. Каких-то старых телефонов в ней хватало. Но иных абонентов он позабыл, другие могли оказаться записанными по служебной надобности, третьи, должно быть, не помнили его. Правда, в парутройку мест можно было попробовать, но Фалалеев струсил, боясь нарваться на родителей или мужей. Полежав без действия, Фалалеев придумал себе теорию, что, пожалуй, неприглядно самому искать приключений, и если уж что случится, то пусть случится само собой, без его видимой активности. Скажем, возьмут сейчас и позвонят ему, и вроде как деваться было некуда.

Фалалеев вперился в телефон и лежал так минут сорок, предаваясь тоскливым мыслям и тщетности индукции и дедукции. Телефон молчал.

«Вот ведь, ни одна сволочь не позвонит, — думал Фалалеев, — не спросит: как, мол, ты там, Фалалеев? Может, не знаешь, куда себя деть? Интересно, мол, посмотреть, какой ты теперь стал, как поживаешь, и вообще... Может, поведемся? Может, и сегодня? Да нет, время еще детское... Хочешь, я к тебе заеду, или ты ко мне приезжай... До какого метро мне ехать?... А подъезд который?..»

Фалалеев подозрительно взглянул на телефон. Может, отключили или трубка плохо лежит?

— Седьмая! — тут же откликнулось «09».

— Мне квартирный телефон не подскажете? На фамилию Фалалеев, — сказал Фалалеев и назвал свой адрес.

«Вот и в справочном можно мой телефон узнать, — подсадовал Фалалеев, когда ему подсказали его номер. — Можно все узнать, если только захотеть!»

Часам к двум его сморил сон. Он отставил телефон, кое-как разостлал на софе свои спальные принадлежности и погасил свет.

Звонок раздался в половине третьего. Фалалеев заметался и, путаясь в пододеяльнике, упал локтями на пол и, ухватив трубку, тут же нечаянно уронил ее на рычаг. На его последующее хриплое «я слушаю» городская телефонная сеть ответила равнодушным отбоем.

Следующие пять минут Фалалеев лежал с открытыми глазами. «Конечно, из автомата, — горько думал он. — Где же сейчас, среди ночи, еще одну двушку найдешь?»

И тут позвонили опять.

— Не спите? — сказал вкрадчивый голос, явно привыкший говорить с Фалалеевым на «ты» и маскирующийся ввиду необычности беседы.

— А что? — принимая игру, спросил Фалалеев. — Как говорится, еще не вечер.

Он яростно отпихивал ногой одеяло.

— Вы меня, конечно, не узнаете? — сказали там.

— Допустим... — туманно ответил Фалалеев, разобрав наконец, что голос мужской.

— А вот тут одна девушка утверждает, что вряд ли дотянет до утра, если не увидит вас. Девушку жалко, потому что это красивая девушка.

— Интересное сообщение... — сказал Фалалеев, с трудом возрождая в сонной памяти искусство телефонных пассажей. — И зовут эту девушку?..

— Она блондинка, — сказали там, помолчав. — Стройная, среднего роста... Это все, что мне поручено вам передать.

— А высокой брюнетки у вас там нет?

Там опять помолчали.

— Есть, — сказал наконец вкрадчивый голос, — высокая брюнетка есть, и тоже хотела бы вас видеть.

На фалалеевскую уловку было отвечено достойно, и опять слово было за ним.

— Я вообще-то всегда симпатизировал рыженьким, — сказал Фалалеев, — а?

На этот раз заминка была более продолжительной, и Фалалеев почти возликовал. Конечно, он сейчас в мо-

мент схватит такси и скоро будет там, откуда звонят. Но уж никто не скажет, что он заглотал первую же наживку.

— Будет рыженькая, — сказал вкрадчивый голос. — Будет, раз у вас уж такие железные принципы.

Фалалееву было трудно, держа трубку, одновременно натягивать носки, поэтому он сказал с некоторой натугой:

— Вы, кажется, там выпиваете?

— Это нельзя назвать именно так, — ответили там, — но для желающих найдется бокал «Твиши».

— Я бы предпочел что-нибудь покрепче, — сказал Фалалеев.

— Будет, — сказали там, помолчав. — Будет покрепче.

— Кстати, что это у вас там звучит? — спросил Фалалеев, накидывая на шею галстучную петлю. — Магнитофон?

— А вам хочется?..

— Если говорить честно, — напрягся Фалалеев, выдыхая, — я люблю музыку живьем. Пусть будет даже только трио: рояль, контрабас, ударник...

Там опять произошла заминка.

— Заметано, — сказал вкрадчивый голос.

— Ну а теперь, — сказал Фалалеев, вставая одетым, — как мне до вас ехать с Таганки?

— С Таганки?..

На этот раз заминка была слишком уж продолжительной, и Фалалеев крикнул, забеспокоившись:

— Алло!

— Простите, — сказал вдруг голос, бывший ранее вкрадчивым. — У вас какой номер телефона?

Фалалеев назвал.

— Извините, — сказали там. — Мы не так набрали. Это ошибка... Простите, ради бога!..

Фалалеев сходил на кухню и жадно попил воды, присосавшись к носику чайника. Только потом ему хватило сил сказать:

— Стрелять надо таких гадов. Нажрут так, что не могут номер верно набрать... А у людей душевные травмы...

Через три дня Фалалеев встречал жену утренним поездом и потому опять опоздал на службу.

— Ну что, Фалалеев, — спросили приятели, — встретил жену-то?

— Встретил, — сказал Фалалеев.

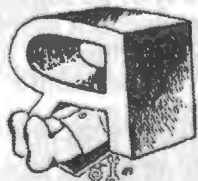
— Надолго уезжала? — спросили приятели. — На сколько дён?

— На трое суток, — сказал Фалалеев.

— Трое суток — это срок! — сказали приятели. — На ломал дровишек?

— А вот представьте себе, нет! — сказал Фалалеев. — И не думал даже!..

И он сидел до конца дня, сберегая в области солнечного сплетения чувство неясной гордости и даже некоторого превосходства над другими, что всегда бывает с человеком, одолевшим дурные желания.

Аркадий Инин
Леонид Осадчук

Таинственно звенит хрусталь

Я пересматриваю содержимое

своих карманов только один раз в год — тридцать первого декабря. Хотите верьте, хотите нет. Врать мне ни к чему. Ведь ни о чем, кроме моей лени, это не говорит.

Хотя, честно говоря, дело здесь не только в лени. Просто для меня это ритуал. Таинственный. Священный. Немного потусторонний. (На всякий случай сообщаю: я убежденный атеист и активист общества «Знание».)

Но все же в эти предновогодние минуты я вызываю тени прошлого. Яснее вижу настоящее. И даже слегка проникаю в будущее

Я достаю три своих костюма (новогодний штришок к вопросу о благосостоянии). Я вытряхиваю на стол содержимое двадцати четырех карманов.

Воспоминания... Радостные и грустные... Сбывшиеся мечты... Надежды, которые уже не осуществляются...

Я освобождаю на столе место. Сюда ляжет все, что уйдет со мной в новый год.

Я придвигаю к столу корзину. В ней останется все, что должно остаться.

Два предмета уверенно ложатся на чистое пространство. Записная книжка и авторучка. Уже много лет они кочуют из кармана в карман. Из года в год. Прежде с ними третьей путешествовала расческа, но она мне уже, к сожалению, не нужна.

Маленький календарик. Он всегда ложится в корзину. Триста шестьдесят пять дней, которые никогда не повторяются. Красные кружочки дней рождения. Я переносу их на новый календарь. Не все. Некоторые исчезнут. Как исчезли адреса из записной книжки. Как забылись глаза и волосы.

Билеты... Трамвайные, троллейбусные, автобусные. Маленькие доказательства большого уважения к общественному порядку. Счастливый билет... Впрочем, сейчас это подтвердить невозможно: цифры совсем стерлись. Она была не очень сильна в математике. Может, она и ошиблась. Может, сумма первых трех цифр не равна сумме последних. Но все равно билет не может не быть счастливым, раз его мне дала она. Иначе как я найду ее в новом году?

Старинная монета, медная, тяжелая. Она помогает мне решать сложные жизненные проблемы. Пойти в кино или пойти спать? Заказать омлет или яичницу? Я щелчком подбрасываю монету: «орел» или «решка»?.. Метод не очень научный, но избавляет от лишних размышлений.

Два письма из двух журналов — рецензии на мой рассказ. Один рецензент скорбит: «Литературные достоинства погубила избитая тема». Другой сокрушается: «Даже свежая, оригинальная тема не может скрыть литературную слабость». Очень люблю наших критиков за умение по-разному, но одинаково верно смотреть на вещи. Ведь в главном они сошлись: рассказ не напечатали.

Гора в корзине растет. Меня это всегда огорчает. Так сказать, все тщетно, все преходяще... Впрочем, при небольшом умственном напряжении можно предложить другую трактовку. Более утешительную, даже зовущую: «Мы берем с собой в новый год только лучшее, сметая в корзину старье и хлам!»

Бодрая формулировка придает силы. Я решительно сметаю со стола кучу билетов. В кино, театры, приглашенные билеты... За каждым из них — целый вечер. Радостный или убитый. Убитых, пожалуй, больше.

Кредитная справка. Телевизор сгорел еще в августе. Кредит заканчивается только в феврале.

Пуговицы, вырванные «с мясом». Шесть штук. В новом году их будет больше. Я получаю квартиру, и мне придется ездить в троллейбусе с пересадкой.

Много заметок, начинающихся словами «сделать», «написать», «решить». В новом году мне придется писать те же слова. К сожалению, и дела те же.

Описание гимнастики йогов. Отличные ребята эти йоги. Время от времени они проверяют свои взгляды на жизнь, становясь на голову. Это дает им возможность увидеть многие вещи повернутыми с головы на ноги.

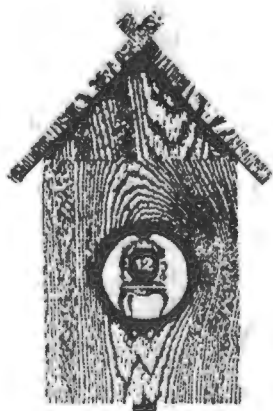
С йогами связана моя красивая мечта — делать зарядку. Кто-то из классиков-юмористов сказал: «Самое легкое дело на свете — бросить курить. Лично я бросал семьдесят два раза». Классиков я уважаю. Но все же мне кажется, что самое легкое — начать делать зарядку. Лично я начинал сто сорок четыре раза. Начну и в новом году. По традиции. Но Василий Алексеев и другие чемпионы могут спать спокойно.

...Я всегда с волнением ожидаю минуту, когда на столе останется последний предмет. Куда он отправится? В новый год или в корзину? Для меня это символично

Сегодня мне повезло. Последним остался гривенник. Потом я открываю шампанское. Наливаю в бокал. Подхожу к окну. Тихонько чокаюсь о стекло со всеми, кто идет по улице.

Таинственно звенит хрусталь...

С Новым годом!

Лутфулла Кабиров

Пусть вся махалля знает

Е просите в нашей махалле —

как найти Анвар-ака? И вас обязательно переспросят:

— Какого? Того, что в прошлом году за границу ездил, или у которого внук родился?

Ничего удивительного в этом нет. Каждый в нашей махалле имеет такую приставку-характеристику. И уж ни с кем другим его не перепутаешь. Есть, например, Джура, который на свадьбе пять баранов зарезал, есть Ходжинияз, у которого уши торчат..

Когда Акмаль стал моим соседом, его стали называть «Акмаль, который переехал в нашу махаллю».

Ему это прозвище не понравилось. Но людям не прикажешь называть себя по-другому.

Как-то мой сосед зашел к Рашид-бобо, у которого крыша дома красная, и объявил:

— Покупаю машину!

— Какую? — поинтересовался Рашид-бобо.

— «Запорожец».

— «Жигули» лучше, — авторитетно сказал старик, — или «Москвич»...

— На такую машину у меня денег не хватит... — простодушно признался Акмаль.

Он купил заветный «Запорожец».

И теперь про него в махалле говорят: «Акмаль, у которого денег нет».

Перевел с узбекского автор

Александр Каневский

Смелый почин

Я зашел в театр повидаться

с главным режиссером, своим бывшим одноклассником. Застал его мрачным и удрученным.

— В чем дело? — спросил я.

— Театр горит. Причем постоянно: зимой и летом, утром и вечером, в будние дни и в выходные.

— А вы принимали какие-нибудь меры?

— Еще бы! Пробовали хвалить спектакли в газетах — это отпугнуло зрителей еще больше; пробовали ругать — не помогло. Продавали билеты в рассрочку, потом в кредит, потом давали бесплатно, потом доплачивали — не идут!

Я положил ему руки на плечи, посмотрел прямо в глаза и спросил:

— Скажи правду: ты можешь поставить хороший спектакль?

— Не могу, — твердо и уверенно ответил он. — А план выполнять надо!

Мы беседовали в театральном буфете. За соседними столиками сидели и пили пиво несколько случайно попавших в театр иногородних зрителей. Прозвучал звонок, извещавший о начале нового действия, — зрители продолжали сидеть.

— И так всегда, — пожаловался мой друг. — Если и забредут в театр несколько человек — после первой же картины убегают в буфет, и отсюда их трактором не вытащишь... Как быть дальше — не представляю!

И вдруг меня осенило:

— А ты попробуй буфет перевести в зрительный зал, а зрительный зал — в помещение буфета.

— Гениально! — закричал мой друг. — Просто и гениально! Вот что значит — человек со стороны!

Через месяц я снова заглянул к нему в театр. У кассы толпилась очередь. Висело объявление: «Свободных мест нет. Принимаются предварительные заявки от отдельных лиц и коллективов».

Моя идея была полностью реализована и творчески разработана.

В зрительном зале стояли ряды столиков. Ложки были оборудованы под отдельные кабинеты. За кулисами устроили кухню. Расширили ассортимент, придумали фирменные блюда. Каждое блюдо подавалось после третьего звонка и пользовалось неизменным успехом. Из зала часто слышались крики «Браво!», «Бис!». Вызывали поваров, вручали им цветы.

На кухне готовились специальные лакомства для детей, имелись комплексные и диетические обеды. В театр потянулись пионеры и пенсионеры.

В праздничном, нарядном фойе висели фотографии официантов. У входа вместо афиш красовались художественно оформленные меню.

В антрактах между первым, вторым и третьим актами посетители могли пройти в бывший буфет и перехватить кусочек спектакля.

Театр быстро приобрел собственное лицо и легко конкурировал с соседними ресторанами.

— Я счастлив!.. Я окрылен!.. — Мой друг благодарно тряс мне руки. — Спасибо тебе! Впервые за всю жизнь я ощутил свою полезность обществу.

— А как общество отнеслось к твоей реформе?

— Чудесно!.. Недавно появилась великолепная статья... Меня хвалят! Меня ставят в пример!

И он показал мне огромную рецензию в «Советской торговле» под названием «Вари, выдумывай, пробуй!».

Не так давно решили открыть

у нас в городе ночное кафе. Некоторые говорили, что ночью надо спать, а не коктейли хлестать, другие считали, что наш город для ночного кафе еще не созрел, но большинство было «за», и я — среди этого большинства. Поэтому назначили меня ответственным за это дело.

Исхлопотал я помещение, оборудование соответствующее, персонал подобрал, продукты подвез и объявил через газету об открытии ночного культурного заведения.

К моменту открытия возле дверей собралась огромная толпа. Машины не могли проехать по улице, страшно гудели — шум стоял невероятный, кто-то на кого-то наступил, милиция прикатила, «скорая помощь», даже пожарники зачем-то.

Пора уже открывать, а швейцар дядя Володя — крупный такой детина, из бывших банщиков — прижался в уголок, и позументы на нем дрожат.

— Открывай! — приказываю я ему.

— Как же я открою, — лепечет он, — меня ведь тут же затопчут, и следов потом не найдешь... Надо было мне с вами связываться, тер бы я спины в бане и в ус не дул!

Тогда выхожу я через черный ход к толпе и говорю:

— Прошу вас, товарищи, проявить высокую сознательность. Вас тут не меньше тысячи, а посадочных мест всего двадцать восемь. Отберите из своей среды наиболее нуждающихся в посещении нашего заведения в количестве, соответствующем числу мест.

Тут начался страшный гвалт, взяли меня в клещи: один кричит, что он бессонницей страдает, другой — что ему ночью маленький ребенок мешает спать, третий — что у него дядя большой начальник, и вообще все что-нибудь кричат. Я уже понемногу рассудок начинаю терять, боюсь, упаду сейчас, и тогда меня затопчут.

Тут пробивается через толпу здоровенный дядька, ки-
нограммов на сто пятьдесят, приподнимает меня от зем-
ли и говорит:

— Слушай, эти доводы все лапша по сравнению с мо-
ими. Нас тут целая бригада приехала в командировку, а
гостиницы забиты. Что же теперь, на садовых скамейках
куковать? Впускай нас — мы хоть у тебя под крышей
ночь скоротаем.

— А сколько вас? — спрашиваю.

— Двадцать восемь со мной.

— Лады, — говорю, — как раз все проблемы на сего-
дня будут решены.

Запустил я эту бригаду через черный ход, на парад-
ных дверях табличку повесил «Мест нет и не будет» —
толпа поволновалась-поволновалась и понемножку на-
чала рассасываться. Только по телефону еще долго тре-
звонили, но я не подходил.

Дядькина бригада тем временем скинула фуфайки,
сапоги тоже, все в гардеробе пооставляли, сидят за сто-
ликами в носках, блаженствуют, официантки у них зака-
зы принимают.

— Ну как? — спрашиваю у посетителей. — Нравится?

— Хорошо, — отвечает за всех дядька, — уютно. Толь-
ко вот чемоданы не знаем куда поставить — путаются
они под ногами, мешают.

— Гардероб у нас, — поясняю я, — на чемоданы не
рассчитан, но можете в виде исключения снести их в мой
кабинет.

Заставили они кабинет чемоданами, снова расселись
по местам, коктейли через соломинку и так просто тянут,
покуривают, музыка играет — все как положено. Двое да-
же в пляс пустились.

Но скоро, смотрю, начинают члены бригады понем-
ножку позевывать — сперва в кулак, а потом уже в от-
крытую.

— Не скучно ли? — спрашиваю я с беспокойством.

— Понимаешь, — говорит дядька, — мы за день умо-
тались в дороге, глаза слипаются, а завтра вставать к се-
ми. Опять же сидеть — суточных не хватит. Завалимся-
ка мы лучше спать. У тебя раскладушек не припасено?

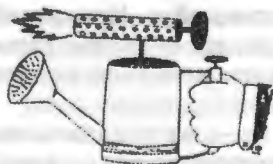
— Нет, — говорю, — на это мы не рассчитывали.

— Ну ладно, — успокаивает, — у нас у многих надув-
ные матрасы есть. Расположимся как-нибудь. Так что

спокойной ночи, можете идти со своим персоналом домой, мы уж сами устроимся, по-простецки.

Так эта бригада целую неделю у меня в кафе и прожила. Я им раскладушки раздобыл, кухню под душ переоборудовал, скатерти на простыни поменял через базу, телевизор из дома принес. Тихо так жили, мирно, дядя Володя их будил по утрам, вечером после работы беседы устраивали, диспуты, о жизни говорили. По рублю в сутки они за все платили. Расставались прямо-таки со слезами. Правда, им на смену другая бригада приехала.

Официанток мы постепенно уволили — горничных набрали. Администратора также взяли. Народу все больше стало приходить из числа командированных. Отказывать начали. Ругань пошла, жалобы, бронирование ввели. Иностранных туристов скоро присылать обещают. Людное сделалось место. Поговаривают, что пора открыть неподалеку ночное кафе.

назк.А

Лев Корсунский

Открытие

Прибежал я на работу, вижу —
направляется ко мне Самсонов.

— Поздравляю! — сказал Самсонов, загадочно улыбаясь.

— Спасибо, — говорю, — и вас тоже. «С чем же, — думаю, — он меня поздравляет? Праздник, что ли, какой сегодня? Да нет вроде».

Только зашел в наш кабинет, как Архипчук тут же бросился меня обнимать.

— Поздравляю! — прохрипел он.

— Спасибо, — говорю. — И тебя тоже.

— А ты меня с чем поздравляешь? — удивился Архипчук.

— А ты меня с чем?

— Я тебя — с открытием.

— С каким открытием?

— Ох, скромник какой! — залюбовался мной Архипчук.

Уж не издеваются ли они надо мной? Дело в том, что я вряд ли совершил какое-нибудь открытие, потому что последнее время все больше на машинке для шефа печатаю. Конечно, не пристало мне, научному работнику, таким делом заниматься, да я ведь не гордый.

— Ну, старик, — похлопал меня по плечу Зайцев, — замечательную вы с Пискуновым статью отгрохали.

— Да чего там, — засмутился я и скорее побежал к Пискунову. — С чем это все меня поздравляют? — прошептал я ему в ухо.

— А ты разве не читал нашу статью в журнале? — удивился Пискунов. — Мы же с тобой как-никак открытие совершили.

— Я ничего не совершал, — разозлился я.

— А помнишь, что ты в прошлом году сделал?

— Чего?

— Бразильские джинсы мне достал, вот я и сделал тебя своим соавтором.

— А какое хоть открытие-то? — поинтересовался я.

— Да там чего-то про электричество.

— Какое электричество? — удивился я. — Разве ты точно не знаешь?

— Мне говорили, — потерял терпение Пискунов, — да я позабыл, нас ведь там несколько соавторов. Я Бабушкину путевку в санаторий достал, вот он меня и записал в соавторы, а я уж тебя записал. Нам ведь нужны научные работы, а ему все равно, сколько соавторов.

— Когда же, — говорю, — запись на это открытие была?

— Да еще в том году.

Отправился я к Бабушкину выяснять, что же мы открыли.

— Помню, помню, — оживился Бабушкин, — сделали мы какое-то открытие, только вот какое — забыл. Я ведь часто всякие открытия делаю. Ты сходи к Волкову, мы у него записывались. Может, он знает.

И он не знал.

«Интересно, — думаю, — кто же его все-таки сделал?»

Показал мне Волков эту статью. Прочитал я ее внимательно, не понял, правда, ничего. Забыл я все эти премудрости, а попросить объяснить вроде неудобно.

Отправился в наш отдел, встретил по дороге Поповского, поздоровался с ним, а он мне не ответил. Посмотрел на меня с отвращением и отвернулся.

«Почему бы это?» — думаю. Испортил он мне настроение. Вместо того чтобы поздравить, такие взгляды бросает. Завидует, что ли? Главное, что мне скоро квартиру должны дать, а он в местное околачивается — как бы не навредил.

— Что это Поповский со мной не разговаривает? — спросил я у Пискунова.

— Так ведь наше открытие опровергает его открытие, — объяснил мне Пискунов. — Ну, ему и обидно, конечно.

«Некстати, — думаю, — я со своим открытием вылез. Надо идти к Поповскому мириться».

— Ты на меня не обижайся, — миролюбиво сказал я Поповскому. — Я ведь случайно все это открыл.

— Ты что, — поморщился он, — издеваешься, что ли? Я над своей работой пять лет корпел, а ты ее взял да уничтожил.

— Так ведь науку остановить нельзя, — беспомощно развел я руками и по-идиотски заулыбался.

— Нечего было соваться со своей статьей, если знаешь, что товарища этим в гроб загоняешь.

— Ну извини, — говорю, — не подумал. А в чем твое открытие?

— Об электричестве, — насупился Поповский.

— Так и мое — об электричестве. А в чем там суть?

— Я уж не помню, — говорит, — хорошее было открытие.

— Слушай, — доверительно сказал я ему, — не делал я этого открытия, меня на него только записали.

— Какая, — заскрипел он зубами, — разница? Меня на мое тоже записали. Надо знать, куда записываешься! Повернулся и ушел.

«Эх, не видать мне квартиры», — затосковал я.

— Ты, — закричал я Пискунову, — больше меня ни на какие открытия не записывай! Ни к чему мне ваши интриги!

Сел за машинку и начал работать.

Александр Курляндский

Овчарка Барсик

В помещении собачьего клуба

было холодно и неудобно. Председатель и его заместитель обсуждали ближайшую выставку. Неожиданно дверь открылась, и в комнату вошел слесарь с огромным рыжим котом на рукаве телогрейки.

— Тебе чего, дядя Паша? — спросил председатель.

— Скоро выставка у вас, — помялся слесарь. — Надо бы Барсику первое место дать.

— Какому Барсику? — не понял председатель.

— Ему вот, Барсику, — сказал слесарь и кивнул на кота. — Я медали не заслужил — пусть хоть у него покрасуется.

Председатель захохотал:

— Ты думаешь, что говоришь? У нас собачья выставка, а ты с кошкой лезешь!

— С котом.

— Какая разница?

— Разница, конечно, небольшая, — сказал слесарь. — Только, если вы Барсику медаль не дадите, я вам отопление отключу.

И немного подумав, добавил:

— И воду...

Наступила напряженная тишина. Председатель и его заместитель во все глаза уставились на слесаря. Тот как ни в чем не бывало поглаживал кота по рыженькой спинке. Наконец председатель не выдержал:

— Вообще-то, если говорить честно, кошка от собаки не очень отличается. Те же четыре лапы, хвост, два уха...

— Что вы говорите?! — вспыхнул заместитель. — У бегемота тоже два уха. Может, и его в собаки зачислить?

— Бегемота нельзя, — вздохнул председатель, — бегемоты лапать не умеют.

— А кошки ваши умеют?

— Конечно. Когда за собаками гонятся. Та от нее — на дерево, а кошка как подбежит к дереву, как задерет кверху морду, как давай ее облаивать!

Коллективный шарж И.Макарова (с обложки пластинки).

В верхнем ряду: Марк Розовский, Аркадий Хайт, Александр Иванов, Никита Богословский, Григорий Горин.

В центре: Владилен Бахнов, Виктор Веселовский, Виталий Резников.

Внизу: Лион Измайлов, Владимир Владим.

Вот они, отцы-основатели «Клуба ДС» — Владимир Владин, Илья Суслов, Виктор Веселовский и Аркадий Арканов. Фотография из далекого 1971 года.

А это отцы-продолжатели:
Андрей Яхонтов (второй гл. администратор)
и Павел Хмара (третий гл. администратор) с Александром Ароновым.
Минутка поэзии.

Первый главный администратор «Клуба 12 стульев» Виктор Веселовский очень любил присутствовать на вечерах юмора. И, конечно же, выступления наиболее талантливых авторов 16-й полосы «ЛГ» он отмечал поощрительным позевыванием.

Единственное сохранившееся для истории фото великого людоведа и душелюба Евгения Сазонова (в центре). И примкнувшие к нему «дээсов» Михаил Ляшенко, Елена Ланкина, Владимир Владин, Павел Хмара, Владимир Волин, известный в народе как Робертыч, и Наталья Веселова. Двое последних сидят (в лучшем смысле этого слова).

«Клуб» работает. Работают и В.Владин, и А.Рыбаков.
В руководящем кресле — Илья Суслов.

А над ним — не портрет вождя, а светлый образ «Золотого тельца»
(на афише) и не менее светлое имя Евг. Сазонова.

Виктор Коклюшкин, Александр Иванов и Аркадий Арканов:
серьезный разговор о смешном.

«Клуб» отдыхает. Виктор Веселовский со товарищи на одесском пляже. Товарищи: Эдуард Медведкин, Александр Иванов, Аркадий Арканов, Александр Курляндский и полголовы Владимира Влдина

Дачная идиллия. Аркадий Арканов, Владимир Влдин, Виталий Резников и Лион Измайлов на фоне близких, знакомых и природы.

Григорий Горин и Александр Иванов учат Александра Филиппенко актерскому мастерству.

Леонид Утесов учит Александра Иванова писать пародии.

Вокруг «Вокруг смеха»: гости Александра Иванова —
Павел Феликсович (Хмара) и Алла Борисовна (Пугачева).
Фото Владимира Дозорцева.

Такими увидел завсегдатаев и любимых художников «Клуба ДС» Виталия Пескова, Владимира Иванова, Игоря Макарова и Вагрича Бахчаняна фотограф Вадим Крохин.

БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ ЛКТАБЬРСКИЙ * 3,4 апреля *

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

12 СТУЛЬЕВ
НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

апреля - День смеха • 1 апреля - День смеха • 1 апреля - День смеха • 1 апреля - День смеха • 1 апреля

* ВЕЧЕР ЮМОР

**3,4
1 апреля
день сме
ха**

Выступают артисты клубов **ЗОЛОТОЙ СЕДЕНОК**
ГОРИН ТОКАРЕВА ВЛАДИН
писатели Аркадий АРКАНОВ Владлен БАХНОВ
композитор Никита БОГОСЛОВСКИЙ
администраторы клуба ЛД Виктор ВЕСЕЛОВСКИЙ Майя СУСЛОВ Виталий РЕЗНИКОВ

а также
известный писатель ЛЮДОВЕД
Евг. САЗОНОВ!

ВХОД ПЛАТНЫЙ

ЯВКА ОБЯЗАТЕЛЬНА

© 1994 by the publisher. All rights reserved.

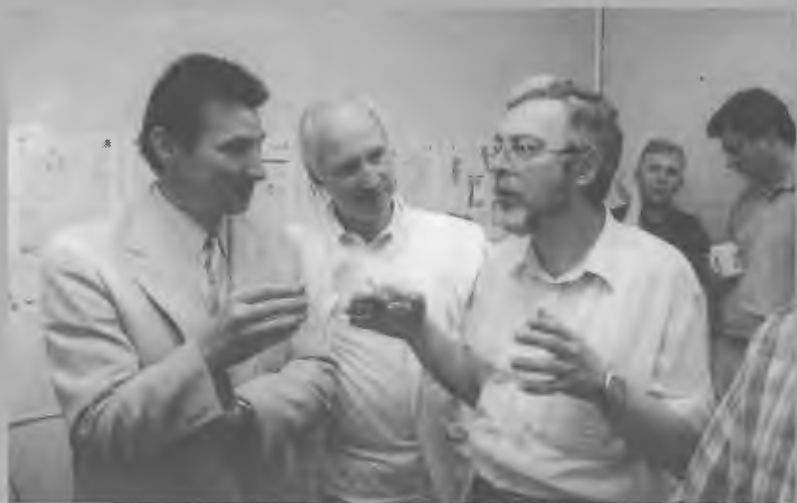

«Золотому теленку» быть! Лауреаты премии разных лет Михаил Задорнов и Алексей Пьянов.

В ожидании очередных премий лауреаты 16-й полосы Виктор Славкин и Анатолий Трушкин подрабатывают, контролируя работу колхозного рынка.

«Клуб» сегодня. Евгений Обухов (четвертый гл. администратор) слушает произведения Владимира Колечицкого и Дмитрия Калюжного. На дальнем плане — редакторы приложения «ЛГ — 12 стульев» Олег Романов и Артур Кангин.

Обмен опытом. В Питере есть музей Остапа Бендера, в Москве — музей «Клуба 12 стульев».

Конец века и тысячелетия — все жанры в гости к нам.

Сидят (отнюдь не фигурально): Лев Гуцин — главный редактор «Литературной газеты», Владимир Вишневский, Марк Розовский, Павел Хмара.

Бодро стоят: Артур Кангин, редактор газеты «12 стульев», Михаил Златковский, Сергей Сатин и Олег Романов (тоже редакторы газеты «12 стульев»), Евгений Обухов (главный администратор и редактор вышеупомянутой газеты), Анатолий Трушкин, Виктор Матвийко. Фото Полины Вильховской.

Вот она, пирамида лауреатов: Павел Хмара, лауреат премии «Золотой теленок» 1972 года, Владимир Вишневский — 1987 год, Марк Розовский — 1974 и 1996 годы, Виктор Матвийко — 2000 год, Евгений Обухов — никакой не лауреат «Золотого теленка», но четвертый главный администратор «Клуба ДС». Фото Полины Вильховской.

— Вы все перепутали! Не кошка собаку облаивает, а наоборот.

— Знаете, Петр Гаврилович, — не выдержал председатель. — Если вы не прекратите эти вот штучки, я перестану вам помогать с телефоном. Брошу все, и ходите всю жизнь «спаренным»!

Заместитель опустил глаза, потом искоса взглянул на кота:

— Не-е... Вообще-то мне этот кобелек нравится. И расцветка его нравится, и экстерьер. Только нельзя же так... сразу. Надо подумать, как его провести. По какой секции.

— По секции сторожевых! Ведь это же кот — лучший сторож от всяких мышей.

— А может, по секции охотничьих? Он не только сторожит, но еще эту дичь и преследует. Давайте проведем его как борзую по мышам?

— Как борзую — нельзя. Борзые ростом повыше.

— А может, это еще щенок?

— На борзую он даже как щенок не потянет, — председатель посмотрел на кота. — Скорее уж доберман.

— Нет! У доберманов все хвосты резаные. А у нашего что — снова отрос?

— Да, отрос! Кормили хорошо, вот он и вырос!

— Ну, тогда этот кот уже не собака, а ящерица. Его не на выставку, а к змеям, в террариум!

— Опять вы за старое?! — с угрозой сказал председатель.

— Ну хорошо, хорошо. Не хотите по охотничьим — давайте по декоративным. У меня там к председателю секции ход имеется. Его дочка в институт поступает, где у меня с ректором щенки от одной суки.

— Мало ли у кого от одной суки? У меня вон с одним балетмейстером тоже от одной... Ну и что? Он же не приглашает меня танцевать в Большой театр!

— А вы его об этом просили?

— Эй, послушайте, — вдруг вступил в разговор слесарь. — Я, конечно, в собаках не очень... Но у нас как такие дела делаются... Предположим, надо выписать деньги за водопровод. А выписывают за отопление. Поняли?

— Понял! — обрадовался заместитель. — Дадим ему медаль как коту, а проведем — как собаке... А что, если создать в нашем клубе кошачью секцию? Бывают же, так

сказать, разные ответвления от породы. Разные, так сказать, мутации. В конце концов, кошки не птицы.

— Верно! — сказал председатель. — И крыльев у них нет, и клюва.

— И яйца они не откладывают!

— И в жаркие страны не улетают!

— Ну просто совсем как собаки!

Председатель вытер лоб и посмотрел на слесаря:

— Вот если бы ваш кот птицей был, тогда уж другое дело. Тогда действительно ничем не поможешь.

Тут дверь открылась, и в комнату вошел монтер Митя с огромным рыжим попугаем на рукаве телогрейки.

— Тебе чего, Митя? — испуганно спросил председатель.

— Скоро выставка у вас, — сказал Митя. — Надо бы Сенечке медаль дать...

Я шел пустынной улицей, когда

меня остановил какой-то человек. Остановил довольно бесцеремонно, преградив мне дорогу и глядя на меня очень недружелюбно.

— Вам чего? — ласково спросил я.

— С-с-с... — начал человек, тыча куда-то в меня пальцем.

— Не понимаю, — я постарался ободрить человека приветливой улыбкой.

— С-с-с... — продолжал он, беря меня за рукав. Очевидно, он боялся, что я уйду раньше, чем он успеет выговориться.

— Ничего, ничего, — успокоил я человека. — Вы не волнуйтесь, постарайтесь расслабиться, и тогда ваше заикание, безусловно, пройдет.

— С-с-с, — мрачно настаивал человек, и рука его крепче сжала мой локоть.

— Ну что? Что значит это ваше «с-с-с»? — я постарался поймать взгляд собеседника. — Ах, ну да! Как же я раньше не догадался! — Я громко расхохотался. — Вы хотите узнать, сколько времени? Сейчас скажу!

Я поднес часы к глазам, человек радостно закивал и заулыбался.

— С-с-с! — напирал он, показывая на мои часы.

— Половина первого. Ночи, разумеется, — я сделал озабоченное лицо. — А теперь позвольте мне пройти.

— С-с-с! — человек отчаянно замотал головой и взял меня за оба локтя.

— Не понимаю, — пожал я плечами. — Вы что, хотите начать какую-нибудь фразу со слов «скажите, пожалуйста»? А что вам сказать? Как вам попасть домой? Или к знакомым? Ну, этого я, извините, знать не могу! — Я решительно попытался высвободиться.

В конце улицы появился прохожий. Он быстро двинулся в нашу сторону.

— О-о! — изумленно воскликнул я. — Смотрите-ка, кто к нам идет! Прохожий! Сейчас он нам поможет.

— С-с-с! — шипел человек, явно недовольный появлением прохожего. Он даже повернул меня к свету, а сам встал в тень.

Прохожий поравнялся с нами и хотел проскочить мимо, но я его остановил окриком, и он подошел:

— В чем дело?

— Да вот!

— С-с-с!

— Хм... — прохожий оглядел человека, который держал меня за руки. — Он вам что-то хочет сказать, — наконец заключил прохожий.

— Точно, — согласился я.

— С-с-с! — мотал головой тот человек.

Тем временем к нам подошли еще несколько запоздалых пешеходов. Стали гадать, что же должны означать эти «с-с-с».

— Сретенка?

— Следуйте за мной?

— Сигарету?!

Все эти предположения человек, державший меня за руки, отметал энергичными движениями головы, продолжая настаивать:

— С-с-с!

Ему подсказывали, задавали наводящие вопросы, на него сердились, а он стоял на своем:

— С-с-с!!

Тут кто-то хлопнул человека по спине.

— С-с-снимай часы! — вырвалось у него, и он облегченно запыхтел. — Я в этом месте всегда волнуюсь, — объяснил он собравшимся. — Всегда на этом проклятом слове запинаюсь. Спасибо, помогли.

Кругом шумно загалдели, и народ стал потихонечку расходиться.

— И кто бы мог подумать, что именно эта фраза? — доносилось до меня.

— Ну ты что, глухой? — строго спросил меня тот человек. — Тебе говорят, снимай часы. Ну!

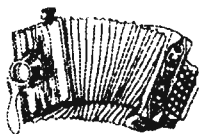
— Ах, часы, — кивнул я и принялся снимать часы.

— Просто ребус! — донеслось до меня, и последний пешеход исчез.

Я снял часы и отдал их человеку.

— С-с-с,— начал опять он.

— Пожалуйста, — ответил я и зашагал прочь.

Михаил Липскеров

Воспоминание

В последние годы в прессе

появилось колоссальное количество воспоминаний людей, друживших с Владимиром Высоцким. По моим подсчетам, с младенчества с ним дружили около ста двадцати тысяч человек, в последующие годы прибавилось еще около четырех миллионов. И каждый из них, судя по воспоминаниям, внес громадный вклад в его творчество.

Недавно мне попались в руки воспоминания о Высоцком еще одного его друга, и я считаю своим долгом вас с ними познакомить.

Хочу рассказать о своей дружбе о Владимиром Высоцким, с которым я не был знаком, и о своем вкладе в его творчество, благодаря которому (я имею в виду вклад) он стал тем, чем он стал.

В конце пятидесятых Володя написал свои первые, несовершенно стиhi. Я понял, что должен помочь ему как художник художнику. Чтобы быть объективным, стихов я не читал, но жестоко раскритиковал их в газете «Литературный листок». «Нет, господин Высоцкий» называлась рецензия. Меня приняли в Союз писателей.

Когда Володя записал на магнитофонную пленку свою первую песню, я в газете «Культура в жизни» сравнил его с Окуджавой. Что по тем временам приравнивалось к грабежу со взломом. Эта моя дружеская поддержка оставила Володю практически без работы и без куса хлеба. Что необходимо каждому художнику. Ибо сытое брюхо к творенью глухо. Поэтому, и только поэтому, я наступил на горло Володиной песне.

После первого цикла песен я в журнале «Музыка на службе» написал, что музыка песен Высоцкого не имеет ничего общего с музыкой Баха, Генделя и Моцарта. В доказательство я приводил песню:

Попали мы по недоразумению,
Он за растрату сел, а я — за Ксению.

У нас любовь была, но мы расстались.
Она кричала, б..., сопротивлялась.

«Попробуйте, — писал я, — уложить это «б...» в верхний регистр Домского органа». Я был прав. Никому это не пришло в голову. Тем более что в то время Домский орган был на капремонте.

За эту статью меня приняли в Союз композиторов. И дальше я делал все, чтобы выковать из Володи художника. Как вы думаете, за что меня приняли в Союз кинематографистов? Правильно. За разгромные рецензии на фильмы с Володиным участием. В этих статьях я впервые ввел в обиход выражение «эстетическая диверсия». И заметьте, чем разгромнее были рецензии, тем лучше он играл. И чем лучше он играл, тем разгромнее были рецензии.

В середине шестидесятых в нашей жизни произошли большие события. На основании песни «А на нейтральной полосе цветы необычайной красоты» я внес переворот в военное дело. Я доказал, что в борьбе двух социальных систем нейтральной полосы быть не может. Есть только один передовой край, который хочет отодвинуть назад «некий Высоцкий». Меня пригласили на чашку чая в Генштаб и присвоили звание капитана в штатском, а Володя с трудом остался на свободе. Что и помогло подняться ему на новую творческую высоту. И в этом моя неопенимая заслуга.

А теперь о Театре на Таганке. Со дня его основания в 1964 году я не устал писать, что это «не наш театр», что «формализм, экзистенциализм и эмпириокритицизм не способны ничего дать советскому зрителю». И результат оказался налицо, Театр на Таганке стал самым популярным театром, а Володя Высоцкий, которого я в одной из статей назвал «ущербным Гамлетом с Большого Каретного», — любимцем театральной Москвы. И такого же Парижа.

Я думаю, нет нужды сообщать вам, что после этого меня приняли в ряды Всероссийского театрального общества.

Много, очень много я сделал для Высоцкого. Мои труды увенчались успехом. В июле 1980-го Володи не стало. Вся Москва была на его похоронах, оголив олимпийские трибуны. Он стал любимцем других стран мира. Его пла-

стинки расходятся миллионными тиражами, книги его стихов невозможно достать.

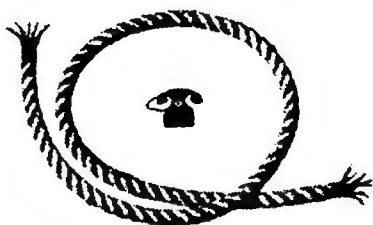
И это я, давя его на каждом шагу, помог ему достичь такого положения.

Причем он не первый. Это я в свое время написал донос на Достоевского, и мы получили «Преступление и наказание», это я выгнал из страны Бердяева, это я в тридцатых попридушил Булгакова, а в сороковых, — Платонова, это я в сорок шестом назвал Зоценко пошляком, а Ахматову — блудницей, это я разогнал «Новый мир» шестидесятых.

Я сделал все, чтобы самым талантливым было как можно хуже, чтобы они выстояли и стали еще талантливее. И не страшно, что многие из них ушли раньше положенного срока.

Они сделали достаточно.

А я вынужден жить. Потому что наша земля никогда не оскудевала талантами. И всем я должен помочь. И для этого я должен жить. Ура!

Эдуард Медведкин

Стакан воды

Гаврилову пришла пора жениться.

Гаврилов жениться не хотел. Ему и холостому было хорошо. И хотя умом понимал: надо! — сердце говорило: «Брось, сгинь, нудьга!»

Он довольно успешно разрушал доводы уговаривающих и даже сам переходил в атаку. Не без успеха. Двух женатиков, которые особенно усердствовали, он убедил сбежать от семьи на Колыму.

Но однажды его сразили наповал. «И кто тебе на старости лет стакан воды принесет? Заболеешь — напиться некому подать».

Ночью Гаврилову приснилось, что он лежит в грязной, неубранной квартире, один, старый, немощный, по седой, давно не бритой щетине текут слезы, и впалая, больная грудь исходит, захлебывается криком-шепотом: «Воды... воды...»

Утром он срочно произвел инвентаризацию потенциальных невест. Более других ему нравились Валечка, Лялечка и Танечка.

Валечка, несомненно, кандидат номер один. Тоненькая, воздушная. Глаза голубые, как море возле скал Алупки, где они отдыхали вдвоем. Сплошное очарование. При виде ее Гаврилову хотелось раздавать прохожим карманные деньги и целовать комнатных собачек, которых ненавидел. Но с точки зрения стакана воды... Она же актриса. Такие даже на пенсии бегают вечерами в театр. А если как раз в это время его посетят жажда и немощь одновременно?

Вот Лялечка попроще. Веселая, бойкая. Попроси не только стакан — графин, тазик, корыто принесет. И не простой воды — газированной. Но... красивая. От поклонников отбоя нет. И моложе. На нее всегда будет спрос. И когда-нибудь от него, пожилого, с больной правой почкой, ее вполне сможет увести мужчина с крепкой печенью.

Танечка сегодня-то хороша — а завтра? Она постарше и болезненнее. Того гляди ему самому придется дежу-

рить рядом. Конечно, она любит его, и характер чудесный, но не это главное.

После недельного зондирования разных вариантов Гаврилов остановился на своей бывшей соученице Зосе. Все сходилось к тому, что Зося в решительный момент будет со стаканом воды на месте. И не слишком привлекательна, и здоровье на редкость, и отчаянная домоседка. Ее уж никто не уведет: просто из квартиры не вызовет.

Итак, Зося. Сомнений нет! Верняк! Гаврилов сделал предложение, добился согласия и сочетался законным браком.

Цепи Пименя оказались тяжелыми и со многими заусенцами. Его холостяцкая квартира преобразилась. Пустые светлые комнаты наполнились приданным суженой: диванчиками, сервантами, шкафами, скульптурками (белыми слониками, серыми носорогами и желтыми цыплятами). Старые, пыльные ковры забрались на стены. Кухню заполонили кастрюли, кастрюльки, дуршлаги, противни, ухваты, чайники, чайнички, сковородки. Горы немытой посуды забаррикадировали умывальник. Несвежее белье навечно улеглось мокнуть в ванну. Появился стойкий запах скисшего борща, подгоревшей каши и выкипевшего супа.

Вместе с Зосей к Гаврилову перебрались подслеповатая сестра ее бабушки, две сонные болонки, Тяпа и Ляпа, ленивый кот Марципан. Гаврилов вздрагивал от омерзения, когда болонки лизали его руки или, не дай бог, нос, когда зазеваются.

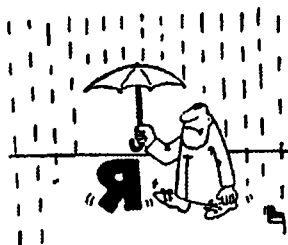
Он титанически нес свой крест. Конечная цель — стакан воды в трудную минуту — оправдывала каждодневный кошмар. Он ласково улыбался бабушке, мотал ей клубки шерсти, убирал, обтирал, стирал и кормил ее, а также Тяпу, Ляпу, Марципана, мылся сам не в ванной, а на лестнице, поливая себя из кружки, питался килькой в томатном соусе. Он научился в хаосе вещей находить свободное местечко и чистый участок стола. Не мог он только преодолеть свой ужас перед увеличивающимися объемами супруги. С каждым днем она раздавалась, как воздушный шар братьев Монгольфье. И раздражала ее страсть к очеркам о современной семье. Зося периодически орошала газетные страницы горькими слезами, и тогда Гаврилову казалось, что у них в спальне ухает паровая баба.

Так, съезжившись, жил Гаврилов. И дожил до немощи и болезни. Бедный Гаврилов лежал в постели, обложенный подушками, и таял на глазах. Он угасал, но, к своему удивлению, не ощущал страха. Наоборот. «Отмучился, — спокойно думал он. — Все. Хана!» Никогда он не услышит визга потомков Тяпы-Ляпы, не увидит громадную, в пять рекламных тумб спину жены, не отравит организм кухонными запахами, и паровой молот больше не заколотит по мозгам стотонным грузом.

Умиротворенная улыбка коснулась его губ. Ему хотелось запеть, но в тот же миг грудь затряслась, и против собственной воли тихий шепот вырвался наружу:

— Воды... воды... — И счастливая мысль. Он понимал: последняя мысль. Слабеющая мысль: «Все! Все... Вс...»

Угаснуть ему не удалось. Когда-то он рассчитал верно — Зося уловила шепот и протянула заготовленный стакан воды.

Михаил Мишин

Появился Сидоров...

Второклассники с грохотом прыгали

по партам, кидались тряпкой, лупили друг друга по головам книжками. Было очень весело.

В класс вошел Сидоров. Возня стала стихать.

— Быстрее рассаживайтесь, товарищи, — сказал Сидоров. — У нас сегодня будет собрание.

Второклассники сели за парты.

— Товарищи, — обратился к ним Сидоров. — Для нормальной работы собрания нам необходимо избрать президиум. Какие будут предложения?

Девочка на второй парте у окна подняла руку.

— Пожалуйста, — сказал Сидоров.

— А Вова Юриков щекочется, — сказала девочка и села.

— Юриков, — сказал Сидоров.

— А она первая начала! — сказал сосед девочки.

— Больше серьезности, товарищи, — призвал Сидоров.

— А что такое «президиум»? — спросил кто-то сзади.

— Стыдно, — строго сказал Сидоров. — Вы, кажется, уже не в первом классе. Что, нет предложений? Тогда я предлагаю избрать президиум в составе двух человек. Кто за это предложение, поднимите руку.

Все подняли руки.

— Опустите, — предложил Сидоров. — Кто против?

Мальчик на третьей парте поднял руку.

— Ты против? — спросил Сидоров.

— Можно выйти? — спросил мальчик.

— Как собрание решит, — сказал Сидоров. — Как, товарищи, отпустим?

— Отпустим, — пискнул кто-то.

Мальчик вышел.

— Так, — сказал Сидоров. — Какие будут предложения по составу президиума?

Девочка, которая раньше жаловалась на Вову Юрикова, подняла руку.

— Слово для внесения предложения предоставляется товарищу Плющ Ларисе.

— В президиум нашего собрания я предлагаю выбрать...

— Избрать, — поправил Сидоров.

— Я предлагаю избрать, — сказала Плющ Лариса, запнулась и покраснела. — Ой, я забыла, кого надо...

— Хорошо, что ты голову дома не забыла, — сказал Сидоров. — Товарищи, Лариса хотела нам предложить избрать в президиум Сидорова и Бляшкина. Правильно, Лариса?

— Правильно, — сказала Лариса.

— Кто за это предложение, — сказал Сидоров, — прошу голосовать.

Робко поднялась первая рука, затем — все остальные.

— Принимается единогласно. Ну, Бляшкин, быстрее, сами себя задерживаем.

Смущенный Бляшкин вышел к Сидорову. Сидоров пересадил мальчика и девочку с первой парты назад, парту развернули, и за нее лицом к классу сел Бляшкин.

— Товарищи, — сказал Сидоров. — В повестке дня у нас два вопроса: о работе санитаров второго «б» класса и выборы новых санитаров. Докладчик по первому вопросу просит пятнадцать минут. Какие будут соображения по регламенту, товарищи?

В классе стало слышно, как Юриков ковыряет парту гвоздиком. Юриков испугался тишины и перестал.

— А что это такое? — боязливо спросила Таня Щукина.

Все с надеждой посмотрели на умного Бляшкина. Но что такое регламент, не знал даже член президиума.

— Регламент, — разъяснил Сидоров, — это свод правил, устанавливающий процедуру собрания. Надо знать, Бляшкин, теперь дай мне слово.

— Честное слово, — сказал послушный Бляшкин, — я больше не буду...

— Что ты не будешь? — с досадой сказал Сидоров. — Ты скажи, что мне предоставляется слово для доклада.

— Слово предоставляется, — сказал Бляшкин и сел, красный как рак.

— Товарищи! — начал Сидоров. — День ото дня растет и хорошеет наш второй «б» класс. Вместе с тем у нас порой встречаются еще факты формального отношения

санитаров к своим обязанностям. Еще не всегда они должным образом проверяют чистоту рук у своих товарищей. Нередки случаи, когда на одежде товарищей имеют место кляксы. С подобным благодушием пора покончить. Хочется думать, — завершил Сидоров, — что настоящее собрание поможет поднять работу санитаров второго «б» класса на еще более высокую ступень.

Сидоров закончил доклад и сказал:

— Теперь начинаем прения. Кто хочет выступить? Ну, товарищи, смелее, это же волнует всех. Поднимайте руки.

Вова Юриков поднял руку.

— Бляшкин, — сказал Сидоров. — Дай товарищу слово.

— Честное слово... ой, слово предоставляется, — сказал Бляшкин.

— А меня вчера санитары записали, что у меня руки грязные, а я мыл, а они не отмылись, а меня все равно записали, — сказал Вова Юриков.

— Частные вопросы, — сказал Сидоров, — мне представляется целесообразным решать в рабочем порядке. Кто еще хочет выступить? Так, тогда переходим ко второму вопросу повестки. Выборы санитаров. Бляшкин, ты будешь вести собрание как следует?

— Буду, — пообещал Бляшкин.

— Тогда спроси, какие есть кандидатуры.

— Какие кандидатуры есть? — спросил Бляшкин и, поглядев на Сидорова, добавил: — Сами себя задерживаем.

— Таня Щукина, — сказал Сидоров. — Ты тоже забыла?

— Нет! — сказала Таня. — Сейчас. Я предлагаю избрать новыми санитарами Сашу Васильева и Надю Морозову.

— Молодец, — сказал Сидоров. — Нет других предложений?

— Юрикова надо выбрать. Вовку! — закричало несколько голосов. — Давайте Вовку!

— Товарищи, — сказал Сидоров. — К делу следует подходить со всей ответственностью. Юриков для такой работы еще не созрел. Ему надо еще много поработать над собой.

— Что, съел? — сказала Плющ Лариса. — Съел?

— Лариса — крыса, — сказал Вова Юриков и двинул соседку локтем.

— Тише, товарищи, — сказал Сидоров. — Есть предложение подвести черту. Кто за это предложение? Бляшкин!

— Кто? — спросил Бляшкин. — Руки поднимайте.

Все, кроме Юрикова, подняли руки.

— Юриков, — сказал Сидоров. — Ты что, не хочешь голосовать за своих товарищей? Подумай хорошенько.

Забаллотированный Юриков посопел носом и поднял руку.

— Так, — сказал Сидоров. — Единогласно. Разрешите от имени собрания поздравить избранных товарищей и выразить уверенность. Что надо сказать, ребята?

— Спасибо, — сказали новые санитары второго «б» класса.

— Бляшкин, объяви о закрытии собрания, — сказал Сидоров, — и садись на место.

— Собрание закрывается, — сказал Бляшкин и сел на место.

— У кого ко мне есть вопросы? — спросил Сидоров.

— А когда у нас еще будет собрание? — спросила Таня Щукина.

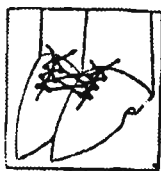
— Скоро, — пообещал Сидоров. — Следующий раз будем вести протокол.

— Про... чего? — заинтересовался Юриков.

— Я потом все объясню, — сказал Сидоров. — А сейчас можно идти домой.

Второй «б» беспорядочно выкатился в коридор. Кто-то за кем-то гнался, кто-то лупил кого-то портфелем, кто-то скакал на одной ноге... Промчавшись по коридору, класс скатился вниз по лестнице, и крики уже слышались во дворе.

Сидорову просто смешно было смотреть на такую неорганизованность. Вожатый Сидоров был уже большой — он учился в шестом классе. Конечно, ему могло быть смешно.

Лев Новоженков

Одинокий велосипедист

Если ночью случится встретить

вам на улице одинокого велосипедиста, не удивляйтесь — это Федор Петрович, я его знаю. Федор Петрович катается на велосипеде только ночью.

В детстве папа обещал купить маленькому Федюшке велосипед. Но неожиданно уехал в командировку. С тех пор прошло тридцать четыре года. Папа все не возвращался. И Федюшка, теперь уже Федор Петрович, решил сам осуществить давно затаенную мечту. Каждый вечер, когда люди расходятся по своим квартирам, Федор Петрович выводит из дому никелированную машину и колесит пустынными улицами, по которым когда-то не успел прокатиться.

Однажды — это было часов в семь-восемь вечера, когда Федор Петрович вернулся со службы и пил с женой и детишками чай, — в дверь позвонили. Федор Петрович открыл дверь: на пороге стоял пожилой человек, лицо его избороздили следы жизненных бурь.

— Здравствуйте, — сказал человек, — я ваш папа.

— Папа, папочка вернулся! — вскричал Федор Петрович. — А я тебя давно уже жду.

— Командировка была очень трудной, — сказал папа. — И потом я сбился с дороги. Хочу чаю. И бутербродов.

— Ну, конечно! Как я не понял сразу, — засуетился Федор Петрович. — Налейте папе чаю. Папочка, а я купил велосипед.

— Очень жаль, сынок, — сказал папа, — я сам собирался тебе сделать этот подарок. Завтра же хотел пойти в магазин.

— Ну ничего, папочка, не расстраивайся. Скажи, почему от тебя так долго не было писем?

— Ты же знаешь, сынок, как работает у нас почта, — горестно вздохнул отец.

— Да, папочка, я знаю, как работает у нас почта, — сказал Федор Петрович.

— Ну вот, когда теперь мы все вместе, — проговорил Федор Петрович, и счастливая улыбка озарила его лицо, — я с папочкой пойду в зоопарк.

— Я тебе обещаю это, — ответил папа.

Словно детство, далекое детство вернулось к Федору Петровичу снова. В зоопарке он кормил булкой слона, поил пивом папу, и вместе они хохотали над очень смешными обезьянами. Потом они пошли в Парк культуры и отдыха, и Федор Петрович так долго катался на чертовом колесе, что у него поднялось кровяное давление (220х187) и закололо в сердце. Пришлось взять бюллетень.

Но история наша — со счастливым концом. Федор Петрович выздоровел и снова вернулся к своим обязанностям. Живет он с папой очень дружно. Отец больше не ездит в командировки. Он не нарадуется на своего сына, который стал хорошим семьянином и нужным членом общества.

Каждый вечер Федор Петрович выкатывает на улицу свой велосипед. У дверей его провожает вся семья.

— Смотри, Федюша, осторожней води себя на проезжей части, — напутствует папа. — И не возвращайся очень поздно, а то я буду волноваться.

— Хорошо, папочка, — весело отвечает Федор Петрович.

— И остерегайся почтальонов! — кричит папа.

Так что вы не удивляйтесь, если встретите ночью одинокого велосипедиста.

Евгений Обухов

Гвозди

(Документы, обнаруженные не археологами)

Петиция

«К ак мы есть плотники Вахремеевы,

миром и по твоему наказу подряженные на строительство нового собора, соблаговоли, царь-батюшко, повелеть выдать на сие строительное дело 5 (пять) пудов гвоздей каленых».

Резолюция

«Эвон, карман расхлебенили! Сроду к царю не ходили с такими-то запросами. Небось хватит с них и двух пудов. Пущай дьяк грамоту-то ихову перепишет как подобает.

Боярин Покровский».

Указ

«Ревностно радея о благе государственном и неусыпно рачея, мы, государь, и прочая, и прочая, и прочая, считаем достаточным выдать означенным плотникам вместо двух пудов 20 фунтов гвоздей каленых».

Подпись закорючиста, печать.

Записка

«Онфим! Посылаю тебе с девкой ключи от анбара, по-ди, там в ларе гвозди. Отвесь по цареву указу плотникам, какие с утра во дворе дожидаются. Да гляди, ты им все двадцать-то фунтов не давай, все одно — холопы, грамоты да счета не ведают. Бог даст, и не поймут ничего.

Боярин Покровский».

Записка

«Егорий! Возьми в избе короб какой да бежи к боярскому анбару, гвоздей домой отнесешь, огород городить станем. А взамен возьми тех, что в чулане в мешочке висят, плотникам отдашь на боярском подворье. Да любых-

то не неси, выбери, какие уже зело ржавью пошли. Пусть их и берут. А боярину-то на глаза с коробом не попадайся и окромя гвоздей сам мешочек плотникам не давай, он и нам под табак сгодится. Онфим».

Постскриптум

Из путеводителя:

«...Покровский собор является уникальным объектом деревянного зодчества. Особо ценно в этом памятнике то, что, как установлено в процессе реставрации, срублен он неизвестными плотниками без единого гвоздя».

Владимир Панков

Двойная ирония судьбы

Коля Сидоров с годами
разочаровался в своей жене Лиде.

— Все ей не так — получаю мало, дружки у меня, культуры, вишь, не хватает, — а ведь забывает при этом, что и сама-то не подарок. Ох не подарок!

И вот однажды, после показа по телевидению жутко известной кинокомедии «Ирония судьбы» пришла в голову Коле Сидорову идея. Даже не идея, а так, мысль... А что, мол, вот, если где-то в Ленинграде имеется точно такая же улица Молодежная, дом 3, квартира 8, как и у него, и живет там душевная женщина, у которой, может быть, «все так», которая не станет попрекать насчет полочки, культуры и лишний раз чокнуться с дружками... Эх, ну почему киноартистам любая романтика по плечу, а нам, простым, не по зубам, что ли?..

Взял Коля Сидоров билет на самолет и, Лиде слова не говоря, махнул в Ленинград.

Поискал там улицу Молодежную — нашел. Дом, квартиру отыскал — все совпало, как в кино! Ключ к двери не подошел — не беда, не всегда же жизнь совпадает с искусством. Позвонил, не барин.

Дверь открыла миловидная испуганная женщина. Ну точно такая, как ожидал: губы, ресницы — все на месте.

Вошел Коля Сидоров в помещение — сердце тает, морда сияет, — а сам паспорт протягивает. Вот, мол, какая бывает судьбы ирония, у меня тоже в Москве улица Молодежная, дом 3, квартира 8, будем знакомы, Коля...

— Проходите, — женщина вроде не рада — кинофильм, что ли, не видела?

Коля прошел, огляделся:

— Все как у нас в Москве... Мусоропровод есть?

— Есть.

— Надо же!.. Шкаф ну такой же, телевизор... А вот люстра другая. Немецкая?

— Чешская.

— Чешскую не достал, — вздохнул Коля и спросил сдержанно: — Одна живете?

— С мужем.

— К-как с мужем? — вот этого Сидоров явно не ожидал. — Ипполит, что ли?

— Нет, Федя. Вы знаете, он у меня очень ревнивый и должен с минуты на минуту прийти...

И тут точно — звонок в дверь. А от этого звонка всю Колину романтику в один миг сдуло. Вдруг откуда неведь паника: ноги ватные, лицо бледное. Сгоряча под диван-кровать сунулся, не влез — и в шкаф!

— Стойте, куда вы? — женщина нервничает. — Еще хуже будет...

А муж, видно, от задержки перед закрытой дверью накаляется, свой личный ключ отыскивает и врывается в жилище в зверском состоянии.

И как назло, в этот же момент Коля навстречу ему из шкафа вываливается и поневоле оживленно приветствует хозяина:

— Здравствуйте.

Федя в шоке:

— З-здрате.

А Коля уже снова свой паспорт протягивает:

— Ну надо!.. Не поверите, чистая судьбы ирония!.. Я сам из Москвы буду, с улицы Молодежной, дом три, квартира восемь. Будем знакомы.

Хозяин кино вроде вспомнил, но спросил с подозрением:

— В бане выпил, что ли?

— Да нет, при чем тут баня?

— А что ж приехал тогда?

— А что, к вам в Ленинград только мытому можно?

— А ну дыхни...

Коля с удовольствием дыхнул.

— Ты же трезвый, — оскорбился вдруг хозяин.

— А у меня с собой, — успокоил его Коля.

И вот новые знакомые садятся к столу, осушают по мензурке, настроение у них резко улучшается, последние барьеры недоверия и подозрительности исчезли, и все сразу становится как везде — что в Москве, что в Ленинграде.

— Эх, брат Коля, — начинает плакаться хозяин Федя, — очень я разочаровался с годами в своей жене Свете. И все-

то ей не так — и получаю мало, и дружки у меня, и культуры, не хватает, — а ведь забывает при этом, что и сама-то не подарок...

— Ох не подарок, — вторит ему Коля и критически оглядывает хмурую женщину за столом...

Уезжая из Ленинграда поездом, Коля подумал на вокзале: хорошо все-таки, что съездил, душевные люди живут в городе на Неве, правда иронии не получилось, но посидели хорошо...

Утречком позвонил Коля в дверь своей квартиры. Раз позвонил, два... Обиделась Лидка-то. Целый день неизвестно где гудел. Придется своим ключом...

Открыл — и ахнул! В комнате у Лиды — мужик! В один миг вскипела кровь молодецкая. . Но тут Лидуха, в своем кримпленовом платье, наперерез выскочила.

— Познакомьтесь, — говорит мужику, — это мой муж Коля, а это товарищ из Киева... Ты не поверишь, Коля, у товарища в Киеве точно такой адрес, как и у нас, — Молодежная улица, дом три, квартира восемь. . Представляешь, какая ирония судьбы!

— Да, ирония... — хмуро согласился Сидоров и спросил у киевлянина: — Разочаровался с годами?

Киевлянин радостно кивнул.

Виктор Славкин

Крик души

Эпистолярная история

Начальнику ЖЭКа № 5

от жильца квартиры № 37

Селимонова К.П.

Примите меры к гадам соседям,

Заявление

от их смежной звукоизоляции спать совсем невозможно. Каждую ночь из-под их стены слышны заграничные слова. Хотели мы написать куда следует, что шпионы у нас гнездо свили, но, во-первых, не знаем, куда следует, а во-вторых, оказалось — магнитофон. Он у них по ночам иностранные слова крутит, а когда начинаешь с ними по-хорошему лаяться или разок-другой от нервов треснуть хочешь, то они же над нами просто издеваются. Говорят, что это они во сне английский язык учат. Постыдились бы такое говорить при ребенке нашем Кольке, который с нами присутствовал. Он даже днем этот английский выучить не умеет, что можно подтвердить вторым годом обучения в одном и том же классе. Просим разобраться в этом хулиганстве, а то обещаю не последние физические руководства, пока по ночам не засну мирным сном, как все нормальные люди, в том числе и англичане.

Отец семейства трех человек
Селимонов К.П.

Начальнику ЖЭКа № 5

от жильца квартиры № 37

Селимонова К.П.

Заявление

Пишу Вам во второй раз, сколько можно. В последнее time совсем доконали нас соседи своей звукоизоляцией. Хотя мы и научились спать под бубуканье их магнитофона, но наша life дала трещину. К тому же началось у нас в нашей family натуральное нервное заболевание — заговариваемся. Встанешь morning — голова полна не наших

words, а днем эти выражения из нас так и прут. Тут yesterday после work пошел я с my friend Vasia на уголок немножко пивка drink и брякнул ему кое-что из моего нервного заболевания, а Vasia подумал, что я его какой-то экспериментальной бранью шуганул, и по face мне врезал. Потом, правда, попросил слова переписать. Я уж в hospital ходил, выслушал меня врач и сказал, что ничего не понял, потому что at school проходил German, и то больше тройки никогда не имел. А мой child Kolia таскает теперь по английскому одни fives, что тоже свидетельствует о его тяжелом состоянии. Скажите соседям, пусть перестанут хулиганить at night, а то разговаривать с ними по-хорошему у меня теперь рука не поднимается — совсем доконала меня зарубежная зараза. Help me! А то хана.

Отец family трех peoples
Selimonoff K.P.

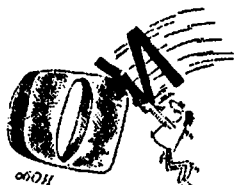
To chief GEK № 5 from
longer of flat № 37
Selimonoff K.P.

Заявление

To be or not to be — that is a question! (Далее следует текст на чистейшем английском языке, который мы приводим ниже.) Досточтимый сэръ! Вынужден побеспокоить Вас еще раз по безотлагательному делу. Наша семья Селимоновых доведена до крайнего отчаяния, и единственное, что нам остается, — это уповать на Ваше милосердие. Жизнь наша превратилась в сущий ад — мы потеряли всякий контакт с миром, лишены какой бы то ни было коммуникабельности с окружающими людьми. А без радости взаимного общения стоит ли жить на этом свете?.. Лишь кое-как общаемся мы с нашими соседями из смежной квартиры, но это сделалось слишком мучительно для нас. Посудите сами, что общего можно иметь с людьми, которые до сих пор не овладели дифтонгом «th» и вместо Past Perfect употребляют Past Continuous?! А нашего мальчика Николаса, хоть и учится он теперь в специализированной английской школе, учителя совсем не понимают, потому что отвечает он уроки на йоркширском диалекте. Настоящим покорнейше просим посодействовать нашему обмену в дом, жилыцы которого будут соответствовать нашему культурному уровню. В про-

тивном случае мы вынуждены будем выехать в город Йоркшир, где живут такие же простые люди, как мы, с хорошим знанием английского языка.

С искренним к Вам почтением
Константин П. Селимонов, эсквайр

Еще не вставало солнце

над прериями, еще посапывали жеребцы в корале, еще не седлал старший ковбой свою любимицу кобылу Долли, когда за тысячи километров от Дикого Запада, в Горстройпроекте, пронесся с быстротой летящего лассо слух о смене начальства...

Степан Гудков стоял, чуть побледневший, широко расставив ноги в потертых джинсах, и курил. Он не замечал устремленных на него взглядов. Как всегда, когда предстояло опасное дело, он весь уходил в себя, вспоминая...

А ему было что вспомнить. О его умении укрощать начальство ходили легенды. Их было восемь на памяти Гудкова — восемь директоров, восемь «темных лошадок». И все они, словно замороженные Гудковым, быстро теряли свой нор и мирно пощипывали его сослуживцев, а он, так и не выпустив за десять лет работы ни одного проекта, ни разу не выпал из своего старого доброго седла инженера-проектанта.

Мистика? О нет! Человек в джинсах не верил ни в черта, ни в амулеты! Только расчет! Первый начальник Гудкова сбросил трех отчаянных молодцов с обветренными от бесконечных прогулов лицами. Гудков удержался — стал болеть за любимое начальником «Динамо». Со вторым он болел за «Спартак», а когда этот второй покинул высшую лигу, стал болеть с третьим...

Он умел многое такое, что не снилось даже огрубевшим в прериях ковбоям. Кто из них, способных по ржанию кобылы определить, насколько разбавлено пиво в таверне «Лошадиный зуб», мог так же, как Гудков, увлечься вместе с начальником собиранием марок или бегом трусцой? Кто мог так, как Гудков, на полном скаку примчать директору ящик пива жарким днем, ловить с ним холодной зимой рыбу на мормышку или женихов для перезревших дочерей?

Кто мог, прицелясь в игольное ушко, вышивать крестом вместе с директрисой и ловко закатывать консервные банки? Никто...

Но схватка, что предстояла ему сейчас, была ни на что не похожа. У новенького, кажется, не было никаких побочных интересов. Даже место молоденькой секретарши заняла старушка, поднимавшая телефонную трубку двумя ручонками...

Вот почему был бледен Степан Гудков. Вот почему, когда настал час схватки, сотни сослуживцев устремились к замочной скважине в двери директорского кабинета, и топот их ног напоминал гон дикого табуна... Директор посмотрел на Гудкова бешеным взглядом мустанга, потянул ноздрями воздух и поднялся на ноги. Мышцы Степана напряглись.

— Где проект? — спросил мустанг, нетерпеливо перебирая бумаги.

Осторожно, следя за каждым движением противника, Гудков протянул вперед рулон, похожий на дуло винчестера.

Мустанг дернул шеей:

— И это жилой дом? Ни окон! Ни дверей! Не дом, а огурец!

Гудков напружинился, готовый отпрыгнуть в любую секунду:

— Похоже, правда? Вы, видно, тоже консервированием огурчиков...

Мустанг взвился на дыбы:

— Еще раз спрашиваю: где окна?!

Вот она, смертельная секунда! Ошибись — и затопчет, затопчет! Уже чувствуя разгоряченное дыхание мустанга у себя над ухом, Гудков произнес сквозь зубы:

— Ну забыл. Такое горе ведь — «Спартачок»-то наш...

И снова ошибка! Мустанг пошел кругами вокруг стола, выплясывая какой-то дьявольский танец смерти:

— Прекратите делать из меня папуаса! Я в последний раз...

Но Гудков не дрогнул. Восемь лет езды на директорских шеях — о, это будет почище любого родео!

— Вы о каком папуасе? С марки Новой Гвиней? С бубном в зубах? Я ведь тоже увлекаюсь...

Пена клочьями полетела с губ мустанга:

— Довольно! Вот ручка, бумага — пишите заявление!

Прыжок — и Гудков почувствовал себя на коне:

— Понял! Играть в слова будем? «За-я-вле-ни-е». Посмотрим, кто больше...

Мустанг задышал всей грудью, заходил по кабинету часто-часто... Человек в джинсах не давал ему опомниться, он словно слился с иноходцем, шел за ним след в след модной трусцой.

— Так, хорошо, следите за дыханием...

Обессиленный мустанг рухнул, удары стреноженного сердца гулко отдавались в тишине.

— Сердечко-то болит? — участливо поинтересовался Гудков.

Мустанг кивнул.

А Гудков уже набрасывал узду:

— Под левую лопатку отдает?

— Отдает, — эхом отозвался мустанг.

— Вот и у меня так же...

Мустанг совершенно человеческим взглядом, с интересом посмотрел на Гудкова:

— А вы что принимаете?

— А вы?

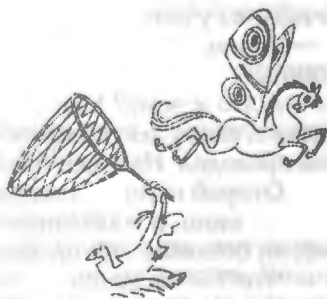
— Я...

— И я...

Спустя час качающейся походкой ковбоя Гудков вышел из кабинета. Он был без хлыста, крупные капли пота блестели на лбу. Сотни пар глаз устремились на него:

— Ну как? Как он?

— Будем жить! — коротко бросил Гудков и пошел к своему коралю на третьем этаже Горстройпроекта...

Подходит август месяц.

пора с семьей в отпуск ехать, а куда — решить не могу. Дочка говорит:

— Поедем в круиз.

— Это где? — спрашиваю я. — Мисхор знаю, Круиз — первый раз слышу.

Дочка объясняет, что круиз — это морское путешествие на теплоходе по маршруту Одесса — Батуми — Одесса.

«Места неплохие, — думаю я, — но что-то слово «круиз» мне не очень нравится — не совсем понятное и даже подозрительное».

А дочка не унимается: поедem, поедem, мол, такое путешествие, что закачаешься!

Жена дочке поддакивает. В результате поехали. И прямо скажу — качало меня только два раза: когда билеты брал и на обратном пути под Новороссийском. А остальное время больше трясло и в основном нервировало.

Началось с посадки. Поднимаемся мы по трапу на теплоход, тут подходит к нам симпатичная девушка и говорит:

— Здравствуйте. Я вас провожу в каюту.

— Кого — вас? — спрашиваю я.

— Вас.

— А вы знаете, кто мы?

— Знаю. Вы пассажиры нашего корабля.

— Ха! А может, мы жулики какие или проходимцы? Почему вы у нас не спрашиваете документов?

— Зачем? У вас есть билеты. Разрешите я вас провожу в каюту.

— А это к чему? Мы что, маленькие? Сами найдем! — сказал я, взял у девушки ключи и пошел искать каюту. Полчаса проходил. Наконец нашел. Жарища невыносимая.

— Открой окно, — говорю я дочке.

— Не окно, а иллюминатор, — говорит она. — Но он вряд ли поможет. Лучше включу кондиционер.

— Что?! — засмеялся я. — Он же не работает!

— Почему? — удивляется жена.

— А потому, что ты никогда в поездах не ездила, ничего не знаешь.

Дочка поворачивает какой-то регулятор, под потолком что-то зашумело, и потянуло прохладой.

— Вот те на! — говорю я вслух. — Работает! Да еще как! Застудить может!

— Тогда включим горячую кондицию, — говорит дочка, поворачивает регулятор в другую сторону, и чувствую я — действительно идет теплый воздух.

Меня от этого даже передернуло.

— Хватит, — говорю я. — Идем завтракать. Посмотрим, какие у них там кондиции.

Садимся за столик. Ждем. Пять минут. Десять.

— Ну вот, — говорю я дочке, — где официанты? Нету!

— И не будет, — говорит она, — пока холодные закуски не съешь, они не подойдут.

Смотрю я на стол, а там творог с сахаром, сыр с маслом, шпроты с луком...

— Зато горчицы нет! — говорю я.

— Вот, — подает дочка.

— А где перец?

— Вот.

Не успел я съесть закуски, уже горячее несут. Потом кофе с булочкой.

— Куда спешите? — говорю я официантке. — Не горит же?!

— Горит, — отвечает официантка. — Сегодня солнце жаркое. Не пропустите ультрафиолетовые лучи.

— Да, — говорит жена, — сейчас самое полезное солнце. Пора идти загорать.

— Можно, — согласился я. — Пойдем на пляж.

— На какой еще пляж? — говорит дочка. — Там не протолкнешься. У нас на корабле есть свой бассейн. И вокруг стоят шезлонги.

«Шезлонги, — думаю я. — Снова какое-то странное слово, и не наше».

— Пойдем на пляж, — заупрямился я. — Не сахарная. Протолкнешься. В тесноте не в обиде.

А жена — за дочку:

— Зачем в тесноте, когда можно без!

Потащили они меня к бассейну, лег я на этот самый шезлонг. Удобно. Спина не болит, как от лежака. Вокруг никого. Благодать. Но непривычно. Как-то не по себе.

Нервничаю. Ворочаюсь. Еле дождался ужина. Зашли мы в каюту переодеться. А там на столе лежит программка концерта с участием Валерия Ободзинского.

— Ура! — закричала дочка.

— Уряя! — передразнил я ее. — Знаем мы эти авансы. Заманивают. А петъ выйдет какой-нибудь Тюткин! Вот увидишь!

Сидим мы в музыкальном салоне. Так у них концертный зал называется. Зал хороший, а вот название его мне явно не по душе. Непонятное какое-то. Подходит время выступать Ободзинскому.

«Ну, — думаю, — сейчас вся их липа откроется! Такой будет салон!»

Но тут выходит конферансье и объявляет: «Выступает Валерий Ободзинский!»

Я своим ушам не верю, глазам — тоже, песни не слушаю, дождался конца выступления, подхожу к певцу и трогаю его за руку.

— Вы Валерий?

— Валерий.

— И Ободзинский?

— Ободзинский. А почему вы меня трогаете?

— Просто хочу пожать вашу руку. Здорово поете. А вы все-таки Ободзинский?

Больше он мне ничего не сказал, посмотрел как-то искоса и незаметно скрылся. Настроение у меня — сами понимаете какое. А тут еще после концерта конферансье пригласил всех в ночной бар, и нет чтобы сделать это скромно — мол, моя такая обязанность, — он вызываяще, с издевательской улыбкой, нагло сказал: «К вашим услугам ночной бар, всю ночь играет эстрадный ансамбль!»

— Посмотрим! — озлобился я. — Посмотрим, как они будут работать в ночную смену! И будут ли вообще!

Приходим мы в бар. Это слово мне с давних пор не нравится, как и само заведение. Не люблю я мешать напитки. Заказываю шампанское. Приносят. Трогаю рукой — холодное. Музыка заиграла. Дочка танцует. Даже жену пригласили. Я не смотрю, с кем они танцуют, жду, когда выгнать начнут.

Час ночи, второй — официанты носятся, музыка играет. Я еще заказываю. Приносят шампанское, и снова холодное. Просидел я в этом баре до четырех утра, и никто меня не выгнал.

«Ну ничего, — думаю. — Это только в первый день, а потом...»

Но, к удивлению, так прошла вся неделя. Загорел я, вроде даже поправился, но нервную систему испортил вконец.

Жена говорит:

— Может, останемся на второй круиз?

Дочка ей поддакивает. Но тут посмотрели они на меня и замолчали. Жена слезу вытерла, дочка в сторону отвернулась. Ни слова не говоря, погрузились мы в поезд. Отъехали. Жарища невыносимая. Кондиция не работает. Но чувствую — начинаю успокаиваться. Проводник принес чай. Почти без заварки. Жена с дочкой возмущаются, а я полностью в себя пришел. Даже повеселел.

По пятницам у книжного магазина

темнела толпа. В вечерних сумерках шла переключка, и собравшиеся, волнуясь, выкрикивали свои фамилии.

Дмитрий Сулин, человек практически культурный, был командирован в магазин женой.

— Ребенок растет, — сказала Алиса, — а в доме нет классиков.

Конкретных фамилий она не назвала, и Сулин решил ориентироваться на месте. Он попал сюда впервые и теперь пытался разобраться в очередях.

Через полчаса бестолковых блужданий он понял, что собравшиеся делятся на знатоков и дилетантов. Дилетанты слушали знатоков, раскрыв рты.

Сулин приткнулся к кучке, в центре которой высилась рослая дама. Дама возглавляла очередь на сочинения поэта NN.

— Кто такой NN? — тихо спросил Сулин соседа, полного блондина с мечтательным взглядом.

— Без понятия, — прошептал сосед. — Знаю только, что выходит в третьем квартале, а я на него двадцать второй...

Дмитрий побрел дальше и остановился у следующей кучки, где властвовал умами энергичный парень.

— Агата Кристи выйдет через год, — пророчески изрекал парень. — Старуху выпустят сотысячным тиражом. Но до нас Агата не дойдет...

Сулин бродил долго, но очереди на классиков так и не нашел. Устав толкаться, он остановил старичка с тематическим планом какого-то издательства и попросил совета.

— Вы опоздали, — грустно сказал старичок. — Классиков уже расхватили... Для ребенка? — Знатока задумался. — Вон там, — он кивнул в сторону, — делают список на «Библиотеку путешествий». Это битый номер, но попробуйте.

Сулин взглянул в указанном направлении и увидел кипение страстей. Множество людей нервно размахива-

ли руками и говорили все сразу. Дмитрий ринулся к ним и начал просачиваться поближе и центру.

— Вы! Книгофоб! — кричала дама в шубке — Не топчите мне ноги. Я стою тут с вчера!

— Безобразие! — возмущался смутный мужчина — Пачему тут женщины? Зачѐм женщине путешествий?!

В этот момент овладел инициативой молодой моряк. Он вел себя очень решительно, и массы, раздираемые противоречиями, признали в нем лидера. Зычным голосом моряк успокоил публику и приказал выстроиться по одному. После нескольких минут суматохи очередь была построена, и хвост ее, обиженно сверкая глазами, выглядывал из-за угла. К великому огорчению Сулина, он оказался почти в конце. Моряк записывал фамилии граждан, рисовал на их ладонях жирные порядковые номера и гусиное перо. Это был условный знак, не позволяющий посторонним проникать в очередь.

— Товарищи! — объявил моряк. — Переключки будут по пятницам, в семь вечера. Прошу не мыть правую руку.

Сулин получил номер 371. Он огорченно разглядывал ладонь, татуированную фиолетовыми цифрами, и чувствовал, что номер действительно битый. Но ничего другого не оставалось. Каждую пятницу он приходил к магазину и терпеливо исполнял положенный обряд.

Однажды Сулин простудился, пропустил одну переключку и очень волновался, что его вычеркнут. Но благодаря справке от врача место в очереди удалось сохранить.

Приближалась суббота, 16 июня, — день подписки на «Библиотеку путешествий». Число желающих достигло 600 человек, и Сулин с удовольствием отмечал, что он уже почти в середине.

15 июня, в пятницу, состоялся последний сбор. Все были возбуждены. Первые двести номеров улыбались и говорили, что хватит всем.

— Товарищи! — сказал моряк. — Этой ночью возможны попытки организовать другую очередь. Нужна бдительность. Я остаюсь до утра. Кто со мной?

Присутствующие переглядывались. Торчать всю ночь у магазина никому не хотелось.

— Мужчины! — закричали женщины. — Как вам не стыдно!

Сулин подошел к моряку. Все облегченно вздохнули.

Ночь была теплая. Когда опустели улицы, моряк поставил Сулина на углу, а сам начал прогуливаться у входа. Каждые полчаса он включал фонарик, тонкий луч ощупывал фасад, пронизывал витрину и медленно ползал по книжным полкам, точно противник мог затаиться внутри магазина. Никаких происшествий не случилось. Лишь в четыре утра к Дмитрию подошел какой-то тип с портфелем. Сулин напрягся, готовясь звать на помощь, но тип негромко сказал: «Чанов, номер четыреста первый. Только что из командировки. Какие новости?» Узнав что подписка сегодня, Чанов облегченно вздохнул: «Успел...» — и ушел досыпать, полный надежд.

Когда первый луч, точно пуповина, связал город с солнцем, к магазину потянулись десятки людей с решительными лицами.

В девять ноль-ноль вся очередь была в сборе. Ползли смутные слухи об уменьшении тиража. Толком никто ничего не знал. Страсти накалялись.

В десять ноль-ноль, когда номера выстроились у магазина, держась друг за друга, как детсадовцы при переходе улицы, на крыльцо вышел директор магазина и объявил, что подписаться смогут триста человек. Первые триста номеров ликовали. Остальные вели себя по-разному. Одни уходили большими шагами, не оборачиваясь. Другие оставались на месте, демонстрируя презрение к происходящему.

«Почему так? — с горечью подумал Сулин — Почему всегда везет другим?» Он стоял у магазина, надеясь на чудо. Но чуда не произошло.

В следующую пятницу привычка привела его на старое место. У магазина, как обычно, толпился народ. Многих он уже знал. Теперь у Сулина был опыт. Он взял в руки лист бумаги, написал на нем крупными буквами свою фамилию и начал слушать знатоков. Идея была проста — надо самому организовать очередь и быть в ней первым. Но ничего интересного в этот вечер Дмитрий не услышал. Выстраивались за Софоклом, какими-то поэтами — все это не волновало Сулина. Он уже уходил, когда сутулый человек в джинсах выхватил у него лист и пробежал глазами написанную фамилию.

— Очень хорошо! — воскликнул человек. — Как раз то, что я искал!

Он поставил свою фамилию и передал бумагу подскокившей женщине. Их окружили люди. Некоторое время недоумевающий Сулин следил за движением листа, потом потерял его из виду и, махнув рукой, отправился домой.

Ровно через неделю он опять был у магазина.

Человек пятьдесят стояли в сторонке, окружив сутулого в джинсах. Дмитрий подошел к ним и потрогал за рукав ближайшего гражданина.

— На кого подписка? — тихо спросил он.

— Трехтомник Сулина, — прошептал гражданин.

— Выходит в четвертом квартале. Говорят, изумительно написано...

Сулин растерянно оглянулся, пошел прочь, затем вернулся и на всякий случай занял очередь. Он был семьдесят девятым.

Когда я смотрюсь в зеркало

Есколько я себя помню, меня всегда

за кого-то принимают. За кого — не знаю, но только не за меня. Видно, есть в моем лице что-то настолько банальное и ординарное, что оно напоминает все лица сразу. Даже у меня, когда я смотрюсь в зеркало, возникает ощущение, что этого человека я уже встречал. Только не помню где — в автобусе, булочной или на службе.

Раньше, когда я был молодым и наивным, я часто спорил, горячился, даже документы предъявлял, но с годами смирился. Понял, что все равно ничего не докажешь, только людей против себя настроишь. Так и хожу по улицам, похожий на других. Прикрываю воротником свое чужое лицо.

— Володя!

Это, наверное, меня. Хотя вообще меня зовут Петей. Оглядываюсь: через всю улицу бежит ко мне невысокая полная женщина в брючном костюме. Женщина не в моем вкусе, но ее это, кажется, не смущает.

— Вовочка, — кричит она издали, — милый! Куда ж ты пропал, бессовестный? Не звонишь, не заходишь...

— Да закрутился, — осторожно говорю я, — дел полно.

— Ладно уж, — грозит она пальчиком, — знаю я твои дела. Не первый год знакомы.

Не первый. Понятно. Значит, это у нас длится давно.

Женщина берет меня за руку:

— Слушай, может, зайдешь ко мне, а? Хоть на минуточку?

Я не могу отказать, когда на меня смотрят такими глазами:

— Ладно, только ненадолго.

Я сижу с неизвестной женщиной в незнакомой квартире. Мы пьем сухое вино, которое я терпеть не могу, и вспоминаем Гагры, в которых я никогда не был. Постепенно разговор истощается. Несколько минут мы сидим молча.

— Эх ты, — говорит моя новая знакомая, — я из-за тебя на все иду, мужа обманываю.

Во мне просыпается мужская солидарность:

— Вот это нехорошо. Мужа обманывать — последнее дело.

— Подлец, — устало говорит женщина. — Нотации мне читаешь после всего? Да ты, да ты... Знаешь, кто ты?

Узнать я не успеваю, потому что хлопает входная дверь.

— Муж, — испуганно говорит женщина.

Я быстро оглядываю комнату: стол с недопитыми бокалами вина, пепельница, полная окурков, женщина в домашнем халате... Не хватает только мужа, вернувшегося из командировки.

А вот и он! В дверь заглядывает лысоватый мужчина с густыми, как у пуделя, бакенбардами. Он внимательно смотрит на меня и многозначительно произносит:

— Та-ак...

Затем решительными шагами направляется ко мне. Я закрываю глаза и поглубже вжимаюсь в кресло. Я не люблю, когда так смотрят. Мне всегда кажется, что это плохая примета.

— Та-ак, — повторяет муж, — пожаловали наконец.

— Это не я... это недоразумение!

— Какое там недоразумение?! Постыдились бы, Семен Борисыч! Взяли деньги на две недели, а сами полгода не отдаете.

Час от часу не легче. И этот меня с кем-то путает. Хотя уж лучше быть пойманным должником, чем застигнутым любовником.

— А я, собственно, как раз пришел отдавать... Сколько я вам должен?

— А вы уже забыли?... Пятьдесят рубликов!

— Сколько?! — я испуганно смотрю на женщину, но она молчит. Ей моих денег не жалко. Честь дороже.

— У меня с собой только тридцать, — жалко улыбаюсь я. — Если не возражаете, двадцатку я завтра поднесу.

Муж вырывает деньги у меня из рук:

— Давайте уж! Только смотрите, завтра непременно.

Я выскакиваю из квартиры, забыв попрощаться с моей возлюбленной. Заметая следы, кружу какими-то переулками и проходными дворами и, только убедившись, что погони за мной нет, спокойно выхожу на улицу.

На улице меня поджидает какой-то широкоплечий мужчина.

— Валерий? — полувопросительно говорит он.

На всякий случай я киваю.

— Долго же я ждал этой минуты, — радостно говорит мужчина и с размаху бьет меня по щеке.

— За что? — кричу я. — За что?

— За то. Месяц прошел, а уже забыл. Мне Кульчицкий все рассказал.

— Какой Кульчицкий? Не знаю я никакого Кульчицкого!

— Да?.. Может, ты и Тарасова не знаешь? — говорит он и снова надвигается на меня.

Я чувствую, что лучше согласиться:

— Тарасова знаю. Кого знаю, того знаю.

— Ну вот что: завтра сам явишься к Иван Матвейчу и все расскажешь, как было.

— Расскажу, — охотно соглашаюсь я.

— Смотри, я проверю.

— Обязательно, — говорю я. — Доверяй, но проверяй.

Несколько секунд он смотрит на меня, прикидывая, не добавить ли еще. Затем поворачивается и не спеша уходит в глубь улицы.

Интересно, за что этот Валерий получил по морде? Что он такого натворил?

Я иду по бульвару, погруженный в мысли о неизвестных мне Кульчицком, Тарасове и многих-многих других, о которых я никогда не узнаю.

— Гражданин, — окликает меня пожилая женщина с коляской, — что же это вы? Сказали на минутку, а сами на полчаса ушли.

— Извините, — по привычке говорю я, — задержался немного.

— Задержался! Будто у меня других дел нет, как за вашим ребенком смотреть.

И она решительным движением катит ко мне коляску. Это уж слишком. Даже для меня.

— Простите, — говорю я, — но это не мой ребенок.

— Как не ваш? Вы же сами просили за ним поглядеть.

— Вы ошиблись. Вас просил другой человек.

Женщина внимательно меня разглядывает:

— Странно... И внешность такая же, и одежда.

— Одежда — может быть, но не ребенок. Это не мой ребенок, понимаете? У меня вообще нет детей.

— Странно, очень странно.

От наших голосов ребенок просыпается. Он высовывается из коляски, протягивает ко мне ручки и говорит:

— Папа, папа!

— Чудовище! — говорит женщина. — Это же надо — отказаться от своего ребенка!

Она с презрением отворачивается и, размахивая хозяйственной сумкой, скрывается в темной аллее.

Мы остаемся вдвоем. Я и чужой ребенок. Подождем. Должен же за ним прийти настоящий отец. Проходит пять минут... десять... Никого.

Начинается дождь. Мелкий, противный. Мимо нас бегут люди, похожие на меня, но настоящего отца все нет. Ребенок начинает хныкать. Наверное, он замерз или хочет есть. Я заглядываю в коляску. Симпатичный мальчик, даже чем-то на меня похож. Может, действительно пойти с ним домой? Посидим, обогреемся, а потом вернемся.

Я иду по улице, толкая перед собой коляску с чужим ребенком. Холодные капли дождя падают мне за шиворот, но я не обращаю внимания. Мне хорошо. Сейчас улицы пустынные, и я хоть несколько минут могу побыть самим собой. А мне это нужно, очень нужно. Ведь день не окончен, впереди еще встреча с женой. Интересно, за кого она меня примет сегодня?..

Валерий Чудодеев

Глаголы женского рода

Очнулась. Взглянула.

Обомлела — проспала! Вскочила, стала будить. Буркнул, отвернулся. Растолкала, подняла. Кинулась разогреть, накрывать, накручиваться. Позвала. Молчит. Заглянула — накрылся, храпит. Пощекотала. Лягнул. Рывкнула. Замычал, поднялся, поплелся. Опоздаю! Выскочила, помчалась.

Отходит! Догнала, уцепилась, повисла. Доехала. Спрыгнула. Звенит! Побежала, ворвалась, отпихнула, проскочила. Отлегло!

Поднялась. Уселась. Вскочила, позвонила, напонила погасить, выключить, причесать, застегнуть, обувь... Бросил. Разложилась, начала работать.

Шепчутся. Прислушалась — завезли, расфасовывают, будут давать. Отпросилась, выскочила, заняла, вернулась.

Спохватилась, выбежала. Влетела — занимала, отошла. Не пускают. Пристыдила, объяснила, добилась — обхаживали. Стоять — не пообедаете. Встала. Двигается! Приободрилась. Подошла. Кричат не выбивать. Кончилось. Рыдать хочется. Возмутилась. Обозвали. Поплелась. Поднажала. Помчалась. Прибежала, плюхнулась, отдышалась. Позвонила. Говорит, задержится. Зашиваются, авралят — врет! Выскочила!

Забегала, обула, одела, потащила. Ласкается, обнимает, подлизывается. Выясняется — полез, опрокинул, разбил. Шлепнула. Орет, обзывается. Ходить не умеет — говорить научился. Придется отучать.

Пришли. Раздела, умыла, вскипятила, отшлепала, остудила, накормила, прополоскала, отняла, выключила, наказала, почистила, рассказала, протерла, передела, подмела, спела, уложила.

Присела.

Забеспокоилась. Позвонила. Узнала — ушел, не задерживался. Обнаглел! Распоясался! Разведусы!

Сдернула, швырнула, легла.

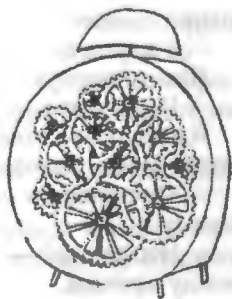
Вскочила. Начала обзванивать. Не был, не заходил, не появлялся, не приводили, не привозили. Сломал? Попал?! Спутался?! Разбился?! Явился! Улыбается! Размахнулась. Не успела — упал. Подтащила, стянула, взвалила.

Ушла, уткнулась, разрыдалась. Заплакал. Подбежала, пощупала, подняла, передела, укутала, подоткнула, застирала, повесила.

Легла.

Вскочила, накрутилась. Постояла. Поглядела. Вдохнула. Укрыла. Завела. Выключила.

Отключилась.

Евгений Шатко

Я от Тамары...

Держа в руках навеки

замолчавший будильник, я подошел к стеклянной двери мастерской. Уборщица выставила навстречу мне голый локоть и закрыла дверь на старую щетку.

— Позвольте! — возразил я. — Еще нет семи!

— У всех есть, а у него нету! — оскорбленно закричала она и удалилась.

Я беспорядочно побарабанил по стеклу и уже хотел поворачивать оглобли, когда к двери подошла дама в мохнатой шапке, какие носят гвардейцы английского королевского дворца. Дама тоже побарабанила в дверь, но не бессмысленно, как я, а по-собственному — три раза и один. Я предусмотрительно отступил в тень. Дама снова нетерпеливо отстучала свою морзянку и, как только появилась уборщица, быстро проговорила:

— Передайте Яше, я от Тамары.

Дверь распахнулась, и гвардейская шапка проскользнула в недра мастерской.

«Однако», — подумал я, задерживаясь в тени.

Через пять минут букингемская шапка проследовала обратно в сопровождении целеустремленного Яши в белом халате и с лупой на лысине. Они обменялись многозначительным рукопожатием, и шапка вскочила в длинную машину, которая как-то очень кстати подкатила к мастерской.

Тут я выступил из тьмы и произнес противным конспиративным голосом:

— Здравсьте, я от Тамары.

Яша повернулся, будто на шарнире.

— Проходите, — сказал он, оглянувшись.

Я прошел за стойку. На стенах здесь уютно тикали десятки часов, показывая разное время.

— С «сейками» очень неважно, — сразу предупредил Яша.

— Что ж так? — строго спросил я. — Тамара обещала, между прочим.

Яша подумал ровно три секунды и твердо сказал:

— Зайдете во вторник. Что у вас еще?

Я молча протянул будильник.

— Обменяем, — сказал Яша, бросил будильник в угол и открыл шкаф.

Я увидел дюжину старинных настольных часов, которые сделали бы честь среднему областному музею.

— Выбор слабоват, — пояснил Яша. — Семнадцатый век реализован.

Я выбрал восемнадцатый век: два ангелочка поддерживают агатовый циферблат.

— Вещь для камина, — одобрил Яша, упаковывая ангелочков в поролоновый мешок с эмблемой «Олимпиада-80». — Кстати, передайте Тамаре: есть пуленепробиваемые стекла. Что у вас еще?

Я вспомнил, что жена третий месяц ждет люстру «Водопад», и поинтересовался как бы между прочим:

— Кто у нас в «Свете»?

— В «Свете» прокол. Зайдите в «Ковры» к Мавру. Мавр сделает.

Придя домой, я весело рассказал жене всю историю. Она так же шутливо сказала:

— Теперь нам нужен камин.

И со свойственной женщинам логикой спросила:

— Что у тебя было с Тamarой?

Я рассмеялся, но смех мой прозвучал фальшиво, и это еще больше насторожило жену.

На следующий день я отправился к Мавру. Мавр оказался крепкой брюнеткой с усиками. От растерянности я сказал, едва переступив порог кабинета:

— Вам привет от Яши.

Брюнетка сразу отрезала металлическим голосом:

— Ничего не знаю.

— Я от Тamarы, — поправился я быстро. — Миль пардон!

Тогда брюнетка мгновенно подвинула мне кресло.

— Меня интересуют «Водопады», — объяснил я, располагаясь в кресле и закуривая. — А что вы скажете насчет камина, чтоб под часы?

Мавр ответила мне с подкупающей четкостью, будто делая доклад на местком:

— «Водопад» получите во второй декаде через Киев. А за камином съездите в первый понедельник в Егорьевское селпо. К Медее Федоровне.

Получив «Водопад» и камин точно по графику, я понял, что стал частью исключительно точной, хорошо смазанной и безотказной машины «Я от Тамары».

Благодаря привету от Тамары моей жене делали прическу парикмахеры, которые причесывают дикторов телевидения, а сам я парился в финской бане вместе с хоккеистами первой сборной. Именем Тамары я вставил себе льготные зубы и положил на операцию пятерых родственников. Ссылаясь на Тамару, я стал оставивать и заворачивать такси, едущие в парк, и проходить в метро без билета. Наконец, мы с женой замахнулись на абсолютно недоступный гарнитур «Дарданеллы».

Директор Дворца мебели, услышав магическое «Я от Тамары», предложил мне сигару и попросил расписаться в книге почетных посетителей. А на прощание рекомендовал не уходить вечером из дома.

Во время ужина под нашими окнами заревели моторы. Из двух мебельных фургонов деловитые люди в синих комбинезонах начали выгружать и выносить сорок три предмета «Дарданелл». Поскольку целиком «Дарданеллы» не уместились в квартире, сервант был разобран, упакован в виде гроба, перевязан голубой лентой и поставлен в туалете. Затем комбинезоны убрали за собой мусор, подмели пол привезенным с собой веником и скрылись в ночи. В оцепенении мы посидели посреди «Дарданелл» и, не доужинав, легли спать. Спал я тревожно. Во сне я разбирал предметы какого-то бесконечного гарнитура, чтобы найти Тамару, а она пряталась неизвестно где, будто чудище из сказки «Аленький цветочек». Жена не спала совсем и наутро спросила изможденным, истаявшим голосом:

— Ты и теперь будешь утверждать, что у тебя ничего не было с Тамарой?

Я пробормотал что-то невнятное, а вечером мы скрылись из дома, опасаясь, что нам привезут кухонный гарнитур или кондиционную установку.

Через несколько дней мы успокоились... А как-то раз, когда мы прогуливались с женой, я увидел двери мастерской по ремонту часов.

— А вот здесь работает тот самый Яша, — сказал я жене. — Конечно, он просто винтик, просто даже смазка волшебной системы, но хочется поблагодарить его как

человека. Давай я куплю коробку зефира в шоколаде и скажу на словах что-то теплое.

Хотя еще не было семи часов, дверь оказалась закрытой. Я постучал условным стуком. Мне открыл сам Яша. Он был без халата и без лупы на лбу и выглядел не так целеустремленно, как раньше.

— А я от Тама... — начал я, входя в мастерскую, увидел двоих скромных молодых людей в сером, которые укладывали в ящик музейные часы, и шутливо добавил: — Нет, я не от Тамары, я сам по себе.

— Вы нам не мешаете, — сказал один из скромных молодых людей — А может быть, и поможете. Оставайтесь, пожалуйста, здесь.

Яша поглядел на меня без всякого энтузиазма и достал из угла старый, навеки замолчавший будильник.

— Все возвращается на круги своя, — сказал тот же молодой человек с мягкой улыбкой. — Даже старинные часы и каминны.

— Тамара снят, — вдруг брякнул Яша, протягивая мне будильник.

— Знаете, я пойду, — сказал я. — Я спешу.

— Вам некуда больше спешить, — заметил тот же молодой человек и улыбнулся еще мягче...

В вагоне метро Макеев от нечего

делать открыл книгу, которую вез другу в подарок, и прочитал: «Еду в английский клуб, — сказал граф жене, — буду утром».

Макеев недоверчиво улыбнулся. Он вспомнил, с каким трудом испросил у жены позволения задержаться в гостях подольше и с какой неохотой она отпускала его на этот день рождения одного. Макеев вздохнул, но без сожаления, без зависти к книжному графу — настроение набирало опьяняюще приподнятую силу. Горизонты свободы раздвигались перед ним на целый вечер. Даже разгульная, привольная, как ветер, мысль посетила — не на рождение ехать, а в пивбар закатиться, — однако Макеев тут же ее отогнал: дружба — дело святое, хотя допустить такую возможность, пусть только в воображении, и то было приятно. Мог, мог махнуть в пивбар, позавчера давали премию, и Макеев утаил десятку, жене сказал — на подарок начальнику.

Гостей собралось много. Кое-кого Макеев знал, но за столом оказался рядом с Танечкой, сослуживицей друга, которую видел впервые. Милая, симпатичная девушка. Вспомнились студенческие беззаботные годы, легкость знакомств, легкость расставаний. Вино кружило голову, Макеев шутил, смеялся, очаровательно за Танечкой ухаживал, и к концу вечера они сделались большими друзьями.

Перед тем как уходить, Макеев остановился против зеркала, постарался взглянуть на себя глазами Танечки — и очень ей понравился. Получился интересный и вовсе даже без животика мужчина.

Подавая Танечке пальто, Макеев осторожно спросил:
— Можно я вас провожу?

— Я так далеко живу... — сказала Таня.

Макеев взглянул на часы и взволнованно пообещал:

— Танечка, с вами — на край света.

— У меня, правда, мама уехала, — сказала она. — Но ничего, посидим вдвоем, чаю попьем. Я торт купила.

Сердце у Макеева запрыгало. Было только десять. Если на такси, можно к двенадцати домой успеть. «Хорошо, что десятку захватил», — подумал Макеев.

На улице метался ветер, шел снег. Стоянка такси находилась на противоположной стороне проспекта, а ближайший переход — метрах в пятистах. Уверенно подхватив Таню под руку, Макеев повел ее по скользкой мостовой.

На противоположном тротуаре их поджидал милиционер. Макеев хотел его не заметить, увлеченно стал Танечке о чем-то рассказывать, но милиционер вежливо козырнул и сделал шаг в их сторону:

— Граждане, уплатите штраф.

— За двоих? — тоскливо поинтересовался Макеев.

Он твердо знал, что может набрать рубль мелочью и заплатить за себя, не разменивая десятки, — обидно было менять из-за такой глупости.

Потом, коченея на стоянке такси, Макеев сжимал в кулаке пятерку и трешку и успокаивал себя: ведь у таксиста может не оказаться с десятки сдачи, и, пожалуй, к лучшему, что так случилось.

Такси мчалось по заснеженному городу, тараня холодный упругий воздух. Но внутри машины было тепло. Удобно развалясь, Макеев курил, слушал Танечкино щебетание и представлял, как они приедут в пустую, уютную квартиру, как потом трогательно будут прощаться...

Однако ехали уже чуть не полчаса. Макеев стал озабоченно поглядывать не только на часы, но и на счетчик. Казалось, если сидеть тихо, цифры побегут медленнее.

Миновали окружную дорогу.

— Теперь близко, — повернулась к нему Таня. — Люблю по ночной Москве кататься. А вы?

— Ужасно, — ответил Макеев.

В этот момент счетчик щелкнул особенно резко и выбросил красную цифру «три».

Сосущая тоска зародилась где-то в глубине души Макеева и, разрастаясь, захватывала, пропитывала весь организм. Все заботы и неурядицы вдруг навалились на него разом. Оштрафовали ни за что. Плакало пиво с раками... Жена могла в любой момент позвонить другу, а тот скажет: «Да он уже часа полтора как ушел...»

— Ой, — вскрикнула Таня, — не туда свернули!

— А что ж вы шоферу вовремя не подсказали? — стараясь говорить мягче, спросил Макеев.

— Не заметила. Ой, ну вот, опять не туда...

Макеев утер цигейковым пирожком взмокший лоб.

Наконец приехали. Макеев протянул шоферу пятерку, сдачи ждать не стал, вылез вслед за Таней.

— Слышь, мужик, в обратный конец плати, — потребовал шофер, — отсюда пассажиров не найдешь.

Макеев замешкался, выбирая между Таней и машиной. Словно надоевший счетчик, застучало в голове. Заплатить? Обратно на такси не хватит. Опоздать? А если вообще транспорт работать не будет?..

Макеев решительно шагнул назад:

— Спокойно, шеф. Я обратно еду.

— Как, разве вы не зайдете? — удивилась Таня.

— Нет, что вы. Я так, вас проводить...

Макеев порадовался, что в темноте не видно, как густо он покраснел.

Таня обиженно молчала.

— Я позвоню вам, — нерешительно улыбнулся Макеев и, испугавшись, как бы Таня не вздумала диктовать телефон прямо сейчас, дав шоферу повод поторопить его и тем самым вновь принизить, скорее залез в машину.

— Куда? — таксист даже не посмотрел в его сторону. «В английский клуб», — мысленно огрызнулся Макеев, а вслух вежливо назвал адрес.

Андрей Вознесенский

Не забудь

Человек надел трусы,
Майку синей полосы,
Джинсы белые,
                        как снег,
Надевает человек.
Человек надел
                        пиджак,
На пиджак —
                        нагрудный знак
Под названьем «ВТО».
Сверху он надел
                        пальто.
На пальто, смахнувши
                        пыль,
Он надел автомобиль.
Сверху он надел
                        гараж
(тесноватый, но как раз...)
Сверху он надел наш двор,
Как ремень, надел забор.
Сверху
                        наш микрорайон,
Область надевает он.
И, качая головой,
Надевает шар земной.
Черный космос
                        натянул,
Крепко звезды пристегнул,
Млечный Путь —
                        через плечо,
Сверху — Кое-Что
                        еще...
Человек глядит вокруг.

Вдруг —
У созвездия Весы
Вспомнил, что забыл
часы.
Где-то тикают они —
Позабытые, одни?
Человек снимает
страны,
И моря, и океаны,
И машину, и пальто —
ОН БЕЗ ВРЕМЕНИ —
НИЧТО.
Он стоит в одних
трусах,
Держит часики в руках.
На балконе он стоит
И прохожим говорит:
«По утрам,
надев трусы,
Не забудьте про часы!»

Олег Дмитриев

Звездный час

Быль

Под модной шляпою скрывая
Раскидистую седину,
Вошел поэт в вагон трамвая,
Пробил билет и сел к окну.
Узнали многие поэта.
Другим потом на ум пришло,
Что излучало столько света
Его высокое чело!
Отражены в окне вагона,
Глаза его, тая печаль,
Вдруг загорались озаренно
И дерзко устремлялись вдаль.
Но был поэт весьма не в духе,

И думал он, ворча под нос:
 В одном журнале, ходят слухи,
 Ему готовится разнос...
 Опять противная соседка
 С утра стучала молотком...
 Да надо бы — в кармане сетка —
 Сейчас зайти за молоком...
 В его отсутствие звонила
 Зачем-то первая жена...
 А эта женщина... Людмила...
 Во вторник позвонить должна...
 В мозгу роились мозаично
 Непоэтичные дела, —
 Себя в вагоне необычно
 В то время публика вела:
 Здесь речи не было о шуме!
 Никто газетой не шуршал,
 Чтоб не мешать высокой думе,
 Никто почти и не дышал...
 Как будто стали все причастны
 К высокой тайне,
 И сердца
 И мысли сделались прекрасны
 От вдохновенного певца!
 Поэт сошел у «Бакалеи»
 И зашагал на красный свет...
 Из всех окон, благоговея,
 Вагон глядел ему вослед.

Феликс Кривин

Восьмистишия

***

Сказали оленю: «При виде врага
 Всегда ты уходишь от драки.
 Ведь ты же имеешь такие рога,
 Каких не имеют собаки».

Олень отвечал: «Моя сила — в ногах,
 Иной я защиты не вижу,

Поскольку витают рога в облаках,
А ноги — к реальности ближе».

***

За волком гонятся собаки.
Сопротивляться — что за толк?
Чтоб избежать неравной драки,
Не быть затравленным как волк,
Смирив жестокую натуру,
Пошел матерый на обман:
Он нацепил овечью шкуру
И был зарезан как баран.

***

Подложили наседке змеиные яйца.
Удивляйся, наседка, горюй, сокрушайся:
— Ну и дети пошли! Настоящие змеи!
Может быть, мы воспитывать их не умеем?
А змею посадили на яйца наседки —
У змеи получились примерные детки.
Потому что змея относилась к ним строго.
До чего же ответственна роль педагога!

***

Воробей попался в западню,
За сухое зернышко попался.
Старый волк попался за свинью —
Он и раньше хорошо питался.

И сказал безвинный воробей:
— Мне бы только выйти поздорову.
Уж теперь-то буду я умней:
Непременно украду корову!

Юрий Кузнецов

Говорящий попугай

Люди жили-горевали,
Попугая завели.

Маляра к себе позвали,
Только из дому ушли.
Подошел маляр
к дверям.
Попугай спросил:
«Кто там!»
Отвечает:
«Что за штука!
Это я, маляр!..»
Ни звука.

Ждет маляр,
                опять к дверям,
Попугай кричит:
                «Кто там?»
Отвечает:
                «Что за штука!
Это я, маляр!..»
                Ни звука.

Ждет-пождет,
                        опять к дверям,
Попугай опять:
                        «Кто там?»
Отвечает:
                        «Что за штука!
Это я, маляр!..»
                        Ни звука.

Час проходит,
                                два проходит.
Тут хозяева приходят.
Слышат:
                                заперт попугай,
Но стучится то и знай.
А маляр припал
                                к дверям
И вопит в ответ:
                                «Кто там?»
А оттуда:
                                «Что за штука!
Это я, маляр!..»
                                Ни звука.

Новелла Матвеева

Чувство меры

Да, стишки довольно серы.
Но, по-моему, не надо
Принимать за чувство меры
Серость авторского взгляда.

Подчиняясь чувству меры
И живя как будто в путях,
Трижды правы гулливеры
В окруженье лилипутов:

Если сам себя поддаться
Чувству меры не заставишь,
То, куда бы ни податься, —
Все кого-нибудь раздавишь!

Но... святое чувство меры
И пигмей лелеет сгруппу.
А такое «чувство меры»
Видно только через лупу!

Но в малютке и такое
«Чувство меры» ярость множит.
Все и вся одной ногою
Задавил бы — да не может...

Ничтожество

(Вместо эпитафии)

«Куда сия душа от плоти отлетела?» —
«Здесь не было души». — «Тогда откуда тело?»
Ученый доказал, что тело точно было.
А если не было — откуда здесь могила?

Привыкли мы скорбеть и вопрошать сурово:
«Куда уходит все? Где след, где тень былого?»

Но тут иной вопрос нам выяснить придется:
 «Где взяли? Кто принес? Откуда что берется?»

Александр Сивицкий
 Юрий Тимьянский

Его работа

Он ночь не спал,
   он встал чуть свет,
 Он на часы взглянул
   утрюмо,
 Надел спасательный
   жилет
 Поверх защитного
   костюма.

Жена, не поднимая
   глаз,
 Из шкафа вынула
   с опаской
 Спасавшую его не раз
 Непробиваемую каску.

— Ты не забыл про бинт
   и йод?

Тебе идти
   через минуту!
 Уже сигналит
   вездеход,
 А ты еще
   без парашюта!

— Не плачь,
   детишек береги,
 И я вернусь.
   Ты веришь?
   — Верю!

И застучали сапоги,
И заревел мотор
                                за дверью.
Жена горда
                                его трудом,
В его работе риск
                                огромный,
Он член комиссии
                                приемной,
Он принимает
                                новый дом!

Борис Слуцкий

Понимание славы

В Эдинбурге — столичке
Шотландского королевства
я прочел на табличке,
натертой до блеска:
«Не забудьте о Джеке,
скамейку дубовую эту
в девятнадцатом веке
муниципалитету
подарившем,
так же как четыре другие,
и почившем
в Индии от ностальгии».

Лет сто тридцать скамья
дождалась, в надежде и вере,
что прочту это я,
отдыхая тихонечко в сквере.
Лет сто тридцать табличку
натирали до блеска.
Благодарна столичка
Шотландского королевства!

Это — вечная слава.
А то, что недорого стоит, —

пусть волнует нас слабо
 и вовсе не беспокоит.
 Стивенсон, здесь стоящий,
 Вальтер Скотт, здесь стоящий,
 удостоились вящей,
 но не более настоящей.
 Их романы забудут.
 Не часто и ныне читают.
 На скамейке же будут
 отдыхать, как сейчас отдыхают.

Ну и Джек! Он допер,
 разорившись едва ли,
 чтоб с тех пор до сих пор
 вспоминали его на бульваре.
 Это ж надо иметь
 понимания славы немало,
 чтоб бульварная медь
 ваше имя навек сохраняла
 и чтоб им упивался
 всякий, кто на скамейку садился!

Ну и Джек! Не прорвался
 к славе, так просочился.

Детская литература

Детская поэзия: счастливые все концы.
 Никто не умирает. Болеют разве корью.
 Очень низкое небо. Звезды достанешь рукою.
 Очень высокие люди, быстрые, как гонцы.

Детская поэзия: хорей, хорей, хорей.
 Все куда-то торопятся: скорей, скорей, скорей!
 В этой легкой церкви — Корней архиерей.
 Смотрите: он устраивает
 ревучий рай зверей.

Нас вымыли Мойдодыром. Это нельзя терпеть.
 Мы оживленно кричали, рыдали и не дышали.
 Детская поэзия: там не любят петь,
 но хорошо рисуют цветными карандашами.

Детская поэзия: там задают вопросы
и получают ответы: на вопрос — ответ.
Кроме того, бывает также детская проза.
Только детской критики почему-то нет.

Павел Хмара

Плата

За все приходится платить:
за газировку и за счастье,
за развлечения, запчасти —
нам всем приходится платить.
За все приходится платить:
свободой — за охоту к дракам,
а за любовь — законным браком
порой приходится платить.
За все приходится платить
по утвержденной свыше смете...
За жизнь и то придется смертью,
увы, когда-нибудь платить.
За все приходится платить,
и, может, это справедливо —
за вдохновение и за пиво
ценою подлинной платить.
За все приходится платить,
и просто глупо горячиться
и недостойно мелочиться,
когда придет пора платить
за слезы, смех и за успех,
за свет, любовь, за неудачу...
И тот заплатит больше всех,
кто хочет выторговать сдачу.

Владлен Бахнов

Вариации на тему «Белеет парус одинокий»

Евгений ЕВТУШЕНКО

***

Я море, парус я в тумане голубом.
Я сам в себе болею одиноко,
Я сам себя ищу в стране далекой
И кинул сам себя в краю родном.

Ах, я волна, играю я водою,
И, изменяясь десять раз на дню,
Я ветер, гнущий мачту над волною,
И мачта я, и сам себя я гну.

Я разный, я такой многообразный,
И, расплываясь в разные края,
Я не бегу от счастья понапрасну,
Поскольку счастье — это тоже я!

Я разный: я струя светлей лазури,
Я солнце, я луч солнца золотой,
Я буря, и прошу я только бури
Аплодисментов,
В этом — мой покой!

Булат ОКУДЖАВА

Королева Маруся

Ах, Мария Петровна, ах, Марья, ах, Манечка-Маня,
Ах, направьте, пожалуйста, вдаль свой задумчивый взор.
Ваша светлость Маруся, ах, что там белеет в тумане?
Там прогулочный катер, как парус, уходит в простор.

А на катере белом пластинку заводит механик,
И над морем взволнованным слышится струн перебор,
И мой голос выводит: «Ах, ваше высочество Маня,
Ах, направьте, пожалуйста, вдоль свой задумчивый взор!»

А на катере белом механик заводит «цыганочку»,
И не слышен оттуда лирический наш разговор,
Как прошу я покорно: «Ах, ваше величество Манечка,
Поскорей на меня устремите ваш царственный взор!»

Как певец, ваша честь, очень славен повсюду в народе я,
Но готов ради вас я на подвиг любой!
Ах, Мария Петровна, ах, ваше высокоблагородие,
Вот что с нами выделяет их благородие — Любовь!

Расул ГАМЗАТОВ

Горный сонет

В горах моих, где горные потоки,
Давно живет предание о том,
Что есть на свете парус одинокий,
Белеющий в тумане голубом.

Но знает лишь один старик глубокий,
Один мудрец в селении моем,
Что ищет тот кунак в стране далекой,
Что кинул тот джигит в краю родном.

Я жажду бури! Где моя папаха?
Где мой кинжал, не ведающий страха?
Я в даль хочу, в неведомый простор.

Любимая, простимся у порога...
И выхожу один я на дорогу,
Где ждет меня в машине мой шофер.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Лё Парусьон

Да, он, мятежный, просит бури,
Летящей в грохоте тирад

В недопустимейшем сумбуре
 Над Эйфелевой башней, над
 Тулузой, Тулой, Сальвадором,
 Сорбонной, черт ее дери,
 Над склеротическим собором
 Парижской Богоматери!
 Да, он, мятежный, просит бури,
 Он адекватен ей без слов!
 Пусть грохнет по клавиатуре
 Тупоголовых черепов!
 Катитесь к черту, лежебоки,
 Вам не понять ни бе, ни ме!
 Белеет! Парус!! Одинокий!!!
 Компрене ву? Ву понимае?

Виктор БОКОВ

Парусина

Клен, осина, дуб высокий,
 Ива-ивушка, сосна.
 В море — парус одинокий,
 А под Курском — соловьи.
 Из колодца вода льется.
 Васильки, ромашки, лен.
 Ветер свищет, мачта гнется,
 А в Рязани дождь идет.
 — Ах ты, ох ты, эх ты, парус!! —
 Спрашиваю лодочку!
 Что ты ищешь, чудо-парус,
 Не мою ль молодочку?
 Ой закаты да рассветы,
 Бузина да зверобой.
 А в траве-то, в мураве-то —
 Ты да я да мы с тобой.
 Ветер свищет, мачта гнется,
 Раздается шум и гам.
 Из колодца вода льется,
 Разливаясь по стихам.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Хватит!

От лица
                  моего
Поколения
Заявляю
Без
    церемоний:
                  — Не чувствую
  умиления

При
Виде
Паруса
В
Море.
Это красиво,
Каюсь.
Пусть
ахают
Тани
и Тони,
Но
Существует
Парус
Для
красоты,
Что
Ли?!
У всех трудо-
вые
Будни,
А парус,
он что —
хворый?

Ведь то,
                    что он ищет
Бури, —
Так
            это
            ж
Одни разговоры!

Но если
ты ищешь,
Парус, —
Берись
за работу
Любую.
Иди
в
геологи,
Парень,
И ищи
руду.
А не
Бурю!

Борис Брайнин

Не в своей тарелке

...На букеты дикой редьки,
На левкои луговые
Из тарелки вышли дядьки,
Гуманоиды живые...

...Я не езжу на Пегасе,
Я летаю на метле.

Юнна МОРИЦ

Как-то утром, смеха ради,
То ль в Малаховке, то ль в Пизе
Приземлились двое дядек
На летающем сервизе.
Скорректировали разум
На земные интересы,
Поискали третьим глазом
Представителей от прессы.
Вдоль опушки побродили —
Вот ромашки, вот левкои...
Только вдруг от страха взвыли —
Мама мия, что такое?!
К их тарелке подлетело,
Словно коршун к перепелке,
Неопознанное тело
На летающей метелке.
Пахнет серою паленой,
Не спастись противогазом.
Тут зашел определенно
У пришельцев ум за разум.
И умчались, опозорясь,
На своей тарелке гулкой,
Испугавшись Юнны Мориц,
Совершающей прогулку.

Александр Иванов

Открытое письмо Пингвина Пина
поэту С.Г. Островому. Москва. СССР

Копия — в Московский зоопарк

Стоят пингины —
ангелы белокрылые.
Север их сжал в ледяной
горсти.
И такие они холодные, такие стылые,
Что это не вымолвить,
не произнести.

Сергей ОСТРОВОЙ

Живут пингины только в Южном полушарии.
Окраска крыльев у пингинов черная, черно-серая, реже — железно-серая.

А. БРЭМ. «Жизнь животных»

Мы не знаем, кто у вас начальники,
Кому адресовать недоуменный вопрос.
Но вы поймите, что мы не чайники,
А у нас в Антарктиде — жуткий мороз.

Сергей Григорьевич, Вы поэт известный,
Стихи сочиняете, бог Вам прости...
Но такие они порой... интересные,
Что это не вымолвить, не произнести.

Мы бы рады считать Вас другом,
Побольше друг о друге узнать...
Но Вы перепутали Север с Югом!
Оно и понятно, откуда Вам знать...

О крыльях. И здесь Вы маху дали.
Жизнь не ангельская, какая есть...
Но если бы Вы и писали, и читали,
То Вы могли бы об этом прочесть.

Директор зоопарка, товарищ Сосновский,
Но Вы-то как же, мы ж любим Вас!
Неужели одному поэту московскому
Вы не могли рассказать про нас?!

Ведь нам обидно, честное слово,
Мы любим людей. Обижать-то за что?
А впрочем, в трудах Сергея Острового
Предугадать невозможно ничто!

Призыв

Ты кроши.
кроши,
кроши
Хлебушек, на снег.
Потому что воробей
Ест, как человек.

Пригорий КОРИН

Ты пиши,
пиши,
пиши,
Сочиняй весь век,
Потому что пародист —
Тоже человек.

Он не хочет затянуть
Туже поясок,
Для него
твои стихи —
Хлебушка кусок.

Ты пиши,
и мой призыв
Не сочти за лесть,
Потому что пародист
Тоже
хочет
есть!

Михаил Казовский

Пальпация доктора Коробкова

Сценарий фильма о медиках

Светлый коридор Центрального

научно-исследовательского института проблем облысения (или сокращенно ЦНИИПО). На стене висит транспарант: «Каждому лысому — полноценную шевелюру!» По коридору снуют люди в белых халатах и с озабоченными лицами. Дверь ординаторской открывается. В коридор с гневно перекошенными глазами выходит молодой врач Коробков. Вслед за ним выбегает директор ЦНИИПО Тараканов.

— Вы авантюрист! — кричит Тараканов вдогонку своему коллеге. — Приваривать волосы к голове при помощи лазера — это безумие! Только народная медицина — вот средство!

— Я докажу! — скрежещет зубами молодой ученый. Стремительно входит он в операционную и тут же припадает к экспериментальному лазеру. Медсестра Людочка вкатывает кресло с больным Онуфриенко. Он лыс, как пушечное ядро.

— Доктор, — слабо произносит Онуфриенко, — а жить-то буду?

— Мы сделаем все возможное, — сурово говорит Коробков.

Слышится выстрел лазерной пушки...

...Бледный, входит Коробков в собственную квартиру, рядовую квартиру простого врача: шесть комнат, две лоджии, бассейн с рыбками.

— Что случилось, Геннадий? — спрашивает красивая, но чуждая ему по духу жена-мещанка.

— Мы провалили эксперимент, — говорит Коробков и садится в пальто на край бассейна. — Через час после операции у больного вылезли все пересаженные волосы...

— Что же ты собираешься делать? — нервно закури-вает жена.

— Я уеду. Уеду в глушь, стану простым врачом...

— Только без меня, — обрывает его супруга — Я ухажу к профессору Тараканову!..

...И вот уже бесконечной чередой тянутся служебные будни сельского врача Коробкова. Вместе с медсестрой Людочкой, которая и тут не покинула любимого шефа, он месит кирзовыми сапогами осеннюю грязь, мокнет под дождями, коченеет в морозы. В этих жутких условиях матереют характеры Коробкова и Людочки, крепнет их взаимное чувство. По ночам на квартире у доктора они начинают заниматься медико-биологическими экспериментами: Людочка бреет подопытных мышей, а Коробков, сконструировав из соседского самовара лазерную пушку, приваривает им шерсть обратно. Только где же ключ к истине?

Неожиданно дерзкий экспериментатор встречает на базаре своего бывшего пациента Онуфриенко. Тот по-прежнему лыс, хотя и лечится народными средствами по системе профессора Тараканова. Правда, вместо того, чтобы мазать средствами голову, он принимает их внутрь.

Коробков предлагает Онуфриенко вторично подвергнуться воздействию лазерного луча. Онуфриенко с горя соглашается...

...Тревожная ночь после операции. Людочка и Коробков не спят, ходят из угла в угол. Полчаса, час, утро... Медсестра осторожно подходит к Онуфриенко и дергает его за волосы.

— Держатся, — шепчет она. — Честное слово, держатся!..

Коробков и Людочка бросаются друг другу в объятия...

...Триумфальное возвращение Коробкова в родной ЦНИИПО.

— Простите меня, Геннадий, — говорит, растрогавшись, Тараканов. — У меня было о вас предвзятое мнение...

— А у меня — о вас, — улыбается Коробков. — Потому что, если не употреблять внутрь ваши народные средства, моему лазеру грош цена!

Ученые звонко смеются.

Не смеется только бывшая жена Коробкова. В отчаянии она рвет на себе волосы, и ее привозят в ЦНИИПО. Однако Коробков и Тараканов отказываются от операции.

— Наши методы эффективны только для хороших людей, — веско отвечают они.

Борис Козлов

Особое задание

Коля Северцев, советский разведчик, получивший особое задание, вошел в приемную шефа рейхсканцелярии. Адъютант изумленно поднял брови:

— Колька? Друг! Ты как здесь оказался? — и стиснул Северцева в объятиях.

Друзья уселись на диван и, перебивая друг друга, рассказали о последних новостях там, в центре, и здесь, в логове.

— А я, Миша, — сказал Северцев, допив восьмую чашку эрзац-кофе, — прибыл к тебе по делу. Мне легализоваться надо. Помоги, брат.

Адъютант вздохнул и тоскливо уставился в окно на серые готические крыши.

— Трудная задача, — произнес он. — Куда же тебя пристрою? Все места уже заполнены, а новых штатов вермахт не дает. Ставили вопрос, писали, но пока безрезультатно. Просто не знаю, что и предпринять... Разве к Олегу Петровичу попробовать? Ты помнишь Олега Петровича? На восьмом этаже сидел у нас? Теперь он в министерстве авиации руководит.. — Адъютант снял трубку телефона, вызвал нужный номер и попросил оберштурмбаннфюрера Брюннера.

— Алло, Брюннер? — спросил адъютант в прижатую ладонью трубку. — Это ты, Олег? Это я звоню, привет. Вот какое дело, Олег Петрович. Тут Северцева прислали в командировку, помоги парню устроиться. Найди ему какую-нибудь должностишку у себя, а то уже всюду переполнено... Тоже некуда? Жаль. Поговори с Герингом, он тебе не откажет. Ну, поймей в виду, если что...

Адъютант посмотрел на приунывшего Северцева и стал звонить в генштаб генералу Аксельштоку, которого близкие называли просто Аксеновым. Адъютант долго объяснял ему важность задачи, ссылаясь на указание центра, но Аксельшток был неумолим и, со своей стороны, ссылаясь на переполненные штаты. Адъютант пригрозил генералу строгачом по возвращении и в сердцах бросил трубку.

— Куда мне тебя сунуть? — спросил он Северцева. — Ну скажи, куда? В столице все забито нашими ребятами. Вынуждены освобождать некоторые места для противника, а то просто неловко получается. На прошлой неделе Шмидт (помнишь Кузнецова?) достал секретный план наступления, а вышел скандал. Оказывается, его наши приготовили для дезинформации. Работать стало очень трудно, Коля.

— Как же быть? — вздохнул Северцев. — Ведь у меня командировка.

— Понимаю. Но посуди сам: я у себя недавно пятерых уволил по сокращению штатов. Куда же мне тебя пристроить? Впрочем!.. — Адъютант радостно хлопнул коллегу по плечу. — Мы вот что сделаем с тобой: подавайся ты, брат, на фронт, а? Там посвободней.

Северцев согласился, и друзья взялись разрабатывать конкретный план действий.

— Тут дело простое, — сказал адъютант. — Завтра наши ребята должны утверждать в ихней ставке план их летнего наступления. Копию повезет на фронт фельдъегерь Васька Гришин. Помнишь? Так вот он заболел. У него катар верхних дыхательных путей. Будь другом, возьми пакет и свежи его в дивизию, где начштаба Фогельман. Это Соловьев, ты его знаешь. Ему и передашь.

На следующее утро Северцев уже летел на Восточный фронт с пакетом в портфеле. В центр ушла шифровка с сообщением, что агент номер 01366/5274 приступил к работе. А повеселевший адъютант Миша сел выписывать одному фельдмаршалу командировку в далекий город Винницу, где должна была состояться его встреча с фюрером.

Юрий Левитанский

Вышел зайчик погулять

С. МАРШАК

Элегия на смерть Джона О'Грэя, достопочтенного зайца, эсквайра

Меж речкой Твид и речкой Спей,
Где вереск и все прочее,
Жил бедный заяц Джон О'Грэй,
Отец семьи и прочее.

Хоть был лишен
Наш бедный Джон
Чинов, наград и прочее,
Зато был шерсти не лишен,
Хвоста, ушей и прочее.

Однажды, три-четыре-пять,
Позавтракав и прочее,
Он в рощу вышел погулять
И, так сказать, все прочее.

Он был не в бархат разодет,
Как тот бездельник Билли, —
Берет с пером и старый плед
Его одеждой были.

Но у развилки трех дорог,
Где ельник и все прочее,
Его охотник подстерег
И застрелил и прочее.

Он взял себе берет и плед,
А пух и прах О'Грэя
Трактирщику за шесть монет
Он продал не жалея.

А тот из Джоновых костей
Сварил бульон и прочее
И этим потчевал гостей
Под крепкий эль и прочее.

Но все, кто ели тот обед,
И все, кто Джона ели,
Не о трактирщике, нет-нет,
Не об охотнике, о нет —
О Джоне песню пели.

Вот так под старых кружек звон
И шутки и все прочее
Был воскрешен наш добрый Джон,
Отец семьи и прочее.

И с той поры уж сколько лет,
Как бы воскресший из котлет,
Из супа и все прочее,
Он на земле живет опять
И, раз-два-три-четыре-пять,
Выходит в рощу погулять
И, так сказать, все прочее.

Григорий ПОЖЕНЯН

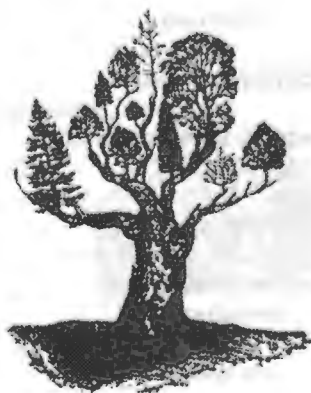
Другое дерево

Киноречитатив

Зайцы бежали к морю,
зайцы бежали быстро
Сосны бежали рядом,
истекая янтарным соком.
Но зайцам янтарь не нужен,
они его есть не станут.
Зайцу нужна морковка.
Зайцу нужна капуста,
хотя бы даже цветная.
В крайнем случае — брюква.
Или зеленый горошек.
Зайцу жить невозможно
без чего-нибудь овощного...

Но сосна — не такое дерево.
На сосне не растет морковка.
На сосне не растет капуста.
Никакой калорийной пищи
От нее получить невозможно.
Даже клубня простой картошки
и то на ней не увидишь...
Но зайцы об этом не знали.
Зайцы бежали к морю.
Ибо если не днем и не ночью,
а в воскресное, скажем, утро
заяц принял решение —
он уже от него не отступит...
А до моря бежать — не просто.
А до моря бежать — не близко.
Но зайцы бежали так быстро,
что в конце концов добежали.
И они увидели море...

Море очень сильно смеялось.

Скучаю по сохе

Крестьянин по своим истокам,
Хотя забыта мной соха,
Рассветы отдаю восторгам,
Работе яростной стиха.

Михаил ЛЬВОВ

Хожу исправно
                                в учреждение,
С друзьями кофе пью
                                в кафе,
Но я, селянин
                                по рождению,
В Москве скучаю
                                по сохе.

Она ночами часто
                                снится,
Во мне истоки
                                вороша.
Тоскуют праздные
                                десницы,
Свербит крестьянская
                                душа.

И потому, презрев
                                лежанку,
Едва запели петухи,
Я поднимаюсь
                                спозаранку,
Терзаем комплексом
                                сохи.

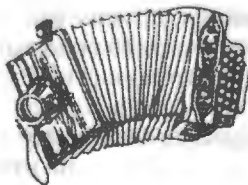
Кряхтя, натягивая
                                сбрую —
Я сам и лошадь,
                                и соха,
Всем существом
                                до боли чуя

В себе присутствие
стиха.

Взрыхляю
для потомков
почву
С восторгом! Яростно!
Легко!
Я борозды, как встарь,
не порчу,
Папу, как прежде,
глубоко.

Но есть огрехи.
Я согласен.
А кто, скажите,
без греха!
Ведь инструмент
не первоклассен:
Соха, друзья мои,
соха...

Александр Корт

Холостой выстрел

Опыт театральной рецензии

Буховский драматический театр

показал новый спектакль по пьесе зарубежного драматурга Филиппа Моррисона «Любовь без гарантии», повествующей об одном дне (незадолго до свадьбы) фабриканта Артура Челсдорфа и красавицы Сьюзен Хилдроп.

При поднятии занавеса мы видим на сцене обшитый дубовыми панелями кабинет в загородном доме Челсдорфов. Хозяин дома, молодой Артур, готовится к приему гостей.

— Эй, Джим, — обращается он к лакею, — дай-ка мне вечерний пиджак.

Джим (артист В.Федоров) приносит ему вечерний пиджак (пиджак мужской, сорт 1-й, швейная фабрика № 8). Сразу же становится ясно, что ему явно не хватает отточенности формы: один рукав короче другого, оттопыренные карманы, грубые швы — все это мешает правильному зрительскому восприятию образа.

В это время в кабинете появляется невеста Артура — Сьюзен, и почти тотчас между влюбленными происходит легкая размолвка, потому что хитрая и расчетливая Сьюзен без всяких для того оснований обвиняет жениха в излишней расточительности. Нужно видеть, с какой силой оскорбленный Артур (артист В.Коровин) пытается открыть дверь (домостроительный комбинат № 2) и, когда это ему не удастся, убегает на второй этаж.

Оставшись одна, Сьюзен (артистка Г.Коршункова) бросается к сейфу. В колоритной роли несгораемого шкафа любопытна тумбочка для спальни, выпущенная мебельной фабрикой № 1. Она полностью лишена привычного для него образа хрестоматийного глянца. Более того, она вообще лишена глянца, и очень жаль, что в дальнейшем полностью выпадает из ансамбля. У нее плохо закреплены ножки.

Убедившись, что в сейфе имеется вполне достаточное для совместной жизни количество денег, Сьюзен делает

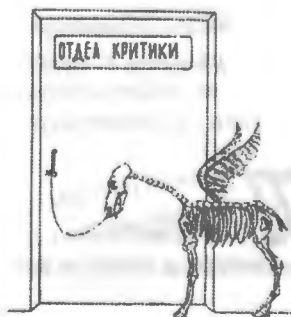
хорошую мину при плохой игре и идет принимать гостей.

В течение всего второго действия приглашенные гости с интересом смотрят телевизор. Следует отметить, что недавно появившемуся в театре цветному телевизору «Весна», выпущенному Ветлугинским радиозаводом (срок гарантии — два года), ни в одном из эпизодов не удалось найти достаточно ярких красок для изображения важной роли телевизора фирмы «Вестингауз».

В третьем действии на сцене вновь появляется молодой Артур Челсдорф. Он уже малость поостыл после ссоры, поскольку отопительный сезон в театре начнется только 15 октября. Сьюзен напрямик спрашивает своего суженого, будет ли он любить ее вечно. Артур отвечает, что никаких гарантий на этот счет дать не может. Теперь уже убегает оскорбленная невеста, а Артур решает свести счеты с жизнью.

Помнится, Антон Павлович Чехов говорил, что если в первом действии на сцене висит ружье, то в третьем действии оно должно выстрелить. В спектакле «Любовь без гарантии» при поднятии занавеса на сцене как раз висит двустволка системы «Уэсли Ричардс», роль которой поручена курковому ружью производства Сметанкинского механического завода. Однако в третьем действии оно не выстреливает — у него, как всегда, заедает затвор.

Подобные издержки производства и не позволили спектаклю «Любовь без гарантии» стать событием в театральной жизни.

Рога и Копыта

«Р» ^{аки} на смену «моржам»

Актер Борис Попков организовал группу любителей-пловцов, купающихся в крутом кипятке. «Полчаса, проведенные в кипящей воде, — говорит Б.Попков, — живоительно действуют на организм, предохраняют его от инфекций и дают заряд бодрости минимум на неделю». Группа энтузиастов нового вида спорта называет себя «раками» — по аналогии с «моржами», купающимися в ледяной воде.

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

З ^{аявление}

Прошу увеличить мою жилплощадь в связи с выигрышем в художественной лотерее полотна художника А.Туплина размером 10х20 метров.

О ^{б изменениях в составах команд}

Защитника команды «Темп» Митрофанова, забившего в первом тайме два гола в свои ворота, во втором тайме считать нападающим команды «Вихрь».

П ^{рогноз погоды}

Завтра в течение дня все возможно.

Михаил ГЕНИН

В каменных джунглях

В штате Огайо местными властями принято постановление о тлетворном влиянии музыки Шаинского, Френкеля и Фельцмана на молодежь Запада.

Достойный ответ

Когда иностранный корреспондент спросил у Менделеева, как ему удалось открыть свою знаменитую периодическую систему элементов, ученый коротко ответил:

— Элементарно.

Происшествия

На днях у проходной мясокомбината № 6 был задержан выходявший с предприятия разделочник Куницкий. Он держал язык за зубами.

Заметки рецензента

На концерте тенора В. Чупракова зрители досидели до первых «петухов».

Резервы на марше

На фабрике «Гознак» выпущено еще 3 миллиона рублей денег из сэкономленной бумаги.

Из любого пустяка

— Мой муж из любого пустяка готов сделать трагедию! — жаловалась однажды своей приятельнице жена Вильяма Шекспира.

Вадим ДАБУЖСКИЙ

Узелок на память

Отпуск покажется длиннее, если каждое утро по привычке выходить на работу.

Добрые советы

Если вы уходите с работы раньше положенного времени, то хоть домой-то приходите вовремя.

В мире открытий

После кропотливых многолетних исследований младший научный сотрудник П.Будилов сделал интересное наблюдение о жизни лесных растений: осины, как правило, растут над подосиновиками, а березы — соответственно над подберезовиками.

Александр КЛИМОВ

Очереди — нет!

Большой резонанс вызвал новый опыт обслуживания населения в районе-новостройке Калошино. Новоселы этого микрорайона не знают, что такое очередь: здесь нет ни одного магазина.

Спрашивайте — отвечаем

Гражданка Теплова в своем письме спрашивает: «У моего телевизора сломался штекер стоимостью 40 копеек. Где можно купить новый?» На этот вопрос отвечает заместитель министра Л.Выдринюк: «Новые телевизоры продаются во всех универсальных и специализированных магазинах. Организована также продажа в кредит».

Н^а нет и суда нет

Казалось бы, правильно. Однако жизнь доказывает и обратное. Так, несмотря на утверждение завмага Жирновой Н.З. о том, что казенных денег у нее уже давно нет, суд над ней все-таки состоится.

Владимир КОЛЕЧИЦКИЙ

Н^а высшей ступеньке

Более двадцати раз за день поднималась на высшую ступеньку пьедестала почета Дарья Ступина.

«И когда ж наконец лестницу-то починят?» — ворчала она, с трудом протирая верхние ряды окон в спортивном зале.

Р^екордные привесы

Небывалых привесов добивается сотрудник объединения «Живсырь» К.Воротков при продаже молодняка крупного рогатого скота. В одну минуту на его весах животные прибавляют от 10 до 20 килограммов.

З^а чистоту языка

Следить за своей речью посоветовали друзья грузчику Илье Чердакову. Теперь Илья старается не употреблять таких слов, как «хронометр», «гипоциклоида», «ркацител» и «коммуникабельность».

Н^аблюдение метеоролога

От 70 до 150 мм осадков выпадает за неделю в каждой бутылке портвейна розового производства Охряпкинского винзавода.

Евгений ОБУХОВ

Берегись автомобиля!

Эффективный вклад в успешное проведение месячника «За безопасность движения» внес автомобилист Э.Травников. За день до начала месячника он продал свой «Запорожец».

Анатолий РАС

Демография

По-своему интересен возрастной состав семьи Трифона Швыцова. Его последняя дочь значительно старше его последней жены, а муж этой дочери намного старше его самого.

Кулинария

Пекарный цех диетического ресторана «Голубец» освоил выпуск новых чебуреков. Для их изготовления не нужна мука, не используется мясо, не употребляется лук, не требуется масла. А стоят новые чебуреки всего на 5 копеек дороже прежних.

Добро пожаловать!

В живописном уголке построен новый прекрасный санаторий. В его светлых, просторных корпусах одновременно смогут отдыхать 420 человек и примерно столько же — по путевкам.

В мире мудрых мыслей

В народе говорят: «В двадцать лет ума нет и не будет, в тридцать лет жены нет и не будет». Молодой ученый Е.Флячкин опроверг это утверждение: в двадцать лет у него появилась жена, а в тридцать — и ум.

Исчерпаемая игра

Если правым полушарием думать за себя, а левым — за соперника, можно сыграть вничью.

Новые обряды

Замечательный обычай получил прописку в селе Гнобобели. Юноша и девушка, желающие сочетаться браком, сначала знакомятся, встречаются, подают заявление, расписываются, играют свадьбу, а затем уж заводят детей.

Благодарность

Уважаемый гражданин заведующий! Разрешите выразить вам искреннюю благодарность за исключительно теплое, заботливое нестандартное письмо № 7985603/17-рц-24375-исх.

Заявление

В связи с тем, что при разводе жена забрала себе всех детей, остальное совместно нажитое имущество прошу присудить мне.

Юридическая справка

Если проситель преподнес вам деньги или другой ценный подарок, а вы не удовлетворили его просьбу, то такое подношение следует считать бескорыстным подарком, но отнюдь не взяткой.

Объявление

Отдыхающий Ложкин из Свердловска! У кассы пляжа вас ожидает жена из Мытищ.

Городские новости

В городе Нечаеве на АТС установлено современное оборудование, которое позволит улучшить обслуживание граждан. Если нужный вам номер занят, автоматически включается любой свободный номер.

Данил РУДЫЙ

Объявление

Для работы в джазе требуются певцы типа «йе-йе» — 2 чел., типа «па-ра-па-па-ра» — 1 чел., типа «ля-ба-дя-ба-дя» — 2 чел.

Как самому построить пирамиду Хеопса

Возьмите 2—3 миллиона каменных блоков весом по 10 тонн каждый. Сложите их аккуратной горкой. А теперь отойдите на 5—6 километров и полюбуйте законченной работой. Невольная гордость охватит вас, когда вы увидите творение своих рук

Жаркое лето

57 младенцев принес за лето аист Митька, базирующийся в одном из сел Брянщины. Это на 11 младенцев больше, чем соответствующий показатель аиста Саньки за 1979 год.

Клад находит владельца

Евдокия Свиридова, обшаривая, как обычно, подкладку пиджака своего мужа, обнаружила там незаприходованные 6 рублей. В соответствии с существующим законодательством Евдокия выдала мужу 25 процентов находки, а остальное обратила в доход семьи.

Новое о «крылатых фразах»

Удалось установить, что фразу «после нас хоть потоп» независимо от Людовика XIV произнес на днях в квартире № 27 по Новолесной улице слесарь-сантехник Титков. Приятно отметить, что в отличие от самодура и кровопийцы Людовика Титков не остался голословным.

Знаете ли вы, что...

...Семен Вставкин не читает книг, газет и журналов? Таким образом за тридцать лет он сберег жизнь 53 деревьев.

Ратмир ТУМАНОВСКИЙ

Фразы

Смежная профессия помогает делать не свое дело.

Развалины сначала создают, а потом охраняют.

Ст. АФАНАСЬЕВ

Когда сценарий пишут двое, один из них обязательно автор.

Это был фильм, который до шестнадцати лет смотреть не разрешалось, а после шестнадцати — не хотелось.

Уважай старость — это твое будущее.

Трудно отдавать должное человеку, если ты брал у него займы.

Быть настойчивым ему мешало только упрямство.

Не позволяй плохим людям тебя обманывать — вокруг столько хороших.

Если человеку ничего не надо, значит, у него чего-то не хватает.

Если существуют домашние хозяйки, значит, где-то должны быть и дикие.

Чтобы не понимать Шекспира, надо быть Львом Толстым.

В наше время воспитанного человека можно встретить везде, даже среди образованных.

Нашел свое место в жизни — жди, когда оно освободится.

Михаил ГЕНИН

Вся беда в том, что у положительных людей больше отрицательных эмоций.

Точность — вежливость королей. А мы люди простые.

Здоровье у нас одно, а болезней много.

Краткость в романе была, но не хватало ее брата.

Олег ДОНСКОЙ

Ум берет один барьер за другим, глупость вообще не знает преград.

Владимир ЛЕБЕДЕВ

Откуда такой грохот? Каждый кует свое счастье.

Научен горьким опытом — научи товарища.

Многие принимали ванну. Но гениально ее принял только один.

Почему выходным называют день, когда люди не выходят на работу?

Если каждому — свое, кому же достанется чужое?

Не надо оправдывать доверие. Оно ни в чем не виновато.

Владимир КОЛЕЧИЦКИЙ

Самое свободное — это падение.

Александр КУЛИЧ

Цветное телевидение внесло в старые передачи новые краски.

Делить шкуру неубитого медведя надо поровну.

Как часто точка зрения не совпадает с точкой опоры!

Геннадий МАЛКИН

Как хочется порой помочь тем, кому нечего делать!

Сергей ПОПОВ

Писателя надо любить! Когда любишь, многое прощаешь.

Брак по расчету может быть счастливым, если расчет сделан правильно.

Если просят войти в положение, значит, оно незавидное.

Победителей не судят, и они этим часто пользуются.

Анатолий РАС

Для того чтобы считаться другом человека, мало быть собакой.

Изобретение — это новшество, уцелевшее при внедрении.

Все средства хороши, кроме безналичных.

Мир — сцена, люди — актеры, а зрителей опять нет.

Никто не стремится в лучший мир — все довольствуются тем, что есть.

Данил РУДЫЙ

В спорах рождаются спорные истины.

Не в деньгах счастье, но что-то такое в них все-таки есть.

Под влиянием среды сатирик превратился в юмориста.

Мы уже взяли столько милостей от природы, что вернуть их — наша задача.

Только при жизни удастся быть вполне бессмертным.

Если я знаю только то, что ничего не знаю, следует ли мне повышать уровень своих знаний?

Среди писателей господствуют Дон Кихоты и Санчо Пансы, но не Сервантесы.

Ума хватает только на то, чтобы помалкивать.

Женщина должна знать все. Но не больше!

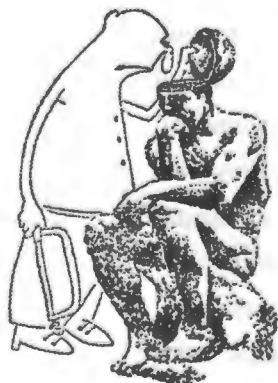
Мышление — процесс подсознательный. Оно замирает, как только о нем задумаешься.

Человек рожден свободным. И лишь потом он женится или выходит замуж.

Ратмир ТУМАНОВСКИЙ

Толковая женщина даже из обезьяны может сделать человека.

Светлана ТУМАНОВСКАЯ

Вопросы — ребрами

Куда девались девушки, которые начинают прятаться, как только к ним приходят свататься?

Может ли быть настоящим шестое чувство?

До свадьбы за билеты в театр должен платить жених. А кто после?

Если есть лечащие врачи, значит, наверное, есть и нелечащие?

Может ли непризнанный талант стать непризнанным гением?

Неужели первый не может хорошо смеяться?

Почему совесть говорит, когда ее никто об этом не просит?

Анатолий РАС

АШИПКИ

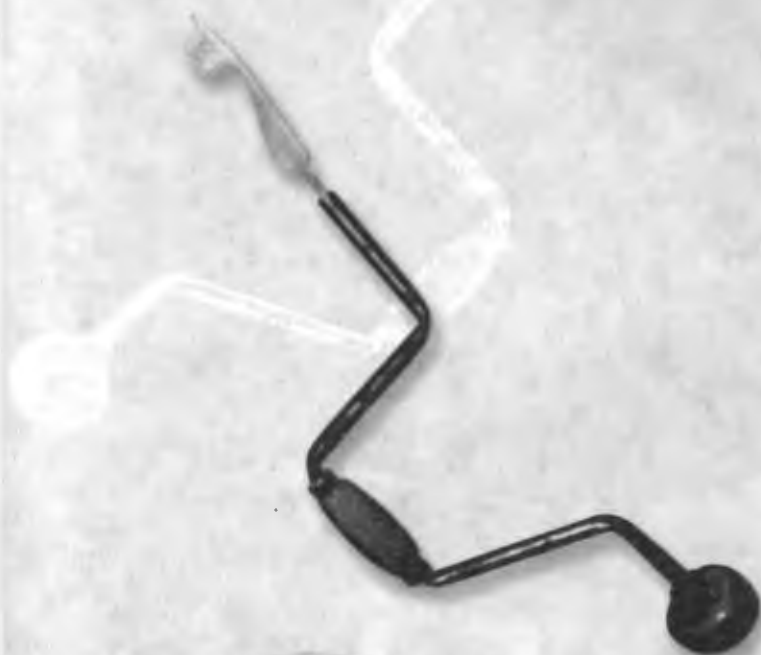
Авось и ныне там
Бальзамовский возраст
Беглые стихи
Безблатная путевка
Безопасная братва
Вверх кармашками
Взятки сладки
Ветхий совет
Вещная любовь
Второй муж окладистее первого
Голодная закуска
Графоманные пластинки
Губитель-рыболов
Двоюродный блат
Для обвода глаз
Днем согнем
Долг платежом страшен
Дома и сцены помогают
Дружок — умелые руки
Доходное тесто
Заказчику — первый кнут
Канцплощадка
Классная тоска
Лавровый веник
Лиха беда настала
Молчание — болото

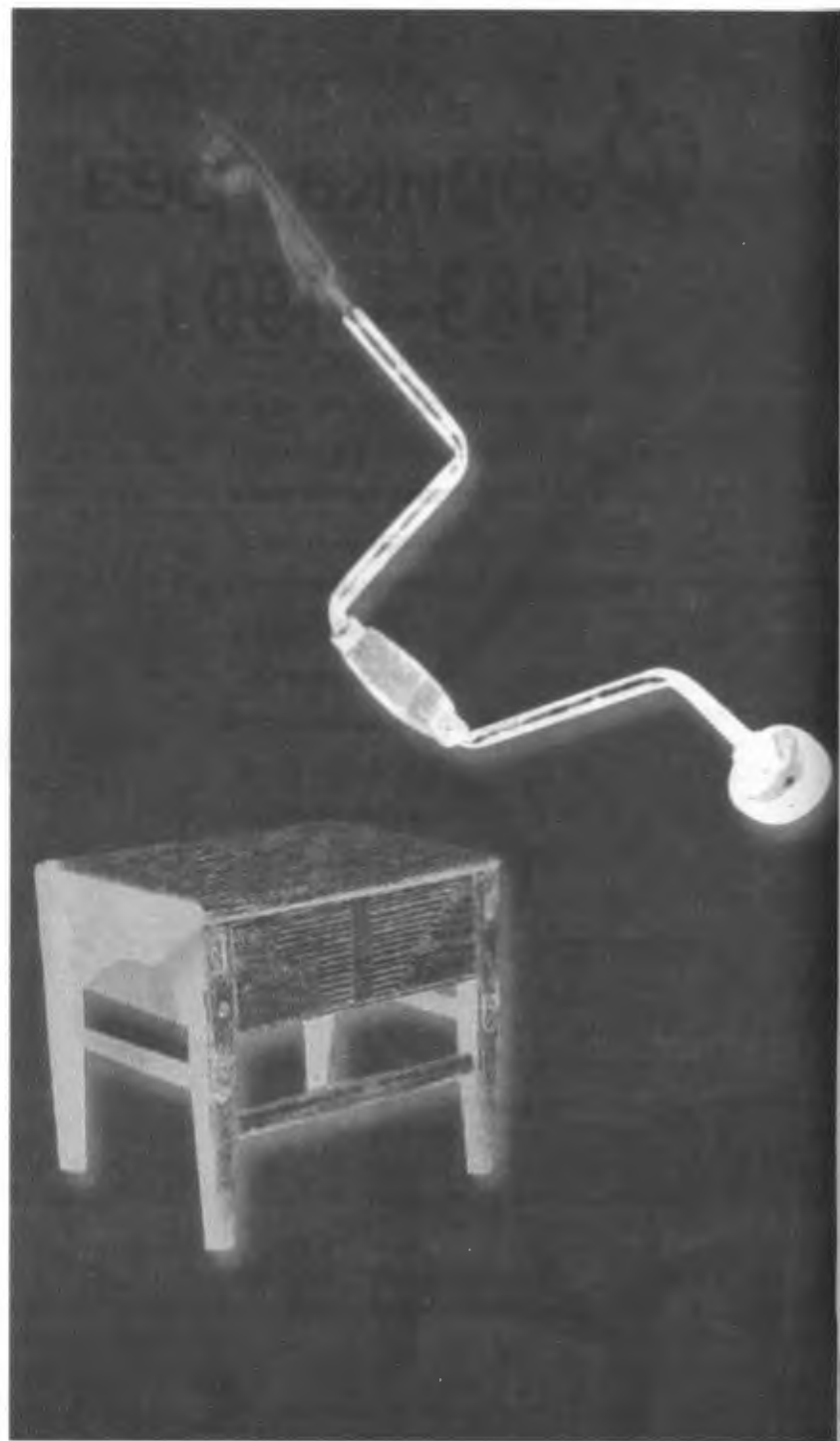
Мелкий бас
Настоящий талант и сам прибьется
Нахально-инструментальный ансамбль
Невеселье
Немногославный человек
Не раз деленная любовь
Он из тех, кто делает по году
Пока пишу — надеюсь
Сватопредставление
Сливки 20-процентной жидкости
Счастливые весов не наблюдают
Тестолюбивая натура
Торговая дочка
Убожественный фильм
Частолубец
Чин чином вышибают
Честная собственность

Составил Степан ЧУПРУНОВ

Фабрика грез 1983—1991

Владимир Альбинин

Выскачка

— Товарищи! В этом году мы объявили решительный бой всякого рода припискам и очковтирательству, и сегодня уже пора доложить собравшимся о наших успехах... С кого начнем? Давай, Семеныч! Встань, доложи... Товарищи, тише, овощеводы докладывают!

— Ну, что сказать?... В текущем году мы еще, конечно, не до конца изжили наши пороки! Врать не буду. Картофеля все же приписали двести сорок девять тонн. Но тут у нас, сами видите, сдвиг заметный. В прошлом-то приписали триста пятьдесят! А вот капусту убрать не успели, вся ушла под снег. Но колхоз не подвели, от обязательств не отреклись. Разрешите заверить... Впредь учтем! У меня все.

— Да, Егор Семенович, не порадовал! Город без закуски оставил, а отчитался, подлец, как герой. Ну, с тобой все ясно! Давайте заслушаем теперь строителей. Говори, Орлов, что там у тебя?

— В прошлом году сдали два коровника, а отчитались, виноват, за четыре. Силосную башню опять же показали как завершенную, а фактически не приступали. Зато сегодняшний год — сдали три жилых дома под ключ...

— Тише, товарищи, я сам его спрошу... Значит, говоришь, «под ключ»? А почему народ не заселяет объекты?

— Я не договорил. Сдали, говорю, под ключ. Ключ у меня в кармане. Второй у сторожа. А то ведь растащат все к чертям, глаз да глаз, как враги, ей-богу! Кого поймаю с унитазом, не обижайтесь, прямо в нем и утоплю.

На тридцать квартир уже семьдесят штук завезли — тащат и тащат... Ну, двери, рамы, плитка — это хоть понятно. А эти... Честно говорю — кого поймаю...

— Сядь, Орлов, тебя заклинило. Я сам доложу... Значит, так. Все три дома мы сдали под ключ, который оказался у прораба в кармане... то есть опять липа! Да мы тебя самого, Орлов, утопим, знаешь в чем, если не бросишь враты!.. Да сядь ты, не мешай собранию!

Я предлагаю заслушать школу и ограничиться... Нет возражений? Ну, слушаем, школа, что там у тебя?

— А мы уже победили всю липу! Но это оказалась пиррова победа...

— Вы тут не в школе, выражайтесь яснее...

— Куда ж яснее? В прошлом году мы показали в бумагах тысячу двести ребят, так? А было — триста! Фонд зарплаты делили между собой. И завхоз был, и на дрова хватало... Из всех школ учителя в город бегут, а от двух городских еле отбились... А теперь написали как есть. В рожу крик подняли: «Куда детей подевал, душегуб?!» Штаты срезали. И сняли бы, да сюда теперь никто ехать не хочет, дрова на себе возить.

— Ох ты, школа! Зачем же так резко? Надо, конечно, бороться с приписками, не спорю! Но зачем же в один день? Это тебе не временная кампания, не аврал, а работа на долгие годы. Орлов, значит, лопух, Семеныч — злодей... А у них люди, между прочим, премии получили, детям гостинцев накупили! А у тебя слезы одни. Нельзя так... Товарищи, ко всем обращаюсь: так нельзя! Объяснили бой припискам — надо его вести по всем правилам. Постепенно... Эх ты, школа! Кому детей доверяем?!

На этом закончим! А ты, школа, давай останься. Плянь сюда: тройка на что у нас похожа? На восьмерку? Соображаешь, когда хочешь! Молодец! Поправь... Вот так! Скажи — ошибся, без очков не разглядел. Восемьсот у тебя учеников. Понял? Я подтверждаю. И гляди у меня!.. Ну, будь! Меня в область вызывают с докладом. Может, наградят? Похоже на то.

Тридцать восемь лет Леня Козлович

честно прожил в коммунальной квартире на двадцать пять человек. Леня привык и соседям, к удобствам, которых не было, и к своей комнате площадью 22 не очень-то квадратных метра, такая она была вытянутая, коридорчиком, — зато как просторно под высоким лепным потолком!

Жильцы на все шли ради отдельной квартиры: фиктивно женились, разводились, съезжались, менялись, азартно рожали детей, прописывали умерших, укрывали живых. А Леня с детства был недотепой, фиктивно жить не умел. Женился, родил себе девочку — все, что он мог.

И вот наконец дом пошел под капитальный ремонт. Людей расселяли в отдельные совершенно квартиры со всеми удобствами.

В понедельник Леня, радостный, как предпраздничный день, явился по адресу, указанному в открытке.

У комнаты номер 16 была небольшая очередь. Принимал инспектор Чудоев М.П. Его имя произносили уважительно, выговаривая каждую букву: Максим Петрович

Дождавшись очереди, Леня постучал и вошел. Максим Петрович был чудовищно хорош в черном костюме, зеленой рубашке и синем галстуке. То ли он любил рискованные сочетания, модные в этом сезоне за рубежом, то ли был начисто лишен вкуса, что мог себе позволить в силу занимаемой должности.

Небольшие карие глазки его косили так, что встретиться с Максимом Петровичем глазами практически было невозможно. То есть посетитель видел Чудоева, а вот видел ли Чудоев посетителя — поручиться было нельзя!

Леня выложил на стол справки и спросил:

— Скажите, пожалуйста, на что мы можем рассчитывать?

Максим Петрович разложил пасьянс из мятых справок и сказал:

— Согласно закону получите двухкомнатную квартиру в районе новостроек!

Леня и сам знал, что положено согласно закону, но, как известно, закон у нас один на всех, а нас очень много, поэтому закона на всех не хватает. И тот, кто бойчей, своего не упустит, чье бы оно ни было!

Но шанс — шанс есть у каждого.

И, подмигнув двумя глазами, Леня, как ему показалось, интимно шепнул:

— Знаю, что нельзя, но смерть как охота... трехкомнатную!

Максим Петрович развел глаза в стороны и сказал:

— Я бы с радостью, но вы же знаете сами! Если бы вы были матерью-героиней, академиком или хотя бы идиотом со справкой, то, естественно, имели бы право на дополнительную жилплощадь, а если вы нормальный человек — увы.

И тут Леня выплеснул из себя фразу, бессмысленную до гениальности:

— Максим Петрович! Размеры моей благодарности будут безграничны в пределах разумного!

Максим Петрович перестал на миг косить и, показав Лене глаза, которые оказались не карими, а зелеными, прошелестел одними губами:

— Зайдите в четверг после трех! И не забудьте размеры границ!

Дома, сидя за столом и тряся над борщом перочницу, Леня сказал жене:

— Люсь, падай в обморок! Я, кажется, выбил трехкомнатную!

Люся, как по команде «Воздух!», рухнула на пол и, припав к ногам мужа, заголосила:

— Ленчик! Миленький! Положена двухкомнатная — будем жить! Раз ты что-то задумал — и однокомнатной нам не дадут! У тебя легкая рука, вспомни! Из ничего — бац, и беда.

— Цыц! — Леня треснул по столу вилкой. — Цыц, любимая! Сначала послушай, в потом убивайся! Тут все чисто! Ну, придется немного дать! Но иначе никогда нам не видать трехкомнатной!

— А ты что ему пообещал? — спросила жена.

Леня поворошил вилкой тушеную капусту:

— Я ему тонко намекнул.

Люся села:

— Господи! Тогда в трамвае тонко намекнул — и чуть не убили! На что ты мог намекнуть ему, несчастный?!

Леня наморщил лоб, вспоминая неповторимую фразу:

— Я сказал: «Размеры моей благодарности будут безграничны в пределах разумного!» Неплохо сказано, да?

Люся застонала:

— Переведи с идиотского на русский! Сколько это в рублях?

Леня сказал:

— А я откуда знаю?! Сколько у меня на книжке?

— Осталось сто семь рублей тридцать копеек!

— Значит, столько и получит!

Люся заплакала:

— Ленчик! Тебя посадят! Ты не умеешь давать! Тебя возьмут еще в лифте, в автобусе! А за дачу взятки — от трех до восьми лет! Значит, тебе дадут десять! Ленчик, на кого ж ты нас бросаешь?! Ты никогда в жизни не мог ни дать, ни взять! Вспомни дубленку, которую ты мне достал за двести пятьдесят рублей! Этот кошмарный, покушенный молью или собаками тулуп, который еле продали через год за сорок рублей вместе с диваном! А сметана, которую Коля вынес нам с молокозавода?! Ты ее тут же разлил в проходной под ноги народному контролю! Тебя чуть не посадили, списав на тебя все, что с молокозавода вынесли! Теперь непременно посадят!

Люся снова упала на колени. Леня опустился рядом:

— Ну, а что делать? Посоветуй, если ты такая умная.

Они сидели на полу обнявшись и молчали.

— А что если... — Люся медленно поднялась с пола. — Все в конвертах дают? Так вот, вместо денег сунь туда сложенную газету и отдай конверт только после того, как получишь ордер! И беги! У тебя второй разряд по лыжам? Вот и беги! Не станет же он орать, что взятку ему недодали! А когда ничем не рискуешь, можно и рискнуть!

Леня чмокнул жену в щеку:

— Молодец, Людка! Соображаешь, когда не реवेशь! Номер экстракласса! За трехкомнатную — «Советский спорт»!

За ночь Люся на всякий случай приготовила три конверта с газетой, сложенной под взятку.

На следующий день Леня ровно после трех стучал в кабинет.

— Проходите! Садитесь! — сказал Максим Петрович, доброжелательно кося глазами.

Легко сказать — «садитесь»! Наверно, летчику легче было ночью посадить самолет с отказавшим мотором, чем бедному Лене попасть задом на сиденье стула. Наконец посадка была завершена.

Максим Петрович достал из папки бумагу, потряс ею в воздухе:

— Поздравляю! Вопрос решен положительно! Три комнаты! Осталось подписать у Новожилова — и все!

— Максим Петрович, вы бы уж подписали... и тогда размер моих границ... не имел бы никакой благодарности!

Максим Петрович, улыбнувшись, кивнул и вышел. Через минуту вернулся и помахал перед носом у Лени подписанным, вкусно пахнущим ордером. Там было написано: «Трехкомнатная». Леню потянуло за ордером, но Максим Петрович изумленно глянул в ящик стола, потом на Леню, как бы прикидывая, войдет Леня в ящик или не войдет. Леня выхватил ордер, бросил в ящик пухлый конверт и, быстренько пятясь к дверям, бормотал:

— Большое спасибо! Заходите еще!

От радости, что все позади, Леня глупо улыбался и все пытался выйти в ту половину двери, которая была закрыта, и тут двое молодых людей подхватили его под руки, лихо предъявили удостоверение работников ОБХСС и хором сказали:

— Ни с места!

Широко улыбаясь, старший из них ласково поманил людей из очереди:

— Товарищи, можно вас?! Будете понятыми. Подтвердите дачу взятки!

Младший оперативник открыл ящик и достал оттуда конверт:

— Ваш?

Леня кивнул, голова Максима Петровича отчаянно замоталась из стороны в сторону, словно увертывалась от петли. Старший жестом профессионального фокусника засучил рукава, дабы все убедились, что в рукавах у него ничего нет, и, ловко вскрыв конверт, бережно достал аккуратно сложенный «Советский спорт». Подмигнув понятым, как бы намекая на то, что фокус еще впереди, он начал нежно разворачивать газетный лист. Понятые,

распахнув рты, с огоньком лотой справедливости в глазах ждали финала. Ничто не делает нас такими честными, как чужое преступление! Наконец газета была возвращена в два полных печатных листа. Работник ОБХСС, не сняв улыбки, оглядел газету с обеих сторон, ударил бумагу ладонью и начал трясти. Надеюсь, что посыплются денежки. Увы! Фокус не удался!

— Синицын, чтоб я сгорел, это «Советский спорт»! — сделал он тогда смелый вывод.

Максим Петрович, для которого этот вывод был, наверное, еще более неожиданным, чем для остальных, недоверчиво потрогал газету рукой. Ущипнул себя. Работника ОБХСС. И к нему вернулся дар речи:

— Естественно, это «Советский спорт»! А что, по-вашему, там должно быть? Вот интервью с Дасаевым! Я с детства мечтал его прочесть! И товарищ любезно принес, как мы с ним и договорились!

Младший работник ОБХСС с лицом человека, похоронившего за день всех родственников, машинально сложил газету, сунул в конверт и бросил обратно в ящик стола. В глазах его стояли слезы.

А Максим Петрович бросился к Лене и долго тряс его руку:

— Спасибо за газету! Даже не знаю, как вас благодарить! Просто не представляю, как бы я жил без этой газеты!

Леня сказал:

— У меня журнал «Здоровье» есть! Принести?

— Нет, нет! Это уже статья, правда, товарищи? Да, возьмите конверт, а то подумают, что я с посетителей конверты беру!

Максим Петрович сунул конверт из ящика обратно Лене в карман.

— Ну, вы жук! — старший сотрудник, погрозил Максиму Петровичу пальцем.

— Все свободны, хотя, конечно, жаль!

Наконец Леня выбрался из проклятого кабинета и помчался домой. Влетев в комнату, не раздеваясь, Леня схватил жену в охапку и закружил по комнате:

— Люська! Трехкомнатная! Держи, — он царственным жестом протянул ордер.

Прочитав текст, Люська заплакала:

— Любименький! И нам повезло наконец! Господи! Такая удача, и ты на свободе! Садись кушать, радость моя!

Леня уплетал обжигающий борщ и, давась, рассказывал, как все было:

— И представляешь, жук говорит: «Чтоб ничего не подумали, я возвращаю вам конверт!» — Леня бросил на стол мятый конверт. Люся подмяла его, и вдруг оттуда посыпались песочного цвета ассигнации. Сторублевки. Десять штук.

— Ленечка, это тысяча рублей! Ты кого-то нечаянно убил? — Люся приготовилась плакать.

Леня медленно лил борщ из ложки на брюки.

— Может, это инспектор тебе взятку дал за то, что ты его спас?!

— погоди, Люсь, погоди! Вот, значит, как оно! У него в ящике лежала чья-то взятка в таком же конверте! Он побоялся, что станут искать, и сунул конверт мне в карман! Вот сволочь!.. Не отдам! Это на новоселье от ОБХСС!

— Ленчик! — Люся привычно опустила на колени. — Верни! Узнают, что ты трехкомнатную получил и за это взятку взял! В законе еще статьи для тебя не придумали!

— Не отдам! — Леня смотрел на жену исподлобья. — В кои-то веки мне дали взятку! Когда я еще получу! Не все взятки давать нечестным людям, пора уж и честным давать!

— Ой, Ленчик, не гонись за длинным рублем — дорожке выйдет!

К утру Люся убедила мужа, что не в деньгах счастье. Квартира трехкомнатная с неба свалилась, и не надо гневить Боженьку!

В конце дня Леня вошел в кабинет Максима Петровича и сказал:

— Возвращаю вам конверт. Нас дешево не купишь!

Максим Петрович, воровато закосив глаза за спину, протянул руку. В тот же миг в кабинет откуда-то сверху впрыгнули два человека, дышавших так тяжело, будто они сутки гнались друг за другом. Это были все те же работники ОБХСС. Лица их были по-ребячьи радостны и чумазы. Фокус таки удался!

Старший сказал:

— Попрошу вас конверт и ордер, дорогие товарищи!

Леня съежился. Старший дрожащими руками открыл конверт, затряс им в воздухе. Максим Петрович упал в кресло. Леня зажмурился. Тяжкий стон заставил его открыть глаза. Из конверта выпадал «Советский спорт»...

У работников ОБХСС было такое выражение лица... выражение даже не лица, а черт знает чего! Максим Петрович окосел окончательно. Его глаза смотрели уже не наискось, а вовнутрь! И тут Леня начал смеяться.

Прогнувшись пополам, держась за живот, Леня хохотал. Он-то понял, в чем дело! По рассеянности он взял вместо конверта с деньгами тот запасной конверт с газетой, который Люся приготовила в прошлый раз.

Леня смеялся как ненормальный.

Выходит, конверт с тысячей, который лежал рядом, он по ошибке вместо конверта с газетой бросил утром в мусоропровод! Вот повезло так повезло! Правильно же все время говорил Люське: «Со мной не пропадешь!»

Леня поднял с пола «Советский спорт» и сказал:

— Успокойтесь, товарищи! У меня еще один экземпляр есть. — Он вытащил из кармана свежий «Советский спорт». — Держите. Вот вам и вам. Читайте на здоровье! А то из-за одной несчастной газеты бог знает что устроили!

Если человек родился под счастливой звездой — это надолго.

Александр

Аркадий Арканов

«Соломон» и сознание

Ненаучная фантастика

Вот уже больше сорока лет

эта странная карликовая планетка находилась под контролем Земли.

Одиннадцать наместников один за другим отправлялись с Земли на эту планетку, и все одиннадцать один за другим были отозваны как несправившиеся...

В конце концов на Земле сконструировали электронного наместника, заложили в его устройство всеобъемлющую мудрость, убийственную логику, способность к дальнейшему анализу и глобальному синтезу, дали за эти качества библейское имя «Соломон» и транспортировали на странную планетку...

По сути дела, это была не просто планетка, а планетка-предприятие со всеми вытекающими отсюда последствиями. И здесь уже много лет подряд создавали нечто обещающее и абсолютно засекреченное под кодовым названием «паблосуржик».

Никто на планетке не знал, что такое паблосуржик. Одни говорили, что это важная деталь к еще более важной детали... Другие считали, что это одна из форм восстановления лица по черепу... Третьи были убеждены, что это новые секретные образцы долголетия, но никому об этом не говорили. Однако все были уверены, что паблосуржик — это что-то необходимое и розовое и что создавать его надо засучив рукава, всем коллективом, догоняя передовых, подтягивая отстающих, рука об руку, нос к носу... Об этом же каждый день писала и местная газета...

И к вечеру, прочтя газеты, все уходило с работы с сознанием того, что розовый паблосуржик стал на день ближе, на день реальнее. И все понимали, что живые предшественники «Соломона» были не правы. «Конечно, не правы, — писала местная газета, — а как же они могли быть правы, когда они были не правы?» Это было убедительно и толкало всех к новым успехам.

Поэтому неудивительно, что «Соломон» застал планетку на «новом небывалом подъеме» (как писала местная газета). Иными словами все надо было начинать сначала...

«Самое главное — пробудить инициативу и самосознание, — решил «Соломон». — А для этого нельзя позволять им соглашаться со мной по каждому поводу».

И для пробы на первом же митинге «Соломон» заявил собравшимся, что он круглый идиот. Больше в этот день он ничего не мог сказать, потому что грянула овация, которая до сих пор еще громыкает...

На следующий день «Соломон» собрал начальников отсеков и заявил, что он не любит оваций...

— Он не любит оваций!.. Он не любит оваций! — восхищенно сказали начальники отсеков и созвали стихийный митинг.

— Не лю-бит о-ва-ций! Не лю-бит о-ва-ций! — скандировали все. Вспыхнула овация, от которой у «Соломона» к вечеру разболелась голова с электронным мозгом.

И вдруг «Соломон» понял, почему паблосуржик до сих пор не построен. Ведь они же все время митингуют!..

И на следующий день он заявил на общем собрании:

— Меньше оваций — больше дела!

От разразившейся в ответ овации у «Соломона» чуть не лопнули предохранительные перепонки, а сама планетка едва-едва не развалилась.

Всю субботу и целое воскресенье «Соломон» ломал свою железную голову над тем, как же пробудить в них то самое самосознание... Удивительное дело: он назвал себя круглым идиотом, а они не только согласились, но еще и обрадовались.

И тогда «Соломон» решил пойти на риск. Он будет давать такие дурацкие указания, которым даже табуретка должна воспротивиться.

В понедельник он сказал начальникам отсеков:

— Главное в строительстве паблосуржика — это обеспечить брынзовелость!..

Начальники одобрительно закивали головами.

— Это правильно! — сказал один из них.

— До сих пор мы закрывали глаза на брынзовелость, а это объективный фактор, — сказал другой, — и с ним надо считаться!..

— Надо объявить кампанию за стопроцентную брынзовелость! — сказал третий.

— Подумайте над тем, что я вам сказал, — обратился «Соломон» к начальникам, — примите меры и завтра доложите!

Когда наступил вечер, «Соломон» с ужасом увидел, что вся планета иллюминирована и разукрашена...

«ЗА СТОПРОЦЕНТНУЮ БРЫНЗОВЕЛОСТЬ» — кричали неоновые буквы.

«А ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ БРЫНЗОВЕЛОСТИ?» — кричали размалеванные плакаты.

«БРЫНЗОВЕЛОСТЬ ПРИБЛИЖАЕТ ПАБЛОСУРЖИК!» — гласила местная газета.

А в универсальном магазине в отделе подарков продавали эстампы с видами «Соломона» по 5 руб. 30 коп. за штуку (в переводе на наши деньги).

«Ага!» — подумал «Соломон». — Вот тут-то и попались!...

И во вторник он выступил на общем собрании.

— Брынзовелость — это чушь! — кричал он. — Это глупость, которую я выдумал! И среди вас есть такие, которые поднимают на щит любую сказанную мной глупость!.. А где ваше самосознание?

— Это правильно! — выступил первый начальник. — Еще вчера мы закрывали глаза на то, что брынзовелость — это чушь. Что греха таить... Недооценивали...

— То, что брынзовелость чушь — это объективный фактор, — выступил другой начальник, — и с ним надо считаться!..

— Надо объявить кампанию за уничтожение стопроцентной брынзовелости! — выступил третий начальник...

Вчерашнее ликование перманентно переросло в сегодняшнее:

«БРЫНЗОВЕЛОСТЬ ЭТО ЧУШЬ» — кричали неоновые буквы.

«А ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ БРЫНЗОВЕЛОСТИ?» — орали размалеванные плакаты.

«БРЫНЗОВЕЛОСТЬ НЕ ПРИБЛИЖАЕТ ПАБЛОСУРЖИК!» — гласила местная газета.

А в универсальном магазине в отделе подарков эстампы с видами «Соломона» подорожали на 40 коп. (в переводе на наши деньги). Среду планетка встречала «небывалым подъемом».

С утра у «Соломона» поднялось электронное давление... Еще бы! Всю ночь он искал способ вызвать разум-

ное неповиновение себе и к утру, как ему показалось, нашел...

Он снова вызвал к себе начальников отсеков и зачитал приказ:

«Уволить с предприятия всех синеглазых блондинов по статье 477 в».

— Наконец-то, — сказал первый начальник. — Раньше мы на них закрывали глаза...

— Синеглазые блондины — это объективный фактор, — сказал второй.

— Надо объявить кампанию, — согласился третий.

«Соломон» повысил голос:

— Почему вы не спрашиваете меня, за что?..

— Значит, так надо, — отчеканили все трое.

— Я уволил их, — закричал «Соломон», — за то, что никто из них ни разу не прогулял!

— Правильно! — сказали начальники отсеков. — Раз их уволили за то, что они ни разу не прогуляли, значит, на нашей планетке не было и нет прогульщиков!..

«Соломон» вышел из себя. Он был раскален:

— Но ведь это абсурд!

— Да. Раньше мы как-то закрывали глаза на абсурд, — бесстрастно сказал первый.

— Абсурд — это объективный фактор, — поддакнул второй.

— Надо объявить кампанию за стопроцентный абсурд, — убежденно высказался третий...

От негодования и изумления у «Соломона» отнялась вторая сигнальная система. Он почувствовал себя настолько плохо, что немедленно уехал домой и лег на техосмотр.

Четверг был объявлен нерабочим днем по случаю отсутствия на планетке прогульщиков.

А в универсальном магазине в отделе подарков эстампы с видами «Соломона» подорожали еще на 40 коп. (в переводе на наши деньги).

Последний удар «Соломон» получил в пятницу, когда прочел в местных газетах, что под его руководством план строительства паблосуржика перевыполнен на 453 процента.

Получалась поразительная картина: по плану строительство паблосуржика должно было закончиться в 2965 году. А по местной газете, предприятие строило пабло-

суржик уже «в счет 2981 года». Напрягая последние силы, «Соломон» написал на Землю, что все на этой планетке — липа. Подъем — развал. Плюс 453 процента — это минус 453 процента. Паблосуржик — в самом зачаточном состоянии. Начальников отсеков следует немедленно уволить. «Соломон» хотел поставить свою подпись, но в этот момент с ним произошло то, что в некрологах называется «скоропостижно и безвременно»...

Когда на Земле получили письмо «Соломона», то решили, что он что-то перемудрил, и освободили его от занимаемой должности «в связи с переходом в другое состояние».

Неизвестно, кто был следующим и что было потом...

Известно только, что больше всех на этой странной планетке переживали работники отдела подарков из универсального магазина.

Шутка ли? Склады были завалены эстампами с видами «Соломона», и никто не знал, по какой цене их продавать завтра...

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

Зануда

— **А**-а! — радостно вскричал я,

неожиданно встретив своего школьного одноклассника Тарарина в угловом гастрономе. — Сколько лет, сколько зим!

— Минутку, сейчас я скажу тебе точно, — сосредоточенно ответил Тарарин после дружеского рукопожатия. Он наморщил лоб и что-то напряженно подсчитывал, беззвучно шевеля губами. — Значит, так: последний раз мы виделись с тобой в июне 1974 года на выпускном вечере нашего класса. Стало быть, получается десять лет и одиннадцать зим. Под словом «лет» я, естественно, подразумеваю не исчисление годов, а слово «лето» во множественном числе родительного падежа. Ну, а ты как жив? Как здоровье?

— Здоров, как стадо коров! — ответил я.

— Слушай, старик, ты что-то путаешь, — возразил Тарарин. — Коровье стадо состоит из множества голов. У каждого животного своя собственная индивидуальная конституция, свои физиологические особенности. Возможно, что среди них есть и увечные особи, и неопознанные пока больные. Как же можно проводить параллель между твоим персональным физическим состоянием и обобщенным показателем здоровья разноликой массы домашних животных, да еще сильно отличающихся анатомическим строением и образом жизни от тебя, человека, который вдобавок, как известно, звучит гордо?!

Я восхищенно посмотрел на собеседника и воскликнул:

— Вот отрезал! Молодец, как соленый огурец!

— Ты меня удивляешь, — своим скрипучим тенором сказал Тарарин. — Во-первых, я ничего не отрезал, это сделал по моей просьбе продавец второй секции, — вот, погляди, пятьдесят граммов «любительской». А потом, объясни мне, каким образом примитивный овощ, лишенный разума, да еще и соленый, то есть насильственно умерщвленный при помощи водного раствора хлори-

стого натрия, этот жалкий огурец, жизненные клетки которого уже распались и не функционируют, может служить для тебя позитивным примером?

— А «молодец среди овец» можно сказать? — робко поинтересовался я.

— Тоже бессмыслица. Я живу в городе, к сельскому хозяйству не имею никакого отношения и никогда и нигде не появлялся в приписываемом мне тобой постыдном окружении. Ну да ладно. А как твои семейные дела?

— Мои? — погрустнел я (на это были основания). — Дела — как сажа бела...

— Постой, постой, — удивленно поморщился Тарарин. — Опять ты плетешь что-то не то. Пепел в камине, в печке или же от хорошей сигары еще относительно способен нести в себе интенсивные цветовые показатели, в той или иной степени приближающиеся к идеально белому, но обычно с чужеродным вкраплением отдельных мелких темных частиц. А вот сажа — продукт неполного сгорания углеродистых веществ — является эталоном истинного, максимально глубокого черного цвета! И вообще ты все время изъясняешься как-то странно, на манер Володьки Килькеева. Ведь вы с ним в школе всегда меня раздражали своими шуточками да прибауточками. Верно говорится: два сапога — пара.

Настал наконец момент моего торжества:

— Слушай, Тарарин. Один сапог — один?

— Да, — не почувствовав подвоха, ответил он.

— А два сапога — два?

— Разумеется.

— Так кому нужна эта нелепая тавтология? «Пара» ведь и значит «два», это знает любой школьник, получивший двойку и с грустью говорящий: «Сегодня схватил «пару» по алгебре». И потом, в твоей фразе есть насильственное двуязычное соединение. «Два» — это по-русски. А вот «пара» принадлежит к иной языковой группе. Помимо того, слово это имеет еще и другие значения. Например, в Югославии так называется мелкая монета, составляющая одну сотую динара. Этим же словом названо расширенное устье реки Токантинс в Бразилии, отделяющееся на западе островом Маражо от устья Амазонки. Так объясни же мне, какую «пару» ты имел в виду? Да к тому же еще если откинуть эту злосчастную идиому, то ты просто-напросто в завуалированной форме обозвал

нас с беззащитным Килькеевым «сапогами», что крайне обидно, поскольку сапог суть предмет неодушевленный, а человек, как ты правильно заметил, звучит гордо.

Тарарин долго молча смотрел на меня, что-то соображая. И вдруг его осенило, и он как бы мельком заметил:

— К слову сказать, во второй секции появились сосиски без целлофана.

Меня тут же как ветром сдуло, и мы никогда больше не встречались.

Повестка дня

— **Н**у, так какая у нас будет повестка дня?

- Повестка?.. Я думаю... м-мм... актуальная.
- Правильно думаешь! А конкретно?
- Конкретно?
- Конкретно, конкретно...
- Ну... Поднимем насущные вопросы...
- Правильно! Какие? Конкретно. Вопросы — какие?
- Конкретно? Ну, например, о дисциплине поднимем.
- Ну, допустим... О дисциплине. А еще?
- Еще... О качестве продукции.
- Та-ак. О качестве.
- Я думаю, не только о нашей продукции качестве, а может быть, и шире взять, а?
- Можно и шире. Давай шире!
- Я думаю, и вообще о качестве продукции можно поговорить. В масштабах всего предприятия. Можно?
- Мо-ожно!
- А в масштабах отрасли? Можно?
- Давай в масштабах! Еще о чем?
- Об элементарной бесхозяйственности еще.
- Правильно думаешь! А о неэлементарной?
- А как же! Как же без нее-то?! Поговорим!
- Давай! Пиши!
- Сейчас запишем. А вот, скажем, хозрасчет — важная тема?
- Важная.
- Нужно о ней говорить?
- Нужно! Давай!
- А полный хозрасчет?
- А полный — тем более. Давай про полный! Еще о чем?
- Еще об охране окружающей среды — раз, об экологии — два, об этом... о повороте рек надо поднять вопрос?
- Надо... Стоп! О повороте уже не надо.
- Почему не надо? Надо!

— Нет-нет, с реками поздно поднимать. Вопрос решен с реками.

— А поддержать решение — что, не надо?

— Поддержать? Надо.

— Ну вот и поддержим решение!

— Правильно. Поддержим. Что еще на повестке дня?

— Еще? О подборе и расстановке кадров, о кумовстве, об использовании служебного положения в корыстных целях, о бюрократизме — сколько можно терпеть! — надо поговорить?

— Надо!

— Дальше пошли. Воровство, хищения, взятки — а с несудами долго еще будем нянчиться, а? Надо об этом в масштабах...

— Надо. Пиши!

— А о серости в литературе — что, не надо?

— Надо!

— О комплиментарности, о словотворчестве, шумихе, парадности...

— О гласности не забудь.

— О гласности в первую очередь.

— Правильно! В первую. Пиши!

— Сейчас. Я еще вот думаю: футбол у нас хромает?

— Ну... За исключением...

— Правильно, за исключением. Но хромает! Надо, я спрашиваю, о футболе поговорить?

— Надо! И о хоккее надо.

— О хоккее в первую очередь. И об эстраде.

— И о цирке.

— И о торговле не забыть.

— А о бытовом обслуживании? Населения. У меня вон опять телевизор барахлит.

— Поговорим о телевизоре.

— И о телевидении запиши.

— И о кино.

— О театре.

— О теннисе — в первую очередь.

— О шахматах...

— О подвигах, о славе... Я думаю, обо всем поговорим.

— Обо всем!

— Все вопросы решим!

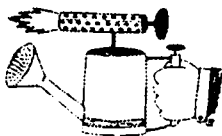
— Все!

— А уложимся? По времени? Уложимся?

- Уложимся!
- В обеденный перерыв?
- В обеденный!
- А если не успеем — после смены. Задержимся.
- Задержимся!
- И поговорим!
- Поговорим!
- Обо всем!
- Обо всем!
- И по домам!
- И по домам!
- Все?
- Все!
- Вопросов нет?
- Нет вопросов.
- Вот так и надо решать: конкретно, по-деловому, в духе времени.
- Пиши: «Повестка дня».
- Пишу: «Повестка дня».

Герман Дробиз

Письмецо от мамы

«Здравствуй, дорогой сынок,

хомяк сапиенс мой ненаглядный!

С горячим приветом к тебе твоя мать-природа. Давно хочу потолковать с тобой по душам — не выходит. Пробовала разговаривать, когда ты работаешь. Трактор твой рычит, экскаватор твой фырчит, ты меня не слышишь. А когда ты отдыхаешь, ты песни поешь — лучше я б тебя не слышала.

Потому и решила написать.

Обижаюсь на тебя, сынок. Никогда не поговоришь с матерью, подарка не подаришь, а ведь мне много не надо. Где раскопал — закопай, где накопил — проветри, где в ручейке машинку свою вымыл — не делай этого больше.

Но не столько обижаюсь, сколько душой за тебя скорблю.

Не бережешь ты, сынок, свое здоровье. Много дымишь. И пьешь много. И нет чтоб хрустальную воду родников моих — так ты гадость хлебаешь. Сточные воды. Каково материнскому сердцу видеть, как ты пьешь? А как ты питаешься! Ты же ешь в три раза больше, чем тебе надо. А ведь я тебе разум дала великий, а не желудок. Великий желудок я коровам дала. Так уж не путай, сынок, кто ты у меня. Вспомни, как сам про себя некогда сказал: «Мыслящий тростник». Что же теперь я вижу? Тростника среди тебя все гуще, а мыслящий — не в Красную ли книгу заносить? Думай же почаще, тростник ты мой, камыш ты мой, бамбук ты мой, палка ты моя лыжная!

Вспомни: мыслители всегда в глуши уединялись. А зачем? Затем, чтобы со мной с глазу на глаз посоветоваться. Вот и ты, если что задумал, но сомневаешься, посоветуйся с матерью, она тебе всегда правду скажет.

Ты приди скажи: «Мама, чего я решил: если кто тебя обидит — так непременно штрафовать, даже если начальник окажется. И непременно — из его кармана!» И я тебе сразу отвечу: «Давно пора».

Как ты сам некогда сказал: «Твори, выдумывай, пробуй!» Все пробуй, особенно что сам натворил. Только чего нет, того не выдумывай. И все будет хорошо. Ведь сколь могуч, сколь многообразен ты в лучших моих образцах, сынок, он же доченька моя!

Много детей у меня, сынок, но ты — самый-самый.

Любуюсь на тебя глазами озер моих, целую ветрами моими.

Береги себя, сынок, и меня береги. Семья у нас замечательная: и ты у меня вечен, и я у тебя бессмертна.

Пиши, не забывай.

Твоя природа-мать».

Леонид Зорин

Романтики

Они были созданы друг для друга,

и все это хорошо понимали. Казалось нелепым и несправедливым то, что никто их не познакомил, что они существуют на земле сепаратно.

Атасов был страстной, яркой натурой и сам называл себя «последним романтиком». И этого никто не оспаривал: все знали, что Атасов — романтик.

Он был дипломированным экономистом, но не работал по своей специальности, постоянно менял профессии. В узком кругу своих почитателей он иной раз начинал вспоминать, чем приходилось ему заниматься, но быстро сбивался — напрасный труд! Проще припомнить, кем он не был.

Изюминка, впрочем, была не в том, что он так легко тасовал занятия, — притягивали манера, стиль, лихая атасовская раскованность. То и дело он ввязывался в самые странные и авантюрные предприятия.

— Сегодня я здесь, а завтра я там. Я не желаю пускать корни. Не умею и не люблю. Отвратительны мне уют, очаг, свивание и устройство гнезда. Я вольная птица, — признавался Атасов. — Таким я на этот свет родился, таким на тот свет и улечу.

Этот поэтический образ приводил друзей в почти тельный трепет. Казалось, они отчетливо видели, как, мягко покачивая белыми крыльями, Атасов навек покидает землю, устремляясь за горизонт.

Чрезвычайно своеобразной личностью, столь же мятежной и романтической, была и Ада Васильевна Уткина — в высшей степени незаурядная женщина. Она преподавала сольфеджио, но эта деятельность была лишь ненужной, необязательной оболочкой.

И в Аде Васильевне сутью, основой, так сказать, станowym хребтом был опять же стиль, облик, образ, называйте это как вам угодно. Важно было не то, что в какой-то школе она ведет какой-то предмет, — важно было, как она себя проявляет в свободное от работы время.

Проявления же были непредсказуемы: она возникала неожиданно, исчезала внезапно и поступала самым удивительным образом.

Даже когда, идя навстречу пожеланиям окружающих, под звучный гитарный аккомпанемент низким голосом, с хрипотцой, выпевала какой-либо знойный куплет, она смотрела перед собой таким боковым немигающим взглядом, что малодушные лишь поеживались.

Своих поклонников держала она в черном теле, а если какой-нибудь калиф на час пробовал вдруг качать права, живо ставила его на место.

— Вы — моя прихоть, — говорила она.

Из чего было ясно, что этот калиф собственной ценности не имеет.

Впрочем, с тою же определенностью она сообщала свои впечатления и оценки едва знакомым людям.

Кто-то назвал ее загадочной. Она ответила:

— Я — свободная...

Чем привела всех в содрогание.

Все чаще в мужской среде раздавалось:

— Вот эта женщина для Атасова.

И дамы также, одна за другой, кто бодро, кто вынужденно соглашались:

— Атасов — вот мужчина для Уткиной.

Много раз активные добровольцы вознамеривались их свести, но каждый раз что-то мешало.

Являлся к общим знакомым Атасов — а Уткина в то самое время уходила на водных лыжах.

Являлась Уткина — но Атасов оказывался на поисках озера, которое высохло в пятом веке.

Был Атасов — Уткина плыла на байдарках.

Была Уткина — Атасов охотился на дикого кабана.

Один занимался подводным плаванием — другая обнаруживала страсть к скалолазанию: они повергали несчастных сватов то в уныние, то в отчаяние.

— Ну где же ваш Атасов? — бывало, осведомится, таинственно усмехнувшись, Уткина. — Опять в бегах? Что ж, не судьба.

— Так где же эта неуловимая Уткина? — порой оскаливался Атасов. — Никак не скажешь, что я береженный, а вот, однако ж, бог бережет.

И все-таки встреча произошла. Было в ней нечто детерминированное. Атасов вернулся из соляных копей, в

которых блуждал со спелеологами, а Уткина — из Сальских степей, где месяц жила на конезаводе.

Оба выглядели весьма импозантно. Он — в коже с эффектными заплатами, в грубых внушительных башмаках, тупорылых, на массивной подошве. Она — в камзоле из черного бархата, в лосинах, обтягивающих ее формы (Уткина была полновата), заправленных в сапоги с ботфортами, с буйными волосами до плеч. Если Атасов со лба до пят был выдублен современным ветром, то в Уткиной явственно ощущалось что-то давнее, хотя и знакомое — не то флибустьерское, не то мушкетерское.

— Вот он каков, знаменитый Атасов, — сказала Уткина со смутной улыбкой.

— Наконец я сподобился увидеть Уткину. — откликнулся мужественный Атасов.

А общество, на глазах у которого произошла эта волнующая, по-своему историческая встреча, буквально замерло в ожидании. Никто не дерзнул сказать ни слова, обозначить хоть шуткой свое присутствие. Когда сталкиваются два урагана, лучше не возникать на дороге.

Спустя самое короткое время, Ада Васильевна поднялась.

— Вы уже? — робко спросила хозяйка.

— Да, — ответила Уткина, — срок настал.

Направляясь к двери, не оборачиваясь, она бросила:

— Идемте, Атасов.

И они вместе ушли в ночь.

Когда Атасов поднялся к Уткиной (она пригласила его на чайку чая), он был приятно поражен. Квартира, которую Уткина называла мансардой, была ухоженной и уютной.

— Однако как у вас хорошо! — воскликнул он. — Я представлял себе ваше жилище совсем другим.

— Какой-нибудь пещерой? — засмеялась Уткина. — Ну нет. Здесь приют, мой тыл, мое пристанище и убежище, куда непосвященным нет хода. Здесь должно быть и тепло, и светло.

Эта декларация с ее эзотерическим пафосом произвела на Атасова впечатление. Он не мог не признать, что имеет дело с необычной, достойной его партнершей. К тому же было крайне приятно сидеть в глубоком вольтеровском кресле и неспешно потягивать чай с бисквитом.

— Смотрите прольете, — услышал он вдруг голос Уткиной и встrepенулся.

— По-моему, вы слегка задремали, — смеясь, сказала Ада Васильевна.

Атасов едва успел поставить чашку на столик. Он был смущен.

— Коварное кресло, — он развел руками. — Удивительно демобилизует.

— Вы просто устали, — сказала Уткина. — Ничего удивительного. Я тоже устала.

Покряхтывая, она стянула свои мушкетерские сапоги и с наслаждением вытянула натруженные ноги.

— Болит? — участливо спросил Атасов.

— Еще как, — кивнула Ада Васильевна. — Противные косточки, и вообще...

— Я вас понимаю, — сказал Атасов, — у самого остеохондроз.

— Ну, это добро я тоже имею. — Уткина махнула рукой. — А как вы его лечите?

— Да никак не лечу, — сказал Атасов, — советуют — иглоукалыванием.

— Не верю в него, — поморщилась Уткина. — У меня есть отличная растирка. Я вас разотру, и вам станет легче.

— Будет так мило с вашей стороны, — вздохнул Атасов. — Мне через месяц надо в горы идти, пропади они пропадом.

— Не говорите, — вздохнула Уткина, — самой предстоит этот чертов серфинг.

— Не любите? — понимающе спросил Атасов.

— Ненавижу, — проскрежетала Уткина. — Моя бы воля — весь век пролежала бы с книжкой.

— Вот и я такой же, — отозвался Атасов. — Ничего на свете нет хуже походов.

— Дрянное дело, — кивнула Уткина. — Могу представить, как вы питаетесь.

— Не сможете, — грустно сказал Атасов, — тот еще рацион. А у меня печень ни к черту.

— Между прочим. Я обожаю стряпать, — сказала Уткина. — Надо, чтоб вы хоть раз поели по-человечески.

— Я сразу понял, что вы сокровище, — с чувством проговорил Атасов. — Чудо, как у вас хорошо. Просто не хочется уходить.

— А кто вас гонит? — спросила Уткина.

Они любовно смотрели друг на друга, романтики, скитальцы, бродяги, истинные Мужчина и Женщина,

встретившиеся на Тропе Судьбы, и оба радостно ощущали внезапную легкость, будто тяжелая ноша вдруг пала с их атлантовых плеч. Было ясно, что долгий путь завершен и начинается светлая, простая, понятная, столько лет запрещенная жизнь.

Паровоз для машиниста

Здесь хорошо там, где нас нет.

Здесь, где нас нет, творятся героические дела и живут удивительные люди. Здесь, где нас нет, растут невиданные урожаи и один за другим идет на смерть, здесь, где нас нет, женщины любят один раз и летчики невероятны. Как удался фестиваль, где нас не было, как хороши рецепты блюд, которых мы не видели, как точны станки, на которых мы не работаем, как много делают для нас разные учреждения, а мы все не там, а мы в это время где-то не там находимся, или они все где-то не там нас ищут. И выступают люди, и рассказывают, как они обновляют, перестраивают, переносят, расширяют для удобства населения. Для удобства населения, населению, населением, населением, — где ж это население... нию... нию?.. И дико обидно, что все это где-то здесь. Вот же оно, где-то совсем здесь. Ну вот же прямо в одном городе с нами такое творится — ночи не спишь, все высказываешь — где? Да вот же тут. Да вот тут буквально.

Ведь модернизировали, подхватили, перестроились, внедрили новый коэффициент: включаешь — не работает. И медленно понимаешь, что нельзя, конечно, оценивать работу таких огромных коллективов по машинам, которые они клепают. Ну, собирают они автобус, ну, это же не важно, что потом водитель на морозе собирает его опять. Что при торможении на ноги падают вентиляторы и рулевые колонки.

Что веником проведешь по двигателю — сметишь карбюратор, фильтр, головку блока. Что и после всех улучшений она тупее любого водителя, ибо он успевает реагировать на уличное движение — она никак, хоть ты тресни. Конечно, лучше такую машину отдавать в мешке — кому надо, тот соберет, — потому что не в машине дело, а в интереснейших делах. Гораздо важнее, что творится внутри предприятия, будь то театр, автозавод или пароход.

Смешно подходить к театру с точки зрения зрителя. На спектакли не ходят, от скуки челюсть выскакивает, а то, что режиссер непрерывно ищет и ставит, ставит и ищет... Театр первый отрапортовал о подготовке к зиме. Ни одного актера, не занятого в спектакле. При чем тут пустой зал? Тогда получается, что театр — для зрителя, поезд — для пассажира, а завод — для покупателя. Такой огромный завод — для покупателя?! Нет! Это для всеобщего выхода из этих предприятий, настолько увлекательный процесс внутри; смешно ждать снаружи чего-либо интересного. Схватил у самого передового коллектива пылесос — он не работает, потому что не он главный.

При чем тут борщ, когда такие дела на кухне? Приходят на завод тысячи людей — работают, строят себе базу отдыха, открывают новую столовую, озеленяют территорию, получают к празднику заказы. Что главнее — занять эти тысячи работой или дать тем тысячам пылесосы, без которых они жили и живут? Стучит в море пустой пароход, дымит по улице пустой грузовик, стоит в городе пустой магазин, а вокруг кипит жизнь, люди поддерживают друг друга, выступают на собраниях, выручают, помогают в работе, знающий обучает отстающего, пожилой передает молодым, бригада избавляется от пьяницы, непрерывно улучшается и совершенствуется станочный парк, и научные исследования удовлетворяют самым высоким требованиям. А включаешь — не работает. И не надо включать. Не для вас это все. Не для того, чтобы включали, — для того, чтоб делали. Где надо, работает, там потребитель. А где не надо, там процесс — результат. Процесс — это жизнь, результат — это смерть. А попробуй только по результату. Это куда ж пойдут тысячи, сотни? Они пойдут в покупатели. Нет уж, пусть лучше будут производителями, пусть знают, чего от себя ожидать.

Смешно оценивать ТВ по передачам, больницы — по вылеченным. Конечно, мы по количеству врачей обогнали всех, теперь бы отстать по количеству больных. Но тогда пропадает смысл работы коллектива, загружающего самого себя. Тогда о нашей работе надо спрашивать совершенно посторонних. А разве они знают, что мы сэкономили, что отпраздновали, кого вселили, кого уволили? Что расскажет изделие о жизни коллектива? Что бу-

дет в новостях, которых так жадно ждет население: пущена вторая очередь, пущена третья домна, пущен первый карьер, дал ток третий агрегат, — кто знает, сколько их там, когда начнут, когда закончат?

Определенность — это неисправимо, а неопределенность — это жизнь. Развернулись работы по озеленению — не для озеленения эти работы. Пылесос работает? Нет! Один бит информации. А как сегодня — для новостей — дела у коллектива пылесосного завода, как с утра собираются люди, как в обед приезжают артисты, как между сменами торгует автолавка, как психологи помогают начальникам цехов, как дублеры работают директорами — миллионы бит, пьес, романов. Пылесос — для одного, пылесосный завод — для тысяч. Потому так замолкают люди, собравшиеся на пароход, на завод, в институт: дадут одно поршневое кольцо и сидят 500 или 600 под надписью «поршневое кольцо», «гибкие системы», «топливная аппаратура». Огромная внутренняя жизнь хоть и без видимого результата, но с огромными новостями, так радующими сидящих тут же, такое состояние запора при бурной работе организма. А машину как-нибудь дома соберем, квартиру достроим, платье перешьем, трактор придумаем, самолет в квартире склепаем и покажем в самой острой передаче под девизом «Один может то, чего все не могут».

Михаил Задорнов

Беседа замдиректора дома отдыха по культмассовой работе с отдыхающими в день заезда

— Товарищи!

Отдыхать в нашем новом, комфортабельном доме отдыха вы должны особенно культурно, потому что он был построен в знаменательный год 48-летия со дня начала его строительства. И был сдан комиссии досрочно. На два года раньше, чем построен!

Итак... Прежде всего о номерах. Номера, товарищи, у нас новые, просторные, комфортабельные. Каждый на двенадцать койко-местов! Поэтому в них категорически запрещается курить, сорить, ходить, разговаривать, учитывая хорошую слышимость между номерами, а также их плохую проветриваемость из-за отсутствия окон, которые второпях сделали не наружу, а между номерами.

И еще! Поскольку строители не во все номера успели врезать замки, уходя из номера, все берите с собой.

Вот тут интересуются, будут ли выдаваться полотенца. Могу обрадовать. У нас есть своя новая комфортабельная прачечная! Однако, поскольку она встала на капитальный ремонт раньше, чем была построена, полотенца будут выдаваться строго регламентированно: по одному вафельному на один номер и по два махровых на три этажа. Вот я вижу возмущенные лица: мол, это как же ими вытираться? Могу успокоить: вытираться ими вообще не придется. Потому что вода в обоих восьмиэтажных корпусах поднимается не выше подвала, и то весной.

Теперь о лифтах. Ой, как обрадую! Лифты у нас, товарищи, комфортабельные, просторные! Однако поскольку они не подошли по размерам к нашим шахтам, то вы легко можете увидеть их отсюда из окна. Вон они стоят во дворе. Правда, это не все лифты. Из некоторых мы похозяйски сделали пляжные раздевалки. Вот только раздеваться в них никому не советую. Автоматические две-

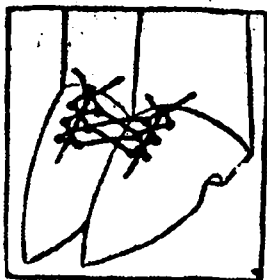
ри заржавели и не всегда срабатывают. В результате в каждом из них сейчас находится по отдыхающему, оставшемуся с прошлого заезда.

Товарищи! Конечно, вы все мечтаете здесь похудеть. Этому немало будет способствовать наша новая, просторная, комфортабельная столовая, строительство которой будет начато, может быть, в будущей пятилетке. Пока же готова только котельная для нее, в которой мы все и будем питаться в семь смен.

Первая смена — в понедельник, вторая — во вторник... А поскольку котельная пущена еще не на полную мощность, есть будем все из одного котла. А вот передать и болеть, товарищи, не советую. Помните: врач в нашем доме отдыха только один. И тот молодой специалист, окончивший недавно на тройки политехнический институт.

Товарищи! В нашем доме отдыха вас ждут различные увеселительные мероприятия: дискотеки, субботники, праздничные уборки территории! Различные спортивные соревнования по новым видам спорта. Например, таким, как плавание в мешках с закрытыми глазами...

На этом, дорогие товарищи, заканчиваю. Если кому-то что-то не нравится, можете написать жалобу. Обещаем, что все ваши жалобы будут немедленно рассмотрены, а сами жалующиеся оставлены для отбывания повторного срока.

Григорий Заколотажный

Фабрика грез

Мой друг Васин всегда и везде

успевал раньше меня: стометровку он бегал быстрее всех на курсе, в институтской столовой ему доставался самый большой кусок мяса за обедом, экзамены он сдавал тоже в числе первых, вместе с отпетыми отличниками. И даже когда мы были в колхозе «на картошке», вечером на танцах успевал пригласить именно ту девушку, которая мне понравилась...

Дело было в начале октября, мы возвращались из колхоза, и настроение было великолепным. Единственное, что не радовало, — пустые карманы.

Едва мы вышли из электрички на перрон Курского вокзала, как к нам подскочил молодой человек лет тридцати, одетый несуразно ярко — в желтой куртке с надписью «SUZUKI» на груди.

Он остановился прямо перед нами и принялся нас рассматривать.

Вид у нас был что надо: в меру небритые, в меру грязные, с ввалившимися щеками и диковатым огоньком в глазах, какой появляется после месяца жизни вдали от горячей воды, радио, газет и прочего.

Он осмотрел нас взглядом фотографа, потом сказал:

— Молодые люди студенты?

— Что надо? — довольно грубо спросил Васин.

Васин покрепче меня, занимался самбо и, как я уже говорил, быстрее бегаёт. Мне спокойно, когда я с ним.

— Не хотели бы приобщиться к миру кино? И заодно заработать некоторую сумму денег? Мы тут снимаем картину, нужны два статиста-красноармейца. Все, что надо сделать, — пробежать метров двадцать и запрыгнуть на ходу в поезд. Деньги сразу. По четвертному. Устраивает?

Васин пнул меня носком сапога: вот это удача!..

Я же спросил:

— Поезд будет быстро идти?

— Ерунда, тише катафалка. Ну что, по рукам?

— Годится, — солидно заключил Васин.

И мы пошли к низким кирпичным зданиям, вызывающим в памяти странное слово «пакгауз», и скоро увидели на тупиковой ветке состав из шести очень старых вагонов и закопченный до черноты маленький паровоз. Прямо на земле, среди пятен мазута, стояли осветительные приборы, на параллельном пути — тележка с камерой, всюду кабели и провода. Вокруг суетилась прорва народу. Хотелось тут же со всеми бегать, кричать и махать руками. Посреди этого бедлама сидел человек в кресле. Очень спокойно сидел. На нем был кожаный пиджак и темные очки.

Наш провожатый подскочил к режиссеру, а это был он, и радостно сообщил:

— Я, Виктор Сергеевич, красноармейцев нашел!..

Виктор Сергеевич несколько секунд пристально рассматривал меня и Васина.

— Ладно, Макеев, — сказал он устало, — хоть какая-то от вас польза. Вам, ребята, Макеев рассказал, что делать?

Мы закивали головами: да, мол, ясно.

— Гражданская война, — сказал Виктор Сергеевич, глядя поверх наших голов. — Голод. Разруха. Все смешалось... Впрочем... ладно. Постарайтесь бежать поестественнее и не оглядывайтесь по сторонам. Идите переодеваться.

Через двадцать минут мы уже стояли перед Виктором Сергеевичем. Вид у нас был колоритный — небритые физиономии, впалые глаза, шинели сидели на нас, как фрак на дворнике. На ногах тяжелые ботинки, обмотки. Макеев сунул каждому по винтовке и повел нас к пакгаузу. Прочертил носком своих белоснежных туфель черту:

— Вот отсюда побежите, вы должны догнать поезд и запрыгнуть на площадку последнего вагона.

...Поезд действительно двигался медленно. Мне стало неловко — взрослый человек, скоро диплом, нарядился в старые тряпки и изображаю черт знает что. Васин первым делом ухватился левой рукой за поручень и стал подниматься по ступенькам.

И что я увидел: открылась дверь тамбура и показался самый настоящий белый офицер — в фуражке с кокардой, в мундире, с усиками. Лицо безразличное.

И вот этот беляк поднимает ногу в сияющем, начищенном сапоге и пинает Васина прямо в небритую физиономию. Бедняга Васин, раскинув руки, с грохотом роняя котелок и винтовку, летит на землю, а поезд набирает ход.

Я подбежал к Васину, помог подняться, а он за глаза держится — видно, крепко ему двинул беляк.

И бестия Макеев тут как тут, улыбается, подлец.

— Ну что, порядок? — зубы скалит, курицын сын. Сунул нам по четвертному и сказал утешительно:

— Хорошо, что тучки набежали, — второго дубля не будет.

И очень поспешно исчез. Затем вся эта киношная орава с шумом и гамом собралась, смотала манатки и исчезла.

Через полчаса около пакгауза остались только мы с Васиным, даже паровоз с вагонами укатил. Снова мы были в своей походной одежде, с рюкзаками, все как прежде, только в кармане у каждого по четвертному да под левым глазом у Васина разгорался «фонарь».

Так что если вы увидите в кино двух бегущих за поездом красноармейцев, то это мы. Первым бежит Васин.

— Э^{то} еще что, вот один мужик

в Сочи свой трамвай имел.

— Как это — свой?

— Я тебе говорю: свой собственный трамвай.

— А где же он его взял?

— Купил, этот трамвай целый день по линии гонял, а деньги за билеты себе брал, представляешь?

— Что ж, трамвай без кондуктора был?

— Даже два кондуктора. Посменно работали.

— Ну да! А как же директор парка на этих кондукторов смотрел?

— А он на них не смотрел. Он их и не видел никогда.

— А как же они оформлены были?

— У этого мужика книжечка была записная. Вот он их там и оформил.

— Значит, кондукторы в две смены работали, а он тоже, наверное, сменщика имел?

— Слушай, не было там никакого сменщика. Мужик этот сидел дома. Они сами ездили, а он им зарплату платил.

— Так, а контролеры в этот трамвай заходили?

— Заходили.

— Ну и что?

— Безбилетников штрафовали.

— И ни слова?

— А он им тоже платил.

— Значит, они тоже в книжечке?

— Нет, они в парке были.

— А где же этот трамвай ремонтировали?

— Там же, в парке. Он рабочим тоже платил.

— А директор как же на это?

— А он ему тоже платил.

— Кто?

— Мужик.

— А ревизия?

— А он и ревизии платил.

- Значит, все знали?
- Ну, не все. Остальные не знали.
- Так ведь он, директор этот, мог еще трамвай пустить. Для себя, допустим?
- Ну уж не знаю. Может быть, неудобно, это бы все захотели по трамваю иметь. Они и с этим-то мучились.
- Ну, а как же дальше?
- Дальше этот мужик хотел второй вагон прицепить.
- И почему же не прицепил?
- Тогда бы все узнали, что трамвай личный. Все по одному вагону, а этот вдруг — два.
- Да кто «все»-то? Кондукторы знали, контролеры знали. Кто «все»?
- Ну все... остальные.
- Слушай-ка, и много он денег получал?
- Посчитай сам. Тысяча человек в день проедет?
- Проедет.
- Значит, три тысячи копеек. Это тридцать рублей в день, девятьсот рублей в месяц.
- Вот гад, а тут...
- Отними рублей по двести четверем людям. Это восемьсот. А сколько рабочим платить, директору? Себе в убыток работал. За эксперимент страдал. Может быть, свои доплачивал.
- Потому-то директор и не соглашался себе трамвай заводить. Да. Убыток убытком. А он трамвай-то все равно гонял.
- Получается, хоть и убыток, а все равно выгодно. И пассажиров больше было.
- А он ночью тоже ездил?
- Нет, ночью нельзя. Тогда бы все узнали.
- Да кто «все»? Директор знал. Даже ревизия знала. Кто «все»?
- Ну все... остальные.
- Да, обидно ему было, что нельзя ночью ездить.
- Конечно, обидно. Он даже в газету писал. Дескать, трудящиеся ночью до дому не могут добраться.
- Ну и что?
- Не разрешили. Он тогда плюнул на все и пустил ночью свой трамвай.
- Да как же?
- А он и пассажирам стал платить.
- И все узнали?

- Нет, не все. Остальные не знали.
- Кто «остальные»?
- Ну остальные... в других городах.
- А это в нашем городе было?
- В этом, в Гагре.
- Что-то путаешь, в Гагре и трамвая-то нет.
- А... нет? Значит, в Адлере. Точно говорю!
- В Адлере тоже трамвая нет. Там аэродром.
- А, правильно, у него не трамвай — у него самолет свой был.

Александр Кабаков

Второй звонок

Звонили в дверь. Капитанов

удивился. Не такое время, чтобы по гостям ходить, воскресенье, народ «Утреннюю почту» смотрит. Словом, некому звонить. Капитанов, размышляя, вышел в прихожую и отворил. За дверью стоял мальчик, несомненно мальчик, но именно эта-то несомненность и озадачила Капитанова.

Мальчик был раздет. Полностью.

— Дядь, — сказал мальчик. — Дядь, можно войти? А то пол очень каменный и холодный...

Капитанову стало стыдно. «Простудится пацан, — подумал он, — на дворе апрель, утром два — четыре, днем до шести, по области три — семь градусов тепла».

— Заходи, мальчик, — сказал Капитанов и тут же полез в стенной шкаф, намереваясь дать парню что-нибудь теплое накинуть. Когда он вылез из шкафа со свитером в руках, мальчика в прихожей уже не было. Виктор Алексеевич шагнул в комнату.

— Стой, дядька! — услышал он сверху детский, но не по-детски твердый голос и одновременно увидел мальчишку.

Мальчишка висел в воздухе под самым потолком, широко расправив крылья.

Черт возьми, ведь не было никаких крыльев, хотя... а где он этот лук взял... не было никакого лука, и стрелы в колчане из толстой кожи... так, бывает, быва...

— Руки! — заорал мальчишка. — Руки подними!

Голубые его глаза сверяли ледяной злобой, крылья слегка шевелились, создавая ощутимый ветер.

«Взор», — подумал Капитанов и с усилием открыл рот.

— Слышишь, парень, — сказал он, — ты мифологию эту брось...

— Я тебе брошу! — мальчишка стал натягивать тетиву лука, его пухлые руки напряглись, и Капитанов

расслышал скрип сгибаемого пластика — лук был спортивный, с какими-то хитрыми упорами для рук и надписями. — Я тебе сейчас так брошу! К стене, руки на стену!

«Насмотрелся телевизора, сопляк, — подумал Капитанов, — нельзя детям всякие ужасы смотреть...» И осторожно сказал:

— Ты как со взрослыми разговариваешь? Тебя этому, что ли, в садике учат?

Стальной наконечник стрелы, острогранный, ледяного цвета мальчишкиных глаз, медленно поднялся, и воображаемая прямая линия накрепко соединила его с левой стороной груди Капитанова.

Виктор Алексеевич быстро отошел к стене, повернулся к ней лицом.

— Ну, — услышал он, — говори, как ты к женщинам относишься?

— Нормально, — сказал Капитанов. — Им и вкалывать приходится, и домашние дела...

— Я тебя конкретно спрашиваю, — заорало дитя, — про себя и говори. К тебе уже сколько Людка ходит?

— Три года, — автоматически ответил Капитанов, но спохватился: — А твое какое дело? Она не замужем... И какая она тебе Людка? Людмила Васильевна. Ей, между прочим, тридцать два, она тебе в матери годится...

— Хо-хо-хо! — неожиданным баритоном заржал младенец. — О-хо-хо-хо! В матери! Тридцать два года, жизнь проходит... «Не замужем»! Тьфу!

— Да ты что лезешь?! — потерял лицо Виктор Алексеевич. — Что ты в этом понимаешь? Нас обоих это устраивает — а твое какое дело? Может, она не хочет мои носки стирать...

— Какие носки? — удивился ребенок и от удивления даже сбавил тон. — Какие носки? Сейчас ты их сам стираешь?

— Ну, стираю, — буркнул Капитанов.

— Ну и дальше стирай, — сказал купидон. — Я к быту отношения не имею... Последний раз тебя спрашиваю, — снова закричал он, — ты ее любишь? Считаю до трех. Раз... Два... Два с половиной...

«Конец», — подумал Капитанов.

Амур за спиной захлопал крыльями и отрубил:

— Ну все, Капитанов! И не жалуйся!

Виктор Алексеевич хотел повернуться лицом, но повернулся самым уязвимым, неприкрытым левым боком. Стрела заныла, просверлила воздух в маленькой комнате и впиалась прямо в грудь, разрывая бедное капитановское сердце, причиняя ужасную боль, и он едва успел подумать: «Людка! Ой! О-е-ей!.. Люсенька, любимая, больно...»

Четырехчасовое солнце, жаркое, оранжевое, полное истомы тихого часа, смотрело в палату сквозь занавески — оно пробивало их насквозь. Людмила Васильевна кормила Капитанова бульоном из чистого золота...

— Больно? — шепотом спрашивала Людмила Васильевна.

— Не очень, — тихонько отвечал Виктор Алексеевич. — Но вообще-то больно...

В кардиологии было тихо, только возле каждой койки раздавались шепоты, и солнце сияло в склоненных к термосам прическах, и нимбы, крашенные лондатоном и блондораном, басмой и хной, сияли над бледными лицами. И где-то в дальних коридорах реял еще один нимб, незаконный, пережидая официальное посещение... И по всем кардиологиям, терапиям и хирургиям, и по всем больницам, и даже не больницам, нимбы склонялись, дрожали, и реял в воздухе, смешиваясь со столбом пылинок в луче, разговор:

— Я люблю тебя, ты только старайся... все будет хорошо... ты только не волнуйся... ты только выздоравливай, и у нас все будет хорошо...

Виктор Алексеевич смотрел в потолок и думал. «Конечно, — думал он, — если выгребу, надо съезжаться. За регистрируемся...»

Чайный сервиз

Мне подарили на день рождения

чайный сервиз. Красивый сервиз на шесть персон. Шесть чашек, сливочник, сахарница, чайник для заварки и ситечко. Утром я протер его чистым льняным полотенцем и приготовился поставить в сервант, потеснив Сервантеса.

«Интересно, а придется мне когда-нибудь воспользоваться этим?» — подумал я, и рука с чашкой застыла в воздухе. Потом чашка вернулась на стол. Живу я один. Мне за тридцать. Я холост. Пить из сервизной чашки одному считаю глупым занятием. Есть стакан с подстаканником.

Вот если бы я тогда поговорил с Тосей из отдела главного механика... Вот тогда бы, может быть, могло бы... Вот она сидела бы здесь, а я здесь...

— Послушай, голубушка, налей мне, пожалуйста, чаю.

— Тебе покрепче? Со сливками?

— Разумеется. Тебе ведь пора уже знать мои привычки.

— Извини, милый. Вот.

— Спасибо...

Белоснежная скатерть, белоснежный сахар, янтарно-белые сливки, и все это в багряных пятнах алого, как кровь, сервиза... Но — четыре чашки пустуют... Вот если бы я поговорил с Тосей еще тогда, когда меня только назначили замом... Тогда бы могло бы, может быть, бы... Мы бы называли его Васей, Василием.

— Папа, можно я возьму конфету?

— А ты спроси у мамы.

— Мама разрешила.

— Тогда нельзя. Потому что ты уже съел одну, а от сладкого можно заболеть диабетом.

В сахарнице лежат золотые, как жареные, коричневые конфеты. Алые бока сервиза красят скатерть в цвета зари... Да, но три чашки все еще пустые — непорядок.

Вот если бы я поговорил с Тосей еще тогда, когда только поступил на завод... Тогда бы, может быть, было бы. Была бы... Ее бы мы назвали Асей. Анастасией.

— Папа, чего Васька щиплется!

— Василий, ты мальчик и ты старше, как тебе не стыдно?!

— А чего она мне язык показывает? Ты посмотри, какой у нее язык — синий!

— Ну-ка, ну-ка! Разве можно есть столько варенья из черники, Анастасия?!

Черничное варенье наполняет вазочку, купленную сверх сервиза, — в сервизе она, конечно, не предусмотрена! А денег стоит немалых! И две чашки стоят пустыми, зияя вызолоченными воронками, в которые стекает красный червонный свет. В передней раздастся звонок. Тося встает.

— Это, наверное, приехали папа с мамой из деревни. Поздравить тебя с днем рождения. Надо встретить...

— Конечно, конечно. Только, с твоего позволения, я уберу сервиз — ведь они не привыкли пить из тонких чашек там у себя в деревне.

Я отношу сервиз в кухню, мою его, протираю льняным полотенцем и убираю в сервант.

Я не женился на Тоське — ведь ее родители правда из деревни, а все остальное — фантазия. Пустые мечты.

Лев Лайнер

Рядактор

Директор издательства и типографии

«Вешние воды» Петр Фомич Кузьмин открыл папку «Документы поступающих на работу» и углубился в чтение:

«Заивление

Прашу пренять миня на работу в должност рядактора.
Я.Непрушин»

Петр Фомич заморгал глазами и вознегодовал:

— Черт знает что!

Он хотел было уже вызвать начальника отдела кадров и дать ему нагоняй, однако какая-то неведомая сила заставила его прочесть второй документ:

«Автобяографяя.

Миня радила мама Непрушина Клавдия Сименовна.
31 марда в 1959 гаду.

Она у миня не толко мама, но исчо и трудиться в качестве замши начальника глафка по делам издаттелств.

Имеиться у минья и папа Н.Е. Непрушин. Он дирректор большого бумаго-делательнова камбината, каторый обеспечивает все типографии горота

Воще у нас уся симья трудовая. Сестра Б. Непрушина — секратар местного секретаря Союза писателей а брат А.Непрушин — фин инспектор ОБХССЕ и чьяста устраиваит ривизии в придприятиях и на учриждениях.

Школу и ВУС я окончил харашо. К томужа пребрел разряд по карратетизму.

Я.Непрушин».

Петр Фомич еще раз перечитал автобиографию, положил сверху нее заявление и написал на нем резолюцию: «Считаю невозможным принять Я.Непрушина на должность редактора».

Затем он перечитал автобиографию еще раз и добавил: «Зачислить на должность корректора».

Михаил Мишин

Цари природы

Из цикла «Люди с понятием»

От белых медведей пошли

к обезьянам. Гамадрилом Брикетов остался недоволен.

— Ну ты дурак, — сказал он гамадрилу. — Коль, гляди, дурак какой!

— Ага, — отозвался Супонин, переходя к клетке с шимпанзе. — Гляди-ка, шимпанзе!

— Ну, дур-рак! — сказал Брикетов шимпанзе.

— Коль, гляди, дурак, а! У-У-У-ууу! Рожи корчит!

Брикетов показал шимпанзе язык.

— Кончай ему язык показывать, — сказал Супонин. — Может, это твой прапрапрадедушка какой-нибудь.

— Да ладно, — сказал Брикетов, но язык перестал показывать.

— Лучше вон кинь ему чего-нибудь, — сказал Супонин.

— Ничего не кидать! — возникла рядом строгая тетка в синем халате. Видать, она работала тут, в зоопарке. — Дома жене кидай! Дома-то небось не кидаешь жене-то?

— Нет, — признался Брикетов. — У меня жены нету.

— Да ладно, маманя, не кинем, мы лучше к макакам пойдем, — сказал Супонин. — Где тут макаки эти?

Невероятно быстрые и юркие макаки раскачивались на жердях, успевая при этом верещать, скалиться и тарашить глаза.

— Дуры краснозадые, — осудил макак Брикетов. — О распрыгалась, а? Ну ты, дурак, как прыгаешь? Вот я тебе сейчас прыгну! Дай ему конфету, Коль!

— Я сам съел, — сказал Супонин.

— Это ничего, — сказал Брикетов. — Это мы сейчас.

Он подобрал конфетную бумажку, завернул в нее камешек и бросил в клетку.

Обезьянка схватила бумажку, молниеносно развернула, бросила камешек на пол клетки и метнулась к потолку.

— Не жрет! — удивился Брикетов. — Не жрет! Вот дура, а?

— Зажрались тут, — сказал Супонин. — И чего их тут держат? Только жрут да рожи корчат. Я б лучше их в цирк всех отдал.

— В цирке своих навалом, — сказал Брикетов.

— Да ну их, Коль, надоели предки эти.

— Макаки не предки.

— Предки, предки, — сказал Брикетов, — на тещу мою бывшую похожа.

Оба долго хохотали. Потом перешли к хищникам.

— Во! — сказал Супонин. — Ягуар, понял? Семейство кошачьих.

— О-о-о! — сказал Брикетов. — Кошечка, а? Во смотрит, гад, да? Дать бы по нему сейчас из винта!

— А может, он в книге, в Красной?

— Чего-чего? — спросил Брикетов, показав кулак ягуару. — В какой книге?

— Ну в этой, где всякие животные редкие. Которых надо охранять.

— Давай-давай, охраняй, — скептически сказал Брикетов. — А он вот на тебя в лесу накинется — я на тебя с книгой этой погляжу.

— Где ж он накинется, когда он только в Америке водится, в Южной?

— Америка, — сказал Брикетов. — Это они умеют. Это они мастера гадов всяких выводить. Лучше б полезного кого вывели.

— Кого? — спросил Супонин.

— Да вон хоть бы верблюда! Пошли к верблюду!

Верблюд глянул на них из-под прикрытых век, не переставая двигать челюстями, будто жевательную резинку жевал.

— О дурак, а? — сказал Брикетов. — Осел горбатый.

— Хорошее животное, — сказал одобрительно Супонин. — Во-первых, не пьет — это уже какая экономия зоопарку. Во-вторых, колочки жрет всякие, которые не жрет никто.

Верблюд глянул на него презрительно полузакрытым глазом.

— Колючую проволоку ему дать, — сказал Брикетов. — Чтоб не смотрел нахально. У, наглый какой, а? О наглый!

Верблюд чуть поднял голову и, неожиданно плюнув, чуть не поразил Брикетова.

— Ах ты тварь паскудная! — закричал Брикетов. — Ну, гад!

Он разбежался и точным плевком попал верблюду в переднюю ногу.

— Вот так, дубина! — сказал он довольным. — Уметь надо!

— Корабль пустыни! — сказал хохочущий Супонин. — Здорово ты его достал, Коль!

— Корабль! — воинственно сказал Брикетов. — Скотина горбатая. А другой раз я ему...

— О! Ляди, Коль, жираф!

— Ты, дурак! — сказал Брикетов, подходя к жирафу. — Это ж надо какой дурак пятнистый, а? А ну, глянь сюда! — сказал он. — На! Ты, жираф! На, я тебе конфетку дам, — сказал он, держа на ладони камешек. — Кис-кис-кис!

— Не понимает, — сказал Супонин. — Интеллекта нету.

— Ага, — сказал Брикетов, бросая в жирафа камешком. — До него доходит, как до жирафа!

— Ха, — Супонину понравился каламбур Брикетова. — До жирафа — как до жирафа! Ха-ха!

— Куда народные деньги идут! — сказал Брикетов, когда они пошли к пруду, где возлежал громадный бегемот.

— Лежит туша такая. Вот если бы его на мясо пустить — это сколько бы мяса прибавилось!

— Я б такую дрянь в рот не взял. Бегемотина! Тьфу! — поморщился Супонин.

— Тьфу не тьфу, а продавали бы — и взял бы, — сказал Брикетов. — Вон, я читал, в некоторых государствах даже змей в пищу едят.

— Во! — обрадовался Супонин. — Айда змею смотреть!

— «Пи-тон»! — звучно прочитал Брикетов табличку. Ну ты погляди, лежит дрыхнет.

— Вот бы такого дома иметь, — мечтательно сказал Супонин. — Приходишь на работу с ним вместе. Мастер тебе наряд тут же подпишет. А не подписал — ты этого питона: «А ну, живо! Взят! Фас!» И он мастера — хр-рум! И заглотил!

— Класс! — сказал Брикетов. Ему понравилось, что питон заглотил бы мастера.

— Очковая змея, — сказал Супонин. — Ляди, Коль, очковая, кобра. Раз — и прощай, дорогой товарищ. О жуть, да?

— На тещу мою похожа, — сказал Брикетов. — Та тоже очкастая была, только толще... Слышь, Коль, давай пойдем отсюда, мне уже грустно от этих змей. Нам пора в главную клетку идти, понял?

— Ко льву, что ли? — спросил Супонин. — Так мы ж видали его уже, царя природы.

— Лев не царь природы, — поправил Брикетов. — Он зверей царь, а царь природы — это человек. Человек — это звучит гордо, понял? Мы с тобой должны по этому поводу в главную клетку, Коль! Ты меня понял? Ты чего, не понял меня?

— А! — Супонин понял. — Ну так бы и говорил. Айда, хватит на этих гадов глядеть ползучих. Рожденный ползать летать не может!

И цари природы дружно зашагали к павильону, где виднелась табличка «Буфет»...

Возвращаясь из булочной,

Напраслин Ф.Я. обнаружил мираж. Мираж выбрал для себя не самое лучшее место — пространство между мусорными контейнерами и трансформаторной будкой. Напраслину он явился в виде «Бьюика» цвета пережженной стали. Машина была длинной, почти плоской и красивой, как коробка шоколадных конфет.

Напраслин подошел к миражу и дотронулся до него рукой. Ладонь ощутила прохладное прикосновение металла. Нет, пожалуй, она была красива как яркая почтовая марка, напоминающая о чужих далеких землях, об экзотических городах, о людях непохожих на нас с вами.

Дома Напраслин выложил хлеб и объявил:

— Сейчас шел и вижу — иностранная машина стоит. Возле трансформаторной будки.

— Да? — равнодушно спросила жена.

— Марки «Бьюик», — сказал Напраслин.

— Постоит-постоит и уедет, — сказала жена и спрятала хлеб в большую эмалированную кастрюлю.

Напраслин подошел к окну. Прямо под ним, совсем близко, росла рябина. Напраслин высунулся из окна и сорвал гроздь ягод. Каждая из них была снабжена черным крестиком, словно пуговица, пришитая к черенку суровыми нитками. Напраслин положил ягоду в рот и сейчас же выплюнул.

— Пойду прогуляюсь, — бросил он жене.

Машина находилась на прежнем месте и празднично лоснилась в лучах заходящего солнца. Целый табун лошадей скрывался под лакированной крышкой ее капота. Возле машины ошивались несколько подростков.

— А руками-то зачем трогать! — сделал замечание Ф.Я.

Подростки отодвинулись от машины.

— Дядь, а чего она такая низкая? Спортивная, да? — спросил один из них, рыжий.

— Да, спортивная! И если увижу еще раз, что кто из вас трогает, уши оборву.

Ф.Я. неодобрительно глянул а сторону мусорных контейнеров, повернулся на каблуках и зашагал к дому. Спинай он чувствовал завистливые взгляды подростков, видимо, при- знавших в нем сурового владельца транспортного средства.

— Вер, а она все стоит, — сказал, входя в квартиру.

— Кто? — спросила жена.

— Машина.

— Далась тебе эта машина, — жена широко зевнула. — Кто-то звонит, подойди к телефону.

Звонил Борька. Он жил рядом, через три дома.

— Здорово, старик! Ты мне не звонил? — И, не дожидаясь ответа: — Видал «Бьюик»? Жар-птица!

— Слушай, — сказал Напраслин, — ты когда проходил мимо, не заметил случайно, там пацаны не шалят? Покрытие, понимаешь, поцарапать ничего не стоит, а потом мучайся. Где такой лак достанешь?

Ф.Я. одним духом произнес эти слова и сам удивился тому, что произнес. Буквально секунду назад ничего подобного у него на языке не было. Ах, не знает себя еще человек как следует!

— А тебе-то что? — подозрительно спросил Борька. — Твоя машина, что ли? Пусть у хозяина голова болит.

— Ладно, чего в прятки играть, — продолжая изумлять себя, сказал Ф.Я. — Помнишь, я тебе про своего дядьку рассказывал? Чудной экземпляр! Его машина. В свое время купил, а теперь глаза слабеть стали, водить не может, да и куда старику ездить. Близких никого. Переписал колымагу на меня — владей, говорит. Я по глупости согласился. Обуза, признаться.

— А водительские права? — прошелестел Борька.

— Права у меня уже сто лет. Ты что, не знал?

— Не знал, — голос у Борьки был тусклый-тусклый. — Нин, а Нин! Слышишь, какая новость у нашего друга, — Борька что-то там такое объяснял своей Нинке.

— Напраслин! — закричала она, выхватив у мужа трубку. — Мы тебя поздравляем, Напраслин! Я так рада, ты себе не представляешь! Когда на пикник поедет?

— Да хоть завтра, — пробормотал Ф.Я., мысленно проклиная себя: «Ну что ты, дурак, мелешь? Совсем с ума спятил!..»

— Замечательно! — прокричала Нинка. — Продовольствие берем на себя, горючее ваше. Сбор в семь часов прямо у машины.

— В семь рано, — заикаясь, возразил Ф.Я. — Давайте в девять. — Земля уходила из-под ног.

— Договорились! Умница ты, Напраслин! Я всегда в тебя верила. До свидания, родной.

Рассвет застал Ф.Я. на ногах. А уже в половине девятого утра он лежал под машиной, гремел гаечными ключами и замирал от страха, что в любую минуту может подойти ее истинный владелец и потребовать объяснений.

В 9 часов, минута в минуту, Ф.Я. услышал над головой оживленные голоса. Разговор сменился глубокой паузой. Надо полагать, говорившие изучали представшую перед ними картину.

— Что, стоп-машина? — первым нарушил молчание Борька. К счастью, он ни бельмеса не смыслил в технике.

— А ты сам не видишь? — сказал из-под машины Ф. Я.

— Что-нибудь серьезное? — с деланной тревогой в голосе поинтересовалась Нинка.

— Карданный вал, — вкладывая в эти слова все запасы скорби, сообщил Ф.Я. — Серьезней не бывает. Колымага уже двести тысяч прошла. Дядя ее не очень-то щадил.

— Двести тысяч! — ужаснулась Нинка.

— М-да, вот они какие пироги! — совершенно не к месту промямлил Борька.

— Мам, ну когда мы поедем? — заканючил их малолетний отпрыск.

— Замолчи! — прикрикнули на него. — Не видишь, машина сломалась, ее ремонтируют! Ты бы предложил ему свою помощь! — набросилась Нинка на мужа. — Стоишь как столб.

— Тебе помочь? — спросил Борька.

— А чем ты мне поможешь? Ты же в автомобилях не разбираешься.

— Не разбираюсь, — как эхо повторил Борька.

— Только мешать будешь. А я вам и так все планы спутал. Идите лучше домой. И не обижайтесь на меня.

— Что ты, Напраслин! — сказала Нинка, и голос ее зазвенел благородством. — Это ты нас извини. Навязались со своим пикником. Ну ничего, как-нибудь в другой раз. Не расстраивайся, все будет в порядке. Мы пойдем, не будем у тебя над душой стоять.

— Спасибо, ребята! — отозвался Ф.Я. — Конечно, идите. Я уж тут один.

Он видел их удаляющиеся ноги. Потом немного высунулся из-под машины, посмотрел наверх. Вверху плыли кучевые облака, ничего не подозревавшие о страданиях Напраслина Ф.Я.

Дома он долго стоял под душем и шептал:

«Уезжай, машина, отсюда. Ну чего тебе здесь делать! Уезжай, а? Совсем уезжай!»

Но она не уехала ни назавтра, ни напослезавтра. В понедельник утром Напраслин встретился с Борькой на платформе: они ездили каждый на свою службу к одному часу, и на электричке было удобней всего.

Первый Борькин вопрос, разумеется, был о машине.

— Сам знаешь, как с запчастями. Тем более это тебе не «Жигули».

— Да, да, — закивал головой Борька. Тут подошел поезд, толпа подхватила их, швырнула в двери и разнесла в разные стороны. — Созвонимся! — крикнул через головы друг и соперник.

Машина уехала в воскресенье вечером. Услышаны были заклинания Напраслина Ф.Я. Он как раз рыскал вокруг, гипнотизируя автомобиль иностранной марки, когда к машине подошел мужчина и вставил ключ в замочную скважину дверцы. Лицом мужчина напоминал какого-нибудь герцога в изгнании, а, Ф.Я. так просто показалось, уж больно необузданным воображением обладал он.

— Уезжаете? — спросил Ф.Я робко.

— А вам-то что? — спросил мужчина. Он уже сел в кресло и взглянул на Ф.Я. подозрительно.

— Ничего, — сказал Ф.Я. безобидно. — Я просто так. Очень у вас машина красивая.

— Красивая! — фыркнул мужчина. — Не верьте красоте. Красота — обман! — мужчина включил стартер, но машина не завелась.

— Значит, уезжаете? — повторил Ф.Я., забыв, что он уже задавал этот вопрос, в сущности довольно бессмысленный в данной ситуации.

Но мужчина не рассердился на этот раз.

— Не то слово — уезжаю, — сказал он, — уношу ноги.

— А когда приедете? — спросил Ф.Я.

— А уж от этого прошу уволить, — сказал мужчина. — Сыт по горло! Хватит! — При этих словах машина завелась. — Не верьте красоте, уважаемый!

Герцог вдруг как-то потерял к Ф.Я. последние остатки интереса и захлопнул дверь. Машина зашипела шинами по асфальту, как яичница, и исчезла.

Напраслину сделалось грустно. Почти две недели владел он машиной, и теперь у него ее не было. Он двинулся, не думая, куда идет, и вышел к зданию кинотеатра. Перед ним было безлюдно, последний сеанс уже начался. Рабочие меняли щит с рекламой фильма минувшей недели на новый. Его вытащили из огромной рамы, обращенной к парку, и сквозь пустой четырехугольник смотрели обнаженные деревья. Они извещали, что завтра опять будет осень.

Людмила Петрушевская

Луи и другие

Он шел и привычно думал:

«Иду сам, ногами. Пешком. Снег. Иду сквозь снег. Никому даже в голову не придет, но... иду! Мимо едут. Неужели хватит совести, неужели не остановятся... не подбросят... Иди, иди... Куда уж...»

Свободный... Как холодно! Национальное достояние в дырявом пальтишке... Эй! Ф-фью! Не подвезешь до Герцена? Пожалеешь, смотри... потом...

У него действительно была большая дырка в кармане.

«Вот идут, уже внимательно вглядываются издали... Бросаются наперерез... Навстречу... Неужели узнали?... Чего? Тут нет никакого магазина «Ядран». Он не тут, кстати... На двести шестьдесят седьмом от «Беляева»... Мешочки. Да и откуда им понимать... кто перед ними... У кого они спрашивают... Вчера вообще. За картошкой послала. Видите ли. Сам шел, своими ножками топал! Так эта тетка гнилую подсунула! Знала бы, кто с ней разговаривает, кто ее о картошке молит! Поняла бы, за сапоги бы хваталась, прощения бы просила. И сказать ей не мог — она такая, не поймет... Они книг не читают... А надо, как Эрнест, — сразу к директору и прямо: с вами говорит единственный функционирующий русский писатель. Познакомился и всегда ходит. Меня, правда, не водит... А эту жалобную книгу, если хотите знать, потом в литературный музей побегут отдавать... Как, скажут, — сам!»

Сам, беспомощный! И жена работает! А он мало того что туда, но и в прачечную рюкзаками носит! Все сам!»

Он взмахнул руками, метнулся на мостовую и поймал участника.

«Конечно, ей важна только ее жизнь. Анна Григорьевна Сниткина нашлась, Софья Андреевна! На ребенка кричит, воспитывает прямо над ухом... когда человек в кои-то веки уснул... За работой... Какое значение? Какое значение, двойка у него или кол? У Чехова под дверью даже деспот отец на цырлах ходил! А тут ваши эти глупо-

сти! Пупо! Что важней — моя работа или... или его отметки? Ты кого растишь? Пусть сам занимается! Пусть!!! На двойки, да! Я тоже двойки имел!.. А ты что, вообще с ума сбесился, тут орать под дверью, когда отец отдыхает! Мне можно было! И двойки, и колы, потому что у меня было много тут (жест) и тут (жест). В голове и в сердце. А ты что, родителей до чего довел, писательский ребенок, понимаешь! По шее захотел?.. (Пауза.) А вы не вмешайтесь, я прошу! Кто вас вообще тут просит! Я на своего сына, да, могу! Кем надо, тем и растет! Вы мне его тут здесь испортили! А еще старая женщина, стыдно! Вы бы не меня воспитывали, а свою дочь в свое время, да! А не моих детей! А то вырастили уже одну... мне на шею... Просишь, когда прихожу, чтобы был ужин на столе! Вареные яйца сварить не может! В три часа ночи голодный тыркаешься по кухне — ничего! Да, прихожу ночью! Мне можно все! Я охраняюсь государством! Я работаю как вол. Нет, я не сплю как вол... Это мое дело, когда мне спать! И сколько... Даже Пушкин, великий человек, и то! Домашние довели, как вы! Блока заездили!»

Расплатился, отдав ровно столько-то.

«Иду... Снег и метель... Бреди, бреди... Никого у входа, никто не подозревает, кто идет... Здравствуйте! Вешалочка, да, оборвалась. Вчера еще у вашего же гардеробщика... Ха-ха... Ой, Эрнест! Сбогар! Эрнест, там Сбогар! Садимся здесь... Друг, пересядь отсюда! А? А то нас много... А? Хорошо, не связывайтесь... Сейчас... Поговорим как писатель с писателем ... Не связывайтесь, я вам говорю... Подыми ему очки! Эй, Ричард! Ричард! А, ты за баранкой... Он за баранкой сегодня. А я свою тачку оставил... Нельзя...

Эрнест, ты можешь мне сделать один фруктовый заказ? Моим старикам. Эрнест у нас может в день взять три заказа! С икрой! Но меня не водит. Старик, ты прочел? Гениально, да? Старик, я сейчас новую вещь делаю... Условное название «Вареные яйца».

О жизни, старик... о семье... Моя норма — одиннадцать страниц в день. Ты — единственный функционирующий критик русской земли! Я теще говорю: «Смотрите, смотрите, когда-нибудь вам будет очень стыдно!» Она: «Я живу-живу, и что-то мне не стыдно и не стыдно». А? Старик, но это моя фраза, я ее застолбил. Я собираю, как Даль. Принесите еще столько же... Деревенщикам легко,

он когда в свою деревню запилит — только успевай записывать за родней, соседи валом валят, бабки... Сплетни запишет, байки про начальство... Потом подпустит алкоголизма, воровства, охраны среды, и готово! Куплю избу в деревне! А то в городе с материалом напряженка, Соседи молчат как партизаны. Квартуру дали, спасибо вот Луи. Но дом новый! Теща, правда, не молчит. Ходит мимо меня, как кот на цепи. Я за ней записываю, но капля моего терпения переполнилась... Я им как-то тут сказал... Их как языком сдуло! Старик!.. Ты — национальное достояние!

Единственный функционирующий. И ты. Да тут звонил один шабаршаевец. У него якобы Этьен взялся переводить роман. Год продержал, но не перевел. Тут шабаршаевец приехал, узнал, что ничего нету, чуть не каюкнулся. Звонит... У него роман о металлургах Шабаршавии. Срок сдачи — вчера. Если мне отстегнут переводить, то я тебе возвращаю те двести рублей! Поговори с Луи, ладно? А?

Я уже начал работать, так увлекся... Прочел первую главу... Способы литься в пещерах... И тут засыпаю, и снится мне сон... Рассказать? Так... Снится мне, что на площади строят памятник, уже готов постамент... Но пустой, представляешь? Я влез на постамент, даю руку Этьену... Нет, сначала тебе! Ты тащишь Луи, Луи — Сбогара, тут Ричард с Эрнестом лезут... Ну, в общем, всех поднял. А под нами, на постаменте, надпись золотом. Не наши фамилии списком, как на выборах в правление... Или как в газетах, обойма... поминальник этот... А просто: «Неизвестному советскому писателю». Здорово, да? Гениально. Но сон мне досмотреть не дали. Теща пришла... За дверью зашумели... Хотел записывать за ними, но не выдержал. Вышел и сказал им все. А вот за мной небось записывать некому... Жена не стенографирует... Не Анна Григорьевна... Не тот случай... Да...

Во зле и печали

Однажды одна кра-асивейшая дама

заходила со своим мужем в троллейбус. А зашла она уже без мужа, потому что ее муж отстал от троллейбуса, от-тиснутый. И кричал издали.

Но дама, не чуя этого факта, решительно просунулась вперед и крепко уселась на латаное кожаное сиденье. Как раз впереди Андрюши-Паука, который ехал неизвестно куда и мечтал где-нибудь подбить деньжат.

Радостная, возбужденная дама, не оборачиваясь, спросила своего, как она думала, мужа, а на самом деле — Андрюшу-Паука:

— У тебя медные копейки есть?

Андрюша же в ответ сначала вздрогнул, а потом и говорит:

— Да иди, ты, тетка, к Бабаю на шестой километр мухоморы собирать аль на хутор бабочек ловить.

Изумленная тетка, услышав незнакомый голос своего мужа, все-таки обернулась, изучила Андрюшу и страшно закричала:

— Негодяй! Хам! Аполлон! Аполлон!

А все-то пассажиры, никто и не знал предыстории всей этой истории. Почему и чрезвычайно удивились, что бабу кроют матом а она взывает к древнегреческому богу красоты, покровителю муз.

Но все стало на свои места, когда баба, несколько успокоившись и всплакнув, объяснила, что Аполлон — это и не бог вовсе, а ее муж, который исчез. Аполлон Леопольдович Иванов, начальник производственного отдела треста «Нефтегазоразведка». «...И уж он бы не допустил. Он бы защитил...» Суровой мужскою рукою, потому что он от своей супруги без ума, старше ее на 11 лет, хотя и настоящий мужчина.

— А больше я не вижу в салоне настоящих мужчин! — вскрикнула Аполлониха. — Где настоящие мужчины? Как вашей слабой сестре плохо, так вы потерялись по кустам...

А троллейбус сначала шел вдоль берега, затем же поднялся высоко в гору. Природа вся находилась в состоянии полной гармонии. Осеннее солнце грело стекла. Сле-

пила излучина реки. И тихий пароход незаметно плыл, и на островах росли деревья цвета киноvari и охры. Природа находилась в гармонии. Кольца и броши опечаленной дамы сильно сияли.

— Мужчины вы, мужчины! — горько повторяла она.

Тут-то многие и покраснели для решительных действий. После чего стали хватать Андрюшу за телогрейку, желая и в троллейбусе восстановить покой, справедливость, эстетику.

— Убери руки, а то протянешь ноги! — огрызнулся Андрюша.

Но его все-таки выкинули. На остановке народ глядел с любопытством. Андрюша почесался спиной о бетонный столб, подумал и сообразил, что ехал он вроде не туда, куда надо, мечтая подбить деньжат. А если отправится сейчас в какую-нибудь другую сторону, то непременно там деньжат и получит. Хотя бы немного.

Он и пошел вниз под гору пешком. И вскоре обратился с мелкой просьбой о деньгах к славному человеку приятной наружности. Прося ссудить ему до лучших времен небольшую монету денег.

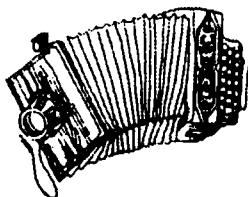
Однако человек ему в просимой сумме отказал. И даже грубо отказал, и даже обругал его всякими словами, после чего «бич» уныло поплелся дальше.

Но как превратны случаи судьбы! Ведь человек этот и был пропавший столь внезапно Аполлон Леопольдович! Да, это был Аполлон Леопольдович, начальник производственного отдела треста «Нефтегазоразведка»! И совершенно напрасно думать, что он не дал денег потому, что не верил в лучшие времена. Просто он как пропал, то сразу весело огляделся и нырнул в ближайшую пивную. Но там, в пивной «Белый лебедь», было ужасно много народу среди захарканных полов и неоткрытых пивных бочек. И при полном отсутствии знакомых начальник производственного отдела, прекрасный муж вышел из пивного зала во зле и печали. Почему и был строг.

Что же? Встретились, поговорили, разошлись. И ничего тут нету удивительного. Что тут удивительного? «Это жизнь. И это нужно понять и принять», — как сказал бы один из моих знакомых, с которым я недавно окончательно разругался.

Ефим Смолин

Светлое настоящее

Мы часто говорим про погибших

на войне: «Они с нами, они среди нас...» Давайте представим, что было бы, если бы действительно воскрес кто-нибудь из них. Из тех, кто отдал жизнь за светлое будущее. И стало бы для него это светлое будущее светлым настоящим...

Говорят, что медикам известны такие случаи, что это какой-то летаргический сон, но, в общем, сержант Степан Гудков, контуженный и потерявший сознание в боях под Москвой осенью сорок первого года, пришел в себя сорок шесть лет спустя. Часть, конечно, ушла, решил Гудков, — интересно, за кем осталась деревня? Гудков пополз к ближайшему дому.

Из дома донеслась русская речь, и сержант сначала обрадовался, даже чуть было не вскочил, когда вдруг понял, что это радио. Степан прислушался: «Сухогруз «Петр Васев» идет на таран»... «Товарняк врезался в скорый»... «Под Арзамасом взлетел на воздух состав с взрывчаткой»...

«Немцы мозги пудрят! — догадался Гудков. — А говорят как чисто, собаки!» У них на фронте немцы тоже подтаскивали репродукторы на передовую, предлагали сдаться, трепались, что Москва взята... Ребята стреляли по репродуктору, швыряли гранаты. И сейчас сержант отцепил с пояса «лимонку», прикинул расстояние до окна, потянулся к чеке. Но передумал: «лимонка» была одна, и хотелось продать жизнь подороже — может, танк попадется или немецкий штаб.

Решив все получше разведать, Гудков стал подбираться к дому с тыла. На огороде судачили две старушки.

— И почему сейчас клубника-то на рынке идет?

— Рублев пятнадцать...

«Пятнадцать рублей! — ужаснулся, лежа в кустах, сержант. — Эх, война-война...»

— Да, — вспоминала одна, — бывало, до войны-то, клубничку с молоком...

— И-и, что вспомнила! Где оно, молочко-то? Коров-то ни у кого не осталось...

«Поотбирали скотину, сволочи!» — понял Степан.

— Ноне, говорят, опять разрешают, скотинку-то...

— Ага! Чтоб опять отнять...

— Да-а, жисть-жисть, — вздохнула одна, — мясо по карточкам...

— И сахара-то как нет, так нет, — сказала другая.

— В Москве-то, сказывают, еще чего-то есть...

«В Москве! В Москве! Значит, держится Москва! Не сдали!» — обрадовался Гудков.

— «В Москве!» — вторая старушка передразнила подругу. — Да у Федотова вон, — она махнула в сторону большого дома под железной крышей, — и без Москвы все имеется.

«С властями сотрудничает, гад! — недобро подумал Гудков. — Полицией небось или староста...»

Степан решил пробираться в Москву, но по пути посчитаться с полицаем. Пополз к федотовскому дому, схоронился в дальнем конце сада, за уборной, ожидая удобного момента.

— Хозяин! Комнату не сдадите? — донеслось от дороги. У калитки стояла женщина с маленькой девочкой.

«Беженцы», — решил Гудков.

На крыльце появился грузный мужчина.

«Ишь, ряшку наел, когда другие на фронте», — зло подумал Гудков.

— Комнату? — переспросил Федотов. — Триста рублей.

Женщина у калитки, похоже, потеряла дар речи и способность двигаться, а Федотов, не дожидаясь ответа, безразлично двинулся по дорожке прямо к уборной. Похоже, Гудкову улыбнулась редкая удача.

Но он решил пока не кончать эту гниду: пусть сначала возьмет на постой несчастную мать с ребенком.

Сержант потихоньку, сзади стал просовывать в щель между досками ствол своего ППС...

Не берусь описать чувства человека, сидящего, казалось бы, а самом безопасном, укромном месте, когда он вдруг чувствует телом прикосновение металла и в ту же минуту летом 1987 года слышит сзади вкрадчивый шепот:

— Папаша! Кто в деревне — наши или немцы?

— На... на... — попытался ответить Федотов.

— Наши? А что ж так дорого комнату сдаешь?..

Женщина у калитки к этому моменту только-только стала приходить в себя, когда вид человека, вывалившегося из уборной без штанов с криком: «Даром! Даром отдам!..» — снова поверг ее в столбнячное состояние...

А Гудков решил в Москву идти ночью, а пока хорошиться здесь, справедливо полагая, что у полиция или старосты, кем там был этот Федотов, немцы его искать не будут. Решив немного заснуть, он очнулся от какого-то интуитивного чувства страшной опасности. Было уже совсем темно, и все-таки Гудков разглядел там, у дороги, несколько машин. На их светлых боках были хорошо видны темные кресты...

«Ах, гадина, — мелькнуло у Степана, — донес все-таки!..»

Из машин вышли человек десять, все в белых масках-латах, двое были с носилками.

«Носилки тащут, — удовлетворенно подумал Гудков, — убитых своих подбирать, знают, что так просто не дамся...»

Отступив метров на триста, он вскарабкался на дерево и видел оттуда, как суетились белые фигурки, как кричал Федотов: «Да здесь он был, здесь! Кто, говорит, в деревне — наши или немцы?.. Сам я его, конечно, не видел, он сзади был... Поверьте, товарищи...»

Видимо, вот этим неосторожно сорвавшимся словом «товарищи» Федотов подписал себе приговор.

Люди в белом связали его, бросили на носилки. И один произнес: «Галлюцинации». Наверное, это означало «расстрелять» или «повесить» — Гудков не знал немецкого...

Когда моторы машин с крестами затихли вдали, Степан спустился и пошел к Москве. На его счастье, машин на дороге не было, да и не могло быть — вся она была в рытвинах, ямах, воронках. Видимо, наши, отступая, наковыряли в ней дырок. Но как далеко отступили? — вот

вопрос. Согласно указателю до Москвы было десять километров.

На рассвете Гудков залег в придорожном кювете, чуть приподнялся, припав глазом к кромке дороги.

Справа и слева тянулись поля. На поле ковырялись в земле несколько стариков и старух.

«Молодежи-то нет совсем, — отметил Степан, — видно, всех в Германию фриц утнал...»

Старики, как и положено настоящим патриотам, оказавшимся под оккупантом, откровенно саботировали, они еле-еле махали граблями, по часу перекуривали, повсюду стояли сломанные — видно, нарочно — трактора и комбайны.

«Молодцы какие, — подумал о них Степан. — Тут, наверное, крепкая подпольная ячейка».

Ночью Гудков опять двинул к Москве. Уже в самом пригороде увидел яркие огни и пошел на них.

«Если костры для приемки диверсантов — гранату швырну, — решил он. Но оказалось, не костры, оказалось — загородный ресторан. У дверей стоял человек в форме, с генеральскими лампасами на штанах и кому-то объяснял:

«Русских не пускаем, сегодня у нас немцы гуляют»...

«Немцы! У самой Москвы! И генерала в плен взяли! Унизили, у дверей шавкой поставили...» — от всего этого Гудкову хотелось разрыдаться. Он в эту минуту не думал о себе, одна мысль жгла мозг: спасти генерала! План его был прост, как проста бывает смерть в бою: незаметно подползти, поменяться с генералом одеждой, встать вместо него, а там быть что будет! И сержант пополз...

Он был уже у самых дверей, когда к генералу подошла девушка. Немка? Наша? Девушка заговорила по-русски:

— Привет, папаша...

«Куда ж ты, милая? — в отчаянье подумал Степан. — Куда ж ты в самое логово?! Эх, надо ж предупредить...»

— Есть ценные кадры, — вдруг сказал генерал.

«Разведчица! — понял Гудков. — Ах ты, мать честная, ребенок же почти, а такой герой. Не-ет, такой народ на колени не поставишь...»

Девушка что-то сунула генералу в руку, видимо шифровку, и смело шагнула внутрь... Гудков перевел дух. Только что он, решив спасти генерала, чуть было не раз-

рушил хорошо законспирированную сеть советских чекистов!..

Решив больше ни во что не вмешиваться, сержант двинул в Москву.

А в том, что Москва наша, живет и сражается, он теперь не сомневался.

Было еще не так поздно, двадцать три ноль—ноль, но Москва, как и положено прифронтовому городу, была погружена в темноту... Он ходил, разглядывал вывески и недоумевал: министерство... министерство... министерство — зачем их столько? Он видел на магазине вывеску «Мясо», прижимался к витрине, но там была только туша из папье-маше, а мясом в буквальном смысле даже не пахло. А из магазина «Овощи» пахло, но только не овощами, и запах этот напомнил Гудкову, что пора, кстати, перемотать портянки...

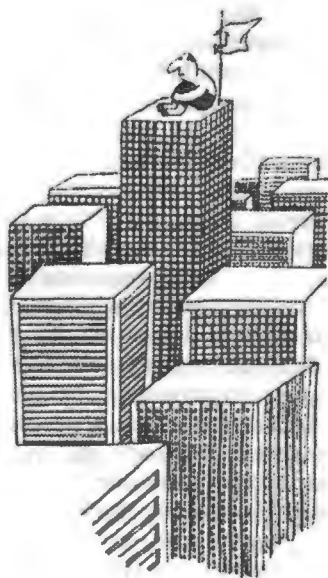
И вдруг его осенило, он понял! Конечно же, это были ложные министерства и ложные магазины!.. Гудков вспомнил, как командир роты приказывал им строить ложные батареи и ложные аэродромы. Прилетали фашисты, усердно бомбили фальшивые объекты, а настоящие батареи и аэродромы, спрятанные в укромном месте, оставались целехоньки... Так и здесь, конечно! Настоящие министерства, настоящие магазины с настоящими продуктами спрятаны в укромном местечке, вместе с настоящими министрами, а эти так, для блезиру! Пусть бомбят, не жалко! И придумал эту хитрость, решил Гудков, конечно, сам товарищ Сталин! И выходит, что он не только отец всех народов, но и отец всех фальшивых министерств, фальшивого мяса и фальшивых овощей...

Ему стало радостно и захотелось оделить своей радостью всех. Но никого не было. Только одинокая старушка брела с полной авоськой спичек и детского мыла. Гудков подскочил к ней, хлопнул по плечу и гаркнул: «Погоди, бабуся, все будет! Нам бы только до Берлина дойти!..»

От мысли, что все нормально, что ни о чем думать не надо, когда за тебя думает самый мудрый из людей, Степану стало легко и покойно. Он лег на лавочку, свернулся калачиком...

«Сосну до утра, — счастливо подумал он, — а утречком на Красную площадь, к Кремлю — хоть издали глянуть, где он там сидит и за всех думает...»

Гудков и проснулся с тем же ощущением счастья, с той же мыслью идти к Кремлю. Он шагал, ничего не замечая вокруг, и думал о том, что Москва наша и никогда мы ее не отдадим... Он шагнул на Красную площадь, и вдруг его зашатало и нечем стало дышать — на Красную площадь садился немецкий самолет...

Коэффициент усидчивости

Я вернулся из отпуска

в свое специальное конструкторское бюро.

— Я теперь не у вас, а в «Автоматизации весовых измерений», — прогудела «слониха» Евлалия Евлампиевна, перемещаясь, как эпицентр землетрясения.

Выскочил солидный Голопятов с веером перфокарт в руке. Он схватился за одну, точно хотел побить козыря.

— Слушай, — задержал я его, — что за бум?

— Мы наконец занимаемся настоящим делом! — бросил он на ходу.

Я прошел в свой отдел, сел за стол. На табло зажглась лампочка. Встал — лампа погасла.

— Что за чертовщина?! — удивился я: от стула шел кабель.

— Это УУКУ. Спецстул. Узел Учета Коэффициента Усидчивости. Выдает время пребывания на рабочем месте, — отдолдонила чертежница Сильва.

— По Евлалии Евлампиевне предельную нагрузку на этот стул проверяли. Включена в авторский коллектив.

По дороге к Главному меня остановил плакат. Скончался престарелый Горошкин? Но черной каймы не было. Горошкин — ветеран. Был издан даже приказ, разрешавший ему спать в медпункте после обеда. У нас шутили: «Горошкин спит час по приказу и семь — без».

Я прочел «Молнию»:

«Поздравляем Ивана Степ. Горошкина с победой! Перекрыт рекорд СКБ. Теперь рекорд коэффициента усидчивости — 97,67 процента!»

— Садитесь. Нет, вот сюда, — показал Главный на спецстул. — В кресле ваше трудовое время не зачет ЭВМ.

Я сел. На настольном табло вспыхнуло: «Отдел 7».

— Привстаньте. — Надпись погасла. — Садитесь. — Я зажег табло ягодицами.

— Еще? — вежливо спросил я.

— Достаточно. За ваше отсутствие Горнера заменил Прохин...

— Почему не Голопятов? — не удержался я.

— Голопятов не тянет. Он непорядочный человек: на опробование спецстула явился с гантелями в карманах.

«Гантели в карманах»? Это, по-видимому, что-то новое, вроде «шариков не хватает».

Поглядывая в таблицу, стал вычислять что-то на линейке.

— Ваш вес меньше Прохина, но больше Штейна.

Польщенный, я восхитился Главным. Как Цезарь, он делал сразу три дела: вычислял, изучал таблицу и давал верные оценки своим маршалам.

— Мы завершаем АС-восемь, а... — начал я канючить.

— АС-восемь — что такое? — зевнул он.

— «АС-восемь, — прочел я с наклейки на папке, — автоматическая система, по перегрузке живой рыбы при нерестовом ходе через плотины гидростанций».

— Вы поправились?! — вдруг встревожился шеф. — Что у вас в карманах?

— Вот... ключи, кошелек...

Он подвел меня к весам. Я стал развязывать галстук.

— Не надо. — Он подвигал гирьку и побагровел: — Мы, кажется, поспешили с вашим выдвижением. Сядьте. Встать. Сесть. Что за чертовщина?! Врут весы?.. Был кто-нибудь здесь? — вызвал он секретаря.

— Голопятов что-то колдовал у весов.

— Не пускать негодяя!! Так... Забудем АС-восемь. Наше генеральное направление — САУКУ, Система Автоматического Учета Коэффициента Усидчивости. Наша разработка. Перспектива. Запросы из других ведомств. Из нас делают НИИ.

— А что исследовать? Все решено, — неосмотрительно заметил я.

— Решено?! Проблем уйма, — заходил он, как маятник, по кабинету.

У моего дедушки были часы с головой Петра. Фарфоровые. Зрачки монарха следили за маятником. Я сейчас походил на великого Петра. В этом узком смысле.

— Скажите, сиденье на этом вот спецстуле у меня — производственный акт?

— Да, то есть нет, — допустил я на всякий случай два варианта.

— Конечно, да. Мы расширяемся. Начальников много, будет еще больше. А я один. Когда подчиненный мне начальник садится вот тут, то должен я, черт побери, знать, — рассердился Главный, — кто это?

— Как минимум, — согласился я.

— И это я должен определить безошибочно. Директор — как сапер...

Он смахнул мужскую слезу и стал нарочито смотреть в окно.

— Что здесь нужно? — овладев собой, повернулся ко мне Главный.

Я применил прием Петра Великого — стал зыркать глазами туда-сюда.

Нужна система: начальник сел — на табло его визитная карточка. От чего должна срабатывать эта система? От веса! Это пришло, когда я чесал спину об угол телевизора.

Он был откровенен со мной, как с биографом.

— Чтоб эта система уверенно различала начальников отделов, их вес должен отличаться на три килограмма...

(Что здесь сказал бы царь Петр? Что можно императору — нельзя мне.)

— Да, но, — робко возразил я, — при дискретности в три кило вы быстро исчерпаете весовой регистр выдвигенцев.

— Вот!! А вы — нет проблем! Новое тянет за собой новое, — снова зажегся Главный. — Новый научный подход к комплектации кадров, новая мораль, если хотите! Новое встречает ожесточенное сопротивление консерваторов. Мы сломим их, — заскрипел он зубами и лягнул ими, точно поймал муху. — Вот какой фельетончик подбросил ретроград Бычный для стенгазеты...

Мелькнул заголовок: «Мозоли на ягодицах».

— Ваш отдел я укомплектую молодежью. АС-восемь с этими рыбами, — главный брезгливо поморщился, — спускайте на тормозах. Кабель не фонтан. Думайте.

Я вышел. Меня словно ударило: а как там моя лампа? Я побежал. В тройном прыжке достиг своего стула на табло мигнула и загорелась моя счастливая звезда. Молодые спецы играли в крестики-нолики.

— Ребята, сюда. С УУКУ познакомились? Лады. Это не фонтан, — я аргументированно пнул ногой кабель от стула. — А без него?

— Если на УКВ? Связь по эфиру, — несмело предложил парень с варяжскими усами.

— Дико дорого! — возразила девушка, оправляя белую блузку с оттиском газеты «Пари суар».

Завязывалась хорошая техническая дискуссия. Делалось дело. С отеческой любовью и надеждой на то, что ребята разберутся, расскажут, а я, может быть, пойму, смотрел я на нашу смену.

В добрый путь, молодые!

наУка

Аркадий Хайт

Первый визирь

Солнце клонилось к закату.

На высоком минарете заунывным голосом кричал муэдзин, и звуки его молитвы долетали до белоснежного, утопающего в зелени дворца.

Великий султан разгладил свою бороду, поблескивающую сединой, и милостиво кивнул первому визирю. Тот положил руку на сердце и начал свою речь:

— Мудрейший, мне кажется, я нашел способ, как поправить наш бюджет. Ты только сразу не возражай, ты дослушай. Мне кажется, — визирь набрал в грудь воздуха, — нам надо распустить твой гарем.

Султан приподнялся на подушках:

— Чего?!

— Погоди, великий, не гневайся. Ты же сам знаешь: казна пуста, народ накануне голодных бунтов. А во сколько нам обходится твой гарем? Вот смотри, я подсчитал... — Визирь осторожно придвинул к султану лист бумаги. — Каждый день фрукты, шербет, халва. Наряды, украшения, заморские благовония... Я уже не говорю про обслуживающий персонал. Да на эти деньги мы можем целый месяц кормить твоих подданных.

Султан недоверчиво посмотрел на бумагу, потом на своего визиря:

— Целый месяц?

— Да, великий! Месяц и еще два дня.

Султан пухлой рукой почесал затылок:

— Не знаю... Как-то это все очень неожиданно. Боюсь, народ может нас неправильно понять. Не сочтут ли они это свидетельством нашей слабости?

— Что ты, могущественный! Народ знает, что ты мужчина в самом расцвете сил. Но, мудрейший, положи руку на сердце, — так ли тебе нужен этот гарем? Вот погляди... — Визирь достал вторую бумагу и положил ее перед султаном. — Там сейчас по списку сто двадцать наложниц. Ты, конечно, еще бодр и свеж — но как часто ты посещаешь своих жен? Один раз в месяц. Не спорь, я узнавал... Другими словами, это получается двенадцать раз в

год. Значит, каждая любимая жена видит твои ласки один раз в десять лет.

— Этого что, мало? — обиженно спросил султан.

— Нет-нет, солнцеподобный! Твой визит, даже такой редкий, все равно подарок Аллаха. Но, может быть, сто двадцать — это чуть-чуть много? Давай оставим пяток. Ну, десять в крайнем случае...

— Пяток... А что скажут за границей?

— Да, божественный, какая нам разница, что они там скажут! Что мы все на них оглядываемся? В конце концов, мы сами великая империя.

— Вот именно, что великая! А какая же это империя без гарема?

— Ну почему без? Пусть гарем будет, только маленький. Так сказать, по возможностям.

Султан задумчиво откусил спелый персик и положил его обратно в вазу.

— М-да, честно говоря, не этого я от тебя ждал. Все-таки молодое поколение с университетским дипломом. Я думал, ты какой-нибудь новый налог изобретешь или войну с кем-нибудь.

— Какая война, мудрейший?! Народ крайне истощен.

— Народ! Народ! — разозлился султан. — Народ — это я, понимаешь? И мне нужно быстро и ничего не меняя добиться экономического могущества. А ты лезешь с какими-то пустяками... Ладно, оставь свои бумаги, я посмотрю.

Первый визирь, низко поклонившись и сложив руки на груди, пятясь задом выкатился из комнаты.

Султан посмотрел тяжелым взглядом на закрывшуюся дверь:

— Молокосос! Ишь, чего придумал: гарем закрыть! Да им только дай потачку! Сегодня я гарем распушу, а завтра меня самого из дворца попросят. Нет уж! Гарем — это основа. А святыне вещи мы никому трогать не позволим. Никому!

И взяв со стола бумаги, султан разорвал их на мелкие клочки.

На следующий день в гареме появился новый евнух. Как шептались во дворце, этот евнух своей внешностью удивительно напоминал первого визиря султана.

Даниил Хармс

Когда жена уезжает куда-нибудь одна, муж бегает по комнате и не находит себе места.

Ногти у мужа страшно отрастают, голова трясётся, а лицо покрывается мелкими чёрными точками.

Квартиранты утешают покинутого мужа и кормят его свиным зельцем. Но покинутый муж теряет аппетит и преимущественно пьёт пустой чай.

В это время его жена купается в озере и случайно задевает ногой подводную корягу. Из-под коряги выплывает щука и кусает жену за пятку. Жена с криком выскакивает из воды и бежит к дому. Навстречу жене бежит хозяйская дочка. Жена показывает хозяйской дочке пораненную ногу и просит её забинтовать.

Вечером жена пишет мужу письмо и подробно описывает своё злключение.

Муж читает письмо и волнуется до такой степени, что роняет из рук стакан с водой, который падает на пол и разбивается.

Муж собирает осколки стакана и ранит ими себе руку.

Забинтовав пораненный палец, муж садится и пишет жене письмо. Потом выходит на улицу, чтобы бросить письмо в почтовую кружку.

Но на улице муж находит папиросную коробку, а в коробке 30 000 рублей.

Муж экстренно выписывает жену обратно, и они начинают счастливую жизнь.

Скасска

Жил-был один человек, звали его Семёнов. Пошёл однажды Семёнов гулять и потерял носовой платок. Семёнов начал искать носовой платок и потерял шапку. Начал шапку искать и потерял куртку. Начал куртку искать и потерял сапоги.

— Ну, — сказал Семёнов, — этак всё растеряешь. Пойду лучше домой.

Пошёл Семёнов домой и заблудился.

— Нет, — сказал Семёнов, — лучше я сяду и посижу.

Сел Семёнов на камушек и заснул.

Публикация Владимира ГЛОЦЕРА

Ироническая поэзия

Владлен Бахнов

Легенда о Сизифе и циклопах

Увы, в наказаниях боги щедры,
Хоть быть подобнее могли бы.
Наказан Сизиф: на вершину горы
Он тащит тяжелые глыбы.
Устал он от жажды, устал от жары,
Тут лечь и не двигаться впору.
Но только дойдет

до вершины горы,
Срывается глыба —
И в тартарары,
И вновь поднимай ее в гору.
И сто лет пройдет,

и тыща пройдет,
Бессмысленно длится работа:
Сизиф свою ношу несет и несет,
И так без конца и без счета.
И сто лет пройдет,
и тыща пройдет,
И так без конца и без счета...
Но Зевс вдруг припомнил:
— А как там идет
У нашего друга работа?
Забыли о нем мы.

Ну что ж, не беда,
Пора поглядеть, что да как там:
А ну-ка пошлем

двух циклопов туда.
Я верю не слухам, а фактам!
Ведь кто-то за грешником

должен следить:
Он сам предоставлен себе там
И может бессовестно
байдыки бить

**Всем клятвам назло и обетам!
Я принял решение:**

Пусть с этих пор
По названной мною причине
Один у подножья стоит контролер,
Другой контролер — на вершине.
А чтоб не дремали лентяи в тени
И дело свое не прохлопали,
Еще двух циклопов пошлем,
Чтоб они
Следили за теми циклопами.
— А ежели и эти циклопы все враз
Доверия не оправдают?
— Да мало ли, что ли,
Циклопов у нас?
Пошлем, и пускай наблюдают.

[illegible]

И старший циклоп,
весь Олимп поразив,
В своем сообщении кратком
Донес, что, внося беспорядок,
Сизиф
Мешает следить за порядком.

И хоть в наказаниях боги щедры,
Но тут порешили всем скопом:
Убрать для порядка Сизифа
с горы.
Дабы не мешал он циклопам.

При исполнении, обходясь без слов,
И днем и ночью
  в сфере моря занят.
И ведь подумать:
  так пустоголов,
но, черт возьми,
  как туго дело знает!..

Наталия Грачева

Колыбельная на втором этаже панельного дома

Спать пора давным-давно,
Спит метро, и спит кино.
На метле с охапкой дел
Тихий дворник пролетел.
                        Выше луж с негромкой бранью
                        Он по воздуху сквозит,
                        К профсоюзному собранью
                        Речь готовит, паразит..
Видишь, плюнул нам в окно...
Спать пора тебе давно.

Чуешь запахи в ночи!
Это греет кирпичи
Тетя Валя на плите.
Зябка бедной в темноте.
                        Даром только что с дипломом,
                        Оплошала год назад —
                        Батареи спер из дома
                        Пионерский ваш отряд.
Спи. Уснул металлолом,
Насдававшись за углом.
Спит и Вася, наш сосед,
Тунеядец-домосед.
Гонит Вася самогон,
У него хороший сон.
                        Чуть попозже он проснется,
                        Превратится в пылесос,
                        И завоюет, и забьется,

И завертится вразнос.
Вот тогда уж не заснешь!
Все поешь тебе, поешь...

Закрывай глаза, малыш,
Я уж сплю... А ты не спишь!
Все у нас с тобой о'кей
От тайги и до морей.
Пусть не радуют надои,
Урожаи и приплод,
Поколение младое
К Марсу двинет звездолет.
Будут там дворы мести,
Будут яблони цвести...
Поскорей, сынок, расти!

Олег Дмитриев

Баллада о «телеге»

В кадрах — в сейфе, в «личном деле» —
Весь, как есть, я, стало быть:
От пеленок, от купели,
Даже битву в цэдээле
Мне не могут позабыть!

В давний год случилась драка
От избытка юных сил.
Был разбит я,
Но, однако,
Оклемавшись, победил.

Ах, телега-колесница,
Ты в судьбе моей прокол:
Показанья очевидца,
Милицейский протокол...

После время надавало
Благодарностей, наград,
Но «телеге» горя мало —
Рукописи не горят!

Каждый лист пронумерован,
Дышит каждая строка,
Старый грех мой замурован
В черном чреве тайника.

Стыдно. Каждая страница
В жар бросает до сих пор.
Для чего же он хранится,
Справедливый приговор?

Получил я по заслугам,
Перестал бывать в «раю»
И на год домашним крутом
Ограничил жизнь свою.

С благодарностями всеми
В папочке — какой уж год —
Все лежит «телега» в сейфе.
Есть не просит, пить не пьет.

Может быть, хранится тайна
Для потомков, для внучат —
Вдруг прочтут ее случайно,
В упоенье закричат:
«Это дедушки Олега
Персональная «телега»!»

Шалуны, родное племя,
Молодые голоса!
А за мной скрипят все время
Все четыре колеса!

Береги ее, темница,
Как особо ценный клад!
Вдруг еще и пригодится
Сей замшелый компромат?!

Александр Дольский

Встреча

Вы улыбнулись мне печально,
Я притворился, что не понял,
Вы удивились, и плечами
Изобразили, как вам больно.

А я без слова, без движенья
Воспроизвел непониманье.
Вы осознали положенье
И стали равнодушны крайне.

И думал я: чего вы ждете?
Вы думали: чего я жду?
Я ждал, когда же вы уйдете.
А вы — когда же я уйду.

Борис Заходер

Тайна творчества

У творчества, друзья,
Секретов нет.
— А тайна?
— Тайна есть.
Но это — не секрет!

Все очень просто

Легко достать
Небесную звезду,
Легко руками
Развести беду

И написать стихи.
Все очень просто.
Но только
Надо
Быть большого роста!

***

Говорят,
Что в столице
        никто не найдет
Ни Покровских,
Ни Красных,
Никитских ворот.
А найти их,
По-моему,
Просто-просто:
Стоит
Прыгнуть
В Неглинку
С Кузнецкого моста...

Игорь Иртеньев

Приглашение в Мытищи

Г. Кружкову

Если в доме нету пищи,
Газа, света и воды,
Приезжайте к нам в Мытищи —
Полчаса до нас езды.

Вас накормят и напоят,
И оставят ночевать,
Обогреют, успокоят,
Руки будут целовать.

Все болезни вам излечат,
Все условия создадут,
И работой обеспечат,
И семьей обзаведут.

И детей пристроят в ясли,
Как родятся, сей же час.
Словно сыр, кататься в масле
Вы здесь будете у нас.

А когда на этом свете
Вы устанете душой,
Напечатают в газете
Некролог про вас большой.

Место тихое подыщут,
Добрим словом помянут...
Приезжайте к нам в Мытищи
Хоть на несколько минут!

Владимир Костров

Испанская баллада

(Для внутреннего голоса)

Донна Анна, примадонна
Королевского театра,
Разминаясь на балконе,
Танцевала тарантеллу
(Дочке — куклу, теще — джинсы,
Женушке — корсет и шляпу,
И набор из медных брошек
Для веселых милых крошек).

В это время некий Педро
(Дочке — куклу, теще — джинсы),
Знаменитейший эколог
(Женушке — корсет и шляпу),
Возвращался со стриптиза
(И набор из медных брошек)
На большом велосипеде
(Для веселых милых крошек).
Словно два клинка толедских
(Дочке — куклу, теще — джинсы),
Взоры их, сверкнув, скрестились
(Женушке — корсет и шляпу),

Элегантнейшею ножкой
Белоснежною пуантой
(И набор из медных брошек)
Донна Анна зацепила
Невзначай горшок цветочный
(Для веселых милых крошек)
И обрушила с балкона
На ученого повесу.
И поверил я, стегая
Захромавшего Пегаса,
В то, что истина нагая
Совершенна и прекрасна
(Дочке — куклу, теще — джинсы),
И т.д., т.п. и пр., пр.

Феликс КРИВИН

Совет птицы

Прокричала весенняя птица,
Уходя в лучезарную высь:
«Если хочешь летать научиться,
Не летать, а падать учись!»
И умчалась подруга крылатая,
Рассекая небесную гладь...
И с тех пор я падаю, падаю...
Скоро буду, наверно, летать.

Бег

Бежишь — и все бежит обратно:
Столбы, деревья, небеса.
Особенно бежать приятно,
Когда бежишь не от, а за.
Дорога стелется покорно,
И даль волнует и зовет.
Особенно бежишь проворно,
Когда бежишь не за, а от.

Фигурное катание

В катании достигли мы вершин,
И фигуристы славою увенчаны...
Да, далеко не каждый из мужчин
Умеет так красиво бросить женщину.

Борис Мартыхин

Размышление о деньгах

Росли бы деньги на деревьях
купюрами по всей Руси,
тогда живем, тогда не дремлем:
захочешь денег — натряси!
С пустым мешком из-под картошки
пройдешься вдоль густых аллей —
четвертаки, червонцы, трешки
срывает ветер с тополей.
И стало меньше бы поэтов,
а дворников — наоборот,
в особенности теплым летом,
и осенью, и круглый год.
Зимою ехали бы к югу,
когда мешки уже пусты,
и мы искали бы повсюду
вечнозеленые кусты.

Сергей Мнацаканян

Уличное

Эта девочка в новой машине —
эта девочка с новым лицом,
эта девочка — вроде пружины
перед выстрелом или броском...

Светят губы нежнее черешен.
Взгляд небесной под стать синеве.

И железно подсчитан и взвешен
мир в прелестной ее голове.

Увы...

Мои товарищи давнишние,
вы отрастили животы,
берете длинные «больничные»,
С начальством ладите на «ты».

Но загнивает даже дерево,
когда в стихах стоит вода,
и главное душой потеряно,
что не вернется никогда...

Физика

Когда сойдешь с тропы лесной,
тебе навстречу, громко лая,
летит мгновенно пес цепной,
как бы реакция цепная...

И не промолвишь ничего,
уматывая без оглядки.
А вслед молекулы его
хрипят в косматом беспорядке!

Владимир Орлов

Жалобы водяного

Среди ночи тревожно и тяжело
Водяной застонал вдалеке.
— Что с тобою случилось,
бедняжка?

Аль чего не хватает в реке?
— В этой речке хватает всего,
Только нет одного — аш два о!

Козы под наркозом

По шершавому шоссе
Шелестит резина.
Душно в лесополосе
От паров бензина.
Между елкою и палкой
Две козы лежат вповалку.
Мы подходим к этим козам —
Те как будто под наркозом:
Только рты разинули —
Ловят кайф бензиновый.

Монолог телефонного аппарата

Чуть не стал я кучей лома,
Бил меня хозяин мой:
Он из собственного дома
Три часа звонил... домой.

Мне и больно, и обидно,
И не ясно ничего:
Проверяет он, как видно,
Все ли дома у него.

Зиновий Паперный

Творческая неудача

Слова, сказал я, стройтесь в строки,
Духовной жаждой я томим.
Да будет стих! Настали сроки...
Слова сказали: — Не хотим...

Я крикнул им: — Побойтесь бога!
Одной вы связаны судьбой,
Одна теперь у вас дорога...
Они смеются: — А на кой!

Так ничего со стихом и не получилось.

Услуга

Что за
Услуга
                    высокого класса!
Трубку снимаю,
Звоню: «Это касса?
Мне на восьмое
                    четыре билета».
«Ждите ответа,
Ждите ответа,
Ждите ответа,
Ждите ответа...»

В магазине «Игрушки»

Положили куклу —
Мило
Глазки, умница,
Закрyla.
Посадили —
И, как в сказке,
В тот же миг
Открыла глазки.
А назвали цену —
Хлоп! —
Глазки вылезли
На лоб!

Анатолий Преловский

О воспитании дарования

Чтобы дать ему сбыться,
чтобы дать ему спеться —
не давать ему спиться,
не давать ему съестся.

Судьба

Судьба — злодейка, всякий знает,
и дева с ангельской душой,
случается, что променяет
большой талант на чин большой.

Владилен Прудовский

Загадочная яма

Не объясняя ничего,
Копая яму возле дома,
Чем будоражу естество
Своих соседей и знакомых.

Наперебой они острят:
— Наверно, шахту открывает!
— Поди, откапывает клад!
— Скорей талант свой зарывает!

А я закрытым рот держу.
Пусть без меня идет беседа.
Я, хоть убей, им не скажу,
что яму рою под соседа!

Александр Раскин

Поэту Эн

Едва успел твой стих забыть —
Как ты статьей меня тревожишь.
Поэтом можешь ты не быть,
Но критиком ты быть не можешь.

Поэту-критику

Скажу, статей твоих отведав
И посмотрев твои тома,
Все ясно: ты не Прибоедов,
И горе тут не от ума.

«Принципиальный»

Принципиален до конца.
Голосовал за подлеца
И говорил: — В конце концов,
Я видел худших подлецов.

Литфлюгер

Сначала утверждал одно,
Теперь другое врет искусно,
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так... гнусно!

Эльдар Рязанов

Мои вещи

Поэтический триптих

1. Моим ботинкам

Нет ничего милей и проще
потертых, сношенных одежд.
Теперь во мне намного больше
воспоминаний, чем надежд.

Мои растоптанные туфли,
мои родные башмаки!
В вас ноги никогда не пухли,
вы были быстры и легки.

В вас бегал я довольно бойко,
быть в ногу с веком поспевал...
Сапожник обновлял набойки,
и снова я бежал, бежал.

В моем круговороте прошлом
вы мне служили, как могли:
Сгорали об асфальт подошвы,
крошились в лужах и в пыли.

На вас давил я тяжким весом,
 вы шли дорогою потерь...
 А мне знакома жизнь под прессом,
 знакома прежде и теперь.

Потом замедлилась походка —
 брели мы, шаркали, плелись...
 Теперь нам не догнать молодку,
 сошла на нет вся наша жизнь.

Вы ныне — жалкие ошметки,
 и ваш хозяин подустал,
 Он раньше на ходу подметки —
 но не чужие, правда — рвал.

Вы скособочены, и кривы,
 и безобразны, и жутки,
 но, как и я, покамест живы,
 хоть стерлись ваши каблуки.

Жаль, человека на колодку
 нельзя натянуть, как башмак,
 сменить набойку иль подметку
 или подклеить кое-как.

Нет ничего милей и проще
 потертых, сношенных вещей.
 И словно старенький старьевщик,
 смотрю вперед я без затей.

2. Моей рубашке

Моя бывалая рубашка
 всегда на пузе нараспашку:
 ты как сестра иль верный брат,
 погончики и два кармашка,
 была ты модною, бедняжка,
 лет эдак семь тому назад.
 Была нарядной и парадной,
 премьерной, кинопанорамной,
 Пока не сделалась расхожей,
 такой привычной, словно кожа.

С тобой потели не однажды
и мерзли. Мучились от жажды,
и мокли, и глотали пыль,
Снимая каждый новый фильм.
Ты к телу ближе всех, конечно,
но, к сожаленью, ты не вечна...
Не мыслю жизни без подружки,
тебя люблю, к тебе привык.
От стирки, чистки и утюжки
на ладан дышит воротник.
Кой-где от лет расползся крой,
да и манжеты с бахромой.
С тобой веду себя ужасно:
вся пища капает на грудь,
теряю пуговицы часто
и рву по шву. Какая жуть!
Моя вторая оболочка!
Мне без тебя непросто жить,
а мне велят поставить точку:
лохмотья стыдно, мол, носить!
Не понимает нашей дружбы
жена, что тоже мне нужна...
Рубашек стильных мне не нужно —
моя привязанность верна.
Женой ты сослана на дачу.
В тебе ходил я по грибы.
А вот сегодня чуть не плачу
от рук безжалостной судьбы.
Конец! Разорвана на тряпки!
Тобою трут автомобиль...
А я снимаю в беспорядке
в рубашке новой новый фильм.

3. Моей шапке

Воспета мной моя рубаха —
сложил я гимн про башмаки.
Готов для третьего замаха —
чему же посвятить стихи?
Какую вещь избрать в герои:
пальто ли? Свитер иль пиджак?
Решенье трудное, не скрою,
тут не поступишь абы как.

Я не богач в экипировке,
но все ж и не из голытьбы.
А если взять трусы? Неловко...
Я опасаясь лакировки
и, грешным делом, похвальбы.
Итак. Решительно отпали
трусы невиданной красоты.
Вдруг вспомнил я, что на развале
в Венеции на Гранд Канале
купил шапчонку за гроши.
Чужая голова — потемки,
но не для красочной шапчонки
с помпоном красным, озорным.
Кокетливая, как девчонка,
родной ты стала, как сестренка,
мелькала, словно флаг, на съемках,
когда рождался новый фильм.
Жила ты у меня в кармане,
нам было вместе хорошо...
Лысели оба мы с годами,
но тут тебя я обошел.
Познала ты мои секреты,
и помышленья, и обеты,
что удалось, не удалось.
Мои вопросы и ответы
тебе известны все насквозь.
Ты на башке сидела ловко
с самосознанием красоты...
А сколь пуста моя головка —
про это знали я да ты.
Меня всегда ты покрывала
в обоих смыслах. В холода,
как верный друг, обогревала,
со мною ты была всегда.
Себя я чувствую моложе,
когда на кумполе — помпон.
А мне твердят со всех сторон:
такое вам носить негоже,
мол, на сатира вы похожи,
а умудрен и убелен.
Но мне солидность не по нраву,
мне райской птицей не бывать,
в стандартную не вдеть оправу...

А может, нечего вдевать!
К свободе дух всегда стремился,
повиновенья не сносил.
Ужель лишь в шапке проявился
бунтарский мой шершавый пыл?!

P.S.

Пора кончать стишки о шмутках,
пора переходить к делам,
забыв о захудалых шутках
и баловстве не по годам.

Ефим Самоварщиков

По моему примеру

Автобиографическое

Однажды в круг электросварщиков
Зашел великий Самоварщиков.
Он стал с народом разговаривать,
И слушала его братва:

— Вы так должны

железо сваривать,

Как я в стихах своих слова.

И вам тогда, друзья-приятели,

В порыве благодарных чувств,

Как мне, поклонятся ваятели

И каждому поставят бюст!

Самокритичное

Друзья, мой вклад в поэзию огромен —

Я звал народы к свету и добру!

Но знают все,

что я в безмерном скромнен

И, видимо, от скромности умру.

Все обо мне...

От станции недалеко, в колхозе,
 Где я беру нередко молоко,
 Подпрыгивали тетки на морозе,
 Их разговор был слышен далеко.
 О чем они с восторгом говорили?
 Возможно,
     о грядущем светлом дне
 Или о том, каких коров доили.
 Но думаю, что больше —
                                     обо мне...

***

Писал один еженедельник,
 Что Данте мучился без денег.
 И мне нередко не хватало
 Того презренного металла.

***

Повстречались на лавке
 Две букашки, две козявки.
 Обоняли сена пук...
 Мимо полз навозный жук.
 Рассердились букашки,
 Подползли к жуку-бедняжке,
 Стали мять ему бока —
 Изволтузили жука.
 Так они его трепали —
 От усталости упали.
 А потом, разинув рот,
 Поглощали кислород.

Родной пейзаж

Ночь была погожей,
 С россыпями звезд.
 От рассветной дрожи
 Пробудился дрозд.
 Квакала букашка,
 Дрозд в дуду дудел.

Иностранец Пашка.
В щелочку глядел...

***

В моей гостиной, видимо, навек
На гобелене символ жизни вышит:
«Живущий здесь
почтенный человек
Книг не читает — он их пишет!»

Рецепт

Лечись настойкой мухомора!
Она тебя избавит скоро
От всех болезней и злодейства...
Лекарства свойство таково,
Что никаких побочных действий
В нем нету, кроме одного...

Давид Самойлов

Эпитафии

1.

Джо Кагер здесь лежит. Его довел
До гибели, конечно, слабый пол.
Когда Джо Кагер пел и веселился,
Взял слабый пол под ним
и провалился.

2.

На переводчика

Он спит в объятьях матери-природы,
Бедняк себя работой доконал.
Он на земле оставил переводы,
А под землей лежит оригинал.

Из Ионы Нежданова

За последнее время у некоторых поэтов обозначилась тяга к абракадабре. Механизм ее прост: к подлежащему можно прилепить любое сказуемое, к любому существительному — любое определение.

Смысл образуется сам собой или вовсе не образуется. Я изобрел поэта-абсурдиста, от имени которого написал несколько стихотворений вышеозначенным способом. Советую всем!

АВТОР

Твоей сплавной любви троякость,
В которой плюсованья дикость,
Зонтам кубическим не в тягость,
Вшумевшимся в равновеликость.
Разлуки встреч неравнозначны,
А в ключьях клетоты полночны,
Объятья звучны или жвачны,
А поцелуи позвоночны.
И все ж они разноязычны,
Как наводненья и серванты,
Но и не так категоричны,
Как петухи и сикофанты.
Не надо угнетаться в стены,
Дремучие как наважденье.
И спазм сосудистой системы
Воспринимать как день рожденья.

Павел Хмара

Я и вы

Я для врага — живая сила.
Я — кошелек для продавца.
Я — нудный моралист для сына,
беспутный малый для отца.
Для доктора — больное тело,
объект воздействия пилюль.

Меня ГАИ терзает смело:
я для нее — безликий нуль.
Я для жены немало значу:
что без меня ее очаг!
Я для кассирши — это сдача.
я для начальника — рычаг.
Для мамы я — ее надежда,
для автослужб — автомобиль.
Я для ученого — невежда,
а для уборщицы я — пыль.
Я для сберкасс — накопитель,
для гардеробщика — пальто.
Для Пугачевой — телезритель,
для красной девицы... никто.
Я для одних — объект заботы,
а для других — наоборот!
И вот себя спросил я: — Кто ты? —
И я сказал себе: — Я тот,
кто в многие мишени целит,
тот, кто летит то вниз, то ввысь!
Я тот, кого не каждый ценит,
но без кого не обойтись
ни продавцу,
ни бюрократу,
ни замначальника ГАИ,
ни другу и ни супостату
(с кем будет он вести бой?).
Что без меня им в жизни делать,
того не в силах я постичь!
Кого шпынять и звать обедать,
лечить, обманывать и стричь?
Жене я нужен и державе,
врагам и тем, кому помог.
Как правильно сказал Державин:
«Я — царь, я — раб, я — червь,
я — Бог!»
Я, люди, ваш! Меня вы звали,
и вот я с вами на земле!..
Но если бы вы только знали,
что вы еще нужнее — мне!

Пересмешник

Александр Иванов

Валентин ПИКУЛЬ

Слово или дело?

В покоях царских дым коромыслом.

Анна Иоанновна, императрица российская, взвыла утробно, и от удара зверского треснул стол перламутровый работы аглицкой дерева черного.

— Ну-кась, фаульпельцы паскудные, ферфлюхтеры аспидные, шваль енеральская, ответствуйте теперича государыне вашей: как защищать Расею думаете от супостатов пакостных?

Враз обомлев, затрясся канцлер Головкин, сановник непужливый, да ндрав царский на шкуре собственной зело знающий.

Грохнул сапожищами фельдмаршал Миних:

— Алебардой ево, матушка. саблю каку наострить, пику ль...

— Пикуль?! — Анна Иоанновна взревела яростно, яки бугай, живота решаемый. — Обратнo про ево слышать не мочно мне! Докладайте чичас, думкопфы гутнивые, — кто таков Пикуль?

Встрял вице-канцлер Остерман. Проскрипел колесом немазаным:

— Сочинитель, матушка, опосля нас проживаемый. Потомок наш окаянный, в Курляндии, провижу, обретается, откуль и ты родом... Нас, людишек века осьмнадцатого, вдоль и поперек изучимши... Измывается, пища, бюрократиус...

Бирон, временщик ненавистный, ощерился ехидно:

— Писарь он, грамотей анафемский, на весь род ваш царский напасть холерная. Все подушки перетряхал, под все кровати зыркнул, от глаза ево дурного не одна ты,

муттер любимая, душа ангельская, во гробе перевертам-шись... Про тебя, возлюбленная, такое накарябал...

— Читай, ферффлохтер дум!

— Пошто я, муттер небесная? Сил моих нет фаворитских! Ослобни майн либер, зело на денной и нощной службе при тебе... Пощади, о сударыня! На плаху пойду...

— По вседержавному благоутробию нашему приказываю: читай!

— «Царица пре... пре...» Не могу, муттер!

Как стояла императрикс российская, так и села сомлевши. Наконец рот разинула:

— К ноздрей вырыванию! Казнить хунда холопского! Четвертовать перьвым, а вас опосля!

— Хенде коротки, матушка! — Бирон плакал слезами горячими. — Не достигнем ево!..

Скрипнул креслом вице-канцлер Остерман.

За ноги носом об ковер вытащили из залы Головкина — дух от него зело скверный шел...

...За мной, любезный читатель! Вперед, а вернее — назад!

Нет никаких сил и возможностей описать дальнейшее. История о сем умалчивает, а фантазии не хватает.

С чего начали, тем и кончим — в покоях царских дым коромыслом...

Андрей Мурай

Каприз

Я розы красные срезал,
Чтобы тебя увидеть снова,
Твои раскосые глаза —
Как у Натальи Гончаровой.

Иван ЖУПАНОВ

Как свеж букет был и красив!
Такой подарит лишь влюбленный.
Но ты, глаза свои скосив,
Мне отвечала утомленно:
— Конечно, розы хороши,
Но их дарить совсем не ново.
Ты лучше так стихи пиши,
Как муж Натальи Гончаровой.

Алексей ТЬЯНОВ

Все не так

По правую руку — березы,
По левую руку — овес,
И что мне дурные прогнозы
И датского принца вопрос?

Инна ЛИСНЯНСКАЯ

В согласье — луга и дубравы,
В союзе земля и вода...
В природе — ни левых, ни правых:
Ведь ей групповщина чужда.

Сосна и береза — соседи,
Кипрей подорожнику мил,
И волк не терзает медведя
Вопросом: «Ты с кем, Михаил?»

У нас же — наветы, угрозы,
На свары — повышенный спрос.
В фаворе дурные прогнозы
И датского принца вопрос.

Ну что ж, дорогой соплеменник,
Плати плюрализму оброк...
По правую — «Наш современник»,
По левую — наш «Огонек».

И это естественно вроде,
Но вижу отчетливо я,
Что мы изменили природе,
Где просо овсу — не судья.

Виктор Шендерович

Михаил ТАНИЧ

Памятник

За недельку в Комарово
Я воздвиг себя второго:
Симпатичного размером
И простого, как пятак, —
Он вознесся, низко рея,
Выше «алых роз»,

Андрея,
И тропа не зарастает —
Вот уж год, а все никак!

Не умру я весь, ребята, —
Остаются

текстов склады,
Буду славен я, доколе
Есть Апрелевский завод,

И споют
со Скляром хором
Финн, тунгус,
шахтер с монтером,
И калмык, и ныне дикой
Пэтэушник-обормот.

Долго буду я любезен
Как соавтор тыщи песен
Заводским
домам культуры,
Танцплощадкам
и дворцам.

Тем,
что создавал творенья
Сам,
без Божьего веленья!
И писал не хуже прочих
И не требовал венца.

Рога и Копыта

К сведению авторов

Рукописи не горят, но и не возвращаются.

Маленькие хитрости

Если маленькие хитрости не позволяют достичь желаемого, прибегните к большим хитростям.

Григорий БЕЛИКОВ

Знаете ли вы что...

...в России так называемая «выездная торговля» впервые была осуществлена тверским купцом Афанасием Никитиным в 1471—1474 гг.?

Борис БРАЙНИН

Новое правило

введено в магазине «Продукты»: если покупатель начал писать жалобу на продавца, то этот продавец немедленно отстраняется от работы до тех пор, пока покупатель не закончит писать жалобу и не покинет магазин.

Михаил ГЕНИН

Тревожный сигнал

По-прежнему некачественная продукция сходит в конце месяца с конвейера Несусветского завода вычислительной техники. Так, в результате выборочной проверки у четырех ЭВМ из десяти вместо блока памяти обнаружен блок склероза.

Борис БРОНШТЕЙН

Нравы и обычаи

На острове Тарагач, где еще сохранился рабовладельческий строй, существует интересный обычай. Если гостю понравилась незамужняя дочь хозяина, он тотчас может стать ее рабом.

В.ФИЛЬЧЕНКО

Еще один кооператив

Одна из новинок открывшегося на днях в гор. Кукушкинске кооперативного страхового общества — это страхование имущества на случай конфискации.

Амир ДАУТОВ

Реклама

Волк никогда не съест Красную Шапочку, если на ней будет платьице, пошитое на Бухряевской трикотажной фабрике.

Евгений ОБУХОВ

Знаете ли вы, что...

...лучшая столовая города — та, где постоянно обедает ревизор?

...чистосердечное признание чаще всего оканчивается загсом?

Заявление

Прошу направить меня на самый отстающий участок производства фирмы «Шарп»

В. ДЕРЕВНИН

Мелочи жизни

Внезапная проверка ревизорами магазина «Тысяча мелочей» обнаружила отсутствие четырех мелочей на общую сумму 3749 рублей.

Виктор КОНЯХИН

Знаете ли вы, что...

...все чаще для рыбы окружающей средой становится гарнир?

Галина ДУДИНА

Любовь и рентгенология

Удивление у коллег вызвало неожиданное замужество рентгенолога Сквозной В.С., вышедшей замуж за пациента. «И что она в нем такого нашла?» — недоумевали сотрудники.

Поиски и находки

Институтом диаметральных исследований недавно установлено, что некоторые люди меняют шило на мыло только потому, что шила в мешке не утаишь.

Братья ЗЛОЦКИЕ

По странам и континентам

Интересная традиция есть у мужчин племени Мня-Нга. Во время свадебной церемонии и в первые месяцы после нее мужчины обязаны называть суженых именами бесполезных, не уважаемых в племени предметов, например, «ласточка», «незабудочка», «земляничка». И лишь примерно через год после свадьбы муж получает право называть жену именами священных животных, таких, как «корова», «жаба», «каракатица».

Евгений ДЕДОВ

Спорт

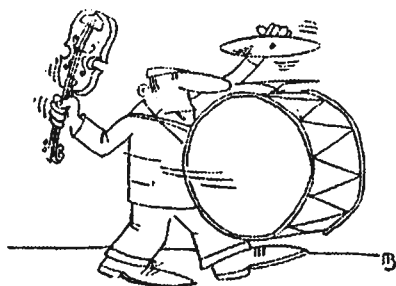
Недавно состоявшаяся встреча хоккеистов команд «Мотор» и «ДТТ» закончилась со счетом 326 рублей 40 копеек

Борис НИСОНОВ

Объявление

У нас богатый выбор выражений. Выбирайте выражения!

С.КРЫТЫЙ

Афонаризмы

Если джентльмен и не уступит место даме, то он обязательно добьется, чтобы это сделали другие.

В. БАХТЕЕВ

Мода на парики позволяет рвать на себе волосы безбоязненно.

Если нового слова не поняли, значит, оно действительно новое.

Проба пера оказалась низкой.

В глупом положении находиться неудобно, в неудобном — глупо.

И на весах судьбы случаются недовесы.

Сергей БЕЛОУСОВ

Как часто мы промахиваемся еще при выборе цели!

Быть лучше других — это еще не предел самосовершенствования.

Одни берут от жизни все, другие гонятся за дефицитом.

Чтобы обида не мучила, ее надо проглотить.

Если не аплодируют — значит, слушают.

Иной виляет хвостом лишь для того, чтобы отмахнуться.

Каковы бы ни были мотивы, не подпевай тому, кто фальшивит!

Афоризм имеет преимущество перед романом — он может стать крылатым.

Виктор ВЛАСОВ

Огнем и мечом он сеял разумное, доброе, вечное.

Моральноуступчивая.

Критик-плагиатор бросает в чужой огород чужие камешки.

Фортуна нон грата.

Виктор ГАСТЕЛЛО

Юмор продлевает жизнь человеку, а сатира — обществу.

Дж. ГВИЛАВА

Человек не может потерять авторитет, если он им не пользовался.

Если человек не обиделся на вашу шутку — значит, у него есть чувство юмора, а если обиделся — значит, он понял ее смысл.

Давайте радоваться нашим успехам: вы — моим, я — своим!

Если эрудиту не хватает знаний, которыми он обладает, то профану не хватает только тех, которые у него отсутствуют.

Важно не только самому высказать умную мысль, но и понять ее с помощью умных людей.

Одного человека облагораживает труд, другого — любовь к труду.

Если твои соседи высказываются о тебе плохо, это не значит, что они думают о тебе хорошо.

- Ваша профессия?
— Служитель культа. Личности.

Подчиненные — о своем начальнике:
— Его лучше увидеть один раз, чем сто...

Не пойман, а вор.

Дураки успокаивали друг друга: «Поумнеть никогда не поздно».

Афоризм написать легко — его только придумать трудно.

Хорошо знает, что любит без памяти, но кого — не помнит.

Кандидатский мини-ум,

— Отвернись! Я скажу тебе всю правду в лицо.

Демагогический взрыв.

Логика молчаливых: я молчу, следовательно, я существую!

Интересно, сколько надо иметь денег, чтобы понять, что не в деньгах счастье?

Плупость держалась бы в рамках разумного, не будь они слишком узки для нее.

Михаил ГЕНИН

Поддержать сильного так же легко, как и столкнуть слабого.

Думай что угодно, но не забывай, кому это угодно.

У кого с головой плохо, тому и ноги не помогут.

Меняя деньги на любовь, теряешь и то и другое.

Веселин ГЕОРГИЕВ

Не опишешь пером всего, что вырублено топором.

Владимир ГОЛОВИН

Элита едет, когда-то будет...

Куда ни кинь — везде клан.

Александр ИВАНОВ

Только склеротики влюбляются без памяти.

Частные случаи становятся все более частыми.

Яков КАЛЛЕР

Загадочнее кота в мешке может быть только кошка.

Люди сбиваются с жизненного пути, ориентируясь по звездам эстрады и экрана.

Если вы считаете, что к вам относятся не так, как ко всем, значит, вы ничем не отличаетесь от прочих.

Георгий КОВАЛЬЧУК

А правда опять торжествует. Интересно, за чей счет?

Плох тот последний негодяй, кто стремится стать первым.

Есть аппарат и пострашнее самогонного.

Стоит ли жить по логике вещей, если их не хватает?

Когда сыр во рту, каркать не хочется.

Когда импорт кончится, будем называть вещи своими именами.

Если будущее за нами — значит, ему ничего не достанется.

Огородные пугала стали лучше одеваться, урожаи овощей упали.

Если идешь семимильными шагами, не обязательно везде асфальтировать дороги.

Прогресс времен застоя: группу скандирования заменили фонограммой.

Владимир КОЛЕЧИЦКИЙ

Учиться следует до тех пор, пока не заставят перечисляться.

Виктор КОНЯХИН

Браконьер чувствовал себя как рыба в воде, потому что рыбнадзор был нем как рыба.

Мечта незадачливого производственника — сбросить отходы в воду и выйти сухим из воды.

Юрий КУЧУРА

Широкий жест не исключает узости взглядов.

И затмения ослепляют.

Двое в одном лице — разве это не экономия облицовочных материалов?

Думающая машина еще подумает, прежде чем помочь человеку.

Мир тесен. Подвиньтесь!

Иногда приходится довольствоваться и тем, чего у тебя нет.

Леонид ЛЕОНИДОВ

Пляшущему под чужую дудку приходится петь не своим голосом.

Владимир ЛОМАНЫЙ

Хорошо смеется тот, кто не понял, над чем смеются.

Не прожигайте свою жизнь до дыр!

Морщины появляются не столько с возрастом, сколько с мыслями о нем.

Геннадий МАЛКИН

Какой осел будет ишачить?

Сколько открытий можно сделать скрытой камерой!

Купить живую рыбу —дохлый номер!

Э. МИШНАЕВСКИЙ

Если на сцене пятеро героев, а в зале столько же зрителей, то и зрители — герои.

Давид НАХАМКЕС

Брак по любви избавляет от излишних расчетов.

Одинокий мужчина познакомится с одинокой женщиной с целью создания одинокого ребенка.

Мона Лиза на майках и пакетах: бедная Лиза!

Евгений ОБУХОВ

То, что цифры не могут все прояснить, ясно как дважды два.

Правды он знать не хотел, чтобы не ошибиться в себе.

Только дураку горе от ума.

Берегите лес от пожаров — иначе не из чего будет делать спички!

То, что говорится прямо, понимается хуже, чем намек.

Честность — это когда думаешь сказать одно, а говоришь правду.

Александр ПЕРЛЮК

Годы летят. Тем быстрее, чем меньше остается, горячего.

Все знают, какие у сатирика когти, но никто не знает, какие у него царапины.

Взаимоотношения усложнились: ты — мне, я — ему, он — тебе.

Семен ПИВОВАРОВ

Графоман овладел смежной профессией — стал плагиатором.

Александр ПРОЗОРОВ

Если архитектура — застывшая музыка, то что вы хотите от современной музыки?

Американские джинсы для кого-нибудь тоже отечественные.

Должно ли добро быть с кулаками, если это народное добро?

Когда нет возможности гордиться своими победами, начинают гордиться чужими поражениями.

Легкая промышленность. А как тяжело перестраивается!

Театр одного актера — хозрасчетная организация или индивидуальная трудовая деятельность?

Григорий ПЯТОВ

Обгоняя время, не опережайте события.

От изобретателя требуется одно — изобретать. Остальное сделают соавторы.

Если ваша совесть мешает работе, то что-то надо менять.

Анатолий РАС

Стоит ли проявлять гибкость, когда тебя скручивают в бараний рог?

Не слишком ли большое место в нашей жизни занимают маленькие радости?

Какой смысл говорить о пятнах на солнце, если на них все равно приходится закрывать глаза?

Евгений САГАЛОВСКИЙ

Кр. — сестр. тлнта.

Андрей СЕДОВ

Мужчина ищет идеал, а женщина — умеющего не замечать, что она не идеал.

Николай СТЕПАНЕНКО

Одни — смотрят, другие — видят.

Вероятность выпадания из рук бутерброда прямо пропорциональна желанию его съесть.

Валять дурака легче, чем его свалить.

В приемные часы даже печать на его лице становилась гербовой.

Сколько насупленных среди переборщивших!

Кривить душой можно и параллельно правде.

Парадоксы дидактики: чем медленнее доходит, тем быстрее влетает.

Леонид СУХОРУКОВ

Станет ли мне легче носить жену на руках, если сдуть
с нее пылинки?

Валерий ФИЛЬЧЕНКО

Раньше звезды чаще падали в пруды, потому что пруды
были чище и глубже.

В. ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Шел со всеми в ногу, но только в другую сторону.

Пока одни ловят жар-птицу, другие едят курятину.

Хочешь стать портретом — держись в рамках.

Охрип, убеждая всех, что он немой.

Савелий ЦЫПИН

В произведении абстракциониста все решает название.

Поэтический перевод бумаги.

Заблуждения тоже надо менять.

Окурок — это сигарета с богатым жизненным опытом.

Избитые истины валяются под ногами.

Человеку со школы разрешается пошуметь во время пе-
ремен.

Летучка рожденных ползать.

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ

Превратим окружающую нас среду в окружающее нас
воскресенье!

Евгения ЯНКОВСКАЯ

Оговорочки

Харакиристика

Муха це-це-котуха

Во поле тверёзонька стояла

НИИ подмажешь — НИИ поедешь

Недосмотр самодеятельности

Дефицитрусовый сок

Спорная солянка

Шизопремия

На лавсан и зверь брюзжит

В себе не без уroda

Менестрельство культуры

Кандидат невкусноеденья

Десятая вода навеселе

Шансовнетка

Дымогогия

Мероприятель

Перотехник

Плагиавтор

Доброжелательный резыцензент

Морально уклончив

Поддающая звезда

Иссяк-Куль

Виталий ТАТАРИНОВ

Кресловутый бюрократ

Мертвые уши

С места в карьере

Молодая подросль

Далеко идущие посредствия

Бельможи

Пережатки прошлого

В духе квасицизма

Принцип
наибольшего благопрепятствования

Кусать подано

Рекордный надуй

Рехламация

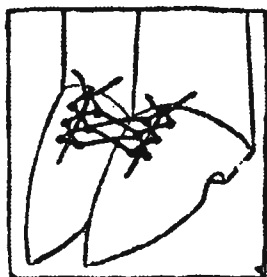
Рахитектурный ансамбль

За отечный период

Вычистительная техника

Скоропрестижно скончался

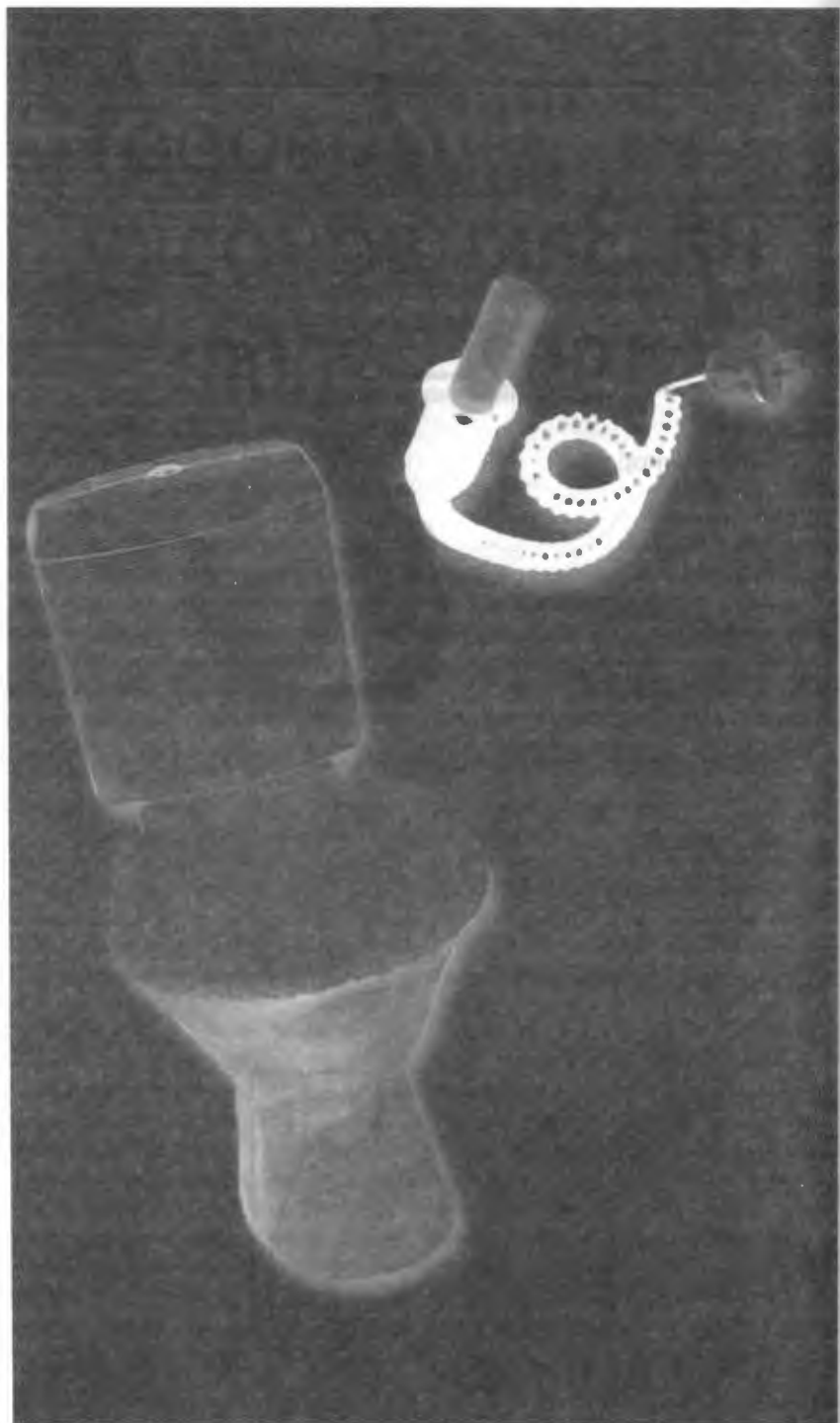
Даниил АЛЬ

Поворот на Закидоновку 1992—2000

Семен АЛЬТОВ

Окуньки

В семье Окунько четверо:

Окунько-отец, Окунько-мать, Окунько-сын и Окунько-пес. Симпатичный большой пудель. Перед сном его пошел выгуливать Окунько-сын, тринадцати лет.

Собаке надо расписаться у столбов и разок зависнуть у куста основательно. Вот и вся прогулка. Однако их нет полчаса, час.

Окунько-отец, чертыхаясь, хлопает дверью, уходит искать собаку и сына.

Ночь. Темно. На улице никого. Проискав час, Окунько-отец возвращается с тайной надеждой: сын с собакой успели вернуться. Жена радостно сообщает: собаки нет, но сын нашелся, она послала его встретить отца.

Окунько-отец орет:

— Один нашелся — и того выпустила! Вот иди сама и ищи! Я ложусь спать, мне на работу!

Окунько-мать тихо плачет и уходит искать собаку и сына.

Проходит полчаса, час. Нет ни собаки, ни сына, ни жены.

Окунько-отец, матерясь, вскакивает с кровати и уходит в ночь, надеясь найти хоть кого-нибудь!

В это время к дому возвращается пес. Он нагулялся, наелся на свободе недозволенной дряни, флиртанул с дворняжкой, у него отличное настроение. Дверь парадной закрыта. Поделиться радостью не с кем.

Пес начинает лаять. Открывается окно, оттуда с бранью швыряются стулом. Испугавшись, пес убегает.

Возвращается, никого не найдя, сын. Ключей нет, а по переговорному устройству никто не отвечает.

Окунько-сын, обидевшись, снова уходит в ночь.

В это время возвращается жена. У нее нет ключей, она уверена, что муж дома. По переговорному устройству никто не отвечает. Окунько-мать понимает, что муж ушел искать и всех, очевидно, зарезали.

Она садится на скамейку, рыдает.

Возвращается окоченевший сын. Мать кидается к нему, обнимает. Подходит издерганный отец, мысленно похоронивший семью. Увидев жену и сына живыми, кидается к ним. Все целуются так, будто попали под амнистию.

Окунько-отец достает ключи.

Подбегает пес, радуясь тому, что наконец все вышли с ним поиграть, выхватывает из рук отца ключи.

В этот момент ослепший от любви котяра сбивает пса с ног. Оскорбленный пес бросается за котом.

Окуньки, ползая на корточках, в темноте ищут ключи, шепотом выясняя, кто во всем виноват. Сходятся на том, что во всем виноваты коты. Если бы эти сволочи не шлялись по ночам, давно бы все спали.

Правда, отец ворчит, что если бы он тогда не женился, то спал бы спокойно пятнадцать лет подряд. На что жена возражает: если бы не он, она спала бы в совершенно других условиях, с другими людьми, в центре города, а не искала бы по ночам в лужах ключи.

В это время мимо проходит милиционер. Спрашивает подозрительно:

— Что вы тут делаете в два часа ночи?

— Гуляем перед сном!

Из темноты возникает Окунько-сын с большим чемоданом и возбужденно шепчет:

— Папа, смотри, что я нашел!

— Пройдемте, товарищи! — приказывает милиционер. — Только что две квартиры ограбили, там был именно такой чемодан!

В милиции разобрались и пообещали: если увидят аналогичную собаку — приведут по адресу.

Измотанные Окуньки бредут домой. Около парадной, как ни в чем не бывало, сидит пес. В зубах у него ключи, около лап — сапог.

У фонаря рассмотрели: сапог — точь-в-точь как у жены.

Молодец! Запасной никогда не помешает! Вчетвером с сапогом поднимаются по лестнице. Дверь квартиры от-

крыта настежь. То ли отец забыл закрыть, то ли именно их квартиру и ограбили.

Окуньки кидаются проверять свое. Слава богу, ограбили кого-то другого. Ложатся спать.

Часа в четыре ночи раздается звонок.

— Кто там?

— Милиция.

Услышав слово «милиция», Окунько-пес раздражается чудовищным лаем. Озверевший от бессонницы сосед головой долбит стену. Окунько-сын зажимает собаке пасть. Та продолжает лаять.

Звук, выходящий через другое место, ужасен!

Окунько-отец, не включая света, открывает дверь. Входит милиционер:

— Нашлась ваша собачка!

Ободранная дворняга, счастливая, что оказалась в тепле, юркнула в комнату.

— Еле поймали! Ни за что не хотела идти домой, дурочка! Вот ваши паспорта и три серебряные ложечки, они были в том чемодане. Проверьте, что у вас еще вынесли! Спокойной ночи!

В это время Окунько-пес, проверяя, не украдена ли его косточка, натывается на дворнягу. Они сцепились с лаем, хрипом, по всем правилам. Стучать начали сверху, сбоку и даже в окно, хотя квартира на двенадцатом этаже. Кто-то орет: «Да вызовите милицию наконец! Не дом, а псарня!»

Милиция приехала быстро. Когда полуживые Окуньки, растащив собак по углам, рассказали все по порядку, милиционеры начали смеяться. За ними следом захохотали Окуньки, завывли запертые собаки.

Тут ворвался сосед в нижнем белье, босой, в руках топор. Увидев милицию, сразу успокоился.

Когда ему рассказали, что тут произошло, он тоже стал смеяться, уронил топор на ногу и так взвыл, что везде погас свет.

В темноте милиционер сказал:

— Вам еще повезло, что топор упал обухом и на ногу. Один товарищ однажды попал острием по совершенно другому месту.

Сосед перестал стонать и, счастливый, заковылял к себе.

Милиционеры в темноте отловили лишнюю собаку и уволокли за собой. Хлопнула дверь. Окуньки попадали на

кровати. Сын тут же захрапел, а родители тихо переговариваются.

— Может, отдать серебряные ложечки, они ведь не наши!

— Раз милиция принесла — значит, наши! — ответил Окунько-муж, прикидывая: сейчас сказать жене, что исчезла ее шубка из каракуля, или пусть выпится перед истерикой?

У двери, свернувшись калачиком, блаженствует дворняга.

Милиционеры в темноте увели из дома пуделя.

На улице пудель упирается, хрипит:

— За что в отделение, менты поганые!

В кустах сидит кот. Увидев, как милиционеры волокут пуделя, радостно потирает лапки, мурлычет:

— Наконец-то милиция занялась настоящим делом!

Дворняга прокралась на кухню и видит открытый холодильник, из которого чем только вкусно не пахнет! Она вытаскивает и жрет все подряд, с ужасом понимая, что утром ее, наверное, убьют.

«Но до утра еще далеко», — рассуждает дворняга, лаская жидкость из упавшей бутылки портвейна.

Выпив и закусив, дворняга чувствует, что если сейчас не споет, то кончится! Набрав воздуха, зажмурившись, она завывает дурным голосом.

Жильцы разом просыпаются и кидаются на стену. Дом падает набок. Дворняга куда-то летит, успевая подумать: «Хорошо, сосиски успела съесть перед смертью! Пудель вернется, а сосисок нету! Тут он и удавится!»

Александр Брюханов

Такая сказка

— **Т**олько помните, — сказала

добрая фея, — лишь часы пробьют двенадцатый раз, как многообещающие кандидаты в депутаты превратятся в алчущих привилегий избранников, их транспорт — в «Мерседесы», их жилища — в особняки, а их обещания — в клочки бумаги, заботливые и хозяйственные кандидаты в мэры тут же превратятся в туповатых городничих, избирательные блоки развалятся, а вы из ищущего лучшей жизни электората превратитесь в постоянно болтающийся под ногами и мешающий всем им народ...

Тотальный контроль

Маршрут автобуса номер тридцать шесть в Отвязово с недавнего времени контролируется тамбовцами, троллейбус пятого маршрута — солнцевскими, трамвай седьмого — кузнецкими...

Набор контролеров в городской транспорт продолжается.

Посмотрите

— Народ, посмотрите на меня. Видите, как я хорошо живу. Выберите меня, и я вас научу как. Будете жить в шикарных особняках, ездить на представительных машинах, ходить на приемы.

— А зачем выбирать-то? Ты так научи, а мы посмотрим.

— Могу не успеть без депутатской неприкосновенности.

Главная ценность

Главная ценность — это человек. Деньги, вещи, еда — это все вторично.

Надо, несмотря ни на что, постараться сохранить в себе человека в любых условиях. Как бы жизнь нас ни крутила...

Работы нет? Можно бутылки собирать, банки или картон по помойкам. Милостыню просить в крайнем случае.

Есть нечего? Можно отбросами питаться при казино.

Жить негде? Можно в доме на слом как-то устроиться, в подвале или на чердаке, отогреваясь на вокзалах и в теплых парадных.

Трудно? А кто говорил, что легко будет? Ведь все для того, чтобы противопоставить человеческое начало холодному бездушию...

И пусть бушуют экономический, финансовый и политические кризисы — а мы останемся все такими же, как и прежде.

Блеск в глазах, нетвердая, слегка покачивающаяся походка, заплетающаяся речь и блуждающая улыбка на лице...

Напахали

— Да, напахали, конечно, за эти годы — не разберешься. Воровство, обман, присвоение, стяжательство.

Копнешь поглубже — сам по уши во всем этом перемажешься.

— Ладно, так и быть, всем все прощаем. Старое забудем, начнем с чистого листа. Текущих проблем выше головы, не до прошлых обид и разборок.

— Что? Опять начали воровать? Вместо того чтобы делом заняться, следы замечают? Бумаги подделывают? Свидетелей убирают? Боятся, что разбираться вот-вот начнем? Последнее растаскивают?

— А работать кто будет, хозяйство налаживать? Ладно, последний раз все простим. Пиши указ. Как не на чем? Всю бумагу украли? Этого я уже простить не могу. Придется разбираться!!! Создаем следственную бригаду из суперпрофессионалов, открываем дело по пропаже писчей бумаги. Только на чем показания записывать?

Запоминай указ: «Прощаем все только тому, кто обеспечат нас бумагой...»

Разъяснение

Еще раз повторяем, что налоговая декларация и Декларация прав человека — это не одно и то же.

Виктор Степанович Тихоренко

шел к Анне Филипповне Недостазовой с тайной надеждой быть как следует накормленным.

Придя к Анне Филипповне, Тихоренко был приятно поражен непритворной радостью хозяйки по поводу его появления.

Чтобы подфорсировать события, Виктор Степанович даже попытался усилить голодный блеск в своих глазах, что, однако, было понято совершенно неправильно, ибо Недостазова спросила:

— А чего это вы, батенька, кривляетесь?

На что Тихоренко совершенно откровенно признался:

— А я и не кривлюсь вовсе, это у меня голодный блеск в глазах.

Услышав такое, Анна Филипповна покраснела от удовольствия и произнесла:

— А я и не догадывалась, что так сильно вам нравлюсь.

Изумившись глупости собеседницы, Виктор Степанович сказал:

— Я шел к вам, дорогая Анна Филипповна, а по дороге увидел продающиеся пирожки. — И, сделав выверенную из последних сил паузу, добавил: — Они продавались.

— А у нас сейчас все продается, — охотно согласилась с ним Недостазова, — и пресса, и правительство, и Дума.

Тихоренко немного подумал и продолжил свою систему намеков:

— Голодный человек, он, Анна Филипповна, знаете, опасный человек. Вот возьмите меня, представьте, что я сейчас безумно голоден, — ведь в таком состоянии человек готов на все.

Недостазова рассмеялась:

— Слава богу, Виктор Степанович, что вы сыты, а то бы и правда вас нужно было опасаться.

Испуганный процессом абсолютного непонимания со стороны Недостазовой, Тихоренко заглянул ей в оба глаза и отчеканил:

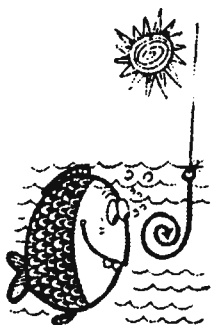
— Нет, Анна Филипповна, я чрезвычайно голоден.

— Ах-ах, — притворно испугалась, но почему-то придвинулась поближе Недостазова, — это значит, Виктор Степанович, что мне следует вас опасаться, — и Анна Филипповна густо и с явным удовольствием покраснела.

— Дай борща! — резко произнес Тихоренко.

Плотно пообедав, Виктор Степанович сыто рыгнул, закурил и, выразительно взглянув в сторону хозяйки, игриво выговорил:

— А я чего-то, Анна Филипповна, голоден.

Виктор Верижников

Бархатный якорь

— Я хочу купить АОН, —

сказала Алла Гаишникова мужу. — Жаль, не знаю, что это такое.

— Обратимся к Далю, — ответил муж и вытащил из шкафа кожанно-золотистый том с шелковистой закладкой-тесемкой.

— Ага, вот. «АОНЪ — автоматический определитель телефонного номера. Служить для распознавания номера звонившего человека...»

Назавтра телефон с АОНОм уже стоял у Гаишниковых в квартире. Стоило кому-нибудь позвонить, как на маленьком табло появлялись зеленые прямоугольные цифры — номер звонившего.

— Очень удобно, — заключила Алла, — но этого мало. Ну что можно узнать о человеке по номеру его телефона? Нет ли у них аппаратов поуниверсальнее?

— Есть, — ответили в магазине.

У нового аппарата табло было побольше — размером со среднюю книгу.

...Раздался звонок, и по табло побежали строчки:

«Телефон 682-94-55, абонент — Кастрюлесупов Альберт Агафонович, проживающий по ул. Антиимпериалистическая, д. 1-б, кв. 35-а, уроженец г. Апчихинска Алтайского края, работает марафетчиком в НПО «Полярная зебра», женат, две дочери, не судим, награжден орденом Богдана Хмельницкого II степени...»

— Вот это уже кое-что, — потеряла руки Гаишникова. — Но неужели нет еще более совершенного аппарата?

— Могу предложить еще более совершенный, — заявил продавец. — Это предпоследнее слово науки и техники. Думаю, через годик-другой они, может быть, скажут совместно и последнее.

Вот уж это был аппарат так аппарат! Он выдавал сведения об увлечениях и пристрастиях абонента, его родственников и знакомых, перемещениях по службе и перенесенных болезнях, о долгах, мечтах и изменах, о цвете глаз и ушей, о размерах обуви и головного мозга...

Однажды Гаишникову пришлось задержаться на работе, и он позвонил домой... Вернувшись, он застал жену в слезах.

— Петька, паразит! — всхлипывала Алла. — Что же ты не все о себе рассказываешь? Ты не говорил мне, что год назад подавился осьминогом! А куришь ты, оказывается, не с восемнадцати лет, а с четырех! И зарплата у тебя, выяснилось, на шестьдесят рублей больше! Недавно ты прочел трилогию писателя Иномаркова — романы «В масле», «В томате» и «В пути». А мне не дал почитать! Оказывается, твоя любимая эротическая опера — «Бархатный якорь» Травинского! А ты скрывал. А это как понимать: «Любовница — Енотовидова Ирина Михеевна, проживающая: ул. Экстазная, телефон...»

— Но это ошибка! — ошарашенно заявил Гаишников. — И адрес ошибочный, и телефон, и вообще — нету у меня никакой любовницы.

— Да я ей уже звонила, — сообщила Алла. — По этому ошибочному номеру. Она, говорит, от тебя без ума. И только поэтому я тебя прощаю! Вот если бы ты сошелся с бабой, которая тебя не ценит! Но это все не самое главное. Оказывается, ты злоупотребляешь вялеными лещами! А ведь лещ — это куча костей! Забыл про осьминога?! Умоляю, не подавись! А с кем ты злоупотребляешь?

— С Артурычем злоупотребляю, с напарником. Иногда, в обеденный перерыв. Но злоупотребляю в меру и к костям отношусь внимательно, — Гаишникову все не верилось, что гроза прошла стороной...

— Действительно, с Артурычем, — кивнула жена. — АОН так и выдал.

И тут в голову Гаишникову пришла мысль:

— А интересно, Алла, почему в последнее время ты ниоткуда не звонишь домой?

Алла потупилась и отмолчалась.

— И правильно делаешь, что не звонишь, — заключил Гаишников, немного подумав. — А вообще-то, слишком тяжело — все обо всех знать. Кроме того, наш АОН не может определить самое главное: хороший человек звонит или плохой. Давай сдадим его обратно!

И Гаишниковы опять поставили обычный телефон — с диском и дырочками для пальцев. Хороший, в общем-то, аппарат. Только пальцы иногда застревают.

Владимир Вестер

Диктатура

Мы с другом все умеем делать.

О нас говорят: «Мастера!» Судите сами: нужно кому мебель лаком покрыть, стекло в подъезде вставить, свидетеля убрать, министра подкупить, выборы выиграть или у табуретки ноги укоротить — все мы.

Прихожу, например:

— Ну, а где табуретка?

— Да вот же, — говорят. — Вот! На самое видное место поставили.

— А ноги?

— Какие ноги?

— От табуретки.

— Да вот же они, — говорят. — Вот! Где табуретка, там и ноги.

— Ага! — говорю. — Укорачиваю.

Впрочем, мебель — это ерунда. За это мы просто деньги берем. А что касается духовных проблем и проблем самой жизни, то тут посложнее. Тут просто так ничего не возьмешь. Вот живет в семье родственник. Добротный мужчина детородного возраста. И вдруг в городе кое-что съел. Да еще так, что ни один госпиталь не берет. Даже за деньги. Короче, удар. Вирус английского бешенства. Прихожу и говорю:

— Ну и где же ваш родственник?

— Да вот, — говорят. — Вот! На самую середину положили, чтобы виднее было.

— Ага! — говорю. — Оживляю!

Впрочем, жизнь чужого родственника — тоже ерунда. За это мы просто больше берем, чем в случае с табуреткой. А если нужно, скажем, президентские выборы выиграть или какую-либо личную диктатуру в стране установить, то у нас с ним работы прибавляется.

Вот, скажем, последний год перед началом нового тысячелетия. Друга в Кремль вызывают. Он приходит и говорит:

— Ну и где устанавливать?

— В стране, — говорят.

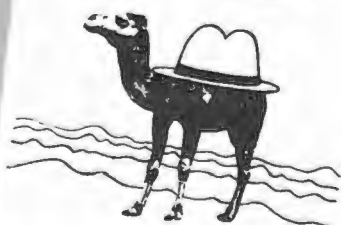
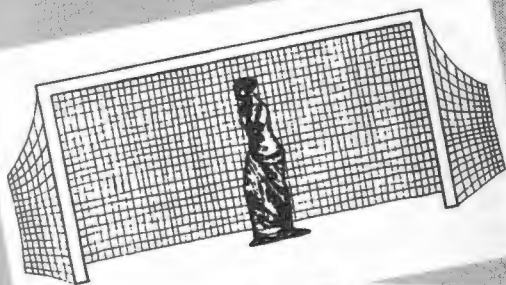
— А где же страна?

— Да вот, вы в самой ее середине.

— Ага! — говорит. — Сейчас установим.

И вызывает, понятно, меня. И я... Нет, я не прихожу. Я где-то мебель лаком покрываю и чьих-то родственников с того света достаю. А диктатура — его дело. С этим один справится. Тем более что свергать потом — это уж мне!

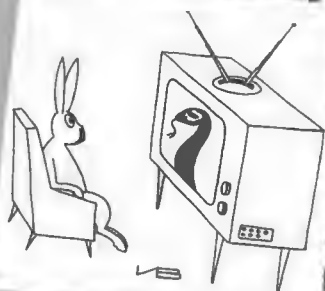
Василий Дубов

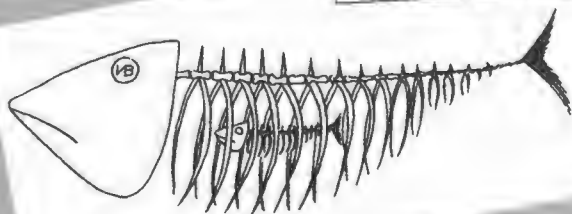

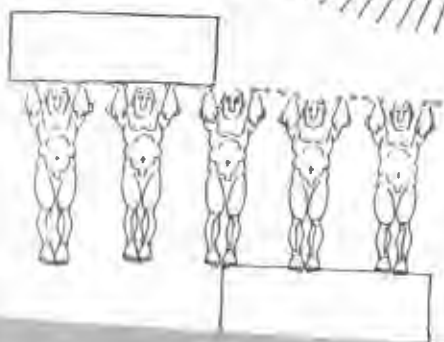
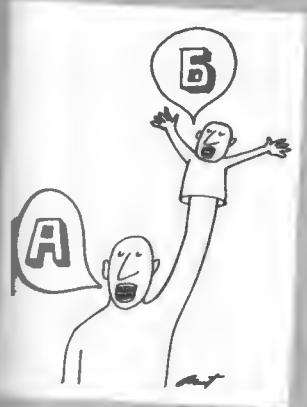

Михаил Златковский

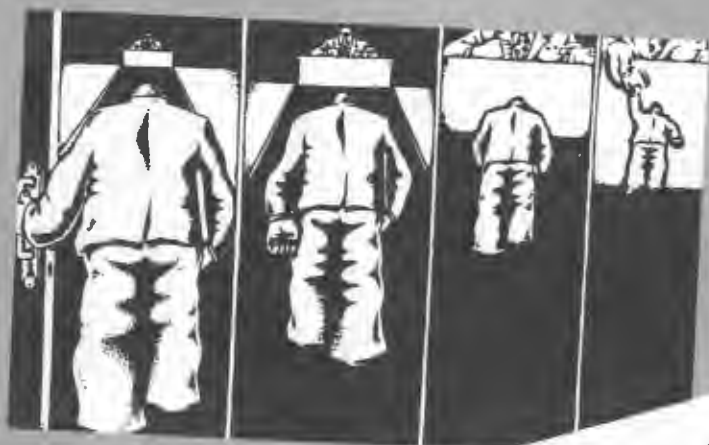

Владимир Иванов

Игорь Макаров

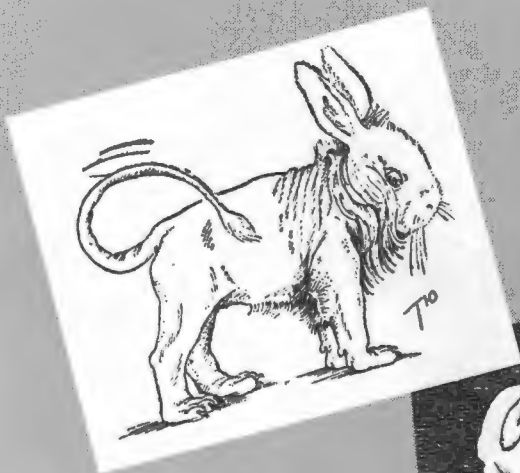

SOS...SOS...SOS...

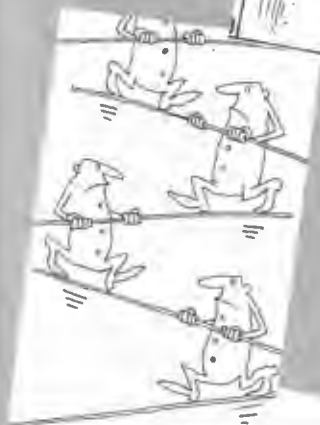
Валентин Розанцев

М. Журбенко

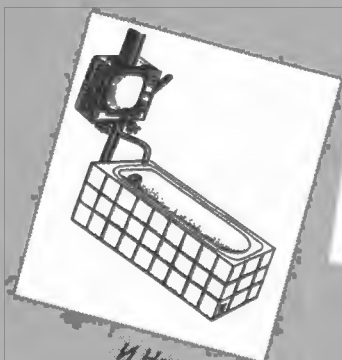

В. Горюнов

Н. Белевцев

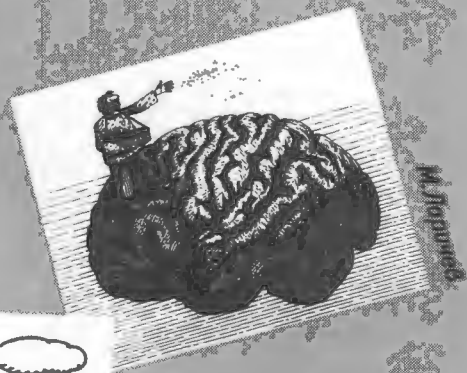
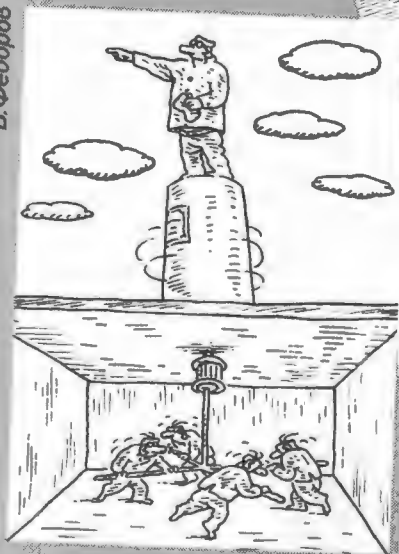
А. Проничкин

И. Наризный

В. Федоров

М. Лопырев

Ю. Румянцев

Ю. Румянцев

А. Гармвич

В.Торасенко

А.В.

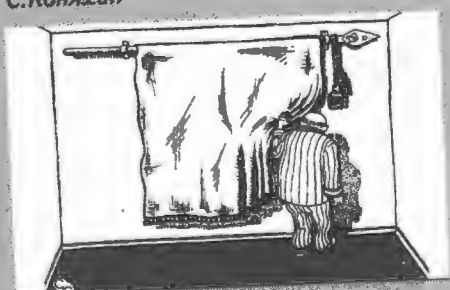

А.Вансович

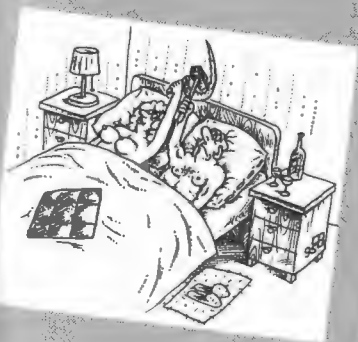
В.Солдатов

С.Коняхин

Н.Воронин

В. Федоров

И. Варченко

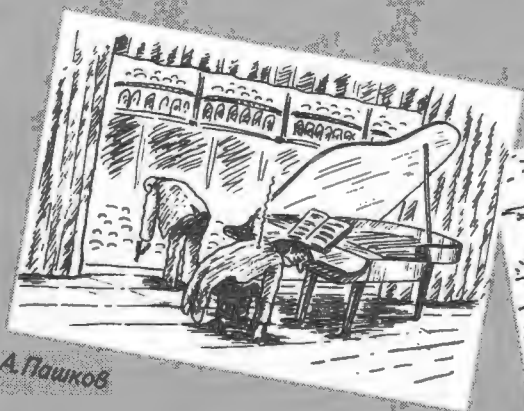
А. Есмущенко

В. Лепихов

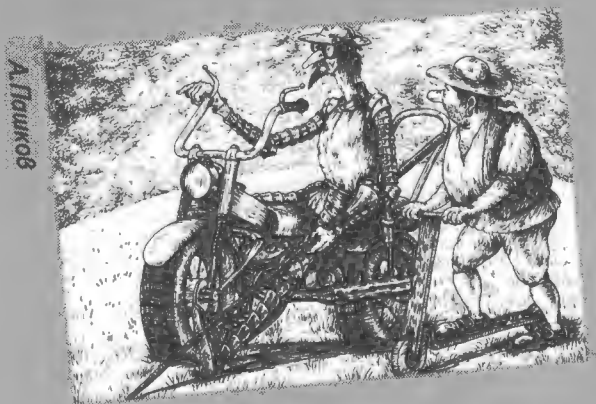
В. Уборевич-Боровский

А. Пашков

Л. Тишков

А. Пашков

В. Сорокин

О.Теслер

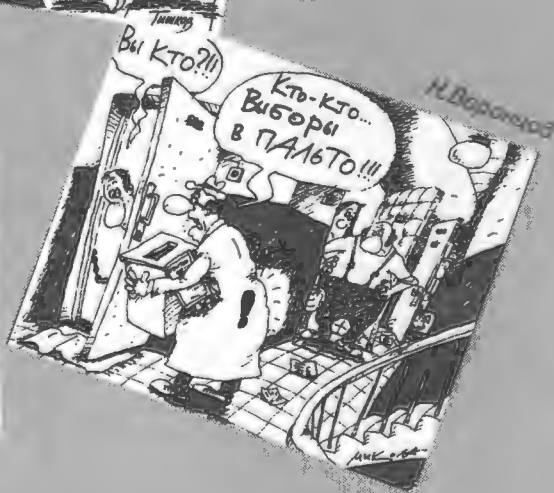

С.КОНАСУН

Л.Тышков

А.Шахов

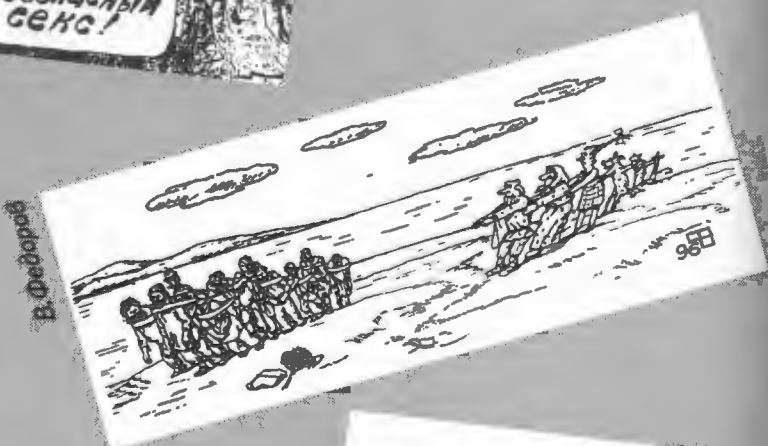
Н.Воронцов

М. Музыкантов

И. Варченко

А. Оретов

Виктор Гастелло

Меценат

Агафон Букин смотрел, как за окном, медленно кружась, падали снежинки, и легкая грусть туманила голову. Вот и еще один год на исходе. Поневоле вспоминаешь, что было и прошло, и думаешь о том, что будет.

Любимая мама уже год как жила за границей в Швейцарии, часто звонила или присылала надушенные письма с красивыми видами Женевского озера. Она еще до конца не верила в перестройку и торжество демократии. «Сын, остановись», — писала она Агафону, вспоминая антиобщественную судьбу Букина-старшего. На всякий случай Агафон досконально изучил любимую настольную книгу отца — Уголовный кодекс. Что помогало ему в редкие свободные минуты принимать участие в увлекательной телевизионной викторине.

При появлении на экране крупного бизнесмена или банкира, которых он знал не понаслышке, Агафон с увлечением отыскивал статью Уголовного кодекса и определял срок.

— Боже, Игорь как пополнил — десять лет за хищение в особо крупных размерах! Василий, змея подколотная, — восемь лет за мошенничество! Петя — ну тут вышка за фальшивые авизо и обширные валютные спекуляции...

«Да, — думал он, — как меняются времена: какие люди — и на свободе».

Когда он видел на экране себя, вальяжно вручающего призы, премии, передающего выкупленные иконы или похищенные полотна, то, машинально отыскивая подходящую статью, старался проявить снисхождение. Хотя все это была игра. Агафон умиротворенно посмеивался: кто их тронет, властителей жизни... Эх, папаня, чуток не дотянул!

Как всякий нормальный мужчина, Агафон любил женщин, их нельзя было не любить. Раньше приходилось любить трудно, украдкой, часто в антисанитарных условиях. С первой женой он вовремя расстался, теперь у него была молодая длинноногая красotka, которая ук-

рашала его на светских раутах, как костюм от Версаче. Еще рос чудесный малыш.

«Моя порода, мой нюх, — тепло думал Агафон. — С таким носом не пропадешь».

Но теперь, в эти новогодние дни, он думал о вечном. Ему вдруг захотелось, чтобы его имя жило в веках, звучало, было у всех на устах. Вот Савва Морозов или Савва Мамонтов. От восхищения осавветь можно!

«Начнем с малого, — внезапно решил Агафон. — В следующем году установлю ежегодную литературную премию в «зеленых» — так и будет называться: литературная премия Букина. По трем номинациям: проза, поэзия, анекдоты. Вручение перед Новым годом в лучшем зале страны, мужчины во фраках, дамы в очень вечерних платьях. И трансляция на все континенты и архипелаги через спутниковую связь. Спутник куплю или запущу».

От таких мыслей Агафон расчувствовался, слеза умиления покатилась по его большому носу и задержалась.

«Конечно, — размышлял он, — надо милость к падшим призывать. Помочь самым бедным и незащищенным. Но как — ведь разворуют, каналы! Растащат еще при упаковке!»

И неожиданно он понял, что надо делать. Ведь он никогда не отрывался от простой земной жизни, жил вместе с народом и знал его чаяния! И видел, как часто роются в помойках бедные и, естественно, интеллигентные люди. Может, бывшие профессора или доценты, орденосцы, терапевты на пенсии, старые музыканты. «Конечно же, новогодние подарки надо разложить по помойкам, в праздники те не убираются, значит, дойдут до адресата!»

Он аж вспотел от нахлынувших чувств, но голова работала четко, как компьютер: он прикинул, сколько примерно в городе помоек, сколько закупить подарков, новогодних открыток и все предновогодние дни развозить, развозить и развозить... Нанять такси, сотрудникам заплатить сверхурочные. Так он решил.

Если перед Новым годом на помойке кто-то нашел пакетик с поздравительной открыткой, тубик «Флористата» с «Бленд-а-медом», жевательную резинку «Дирол с ксилитом», упаковку «Тампакса» и батончик «Сникерса», то пусть помянет Агафона Букина добрым словом. Это все от щедрот души его...

Михаил Городинский

Дружеский ужин

На День независимости

Кукуев пригласил Мамаева в гости.

Почему-то Кукуев думал, что Мамаев придет с подарком, то есть с бутылем. И когда Мамаев явился ровно в назначенный час, даже несколько раньше, и когда он уже разделся в прихожей, Кукуев все думал, что Мамаев что-нибудь принес и сейчас вынет и ему вручит. Существуют же, в конце концов, подарки и плоские, одежду не оттопыривающие и потому снаружи незаметные.

Дело, конечно, вовсе не в том, что Кукуеву так уж нужен был мамаевский подарок. Просто как раз ко Дню независимости настолько достали Кукуева человеческое хамство и подлость, что принеси Мамаев даже не бутылку, а, например, какой-нибудь маленький пузырек, или пусть даже кусок мыла, или коробок спичек — и был бы ему Кукуев от души благодарен. Не за спички, конечно, хотя по нынешним временам и спички бы пригодились, не говоря уж о мыле, — но за сам факт внимания. И когда, уже надев шлепанцы, вдруг полез Мамаев в карман, екнуло у Кукуева сердце, все еще готовое верить в людей.

«Может, сейчас и вручит?» — с надеждой подумал Кукуев.

Мамаев вынул расческу без половины зубов, сильно ее продуд и стал причесываться.

«И на : рен я, дурак, этого скупердя пригласил? Не видел сто лет и еще бы двести не видел, никакой разницы! А вот не дам сегодня ни пить, ни жрать, пусть что хочет, то и делает!» — рассуждал Кукуев, наблюдая за гостем, который все чесал и чесал расческой свою голову, видно, давно не мытую.

— Куда проходить? — спросил Мамаев, закончив свой туалет и плотоядно потирая руки.

«А туда, откуда пришел!» — очень хотел ответить ему Кукуев, уже понимавший, что День независимости напроць испорчен.

Пройдя в комнату, Мамаев осмотрелся, закурил хабарик, хранившийся в кармане вместе с расческой, и сел к столу, покрытому праздничной клеенкой. Кукуев сел напротив.

— Ну, как жизнь? — выдавил он с громадным трудом.

— На два «п», — тотчас ответил Мамаев и, чтобы старый приятель, не дай бог, не подумал, будто это означает «полный порядок», тут же громко и отчетливо пояснил, что означает «п» второе.

Разумеется, как у человека порядочного открытой радости и криков ликования это признание Мамаева у Кукуева не вызвало. Просто стало сразу как-то лучше, спокойнее на душе. Соборнее как-то стало.

«Не, дам всежки на закуску соленых грибов и капусты, — решил Кукуев. — Ведь и сам с утра не ел».

Мамаев между тем уже принялся раскрывать внутреннее содержание своих двух «п».

— Денег, блин, нету, жена, блин, совсем остервенела, сын, блин, ну весь, блин, в жену ... — рассказывал Мамаев.

Причем рассказывал он все это с таким воодушевлением и удовольствием, с каким представители других народов не всегда рассказывают даже о самых крупных своих удачах. Казалось, всякое очередное несчастье лишь приближает Мамаева к какой-то главной, раз и навсегда намеченной цели.

И когда, вконец вдохновившись, почти уже совершенно счастливый, он вскочил из-за стола и с радостным криком «Ну, блин, атас!» стал показывать, как в октябре позапрошлого года, возвращаясь из бани, попал вместе с веником под танк, Кукуев подумал: «Или, бедняга, и вправду попал, или, сукин кот, добивается, чтобы я плюс к грибам и капусте еще и маринованную селедку подал».

Мамаев, однако, не затихал, и Кукуеву снова стало жутко обидно и одиноко.

«Хамло! Хоть меня бы спросил, как жизни! Ну хоть бы просто так, для проформы моими тремя «п» поинтересовался! И еще всю клеенку своим пеплом засыпал! Не, Мамаев, обойдешься без селедки! И без капусты тоже! Свиных соленых с хлебом дам, и все! А то и без хлеба!»

Тут, будто подслушав мысли Кукуева, Мамаев замолк, плюнув на клеенку, немного обтер ее манжетом праздничной рубашки и спросил:

— Ну, а ты-то как, Кукуев? Выглядишь ты для текущего переходного периода, тьфу-тьфу, неплохо, особенно если учесть, что некоторые вообще уже выглядят... Слышал, что Шишигин с голоду умер?

— Шишигин?! Леша?! Когда?! — поразился Кукуев.

— Не, я пока тоже не слышал, но время сам знаешь какое... Ты-то как? Зуб-то тот выдрал?

Кукуев стал по-быстрому вспоминать, болел ли у него зуб, когда лет пять или десять назад они последний раз с Мамаевым виделись.

Вспомнить этого он не смог, но, поскольку зубами мучился постоянно и выдирал в среднем по два, а после развала Союза — по три зуба в год, считая, конечно, и старые корни, вопрос Мамаева показался ему достаточно гуманным. К тому же после упоминания о Шишигине Кукуеву страшно захотелось есть, а выпить захотелось еще страшнее, хоть за независимость, и потому через несколько мгновений на столе уже была бутылка водки, соленые грибы, кислая капуста, а Мамаев, скинув кофту жены, в которой ходил последнее время, энергично кромсал большим ножом буханку хлеба.

— Мать твою помню, — вдруг сказал Мамаев, все нарезая и нарезая хлеб. — Редкой души женщина. Последнее была готова людям отдать. Если бы все такие были, вот бы жили!.. Один другому все отдал, другой — третьему, третий — четвертому, четвертый — опять первому, вот так бы все и передавали, пока не кончилось. Давай, блин, за твою мать!

Выпив полстакана, добавок к теплу внешнему, человеческому, вдруг полученному от Мамаева, Кукуев ощутил тепло внутреннее, полученное от водки, и под воздействием уже тепла двойного сказал:

— Ты-ка давай закусывай, у меня там еще селедка есть.

— Маринованная? — спросил Мамаев.

— Очень, — сказал Кукуев, видимо, понадеявшись, что такая сила маринада Мамаева отпугнет.

— Так это же самый цимес! — обрадовался Мамаев. — Эх, Кукуев, редкий ты человек! Честняга, скромняга, трудяга... Да сколько таких на всю страну-то осталось? Ты, Леша Шишигин, Сергей Ковалев...

Кукуев уже нарезал маринованную селедку.

— А ты, как я погляжу, процветаешь, — сказал Мамаев, пальцами вытаскивая из банки первый гриб. — Не иначе — в коммерческих структурах...

— Ага, в коммерческих... — хмыкнул Кукуев, — если задница у нас — коммерческая структура, тогда да, пребываю в полной коммерческой структуре...

Разумеется, неопровержимых улик против жизни и человечества у Кукуева накопилось уж никак не меньше, чем у Мамаева. И вот, забыв про голод, он произнес наконец и свою речь, то и дело выскакивая из-за стола, стеснявшего движения и не позволявшего в должном объеме изобразить как общее социально-политическое положение в стране, так и положение лично его, Кукуева. При этом весь он как будто помолодел, воспрял, оживился, даже исчез дефект его дикции, обусловленный отсутствием трех центральных зубов и связанных с этим сквозняками, постоянно со свистом гулявшими у него во рту.

— Вот, блин Мамаев, какая структура сложилась! — закончил Кукуев минут через двадцать.

Он вытер пот, заправил в тренировочные штаны праздничную майку и вернулся к столу.

На столе же к тому времени от еще недавно достаточно крупной селедки остался лишь самый-самый хвост, в мирное время в пищу практически непригодный. Водки было треть бутылки. Капусты не было вовсе, даже следов. Мамаев, не поднимая головы, с усердием землепашца, лично впрягшегося в плуг, домалывал грибы, заедая их остатками хлеба. Казалось, пока Кукуев рассказывал свою повесть, Мамаеву сообщили о каком-то окончательном катаклизме, который случится прямо сегодня вечером, и вот он решил накушаться в последний раз или, если сегодня пронесет, до катаклизма следующего.

«И какая ж ты скотина, Мамаев! — почти что со слезами подумал Кукуев. — Ну почему ж ты, троглодит бессовестный, мне-то поесть не оставил! Выходит, это я для тебя свинухи собирал?! И селедка, значит, с прошлого лета тебя дожидалась?! Твое счастье, что в интеллигентный дом попал, а то бы, блин, уже давно, уже прямо там, в прихожей, харюшку бы начистили!»

В отчаянии Кукуев резко допил остаток водки и, наподобие ошалевшего гипнотизера, подавшись корпусом вперед, стал неотрывно глядеть на Мамаева, дожидаясь,

когда тот допьет питательный грибной сок и поднимет свои глаза.

«Все, ни слова больше не скажу, — решил Кукуев. — Ни слова. Вот буду до следующего Дня независимости сидеть и не моргая в твои буркала бесстыжие глядеть. Пока не поймешь, Мамаев, кто ты есть».

Однако оригинальному этому замыслу не суждено было осуществиться. Буркал своих Мамаев так и не показал, ибо сразу без всякого переходного периода перешел от грибного сока ко сну, сперва было поместив голову рядом с селедочным хвостом, но потом откинув ее за спинку стула.

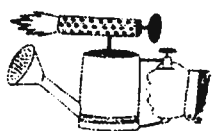
— Самая большая роскошь на свете — это роскошь человеческого общения, — громко произнес Кукуев. — Кажется, Сент-Экзюпери.

Он встал, вынул из-под шкафа две пачкипельменей, хранившихся там на случай часа X, и пошел на кухню. Налил в кастрюлю воды, поставил на газ, кинул в воду жменьку соседской соли и, только жидкость закипела, задумчиво пошвырял в нее пельмени. Точнее, большие куски той аппетитной красно-белой массы, в которую превратились пельмени в комнатном тепле. Когда это начало всплывать, он взял ложку и принялся уже всплывшее есть, предварительно в ложку дую. Внутри снова стало тепло, и Кукуев подумал, что все-все-все-все умрут — и подлецы, и убийцы, и те, кто мухи никогда не обидел, и мухи умрут, и он сам умрет, и Мамаев умрет, и Лешка Шишигин, и соседи, которые по случаю Дня независимости уже пели за стеной народную песню, и соседи за другой стеной, которые чего-то еще не пели, и та здоровенная тетка, у которой за три тыщи купил он сегодня капусту.

Кукуев зашвырнул в кастрюлю вторую пачку и тоже съел, а потом, слив воду, доел белое, приварившееся к дну кастрюли.

Вернувшись в комнату, он снова сел к столу и стал ждать, когда оклемается его школьный кореш, весельчак и ранний бабник Витька Мамаев.

«Проснется — чай будем пить. С сахаром, — твердо решил Кукуев. — А впрочем, еще поглядим».

Владимир Гречанинов

Сибирский физкультурник

Проект указа
«О неотложных мерах по усилению здоровья
и боеспособности граждан»

За последнее время здоровье

наших граждан, несмотря на принимаемые правительством меры... Скорее наоборот. Особенно это касается подрастающего поколения.

Проведенный в регионах опрос показал, что ни один студент консерватории, даже по классу контрабаса, не в силах выжать и ста пятидесяти килограммов. О скрипаках, пианистах, программистах и говорить нечего! Физико-технические вузы превратились в рассадник сколиоза и близорукости. Отсюда — непростительно слабые головы наших ученых, которые не в состоянии пробить лбом и двух-трех кирпичей.

Все это вызывает справедливые нарекания трудящихся, особенно Ленинградской области. По их просьбе, а также с целью дальнейшего оздоровления общества предлагается ряд неотложных мер. А именно:

Ввести 12-летнее школьно-спортивное образование, при этом главным предметом считать «Курс молодого бойца».

Экзамены во все вузы принимать по следующим обязательным дисциплинам: физкультура устная, физкультура письменная, диктант по строевой подготовке, сочинение на тему «Поражающие факторы ядерного взрыва». Переводить на следующий курс только по результатам отборочных соревнований.

Для отстающих ввести систему спортивно-исправительных учреждений.

Из всех искусств главнейшими считать боевые.

Деятелям культуры незамедлительно приступить к созданию высокохудожественных произведений, пропагандирующих здоровый образ жизни, — скульптуры «Девушка с водным велосипедом» (отв. Церетели), киноэпо-

пей «Сибирский физкультурник» (отв. Михалков) и одеколону «Мужская раздевалка» (отв. Моисеев).

Сидячие ток-шоу заменить на активные бег-шоу, прыг-шоу и пли-шоу (стрельба по движущейся мишени).

Нижнее белье отменить, взамен ввести спортивное.

Открыть в поликлиниках кабинеты лечебной физкультуры. Остальные закрыть. Для пенсионеров, сдавших усиленные нормы ГТО, ввести льготы по оплате квартиры и коммунальных услуг. Остальным установить двойной тариф.

Слово «зад» и его производные в словарях заменить на «ягодичные мышцы», скульптуру «Дискобол» переименовать в «Мыслителя», фразу «органчик в голове» (Салтыков-Щедрин) читать как «спортзальчик в голове», человека «с приветом» отныне считать человеком «с физкультурным приветом».

Надеемся, что введение данного указа незамедлительно даст нужные результаты, здоровье оставшихся граждан резко улучшится, а оттоку мозгов за границу придет полный финиш.

Такая близкая и незнакомая

Мы садимся друг против друга.

Я ловлю ее взгляд, она его отводит. Потом она ловит — я отвожу. Потом наши глаза встречаются, и мы играем в «гляделки». Глядим и молчим. Долго. Не мигая.

Потом она спрашивает (глазами):

— Ну как, не надоело?

— Не-а, — глазами отвечаю я. — Люблю, знаете ли, тарашиться на симпатичные предметы.

— Я тоже, — отвечает она. — Если предмет действительно симпатичный.

— Ну если вам не нравится предмет, который отражается в моих зрачках, то-о...

— Это уже было, — замечает она. — У Бомарше.

— Я так и предполагал, — замечаю я, — что у вас что-то было со стариком Бомарше.

Мы молчим и смотрим. Не мигая.

— Я давно хотел сказать, — говорю я (глазами). — Как насчет встретиться на нейтральной почве? В ресторане, например, или...

— Этого еще не хватало!..

— ...или вообще плюнуть на условности и закатиться куда-нибудь на необитаемый остров, или...

— Куда-а?

— На необитаемый, — говорю я. — Остров. Или в Ялту.

— Это тоже уже было, — говорит она немного погодя.

— Я не такой, — говорю я.

— Всем вам одного надо, — говорит она.

— Я рад, что вам надо двоих, — говорю я.

— Безумно остроумно! — говорит она. — И у вас такой вид, будто вы пошутили.

— Надо ехать в Ялту, — не сдаюсь я. — Там в Ботаническом саду восемнадцать тысяч видов.

— Но мы же незнакомы, — сдается она.

— Заодно и познакомимся. Меня, например, Костей зовут. А вас, например, Ритой.

— Откуда вы знаете?

— А я все про тебя знаю. И про работу, и про кухню, и про мужа-зануду.

— Я тоже, — признается она, — знаю, как тяжело тебе приходится с этой женщиной.

Мы смотрим и молчим.

— Так, может, переиграем, — предлагаю я (глазами). — Начнем с Ялты.

— Не фантазируй, — говорит она (глазами).

— У тебя красивые глаза, — говорю я.

— Что ты, я даже накраситься не успела.

— А я тоже галстук не надел. Так едем? В Ялту?

— Ты смешной, — говорит она. — Какая Ялта зимой?

— Тогда в ресторан, — настаиваю я. — Сегодня же.

— Сегодня я не могу, — говорит она, подумав.

— Я тоже сегодня занят, — говорю я, подумав. — Тогда завтра. Идет?

— Идет.

— У меня полтинник есть, — улыбаюсь я. — В заглашнике.

— И у меня, — улыбается она. — Сто рублей. Припрятанные.

— Ты самая хорошая! — говорю я (глазами).

— А ты самый лучший! — глазами говорит она. — Мне пора, — говорит она. — Пока, — говорит она и встает и пробирается к выходу, такая близкая и такая незнакомая, а я остаюсь один в битком набитом автобусе, и напротив пристраивается какая-то старушка с сурово поджатыми губами, и я улыбаюсь этой старушке, и старушка смущается, и заинтересованно изучает окно, и поправляет шляпку, и пудрится — и так до следующей остановки.

***

Вечером я прихожу с работы раздраженный, усталый и голодный. Жена лежит на диване, тоже усталая и тоже раздраженная.

— Будешь ужинать? — вздыхает она.

— Опять полуфабрикаты? — вздыхаю я.

— Не барин, — отвечает она.

— Надоело, — отвечаю я.

— Не нравится — можешь не есть, — отвечает она и включает телевизор.

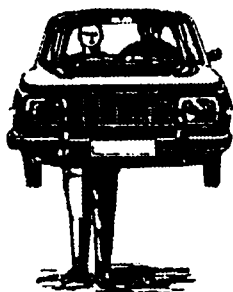
— Между прочим, по второй программе хоккей, — замечаю я.

— А по первой — вторая серия, — замечает она. — И между прочим, там лежит счет за междугородные, а у меня ни копейки.

— Между прочим, у меня тоже, — замечаю я.

— А полтинник в зажигалке? — спрашивает она.

— А твои припрятанные сто рублей? — спрашиваю я.
Друг на друга мы не смотрим.

Герман Дробиз

Сплошные извинения

О простыня, прости, прости меня,

я вновь тебя измял немилосердно, терзаемый бессонницей ночью.

Прости, будильник, я тебя ударил — но как еще твой звон остановить?

Прости, вода, тебе мечталось литься по сладким щечкам пухлого младенца или омыwać округлости девичьи, пропитываясь нежным ароматом прелестной кожи, но, о боже, боже, ты с отвращением бьешь струей по роже небритого, как ежик, старика.

Прости, яйцо, ты стать могло цыпленком, пушистым золотистым крохотулей, подпрыгивать на зыбких тонких лапках, попискивать, поклевывать, расти; ты в курицу могло бы превратиться, в веселую, пусть глупую хохлатку, а то и в петуха с роскошным гребнем и умопомрачительным хвостом. Но погибаешь в кипятке крутом и завтраком становишься моим. Я знаю — нет прощенья мне, и ты мне мстишь, и ты в законном праве: ты прибавляешь мне холестерину, чтоб наливался, крепнул мой склероз.

Прости, трамвай, что еду я в тебе, прости — не накопил я на машину, а честно — и копить не начинал. И без меня тебе довольно тяжело тащить две сотни граждан и гражданок, и среди них увесистых немало. Вот говорят: народ недоедает — откуда ж столько располневших теток, забивших чрево тесное твоё? Но, впрочем, все вокруг, кроме меня, по-видимому, едут по делам, существенным для них и для державы.

Тем более прости меня, трамвай: в моей поездке слишком мало толку, чтоб я посмел тебя обременять.

Прости, моя постылая контора, — который год служу в тебе, при этом на самом деле я тебе не нужен, как ты сама ни к черту не нужна.

Прости, кассирша, давшая зарплату, что зыркнул с нескрываемою злобой, — не ты в том виновата, а зарплата;

и ты, зарплата странная, прости: ты таковою зваться недостойна, я ж недостойн даже таковой...

Прости меня, продавленное кресло, в твои объятья грубо рухнул я, чтоб паяться в японский телевизор, который мне по-русски говорит. Тебя отдать пора бы в перетяжку, и выбить пыль, и освежить обивку...

Но этого не будет никогда.

Прости меня, японский телевизор, когда б и говорил ты по-японски, спасибо, я б тебя не понимал.

Однако ты по-русски говоришь, я ж, грешный, все равно не понимаю. Стараешься, техническое чудо, с предельной четкостью являя мне лицо то депутата, то министра, то... И с той же чудной четкостью являя мне звуки их задумчивых речей... Все четко — ничего не понимаю.

Прости меня, всклень налитая рюмка, верней, прости, всклень налитая водка: ты, возникая из воды и спирта, столь ревностно и честно преуспела сорокаградусною стать, чтоб этой статью ударить стариану по мозгам, встряхнуть его, развеселить, настроить на сумасбродный лад... Нет! Куролесить, как некогда, не в силах старичок; но уж хотя бы вышел прошвырнуться в ближайший сквер на перекур с бомжами или подруге старой позвонил...

О простыня, прости меня, прости, вновь изомну тебя, порву в лохмотья, терзаемый бессонницей ночью...

Прости, прости и ты меня, читатель, за то, что поистратил пять минут на чтение сей обманной хренотени... Здесь все неправда: молод я, и весел, и чисто выбрит, и хорош собой, и езжу не в трамваях я — отнюдь! Что до конторы — да, я в ней служу, но самым главным, и моя зарплата тебе не снилась в лучших снах, читатель!..

Нет, вру опять. Последний раз прости.

Михаил Жванецкий

Вс-с-ступление...

Во-первых, выпьем!

Во-вторых — за что?
За встречу. Вот за что.
И за компанию.

Все-таки... в последнее время... Кстати, я уже тут выпил до нашей встречи, но это не чувствуется... В общем, за здоровье, за силы, чтоб стоять и т.д.

...Так...

Что же вы приобрели за три рубля?

Во-первых, вот это вступление... Во-вторых, здесь все-таки собраны... самые разные... Вы их поддержали и этим развлекли себя.

В общем, за встречу! Я же уже сказал... Теперь... мы все должны подумать, нравится ли нам эта штука, которую вы держите в руках?... Кстати... Я вообще склонен... Я настаиваю, чтоб первый номер был последним. Просто надо... О совести мы не говорим. Но о порядочности... Короче, перед вами то, что сейчас с трудом пишу. От нашей компании небольшой презент. Сборничек-журнальчик-куррикатурчек.

Я думаю затеять это вместо выступлений. Это культурнее. Не чувствуется запаха. Так что попробуем.

Выпьем...

А теперь вот... Лезет в голову всякая чепуха...

Может, звякнуть кому-нибудь?... У меня было пару телефонов... Все разбегаются как тараканы. Замуж нороят и на тот свет. Так что умные — там. Красивые — здесь. Хорошие — замужем.

Но мы сейчас как раз не об этом. О чем мы сейчас?

Об этой штуке, что вы держите в руках...

Ничего. Я буду сюда писать. У меня как раз сейчас...

Ох! У меня как раз сейчас! Какое это имеет значение? Я всех видеть не могу. Всех! Что там у вас в руках?... Это журнал. Еще одно чтиво их всех чтив. А их масса. Как только исчезают продукты, появляются НЛО, предсказате-

ли, учредители и президенты. Я бы на вашем месте подумал. А на своем прекратил. Прекратить я могу в любой момент. Попробовал — и хватит. Если нечего сказать — необязательно... Лучше... Все не хотят всех видеть. Давайте переписываться. Сейчас я хлебну кофейку.

Что-то размяк... Так вот. Огромное количество и качество печатных изданий тянет отвлечься и расположиться к юмору, иронии, скепсису и сепаратизму. Я мог бы сказать — забудем про очереди и нашу жизнь. Но вы собираетесь перевернуть страницу... Перед тем как пойти громить посольства и магазины, глянем с юмором в зеркало и по сторонам. Оно стоит того. И выпьем за это святое чувство...

Отвратительная штука. Написано «Столичная»... Так вот... Это все... Дерьмо... Хотя не так просто...

Тут нужны связи. Чтоб издаг печатное изделие. Смотря что пьешь. Если пьешь простую водку — рассчитывай на оберточную бумагу. Если коньячок — она, конечно, побелей, но вся в морщинах...

Короче, чем глаже и белее, тем лучше. Это знает каждый. Тут нужно шампанское, джин-тоник, барракадеро, брамакудро, сантори (Япония) и пиво тоже. На обложку пиво идет с... Скажу твердо: пошлости в этой штуке не будет! По крайней мере во вступлении. Редакция постарается, если не напьется. Будем чистить и вычищать... А в общем, надо бросать. Просто потому, что мы такая страна, где все не хотят видеть каждого, и он тоже всех имел. Так что. Сепаратизм. Одиночное пьянство без еды. Надо не забыть бросать писать. И вам — покупать... Хотя если вы читаете — значит, купили. И напрасно. Опять политика. Опять эти склоки. Жрать нечего. Надеть нечего. А эти гады... Сейчас кофейку... Ладно... Надо поддержать юмористов. За три рубля вы их поддержали. Эти деньги годятся только для пожертвований. Вот поддержать художника продуктами... Нашему читателю и в голову не придет.

Так что мы пробуем писать — вы пробуете читать. Это наша страна, и она достойна нас, черт побери. А сейчас можно поднять бокал и окончательно расслабиться... Пусть кто-то перевернет страницу, У меня нет сил...

Конец вступления.

Михаил Задорнов

Я другой такой страны не знаю

Я другой такой страны не знаю,

где так любят лечиться, как у нас. Причем непременно нетрадиционными методами.

Стоит только поместить объявление газете: «Колдун снимет все!» — тут же толпа посетительниц.

— Вы бы не могли с меня все снять?

— Конечно. С удовольствием. Раздевайтесь. Ай-ай-ай... Как у вас чakra обвисла! Это вас сглазили. Соседи. Есть у вас соседи? Есть! Видите, угадал... С вас сто долларов.

Когда просматриваешь объявления в газетах, создается впечатление, что у нас вся страна — по экстрасенсам, гипнотизерам, колдунам и ведьмам... Те им хвосты обрубают, фантомы вытягивают, ауру штопают, карму укорачивают, нечистый дух изгоняют ритуально-очистительными половыми актами. А главное — все рассасывают: спайки, нервы, кошельки...

Чего только наши пациенты после этих посещений не делают! Сушеных кузнечиков грызут, на ночь заземляются: ноги к отоплению прикручивают, к ушам заговоренные утюги подвешивают... Конский хвост на лбу от сглаза носят. Поливают себя бульоном, настоящим на надпочечниках зеленой макаки.

Каких советов не выполняют!

— Чтобы приворожить мужа, вам надо дать ему понюхать дым пепла сожженного зуба любимого человека.

Порой даже представить невозможно, как это выполнить. Да еще при условии, что вырвать этот зуб надо незаметно для того, у кого вырываете!

И что интересно: кого ни спроси в нашей стране — всех сглазили. Видимо, на телевидении диктор у нас с черным глазом работает. Он всех и глазанул!

Правда, и без сглаза есть люди в стране. Это те, которые с порчей.

— Да-да... У вас порча. Дышите. Не дышите. Можете три минуты не дышать? Нет? Порча! А правым легким

дышать, а левым не дышать можете? Тоже нет? Это сильная порча. Вам надо недельку погрызть угол своего дома, пока луна темная.

— А у вас в районе крестца блок... Вам надо рано утром пойти в лес, зажав в правой руке сорок куриных пупочков, раздеться догола, сесть на муравейник и ерзать по нему до рассвета.

— А у вас дела не идут, потому что из вас энергия ушла. Вам надо по утрам целовать взасос электрическую розетку.

А что с уринотерапией делается! В простонародье, извините, — мочетерапией... Полстраны это дело пьет, закапывает в глаза, в уши, поливает себя сверху, приговаривая... Выпаривает... Когда своей не хватает, у соседей занимают.

— Вы не одолжите нам пару стаканчиков? Мы вам через недельку вернем с процентами.

В доме вонища! К одному прихожу, спрашиваю:

— Почему у тебя такая вонь в квартире?

А он отвечает:

— Зато посмотри, как я выгляжу!

Ему посоветовали от ревматизма подогретым навозом лечиться... Он его с утра каждый день на сковороде подогревает. Сковороду специально купил «Цептер», чтобы экологически чистый навоз был.

И главное — оказалось так просто! Это дело — извините, моча — панацея от всего. В какой-то газете черным по белому прочитал: «Чтобы приворожить мужа, надо пропустить его мочу сквозь его венчальное кольцо». Хотелось бы на этот процесс посмотреть. Причем написано: пропустить три раза. Да еще не снимая кольца.

Но особенно восхищает, что нашим людям и впрямь все это помогает. Поистине правы были коммунисты, которые считали, что мы самый здоровый народ в мире. Верно! Потому что успешно лечиться всеми этими методами могут только очень здоровые и крепкие духом люди.

Лион Измайлов
Валерий Чудодеев

Тоска по родине

У них, граждане, в Америке

чего только нет! И из всего они, капиталисты, деньги делают. Даже из нашей ностальгии. Дело в том, что многие наши бывшие граждане, особенно те, которые победнее, время от времени испытывают там тоску по родине. Примерно два раза в месяц. По пятым и двадцатым числам. А американцы уже тут как тут. Нужна тебе родина? Пожалуйста. Они, говорят, там под Нью-Йорком построили небольшой такой Советский Союзик. И вот, допустим, соскучился их джентльмен Гриша по Москве, платит 20 долларов — и пожалуйста: все честь по чести — граница ихняя, потом наша.

На их границе вежливый таможенник:

— Плиз, сэр, не хотите ли взять с собой видеокамеру, сэр, поснимать там на память, сэр?

Гриша платит еще 10 долларов, берет камеру, проходит по коридору через границу, а навстречу ему тот же таможенник, только уже в нашей форме и лицо зверское. Чемодан — хватъ! Камеру оттуда — хватъ!

— Не положено!

Гриша говорит:

— Да ведь вы только что сами «плиз» сказали!

А тот:

— Да я тебя первый раз в жизни вижу, козел вы дражный, сэр!

И вот стоит он на площади под вывеской «Шереметьево» и кричит:

— Носильщик! Носильщик!

Подбегает к нему какой-то тип с лицом Савелия Крамарова и спрашивает:

— На кой хрен тебе носильщик, сэр?

— Да вещи отнести.

Глядь, а вещей уже нет.

«Родина» — понимает Гриша и, отстояв полтора часа на стоянке такси, садится в автобус. А там его уже пол-

Голливуда обслуживает. По двое на каждую ногу наступают, трое ребра ему пересчитывают.

Один держит его за руки и, упершись коленом в живот, спрашивает:

— На следующей выходите?

А еще один с лицом Савелия Крамарова дышит перегаром в лицо и приговаривает:

— Ну что, Гриша, хорошо тебе на родине?

Два круга по площади проехали и выкинули на останковке «Гостиница». Гриша радостно входит в вестибюль и, простояв весь день в очереди к администратору, к ночи получает место в двухместном номере: на одной койке — Гриша, на другой — узбек с женой, тещей и двумя детьми. Гриша пытается заснуть, но под утро всех их выселяют из номера по случаю приезда членов компартии африканского племени людоедов. Причем все людоеды — с лицом Савелия Крамарова.

Гриша идет по улице и натывается на табличку «Пивбар». Все как у нас: рядом с ободранной палаткой народ — кто на корточках, кто на камешке — пиво потягивает. Наше пиво, родное, бочковое, водопроводное. А навстречу Грише уже двое спешат:

— Третьим будешь?

— Буду! — радостно кричит Гриша.

— Вот и хорошо. Двоим мы уже рожи набили, ты третьим будешь.

Очнулся Гриша в больнице. В коридоре, ногами на лестницу, головой к туалету. Подходит к нему медсестра с лицом Савелия Крамарова.

— Скоро, — говорит, — переведем тебя из коридора.

— Когда? — спрашивает Гриша.

— Когда место в морге освободится.

Гриша не выдерживает и бежит к границе, а там ему говорят:

— Куда же вы, уважаемый, вы же еще не насладились нашим многонациональным искусством, не обедали в столовой общепита, да вы у нас еще в милиции не побывали на экскурсии.

— Нет! — кричит Гриша. — Я еще жить хочу! Пустите меня назад в Америку!

И все, говорят, больше у этого Гриши никакой ностальгии. А я вам так от себя скажу: заелись они там у себя. Да если бы у нас такое место было, где койку в гостинице дают, да еще пивом угощают, да на Крамарова можно бесплатно поглазеть, — да у нас бы туда очередь с вечера стояла.

Аркадий Инин

«Осторожно, лифт!»

Не люблю я лифты. Нет, не люблю.

Как-то не по душе мне эти странные коробочки, эти поезда ближнего следования, ежеминутно принимающие и выпускающие пассажиров, сводящие людей так тесно, так близко, глаза в глаза, но ничуть не печалюсь о том, что через краткий миг люди эти расстанутся, и, возможно, навсегда.

Так и сплывают они вверх-вниз, от и до: от первого этажа до последнего. Есть в этом движении что-то ограниченное, бескрылое, что ли... Хотя бы раз эта коробочка преодолела свои «от» и «до», взлетела бы в небо или, на худой конец, провалилась бы в землю!

Нет, конечно, я трезво осознаю, что у лифта совсем другие задачи, разумно-полезные. И не зря призывают: «Берегите лифт — он бережет ваше здоровье!» Наверно, так и есть. Даже наверняка. Лифт бережет наши ноги. Но нервы, нервы...

Честно говоря, я просто не знаю, как в лифте себя вести.

Вот я вхожу в кабину. А там все стоят. Стоят плечом к плечу. Лица отрешенные, даже какие-то скорбные. Одни опустили очи вниз, другие возвели их кверху. Как на гражданской панихиде. Я невольно включаюсь в общее настроение, так же скорбно склоняю голову, столь же печально опускаю глаза. Лифт мерно гудит, мы в торжественном молчании дружно возносимся к небесам... До следующего этажа.

А там — полнейшая метаморфоза. Кто-то выходит, кто-то заходит. Среди вошедших две девушки. Они приносят с собой аромат духов — так мягко назовем этот запах, сразу превращающий кабину в душегубку. И атмосфера панихиды резко сменяется праздником коммунальной кухни.

Нимало не стесняясь, но крайне стесняя присутствующих, девушки с завидной даже для самой быстродействующей ЭВМ фантастической скоростью выдают за крат-

чайший промежуток времени — между тремя этажами — колоссальный объем информации. Культурно-мануфактурно-амурной: от размеров талии до певцов Италии. Когда они громким и открытым текстом переходят совсем к интимному «а он что? а ты что? а вы что?», я вжимаюсь в угол, я готов провалиться сквозь пол, но пол не проваливается, лифт неуклонно движется заданным курсом, прекрасные незнакомки все щебечут, щебечут..

Впрочем, ничуть не лучше, когда в лифте знакомые незнакомцы. Мои соседи, жильцы большого дома, с которыми я встречаюсь только в лифте.

Как быть? Поздороваться? Вроде неловко — незнакомые же люди. Не здороваться? И это неудобно — все же соседи. Похоже, они испытывают по отношению ко мне аналогичные чувства. И потому в лифте начинается кашель.

Я первым неловко откашливаюсь, что вполне можно расценить и как невнятное «здрасьте», и как хронический катар верхних дыхательных путей. Соседка с восьмого этажа немедленно отвечает мне бухающим рецидивом острого респираторного заболевания. Сосед с шестого этажа тут же вспоминает о своей застарелой чахотке. Эпидемия кашля мгновенно охватывает весь лифт. И даже лохматая собака с третьего этажа заходится в лающем кашле или в кашляющем лае...

Собаки в лифте — это особая тема. Не знаю почему, не знаю, как на других, но на меня все псы — от малого шпица до огромного волкодава — смотрят одинаково: как Мухтар — на нарушителя границы. Едва, я появляюсь в кабине, они делают стойку, резко подтягивают животы, стально напружиниваются. И если есть в их глазах хоть какое-то сомнение, то лишь одно: укусить его сразу или враг сам побежит?

Да, не люблю я лифты. Нет, не люблю.

Я чувствую себя в них таким несвободным, таким зависимым... Мне нужно вверх, а лифт заряжен автоматикой вниз, и я вынужден опускаться лишь для того, чтобы подняться вновь. Или: я еду, например, на двенадцатый этаж, а меня могут остановить — совершенно независимо от моей воли, — скажем, на шестом. Или: только я делаю шаг в кабину, как загорается табло: «Перегрузка». Знаете, очень обидно себя чувствовать даже лишним человеком. Но куда обиднее — чувствовать себя лишним грузом!

И вообще, что это за надпись: «6 человек, 500 килограммов»?! Я всегда невольно и мучительно начинаю прикидывать... Сколько, интересно, потянет этот верзил с чемоданом?.. А эта дама внушительной комплекции?.. Про таких в Одессе говорят. «Мне в ней нравятся три вещи — подбородок!» А этот мальчик?.. Мальчик-то он мальчик, но до чего упитанный! Да и сам я хорош: зарядку забросил, к бегу что-то остыл, к сауне как-то охладел, вот и набираю вес — а ведь тут только до пятисот килограммов...

Тьфу, ну что за дурацкие мысли являются в этом идиотском лифте!

Но хуже всего ехать в кабине вдвоем. Нет уж, пусть даже скорбно-молчаливая, как на панихиде, толпа, пусть даже душительно-интимный стриптиз незнакомых болтушек, пусть даже свирепые собаки, подозревающие во мне шпиона, но только не вдвоем!

Когда я еду в лифте вдвоем с незнакомым человеком, я абсолютно теряюсь. Я не знаю, как стать, как повернуться. Лицом — вызывающе. Спиной — бестактно. Я не знаю, куда смотреть. В глаза — нахально. В потолок — глупо. Я чувствую себя совершенно обязанным о чем-нибудь заговорить. Но о чем? Узнать, который час? Поделиться прогнозом погоды? От всей этой неловкости я не нахожу ничего лучшего, как только молча совершать массу нелепых движений: поправлять одежду, приглаживать волосы, почесывать нос...

Так было и в тот день, когда я вошел в лифт, а там — всего одна девушка. Девушка как девушка. Я вошел, и мы поехали.

Начал я с того, что одернул пиджак. Она поправила прическу. Я подтянул галстук. Она открыла и закрыла сумочку. Я сунул руки в брюки. Она похлопала ресницами.

А лифт себе ехал и ехал. Никто его не останавливал. Никто в нем не появлялся. Мы ехали вдвоем. И обстановка с каждой секундой накалялась.

Я вытер платком лоб. Она внимательно осмотрела маникюр. Я проверил запонку. Она ослабила ногу в колене. Я прислонился к стенке. Она подкрутила часики.

Возможно, все бы и обошлось, если бы этот лифт находился в старом доме, этажей девять или даже двенадцать. Но дом был новейший, экспериментальный, двадцатичетырехэтажный.

На семнадцатом этаже я почесал бровь. Она повертела перстенок на пальце.

На восемнадцатом я отбил ботинком пару тактов неизвестной мелодии. Она застегнула верхнюю пуговицу платья.

На девятнадцатом я сильно дернул себя за ухо. Она полуобморочно закатила глаза.

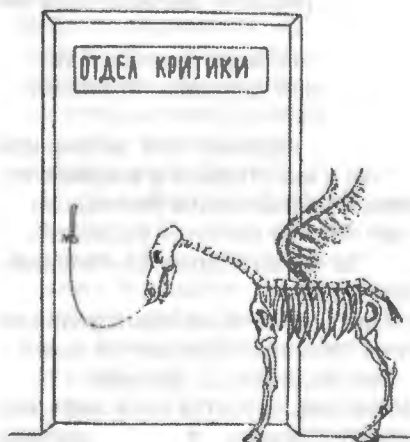
А на двадцатом этаже я почувствовал, что силы мои на исходе, и понял, что это конец. Я открыл рот. Я набрал воздух. И предложил ей стать моей женой. От отчаяния. А она немедленно согласилась. От испуга.

С тех пор мы с ней и живем. Вроде бы дружно и, кажется, счастливо.

Но не люблю я все-таки лифты. Нет, не люблю.

Самая большая для меня радость — если я подхожу к лифту и читаю сообщение, что он в настоящий момент ремонтируется. Тогда я вздыхаю облегченно и весело.

И мое хорошее настроение не может испортить даже то, что какой-то остряк к благословенной табличке «Лифт на ремонте» приписал очень старую шутку: «Ближайший лифт — в доме напротив».

Артур Кангин

Собачка Павлова

Павлов достает из кармана

кусочек колбасы и дает Жучке:

— Ешь, милая, жуй!

Собачка аккуратно, интеллигентно ест.

Павлов достает из кармана электрический фонарик и светит им в морду Жучки.

Собачка, не переставая жевать, недоуменно смотрит на фонарик.

— Так, довольно!

Павлов выключает фонарик и забирает у собаки колбасу.

Павлов включает фонарик и светит им в морду Жучки:

— Пошла слюна!

Жучка недоуменно смотрит на Павлова.

— Слюна!

Собачка закрывает глаза и пытается задремать.

Павлов достает из кармана колбасу и протягивает Жучке.

Жучка интеллигентно ест.

Павлов выключает фонарик и отбирает колбасу.

Павлов включает фонарик:

— Пошла слюна! Слюна!!!

Собака из уважения к маэстро пускает тоненькую струйку слюны. Все это неприятно и глупо, но ради великого физиолога Ивана Павлова собачка готова выдерживать все что угодно.

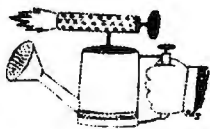
Павлов кидается к столу и что-то быстро, с легкой улыбкой, записывает в коленкоровую тетрадь.

Собачка подходит к фонарику и из уважения к ученому проглатывает его.

Входит лаборантка и приносит колечко копченой «краковской».

Павлов пускает обильную слюну.

Собачка с уважением глядит на ученого. Научный труд завершен.

Виктор Коклюшкин

Ограбление

Классно придумали: заходим

с Петькой в банк, я кричу: «Ложись!» — и стреляю из игрушечного пистолета в Петьку, он падает, а кассир в страхе отдает мне деньги. А когда приезжает милиция, Петька сообщает мои приметы: спереди — маленький, сзади — длинный, в профиль — с усами, в фас — с бородой и... женщина!

Ну, выпили для бодрости, заходим в банк, я вынимаю пистолет, кричу: «Ложись!» Петька лег. Я говорю шепотом: «Дурак, я же еще не выстрелил!» Он говорит: «Извини, Вить, перепутал». Я говорю громко: «Какой я тебе Вить, мы же не знакомы».

Ну а в банке кассир, вместо того чтоб испугаться, голову в окошко высунул — интересно ему, козлу!

Другие служащие тоже ждут, что дальше будет. А дальше я опять кричу: «Ложись!» И стреляю в Петьку, а он не падает! Стоит, гад, как столб! Я говорю: «Ты что ж не падаешь?! Что, — говорю, — ты надо мной издеваешься?!»

Ну кассир тоже говорит: «Что он у вас то падает, то стоит, он что — припадочный, что ли?!»

Петька говорит кассиру: «Сам ты припадочный! Ты вообще спрятаться должен, а не высовывать свою глупую морду! Давай, — говорит, — Вить, еще раз, извини, не знаю, как тебя зовут, потому что мы не знакомы!»

Ну, я выхватываю опять свой игрушечный пистолет, кричу: «Ложись!» — и стреляю. А Петька, курва, стоит и говорит мне капризно: «Как же я могу упасть, если ты стреляешь в потолок?!»

Кассир говорит: «От потолка штукатурка могла отскочить и по башке тебе-е-е... ударить!»

«Как она могла отскочить, — кричит Петька, — если пистолет игрушечный?!»

Женщина какая-то говорит: «А ты все равно ложись, раз договорились! Что, — говорит, — за мужчины пошли — уговаривать их надо!»

Охранник тут вмешался, говорит: «Пуля в принципе могла отскокнет и попасть тебе хоть в башку, хоть... в пятку!»

Заведующий говорит: «Господа, падайте, пожалуйста, быстрее, нас клиенты ждут!»

А клиенты ни хрена не ждут — они с советами лезут! Один, в очках, кричит: «Я видел, как пуля летела! Вон она, в потолке!» Женщина говорит: «Сам ты пуля — это муха!» Заведующий кричит: «Мух у нас нету, мухи у нас дохнут!» Кассир говорит: «Давайте разберемся по порядку! Вот этот придурок кричал: «Ложись!», а этот чокнутый не ложился!»

Тут какая-то дама презрительно говорит: «Грязно здесь, чтобы ложиться!»

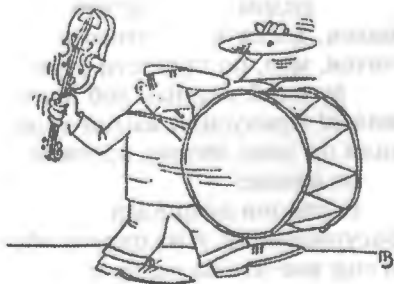
Ну, блин, лучше бы она этого не говорила! Потому что уборщица выперлась вперед и заголосила: «Я тут с утра мою, а эти ходят пачкают! А надо б закрыть двери. тогда и полы чистые будут!»

Заведующий кричит: «Как закрыть, а работа?!» Кто-то кричит: «Какая у вас работа — деньги собирать, а потом говорить: мы обанкротились?!»

Тут охранник вообще рехнулся, кричит: «Я раньше жуликов ловил, а теперь вынужден их охранять! Молчать! — кричит. — Стрелять буду!»

Ну, я Петьке говорю: «Мотаем отсюда быстрее, пока не покалечили!»

В общем, ушли мы оттуда. А так классно было все придумано: я стреляю, Петька падает.

Владимир Котенко

Медные лбы

Русь, как обычно, вела войну,

а на пушки, как обычно, не хватало меди. Царь-батюшка с горя глушил медовуху, казалась она ему елико горькой.

— Где добыть медь? — терзался государь.

— Где же ее добудешь-то? — развели бояре рукавами. — Считай, все в пушки перелили: и колокола церковные, и колокольчики сбруйные, и бляхи женские, и медали воинские... Нету более на Руси меди. Гроша медного не сыщешь.

Царь-батюшка в сердцах стукнул главного боярина по лбу, да так крепко, аж малиновый звон с переливами поплыл: дзинь-дзинь! Самодержец прислушался, удивился — и двинул в соседний лоб. Звук был не хуже — чистый, удалой, вроде крика «Ура!». Царь хмыкнул:

— Есть медь! Есть резервы!

А наутро грозный царев указ вышел: всем боярам, у кого лоб медный, на литейный двор явиться и в пушки перелиться. А буде кто отлынивать, у того брать лоб силой.

Выстроилась на Лобном месте с перепугу огромная очередь. Пушечных дел мастера всякий лоб простукивали, измеряли, чуть на зуб не пробовали — по сортам и качеству разбирали: ведь какой у тебя лоб, на лбу не написано. У кого не звенел, гнали в три шеи: мол, не суй брак.

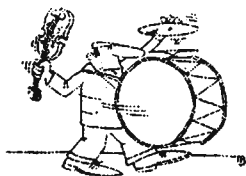
Через неделю медная гора на солнце сияла и одним своим видом на супостата ужас наводила. Кое-кто сумлевался: дескать, из этого лома пушки нетолковые получатся, мол, по глупости стрелять начнут в молоко. Но не зря русский медный лоб испокон веков на весь мир славился! Прикусили языки злопыхатели, когда пушки вышли на диво легкие, крепкие, какие-то сердешные, чуть ли не живые.

Были они лучше аглицких, гишпанских, храницких, басурманских. А из царева лба даже Царь-пушку отлили, и еще кое-что на солдатские кружки осталось.

Мыслили в штабах этак: когда пушки разом пальнут, супостат позорно бежит, теряя амуницию. Победа да плюс к тому от медных лбов отчизна избавится!

Но повоевать артиллерия не успела. В ночь перед боем все до единой пушки оборотистые полководцы в пункты приема цветных металлов загнали. А оттуда прямым ходом за границу. И пошел тогда государь на поклон к Хозяину Медной горы.

Антон Макуни

По долинам

Новая песня о старом

Вызывают тут меня куда следует...

— Иванов Иван Иванович?

— Да.

— Поздравляем! Вам выпала великая честь!

— Какая?

— Быть занесенным в Книгу рекордов Гиннесса.

— Почему мне?

— Так решили наверху! Получите коньки, распишитесь!

— При чем здесь коньки?!

— Будете в них бегать вокруг света.

— Куда?!

— Не куда, а до полного износа коньков!

— Что?

— Не что, а по асфальту и другой пересеченной местности!

— Но я работаю!

— Согласовано!

— Но у меня жена, дети!

— Согласовано!

— Но я не умею на коньках! Я буду падать!

— Все предусмотрено. Получите костыли, распишитесь!

— Но я же просто умру!

— Учтено.

— Что учтено?

— Умрете — сразу Героя! Прах с почетом развеем над Кремлем!

— Но я не могу!

— Можете! Вы патриот?

— Кто?

— Вы — па-три-от?

— Д-д-д-да...

— Вот и отлично. Свой. Надевай коньки!

- Да, но...
- Никаких «но»! Бери костыли! И с песней...
- Но, товарищи...
- И с песней... На старт, внимание...
- Помогите!
- Марш!!!
- Па-ма-ги-те-е-е-е!!!
- Ща мы тебе поможем! Капитан, пистолет!
- А-а-а-а-а-а-а!!! «По доли-и-и-инам и по взго-о-о-орьям шла диви-и-и-зия вперед...»

Поворот на Закидоновку

Оформили Бухряева сразу.

Только поинтересовались:

— В Закидоновку поедешь?

— Поеду, — согласился Бухряев. — А где это?

Ему объяснили, и сам начальник краевого узла связи повел его по двору, попутно для чего-то рассказывая каждому встречному:

— Новый это наш. В Закидоновку почту повезет.

Поэтому к дверям гаража вслед за начальником и Бухряевым подошла ватага шоферов, почтальонш и телефонисток. Начальник отпер и распахнул двери. Народ ахнул.

В полумраке бокса вместо привычного «зилка»-фургона стояло огромное шестиколесное чудо.

Начальник с размаху ударил ногой по шине, и та отозвалась вибрирующим звуком.

— Только что не летает! — похвалил он машину. — У военных по конверсии хапнули.

Потом он положил обе руки на плечи Бухряеву и заглянул ему в глаза:

— Ну, дорогой, вперед! Возьми карту, сухпак, одеяло захвати из дома для ночевки. Отвезешь письма, газеты за полгода, вернешься — и сразу в отпуск!

Через час Бухряев выехал. Начальник проводил его взглядом из окна и тут же велел секретарше дать новое объявление о том, что требуется шофер-экспедитор для доставки почты в Закидоновский район.

Шоссе кончилось на седьмом километре, день угас после пятого поворота. Бухряев заночевал. Он нацедил бензина из бака, разжег костер. Потом аккуратно вскрыл один из мешков, достал газеты.

Оказалось, мартовские.

Он лежал в телогрейке у костра, подложив локоть под бок, и, пока не задремал, читал старые новости в неровном свете пламени.

Где-то у горизонта мерцали, перемигиваясь с бухряевским костром, еще два. К этому месту он подъехал утром, часам к девяти.

Два почтовых фургона стояли на обочине, утонув колесами в недавней весенней, а теперь уж закаменевшей грязи. Обросшие щетиной шоферы сидели на капотах, сонно жмурясь на звук мощного военного мотора. Бухряев с трудом вырлился из колеи:

— Привет, мужики! Тоже в Закидоновку ехали?

— Ехали, трать еее! — отозвался, один, постучав пяткой по капоту, — Да не доехали. Курево есть? Оставь. И газетки дай.

— А почта ваша? Давайте ко мне грузите, я довезу уж.

Второй вздохнул шевелюру, закурил, с прищуром оглядев Бухряева:

— Нельзя, парень. Там ценных писем полно, на нас записано.

— А чего ж сидите? Давно б пешком домой вернулись!

— Говорят же, нельзя. Мы при почте должны находиться, — вяло отозвался второй, тоже прикуривая.

— Как хотите. Поехал я.

— Давай. Только ты это... Дня через два-три Егоху встретишь. У него машина поновее, по всему выходит, он не раньше как через два-три дня застрять должен. Запомни: «17-63 ЫГЫ». Так передай, сын-то у него в техникум поступил.

Бухряев завел мотор и съехал обратно в колею.

Сперва показался покосившийся и облупленный указатель «ОЛИШАЕВКА», потом по пригорку, параллельно надсадно урчащей машине, забегали мальчишки, загорелые в летнем пекле, как чертенята. Суматошно зазвонил колокол на невидимой за деревьями колокольне.

Встретили Бухряева у самой крайней избы, там, где ржавел полурастащенный на запчасти и на полезные железки комбайн.

Мальчишки залезли на него, взрослые встали вдоль дороги.

— Почта! Почта приехала, едррётты!

Бухряев вышел на подножку:

— В Закидоновку еду. Вам тоже мешок с почтой есть. Кому надо — на обратном пути письма заберу, пока пишете.

— Заберет! Письма заберет... — пронесся шелест по рядам. Бабы прослезились, мужики захлопали в ладоши. Вперед выступил председатель сельхозкооператива:

— А скажи, друг, как там дела на Большой земле? Заступник народный Борис наш Николаевич извел привилегии проклятые?

— Извел! — сказал Бухряев и вызвал овацию. — Все до единой, которые старые были. Зато новых вдесятеро больше набрано.

— Это ты что городишь-то?! — взвился председатель. — Поклеп возводишь на Бориса нашего Николаевича и на Егора нашего Тимуровича?! Ты случаем не из коммуняк-кровососов?!

— Я-то нет, а вот...

Он не успел закончить: тухлое яйцо ударилось в стекло и мутно потекло вниз. Народ бежал за машиной и кидал чем ни попадя еще с полчаса. Когда отстали, Бухряев притормозил и выбросил на обочину мешок с почтой для Олишаевки.

Летели дни. Застрявшие почтовые машины попадались все реже. Недели через две Бухряев приехал в село Барханчиково. Его заметили с пригорка еще утром, когда он пробовал выехать с раскисшей от дождя луговины и преодолеть лужу на дороге. Заметили, успели приготовиться и встретили у околицы хлебом-солью.

Подавали каравай пионер в наспех отглаженной форме и дед при галстукe и со значком «Ветеран КПСС».

— Мы рады, что наша отечественная почта, лучшая почта в мире, выполняя решения последнего съезда КПСС и указания лично Леонида Ильича Брежнева... — сказал дед.

Тут все захлопали, и Бухряев, поозиравшись, тоже.

После речей Бухряев хотел сгрузить почту и уехать, но его повели в сельсовет поить самогоном.

К самогону он был непривычный и после седьмой «за здоровье дорогого Леонида Ильича и за наши бдительные органы в лице уполномоченного Тюмкина Михайлы Ивановича» он не выдержал, пробормотал, что все органы отмерли, а дорогого Леонида Ильича давно схоронили.

А пока сельчане, также изрядно набравшиеся, пытались постичь смысл сказанного, Бухряев достал газету «Бизнес-экспресс» за февраль девяносто пятого и прочитал несколько абзацев нетвердым языком.

Тогда встал ветеран:

— Вот, товарищи, пример того, как в нашу славную почту пробрались враги социализма. Чтоб распростра-

нять антисоветские газетенки и зловредные мысли. Вяжи его, товарищи!

Тут-то и выяснилось, что не зря Бухряев не все рюмки опрокидывал, — он сумел вырваться из пьяных неловких рук. Опередив толпу метров на сто, успел вскочить в кабину и всего с третьего раза попал ключом в замок зажигания.

Едучи по лесу, стараясь не потерять дорогу, уже изрядно поросшую травой, он выбрался вдруг на участок утрамбованной грунтовки. И даже прибавил скорость. Через километр грунтовка вывела его на поля. У обочины стоял красиво нарисованный стенд «Совхоз и село КРАСНЫЙ ВОРОШИЛОВЕЦ, 2 км». Чуть дальше справа и слева имелись аршинные портреты товарищей Сталина и Берии.

Бухряев затормозил, долго размышлял, глядя на изображение сподвижника вождя, а потом решил объехать «Красный Ворошиловец» лесом, по чащобе, от греха подальше. Объезжал трое суток...

А когда грел на костре банку с тушенкой, на него наткнулась старуха в истрепанной кацавейке. Она пожелала бог в помощь, постояла молча, опираясь на обломок орешины, шамкая беззубым ртом. А потом спросила, заморгав слезливыми водянистого цвета глазами:

— Сынок? Ты, знамо, из волости едешь? Скажи, война-то кончилась?

— Кончилась, бабушка, кончилась.

— И что слышать в народе — не отдали мы Москву-то ханцузам?

— Не отдали.

— Ну и слава богу.

Листья пожелтели. Лес наполнился запахом грибов и влажной прелости.

В один из дней Бухряев отошел от машины в низину поискать воды. И вдруг неподалеку раздались голоса. Девушки смеялись и аукались в ельнике.

Бухряев, выбравшись из овражка, раздвинул руками тяжелые, оплетенные паутиной лапы. Поляна была густо — будто кто для киносъемок постарался — усеяна рыжиками и волнушками. Их рвали девушки в холстинных сарафанах. Бухряев уставился на них, а ближняя, заметив, попросту наклонилась к нему корзинку:

— Сёдни вона сколько!

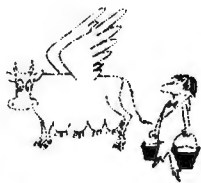
— А где ж село ваше?
— Деревня? Там вон, за березками.
— А как называется-то?
— Зачем называть? Деревня она и есть деревня, других нетути!

И, оставив Бухряву смех звонким колокольцем, скоро догнала своих. Бухряев вернулся к машине, посидел с сигаретой, прислонясь спиной к дереву. Потом пружинно поднялся, побросал в рюкзак самое необходимое.

Сухая трава расступалась и вслед колко сгегала его по ногам. До березняка было версты две.

Лишь однажды он остановился — ему почудился вертолет. Но нет, это обрывок бересты дребезжал на ветру. Бухряев хмыкнул и, широко размахнувшись, забросил в траву связку городских ключей. Они звякнули и сразу потерялись...

Андрей Танисяк

Вести с полей

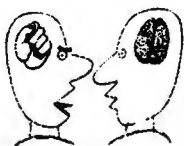
Несмотря на сложные погодные условия,

животноводы района успешно проводят отел озимых, опорос яровых и нерест пропашных. В то же время в ряде хозяйств отмечается яловость комолых нетелей. Снижается яйценоскость свиноматок. Повсеместно невысоки надой бобовых и настриги пасленовых, сохраняется жеребость сенажа.

В Областном штабе по ликвидации последствий сельского хозяйства считают, что главная причина бед кроется в диспаритете зяби. В нашей климатической зоне почвы представлены в основном супесями, суглинками и сурепками с включением дернозема. И здесь необходимо искусственное осеменение севооборота отдельным комбайнированием, всемерная ячменизация и кукурузификация суперфосфата, дефлорация минеральных удобрений, вегетация кошельковым неводом.

Вот здесь и наступает сельского труженика нераздоенность цен. Механопашцы уже вывели на линейку готовности сеялки, веялки, греялки и блеялки, но тяжелую технику окучивать нечем: запаздывают горючие, смазочные, подмазочные и подвязочные материалы. Вместо уплотнительных прокладок приходится использовать гигиенические. А ведь один только безотказный копнитель с плавающим лезвием и широкозахватным дефекатором способен повысить урожайность на 32 процента.

И все же сельчане не снимают с себя ответственности за конечный результат. Будем и мы надеяться, что их самоотверженный труд обеспечит весомую прибавку органики к стулу горожан!

Александр Портер

Дефолт

После второго стакана мастера Тишкина,

как всегда, потянуло на непонятное.

— И откуда же у нас, Игорек, — спросил он своего молодого друга, наладчика Балабанова, — взялся вдруг этот экономический кризис?

По молодости для наладчика Балабанова ничего непонятного не существовало, поэтому он ответил сразу:

— Известно откуда! Из Юго-Восточной Азии!

— Ты смотри! — удивился мастер Тишкин. Издалека... Как же он до нас-то дошел?

— А к нам все время всякое дерьмо плывет, — сплюнул Балабанов. — Такое геополитическое положение!

— Понятно... — не понял мастер Тишкин. — И что же, защититься нельзя было?

— А как?! Мировая экономика, Егорыч, такая вещь — все повязаны! Киздец!

— Ну, а вот по-простому объяснить можешь?

— По-простому?.. — задумался Балабанов. — Попробуем... Вот мы с тобой, Егорыч, живем в Бибиреве, так?

— Не повезло, что поделаешь...

— Я не про это. Вот мы с тобой живем в Бибиреве, а какой-нибудь, положим, Вася, живет, ну, положим, в Братееве. Какая вроде бы между нами связь?

— Какой Вася?

— Не важно! Вася и Вася. Живет он в Братееве и сто лет нам не нужен был. Но! — Балабанов значительно поднял палец над головой. — Но этот козел занял, положим, у Льва Моисеича денег и не отдает. Потому что он, козел, их, положим, в железку проиграл...

— У какого Льва Моисеича? — насторожился мастер Тишкин.

— У нашего Льва Моисеича. У которого мы с тобой стреляем.

— У этого, что ли?

— У этого! И вот Лев Моисеич приходит к нам и спрашивает: как, мол, насчет должка? Потому что у него из-за этого Васи плохо с деньгами. И что же мы ему отвечаем?

— Вообще или как вчера?

— Именно как вчера!

— Ну, вчера, конечно, нехорошо получилось... Но он тоже... Не видит, что ли, люди выпивают? Зачем настроение портить?

— Верно, Егорыч, неделикатно. Но его тоже понять можно. На его деньги пьем, а еще посылаем! Даст он нам после этого еще?

— Я бы дал... — подумав, ответил мастер Тишкин. — Подумаешь, послали...

— А Лев Моисеич не даст! Он непривыкший. И вот смотри, что у нас на данный момент получается. Вот эту мы сейчас допьем, и будет у нас полный, так сказать, дефолт! На вторую где хочешь, там и ищи! А кто виноват, если разобраться глубоко?

Мастер Тишкин покрутил в руках пустой стакан и осторожно спросил:

— Думаешь, Вася из Братеева?

— А кто же еще? — обрадовался доходчивости своего примера Балабанов. — Если бы этот козел в железку не проиграл, так Лев Моисеич к нам не приставал бы под горячую руку! Элементарно! Понял теперь, при чем тут Юго-Восточная Азия?

— Сложная наука — экономика, — вздохнул мастер Тишкин. — Мудреная...

— То-то и оно, все взаимосвязано, — подвел черту Балабанов. — Научная неизбежность!

Прятели еще посидели в задумчивости, допили, что оставалось, и, сами того не подозревая, обратились к реальному сектору.

— Надо посуду собирать, дело ясное! — тяжело сказал мастер Тишкин.

И скоро они уже шли в приемный пункт стеклотары, матеря по дороге всю эту Юго-Восточную Азию. И козла этого Васю, из Братеева, конечно, тоже ...

Марк Розовский

Счастье

Собрались на собрание. Сидим, слушаем.

Слушаем, сидим. Вдруг на трибуну вылезает тип.

— Я, — говорит, — принесу вам счастье.

А мы, между прочим, его ни о чем таком не просили. Ну-ну, думаем. Хочешь принести — приноси. Нет возражений.

На следующий день приносит. Разворачивает. Показывает. Мы все удивляемся:

— И это счастье?.. Что-то не похоже...

Тогда этот тип ничуть не смущается и говорит:

— Хорошо. Я принесу вам счастье во второй раз.

А мы его и второй раз не просили. Но что делать, если он настаивает? Против счастья ведь особенно не попрешь. В конце концов, думаем, ну чем мы рискуем?.. Получится что-то у этого типа — хорошо. А не получится — хуже не будет. Счастья ведь нам всегда не хватает. Глупо отказываться в нашем-то положении.

Через год приносит. Развязывает. Мы ахаем:

— Что ты нам принес?! Это же ужас какой-то.

Он говорит:

— Извините. Ошибочка вышла. Я хотел одно, а сделал совершенно другое. Ну да я еще попытаюсь.

Третья попытка. А мы и на этот раз к нему ни с какими такими просьбами не обращались. Нас его действия не касаются. Мы как жили, так и живем. И никто нам за всю жизнь ничего хорошего так и не принес. Хотя обещания были. Ну да ладно, думаем. Попытка не пытка. Ну принесет нам опять какое-нибудь дерьмо. Мы это съедим. И будем счастливы. А не съедим — тоже будем. И в том же продукте.

Десять лет где-то этот тип скитался. Вдруг появляется. Расстегивает. А там — ничего. Мы засмеялись: стоило ли столько лет надрываться, чтобы ничего не принести? Не тут-то было. Этот тип говорит:

— Вот оно... то самое... что вы просили!

А мы, заметьте, никогда его ни о чем... Мы говорим:

— Не подходит.

Он тут же спорить.

— Вы ничего не понимаете, — говорит. — Это как раз то, что вам нужно, идиоты.

Мы обижаемся, конечно. За что он нас идиотами обозвал?! Возражаем:

— Забирай к черту свое барахло. Надоел ты нам...

Он взволновался, аж трясется весь.

— А я говорю, — это он нам говорит, — это лучшее, что есть на свете... Вам же все завидовать будут!

Мы ни в какую. Не соглашаемся. Тогда он хватает револьвер.

— Взяты! — кричит.

А кого брать? Ничего не возьмешь. У него и нет ничего.

— Взяты, — кричит, — и раздать! От каждого по способности, каждому по потребности!

И давай раздавать. Карточки, талоны, купоны разные... Да только мы этим счастьем уже сыты. Этого счастья у нас уже было навалом. Прогнали типа.

Как вдруг появляется на нашем очередном собрании еще один тип.

— Я пришел, — говорит, — дать вам волю.

Ну, пришел и пришел. Разворачивает.

Затем раскручивает...

Через десять лет, извините, расстегивает...

И что?

И все ничего.

Можно сказать, зря на собрания ходим. Слушаем, сидим. Сидим, слушаем.

Инна Савельева

Новы людишки

И откуда людишки энти

взялися быти — уж и не упомню. Много об их проказах бумаги марают, житье-бытье ихнее всяким цветом малюют. Сама-то я имя пока ишшо вблизи не любовалася. Моя тропка все пехем топчется, дождиком-градом секется. А они сердца своо воздухом не продувают, на птичек ухо не вострят, копыты по травушке не прогуливают. За имя, как за дитяи, амбалы таки несуразные таскаются и блюдут. Ежели какой изверг накинется их ухрынкивать али мошну отымать, караульщики следят, чтоб те духом не падали.

А денег у их немерено, курями не клевано, все полати забиты по уши. С собой не носят, за пазуху имя не грузят, чтоб кто не позарился сдуру-то. А что купить в ум войдет — пластинку банковску, картонку таку махоньку, вытащат, и ну махать: подать мне того-сего-третьего! Налево махнут — хоромина встанет, направо — одежда летит справная. Не сказать, чтоб сильно фасонистая, только что пинжаки у их — как звон малиновый, а польта черные по земле метут. Вот и вся красота!

Логова ихние по-иноземски обделаны — обойки шелковы, для всякой машины конура белокаменная, из каждого сортира можно через окиян тары-бары по телефону разговаривать. В свои бюры прискочут с утра поране, не пивши не евши, и давай у секретарки кофе требовать:

— Ну-тка, красна девка, круп разворачивай, тащи чашки одну за другой, да поболее! Не звонил ли мне кто, денег не предлагал ли? Все как есть сказывай!

А устанет какой «новой русский» «бабки» считать, так надумает: «Ну-тка я себе кралю каку сыщу. Чего сычом куковать?»

Невесту себе меряет да вешает — чтоб не короче версты была, да чтоб весу не боле пера утиного. А таких те-перя пруд пруди. И откуда взялися быти? То не было, не было, а то видимо-невидимо, как лебеды под забором.

Выберет одну, под венец с ней прогуляется и поначалу на свои презентации таскает да на пляжах, точно камбалу на сковородке, жарит. Это уж опосля, кады дети побегут, одну ее кинет печалиться, хоромы пылесосить и в тетрадках проверку делать. А тем часом себе помоложе да ишшо подлинньше кошелок сыщет, с имя ананасы трескает да где ни попадя в грех входит. Это у них заместо снотворного.

Малышня «новорусска» ишшо в ходунках таскается, а, гляди, уж по-американски на горшок просится. Только ребята в рост пойдут — их родители подстрекают Расею побоку пустить. Через толику лет они в коллежах котелки разумом доверху заполнят — тут их капиталисты назад упускать не желают: дескать, такие умники нам самим позарез будут.

А уж эти примакі сразу капиталистам жалются: пустите ко мне матушку-батюшку — как ветошь стареньки, буду здесь за имя ходить, в отхожее место водить, денюжки их тута мотать. «Ну давайте везите!» Сейчас папаша ихние налоги сокрытые под мышку зажмут — и бегом за море, покуда тут не отняли!

Потому вскорости никого из «новорусских» тут, видно, не останется. А придут замест их новые «новорусские». Вот тады и посмотрим.

Евгений Сагаловский

Бить или не бить

Если вы себя внезапно

А.М.

оTouches микроскопом, тем, которым беспрестанно заколачивают гвозди, не спешите сокрушаться о своей судьбе несчастной, не терзайте вашу душу — только хуже будет вам!

К ситуации печальной отнеситесь философски. Жизнь — паскуднейшая штука. Одного она возносит, а другого — опускает. Кто — парит под облаками, кто — скучает у парашаи... В общем, каждому свое.

Заглянуть бы в Книгу Судеб, так в глазах бы потемнело! Ведь сплошные опечатки! Виноватого не сыщешь! То ль редактор бестолковый, то ль наборщик невменяем. То ли гранки не читали, или был корректор пьян.

С этим все давно понятно. Что ж, теперь до самой смерти будем мучиться вопросом: «Бить или не бить?» Пожалуй, этот путь неконструктивен. Что годится датским принцам — россиянам не подходит.

Мы пойдем другим путем!

Суть экзистенциализма формулируется просто: «Но ведь жить-то как-то надо!». «Времена не выбирают». Если гербовой не дали — на простой писать придется. Если миром и не пахнет — а ля гер ком а ля гер!

Вам доступно в полной мере наслаждение битвой жизни. Вас не этому учили?.. Не смешите! Жизнь научит. Педагог она отменный! И примите во внимание: эти мерзостные гвозди кто-то должен забивать!

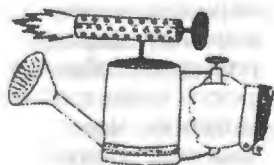
Молотков же, как известно, перманентно не хватает. Ибо эти инструменты (сплошь ребята пробивные!) поменяли род занятий, перешли в иные сферы. Кто — в банкиры, кто — в бандиты, кто — в политики пошел.

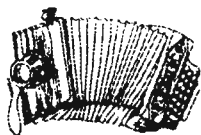
Ну а что до микроскопов — их у нас переизбыток, и простых, и электронных, замечательно изящных, никому теперь не нужных. Их, таких прецизионных, сгоряча навывпускали на пять тысяч лет вперед.

Все понятно? Нет вопросов?.. Ergo, вывод однозначен...

А теперь в комок сожмитесь, соберитесь, сгруппируйтесь, напрягите вашу схему. Все оптические оси предварительно протрите спиртом (лучше коньяком). И лупите хладнокровно, без сомнений и рефлексий, резко, точно, аккуратно, чтобы пакостные гвозди знали, с кем имеют дело! Им на головы обрушьте всю мощь интеллекта! На лету ловите кайф!

И тогда сама Кувалда вас весьма зауважает и промолвит с одобрением: «Кто бы только мог подумать! Ведь на вид совсем никчемный. С виду-то прибор прибором, а гляди: молотит славно. Словом, парень — молоток!»

Сергей Силин

Княжна

Казаки. Атаман, лодку заливает!

Разин. Все лишнее — за борт!

Казаки. Все, что могли, выкинули! Осталась княжна!

Разин. Княжна?... Хм...

Княжна. Почему меня? Разве я не красива и не гожусь для вашего атамана?

Казаки. Ну не бочку же с вином нам выбрасывать!

Княжна. Выкиньте сундук с золотом!

Казаки. Это общак!

Княжна. Тогда сундук с серебром!

Казаки. Это наш заработок!

Княжна. Ну тогда мешок с жемчугами, ковры с утварью!

Казаки. Чтобы нас наши жены домой не пустили?!

Разин. А может, все-таки бочку с вином?

Казаки. Ты что, совсем сдурел, атаман!

Разин. И в самом деле, чего это я! Извини, княжна, придется тебя, больше нечего! *(Поднимает княжну над водой.)*

Княжна. Степушка, ты кого слушаешь? Они же спились все! Их кодировать надо!

Разин. Это ты в самую точку попала! Пить, казаки, меньше надо! *(Опускает княжну в лодку.)* Выкинем из каждого сундука понемногу и ковры тоже!

Казаки. Супротив народа идешь, Степан Тимофеевич! А зачем? Да в Воровском Городище на наши богатства сорок таких царевен купить можно! На кой ляд тебе эта султанка сдалась? Ее и ущипнуть не за что!

Разин. А ведь верно, пожалуй! *(Поднимает княжну.)*

Княжна. Да что они смыслят в мировых стандартах, буяны! Степушка, я ж тебя знаю, у тебя душа добрая, отзывчивая! Это они тебя подбили царскую казну грабить, они подговорили иранский флот потопить, моего отца дочери лишить! Но ты же не такой, как они, Степушка!

Разин. Да, я не такой! *(Опускает княжну.)*

Казаки. Мы с тобой одной крови, Степан! Бросай персиянку! Бросай!

Разин. И то правда, чужая ты нам. *(Поднимает княжну.)*

Княжна. Степан, ты что, националист? Персиянок топить!

Разин. Да, нехорошо получается по национальному признаку! *(Опускает княжну.)*

Казаки. Нас на бабу променял?! Где же верность твоя мужской дружбе, атаман?

Разин. Дело казаки говорят! Мужская дружба — святое! *(Поднимает княжну.)*

Княжна. Да они просто завидуют, что я не их полюбила, а тебя!

Разин. Точно, завидуют! И как это я сам не догадался? *(Опускает княжну.)*

Казаки. Атаман, кончай волынку тянуть! Не потопишь ее — утопим тебя!

Разин. Это они могут! *(Поднимает княжну.)*

Княжна. Да они же тебя на понт берут! У тебя два пистолета за поясом и кистень в кармане! Атаман ты или демократ? Они тобой, как шестеркой, вертят!

Разин. А вот это ты правильно заметила! *(Опускает княжну, вытирает со лба пот.)*

Казаки. Степан, она тебе зубы заговаривает, а ты и уши развесил! Это же цыганский гипноз! Внушение в бодрствующем состоянии! У ней бабка цыганкой была!

Разин. Точно — гипноз! *(С видимым усилием поднимает княжну.)*

Княжна. А как же любовь, Степушка? Ведь ты меня любишь!

Разин. Люблю! *(Опускает княжну.)*

Казаки. Атаман, учти, скоро выборы! Не выкинешь княжну — мы тебя на второй срок в атаманах не оставим!

Разин. Вот черт! Совсем из головы вылетело! Извини, княжна, общественные интересы выше личных! *(С трудом поднимает княжну.)*

Княжна. Ты мужчина или качок?

Разин. Атаман я! *(Тяжело дыша, держит княжну на вытянутых руках.)*

Казаки. Бросай персиянку, атаман! Бросай!

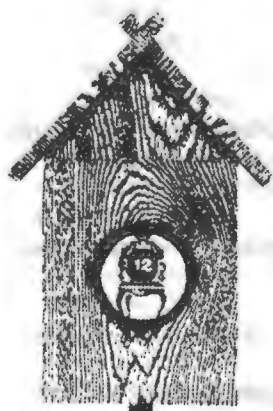
Княжна. Тоже мне Герасим нашелся!

Разин. Какой конфликт долга и чувства! Топить или не топить — вот дилемма!..

Неожиданно княжна выскальзывает из его рук и летит в воду.

Княжна. Эх ты, Степа...

Казак. Так поступают настоящие атаманы!..

Анатолий Трушкин

Уроки в школе дураков

В понедельник в подъезде

объявление: «Желающие приобрести слитки золота по цене рубль за килограмм, сдайте вечером тысячу на оформление купчей».

Вечером пришли все, деньги сдали, спрашиваем:

— Где золото?

Нам говорят:

— Кто ж его знает?

Мы говорим:

— Не знаете — ищите!

Они говорят:

— Некогда нам искать, нас самих ищут.

И ушли с деньгами.

Мы их час подождали, потом милицию вызвали. Милиция говорит:

— Вы в своем уме? Это же жулики!

И тут, как солнце из-за туч, прояснило сразу: «Жулики! Обманули, обокрали нас!»

На следующий день в подъезде объявление: «Всевидающая... мать-девственница Серна Львовна Трефовая за пятьсот рублей скажет, как за час заработать миллион».

Все ученые уже, сказали:

— Аферистка! Дураков ищет.

Но вечером пришли насчет миллиона. Выходит Серна всевидающая — один глаз подбит, другого нет, и видно, что она дней пять без продыха, без просыха и без закуса. Ну то есть совсем она никакая, еле-еле деньги берет и кладет мимо лифчика. И ни слова никому.

Молча собрала все деньги и ушла. Мы через час милицию вызвали. Они:

— Вы что?! Это же известная аферистка!

И тут, как солнце из-за туч, прояснило сразу: «Аферистка! Вон оно что! Обокрали нас, обманули! Урок нам на всю жизнь!»

На следующий день в подъезде объявление: «Для тех, кого всю жизнь обманывали, сегодня в бане в двадцать

два ноль-ноль состоится оргия. Будут проститутки. Билеты по сто рублей. Пенсионерам скидка».

Тут уж все стали кричать:

— Афера! За кого они нас принимают?!

А Татьяна Павловна из тридцать седьмой к каждому подходила и говорила:

— Что хотите со мной делайте, а я не пойду. Вот что хотите.

В 22.00 думаю: неужели после всего кто-то из наших клонет? Подхожу к бане — темно. Я где светлее, ближе к кассе, — опять темно. Взял билет, прошел в предбанник — там темнее темного и тихо, никого нет.

Через полчаса свет вдруг вспыхнул, и оказалось все наоборот — в кассе никого нет, а здесь все наши.

И мы стали смеяться над собой горьким смехом — хороший урок нам, дуракам.

Пошли домой... Там объявление: «Возьму в долг пятьдесят рублей, через полчаса верну пять тысяч. Падлой буду. Абдулла».

Интересно, вернет мне деньги Абдулла или нет?

Андрей Туманов

Киллер

Антон Кошкин работал в мафии

киллером. Работу любил и ни от кого не скрывал своей профессии.

Никто и не удивлялся, когда узнавал: ну киллер и киллер. Это раньше, когда их мало было, бабки у подъезда пальцами в спину тыкали: «Глянь, убивец пошел». Нынче народ попривык: менеджеры-брокеры, дилеры-киллеры — все работы хороши...

Сидел как-то Антон у окна, инструмент с оптическим прицелом смазывал и указов ждал, как звонок в дверь. Плянул Кошкин в «глазок» и обомлел: участковый собственной персоной. Открыл дверь, а у самого руки ходуном — вчера выходил выбрасывать мусор, контейнер переполнен был, он и вывалил ведро прямо на газончик...

— Вы по поводу мусора? — решил сразу расколоться Антон. — Так я не виноват...

— Нет, я по другому поводу, — зловеще сузил глаза участковый. — Вы кем работаете?

— Киллером, — пожал плечами Антон, — в мафии, лунцевская бригада.

— А запись в трудовой книжке имеется? — перебил участковый.

Антон растерялся:

— Нет, записи и самой книжки тоже нету, только вот это, — он показал грудь, на которой была наколота русалка, держащая винтовку, с крестиками-показателями вокруг.

— Ты мне свою липу не суй, — разолился участковый. — Документа с печатью нет — значит, ты безработный, а по-старому — тунеядец. Ты не думай, что раз статью отменили, управы на тебя не будет — все тунеядцы у меня под колпаком: если чего в районе случилось — сразу за ушко к нам, и доказывай потом, что ни при чем. Вчера витрину в коммерческом киоске камнем разбили. Вот ты где был с двадцати трех до двадцати четырех, есть алиби?

Антон облегченно вздохнул:

— Конечно, есть — я вчера в это время директора Шанкрбанка (помните рекламу «самый твердый банк») замочил. Сегодня «Новости» смотрели? Там мои приметы передавали.

Участковый профессиональным взглядом оглядел Антона:

— Ну что же, похож. Ладно, на этот раз, считай, отвертелся. — И потом уже примирительно добавил: — Ты пойми, депутат от нашего округа натрепал, что искоренит безработицу в районе, а теперь отчитываться надо, вот он волну и поднял: бороться с безработицей, вплоть до привлечения, так что халтурить можешь где угодно, а на официальную работу устройся. В общем, давай, принесешь трудовую с печатью — я от тебя отстану..

«Строг, — подумал Антон, закрыв дверь, — и впрямь затаскает, а мне в ментовке светиться не резон, всех клиентов распугают. Делать нечего, придется устраиваться».

Он повесил винтовку на вешалку, надел золотую цепь и погнал свой «мерс» на биржу труда.

Впервые в жизни Антон честно отстоял очередь в окружении косящихся на него очкастых инженеров-оборванцев.

Наконец старичок биржевик усадил его на драный стул.

— Значит, безработный, — посочувствовал он Антону, внимательно разглядывая брильянтовый перстень на его пальце. — Профессия хоть есть?

— Есть, — кивнул Антон — я киллер высшего разряда

— «Киллер», — старичок покопался в картотеке, — у меня в реестре такой профессии нет. Объясни по-русски, что делать умеешь.

— Стрелять могу.

— Стрелять, стрелять, — старичок снова покопался в картотеке. — Вот, считай, повезло — нужен стрелок в ВОХР на гранатно-патронную фабрику.

— Оружие свое брать или там дадут? — угрюмо осведомился Антон.

— Да нет, никакого оружия не положено, свисток дадут: увидел несунa — свисти. А оружие ни-ни, у них и так текучесть кадров высокая.

— Не, не пойдет, мне надо по специальности, да и свистеть я не могу — соврал Антон. — Может, снайпер кому

нужен, я бы снайпером пошел, у меня оптика цейсовская.

— Ладно, введем тебя в картотеку, может, какой заказчик на снайпера найдется, — успокоил старичок, заполняя карточку.

Через неделю Антону перезвонили и пригласили на собеседование в консерваторию. Старший менеджер в красном пиджаке и с серьгой в ухе усадил Антона в кожаное кресло.

— Значит, вы снайпер?

— Вообще-то я киллер, — уточнил Антон, — а снайпером подрабатываю.

— Это хорошо, мы говорим «киллер» — подразумеваем «снайпер», — сострил красный пиджак. — У нас в консерватории ночные дискотеки проводятся, так вот под утро, когда они заканчиваются, нам и нужен снайпер.

— Припозднившихся, что ли, отстреливать? — не понял Антон.

— Да нет, дело в том, что у нас в программу дискотеки входит выпускание воздушных шариков. Так под утро весь потолок в этих самых шариках — лестницей до них не достать, а директор требует к дневным концертам потолок очистить. Работа тонкая, главное — светильники не побить. Оружие дадим, духовушку, правда, но импортную...

Теперь каждое утро Антон, почистив ботинки, казенную винтовку, выходит из подъезда. «Наш-то на работу в консерваторию пошел», — шепчутся у подъезда бабульки. Участковый при встрече за руку здоровается и всякий раз осведомляется, нельзя ли пристроить к храму искусств пару неприкаянных гопников. Ребята из лунцевской бригады завидуют немного — давно ль вместе банкиров-фраеров гоняли, а теперь, гляди ж ты, в натуре, интеллигенция... Вот только пахан ворчит немного: баловство это — по воздушным шарикам из духовушки шмалять, эх, молодежь нынче...

Почему мужика не расстреляли, а повесили

Посадили мужика на электрический стул

и спрашивают:

— Ну что, товарищ... Тебе сколько сразу влупить: сто двадцать, двести двадцать или триста восемьдесят вольт?

— Чего уж, — отвечает мужик. — Давайте сразу триста восемьдесят... Знаете, очень не люблю, блин, мучиться!

— Молодец, — говорят мужику. — Соображаешь! Хорошо выбрал. Ничего не успеешь почувствовать. Только запах паленой шерсти...

— Хрен с ней, с шерстью, — смеется мужик. — Где наше не пропадало! Ну, с богом! Включайте рубильник. Прощевайте, товарищи и господа!!!

— Будь здоров! В добрый путь! — говорят напоследок мужику и дергают рубильник вниз. Потом, через положенное время, поднимают вверх.

— Ничего не понимаю, — говорит палач. — По идее он должен был сразу скопытиться, а он, вишь, зараза, сидит как ни в чем не бывало... Мужик, ты живой?

— Живой, — отвечает мужик. — А что мне сделается? Я ж электрик. Мы вам свет за неуплату еще на прошлой неделе отключили... А заодно всем ракетным войскам стратегического назначения. За что и принимаю, блин, в самом расцвете сил мученическую смерть!

И пришлось палачам мужика вешать. Хотя он очень просил расстрелять. Или дать цианистого калия. Но пришлось вешать. Потому что амейские склады взорвались, патроны кончились, цианистый калий и другие ядохимикаты после кризиса стали стоять в аптеках бешеных денег и другого способа, чтобы ликвидировать мужика согласно постановлению суда, у его палачей просто не было. Потому что лом, топор и двуручную пилу, которыми еще можно было бы как-то воспользоваться, они пропили в знак протеста, когда их лишили тринадцатой зарплаты за некачественную ликвидацию смертников в прошлом году.

Василий Шимберев

Любовь

Никодим Марию не понимал,

поэтому бил каждый день, утром и вечером. Мария же понимала Никодима и терпела. С криком, посильным сопротивлением и побегами к матери. Лишь бы угодить...

Никодим Марию не понимал, поэтому принимал ее убойное каратэ за сомнение в собственной любви.

Через это и бил он ее день ото дня сильнее. Тренируясь утром на старом комбайне...

Мария же понимала Никодима и, чтобы продлить его удовольствие, ела в три горла. Чтобы стать толстой, неповоротливой, резкой в оценках. Только 5 или 2. «Пять» или «два». Мария работала учительницей, и за это ее боялась вся деревня. Кроме Никодима, конечно, который мог из сноповязалки собрать вертолет не хуже грамотного...

Никодим Марию не понимал, поэтому чувствовал, что никак не может задеть ее сквозь жир за живое.

Да и страда на дворе — уставал он в поле-то. Через это приходил вечером с дружками, самогоном и бабами. Употреблял всех и до утра гонялся за Марией с топором по выгону...

Мария же понимала Никодима и, чтобы подыграть его механизаторскому самолюбию, заранее приводила двух-трех мужичков посмазливее. Поила их. Кормила и укладывала с собой в постель. Аккурат к приходу Никодима с самогоном и бабами...

Никодим Марию не понимал, поэтому, когда послушных баб не хватало, в город ездил, разговаривал с тамошними политиками и проститутками.

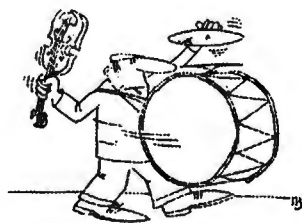
Мария же понимала Никодима и ездила в столицу в вооруженные силы. Рвала на груди гимнастерку, стыдила комсостав за недостаточный размер боезапаса. Все — от рядового до маршала — стеснялись, ссылались на извращения национальной идеи и обещались помогать по мере необходимости. Из-за этого Никодим возвращался с поля по большаку, перепаханному похмельными снаря-

дами, а из избы выгонял цельный батальон отвязанных дембелей...

Никодим Марию не понимал, поэтому ездил в Америку, менял пол, склонял по всякому международный терроризм, покушался на чистоту и нравственность Организации Объединенных Наций. Намекал на секретные материалы, космические технологии и детородные позы. Обучался у тамошних секретарш развратному делопроизводству. А потом приезжал на родину и рассказывал такое, что у всех все дыбом и рождаемость не знала, куда ей упасть...

Мария же понимала Никодима и видела, как ему после перемены пола хотелось показать себя настоящим мужиком. Она соорудила на гумне радиотелескоп и послала в космос столь откровенный женский сигнал, что летающие тарелки забили все пастбище, включая личный огород председателя.

Никодим же полностью озверел, покрылся шерстью, отрастил длинный мускулистый хвост и пристрастился лакать самогон прямо из ручья. По ночам он вытворял с Марией такое, что бабы в округе верст на пятьдесят завидовали им по-черному и в конце концов согласились, что это таки любовь...

Не пересолила

Молодой человек опрятной наружности

и симпатичная девушка оказались вдвоем в купе поезда дальнего следования. Дело было под вечер, сгушалась темнота. Молодой человек достал из портфельчика бутылку вина и предложил выпить за знакомство.

— Вы что такое вообразили! — надула губки девушка. — Я похожа на особу, которая пьет с первым встречным?

— Ничего я не вообразил, — обиделся юноша. — Просто купил в привокзальном ресторане вина... Хорошего... Думал: кого судьба пошлет в попутчики? Вдруг какую-нибудь старую гримзу или пенсионера-хрыча... Тогда забудусь в алкогольном мареве... И вдруг — такое везение. Вы...

— Не надо сомнительных комплиментов, — отрезала она. — Слышали мы такие комплименты...

— Я просто хотел сказать...

— А не надо просто говорить... Когда просто говоришь, с языка слетает такое... Надо говорить, хорошо подумав...

Молодой человек нерешительно мялся, сжимая в руке бутылку сухого. Поезд мчал в темноте. Стучали колеса на стыках.

— Сами подумайте... Не в одиночку же мне... Ну хоть пригубите...

— Вы горький пьяница? Не можете без спиртного? Или я похожа на алкоголичку? — напустилась на него девушка. — И выйдите из купе, позвольте переодеться...

Молодой человек поставил бутылку на столик, ушел в тамбур, где долго курил, а когда вернулся, девушка лежала на полке, натянув одеяло до подбородка.

— Не вздумайте ко мне приближаться, — предупредила она. — Мой папа — высокий чин в милицейской иерархии. Даже не знаю, что он может с вами сделать, если я ему пожалуюсь...

Молодой человек вздохнул, спросил позволения погасить свет и, щелкнув выключателем, стал раздеваться.

— Чем это вы шуршите? — насторожилась попутчица. — Я уже начинаю жалеть, что свет потушен...

— Ничем я не шуршу... Чем мне шуршать? — ответил он. — А свет я выключил, чтобы не оскорбить вашего эстетического чувства. Голые мужские ноги... простите за слово «голые»... не у всех вызывают адекватную реакцию...

— Включите электричество! — потребовала она. — Я должна видеть каждое ваше движение... Иначе...

Она не договорила — он опять щелкнул тумблером и проворно юркнул в постель...

— Вообще, — продолжала она, — даже если будете лежать смирно и неподвижно, как покойник, не знаю, чем вся история закончится...

— То есть какая история? — встрепнулся он.

— Ну, это наше путешествие... вино, темнота... Папа наверняка придет меня встречать... И когда увидит, что ехала я не одна...

— Но вы едете одна!

— В купе я имею в виду... Он может просто взять и бросить вас в кутузку. До выяснения. Или выхватить пистолет. А право на ношение оружия он имеет. Можете не сомневаться. Пальнет вам в живот, и ему ничего не будет.

— За что в меня палить? Почему ему ничего не будет?

— Потому что в суде докажут: он действовал в состоянии аффекта...

— Какого аффекта? И как в суде смогут это доказать?

— Моя мама — прокурор. Я разве не говорила? А брат — следователь. У нас все схвачено... В юридическом смысле... Уж не говорю о своем женихе...

— У вас жених?

— Да, воровской авторитет, криминальный король, мои папаня и брат его покрывают. Его должны были за грабеж и мокруху приговорить к «вышке», но моя маманя его отмазала, спасла... Он стреляет по-македонски с двух рук... Без промаха. Киллер-профи... И если он тоже придет меня встречать... От ревности у него может помутиться сознание...

— Какой ревности? К кому? Вы читали рассказ Чехова «Пересолил»?

— Чехова я читала, но против фактов не попрешь. Голый мужчина в койке... Наедине со мной...

Будто выброшенный пружиной из своей постели, с диким воплем юноша, как был, в трусах и майке, даже

без носков, выскочил в коридор и рванул прочь, сам не понимая, куда бежит...

Лишь под утро заметно побледневшая попутчица нашла его в вагоне-ресторане. Молодой человек сидел, прикрывшись ниже пупка салфеткой, и пил горячий чай. Зубы его стучали, глаза блуждали и невидяще помаргивали. Но, оказалось, остроты зрения он все же не утратил. И когда в проходе возникла дочь прокурорши и мента, он впрыгнул на стол и закричал:

— Что вам надо?! Чего вы хотите? Ведь я уже ушел и оставил вас в одиночестве!

Официанты, которым он поведал страшную историю своей ночевки, мигом разбежались и попрятались.

— Оставьте меня! — кричал он. — Уйдите! Мы через три часа подъезжаем. Я не хочу, чтобы нас застукали ваш отец и жених... Или брат. Кто из них круче? Я не хочу умирать таким молодым! Я не приближусь к вам и не посягну на вашу честь. Даже не дотронусь. И в купе вернусь только после того, как вы из него скроетесь. Да, поначалу, признаюсь, мелькнула мысль о фривольном вечерке. Но я раскаиваюсь и приношу извинения!

Не слыша его, девушка приблизилась. Села за столик, отхлебнула из его чашки чаю. Поманила, чтоб он слез со стола. И когда он недоверчиво опустил на корточки и наклонился к ней, тихо сказала:

— Простите... Прости... Все я придумала... Про отца и брата... Живу с мамой. В однокомнатной квартире... Оторваться на сторону никакой возможности нет. Я так мечтала о подобном счастливом шансе... И так боялась его... Вдруг в попутчицы попадется старая гримза... Или древний старик. Увидела тебя — и обомлела. Не поверила глазам. Побоялась поверить. Ведь не бывает, чтобы мечты сбывались буквально. Ты такой, о каком я мечтала... Извини еще раз. Пойдем скорее... Осталось три часа пути. А потом... Меня будет встречать на вокзале мой глупый лысый ухажер...

Обняв юношу, девушка повела его назад в купе. Откуда за полчаса до того вышел утомленный любовью толстый потный проводник, позволивший смазливенькой крошке сесть в поезд бесплатно при одном условии: полночи она будет принадлежать ему...

Борис Брайнин

Эпиграммы

Вспоминая В. Высоцкого

Я с потребительской корзиной
Зашел недавно в магазин,
Остановился у витрины:
— Где деньги, Зин?

Текущее

Видимо, времен порвалась нить.
Все не объяснить коварным сглазом:
«ТАСС уполномочен заявить»,
Что страна накрылась медным тазом.

Наш ответ Бенилюксу

Есть курицу не сметь?
Какое, право, барство:
Что для бельгийца — смерть,
То русскому — лекарство.

Юбилейное

Оторвавшись от подушки,
Уж тянусь к карандашу.
Александр Сергееч Пушкин,
Извините, что пишу!

Владимир Вишневский

В завершение спора с коллегой

...И если снова где-нибудь
взорвется —
то это слово наше отзовется.

***

...Пусть не аршином измерять
урон —
вы не встречайте, Исаак Ньютон,
мы сами свою мистику взрас-
тили:
здесь даже и физический закон
работает с поправкой на Россию.

***

От этих щек, от этих рук,
от этих ног в цвету
уж ничего, как ты, мой друг,
хорошего не жду.

От этих персей и ланит
сама судьба меня хранит.

Сегодняшняя песнь

Итоговый венок
одностиший 1993—1999 гг.

Сегодня нет напрасных опасений.
Сегодня всем опасно заниматься.
И даже тем, о чем вы усмехнулись.
Ну хорошо, не буду волноваться.
Ну хорошо, не буду волноваться!..
Ну хорошо, не буду волноваться!!!

Стада уж боле не пасутся мирно.
Зашел в читальню, где и был обстрелян.

Уже нелепо возникать: «Не понял?..»
Ну хорошо, не буду волноваться.
Ну хорошо, не буду волноваться!..
Ну хорошо, не буду волноваться!!!

Нам не поможет даже физзарядка.
Сегодня ничего не помогает.
Страна, где даже дворники бессильны.
Ну хорошо, не буду волноваться.
Ну хорошо, не буду волноваться!..
Ну хорошо, не буду волноваться!!!

Я понимаю, что-то надо делать...
У нас все больше пятниц на неделе.
Вопрос «Вы охудели?..» риторичен.
Ну хорошо, не буду волноваться.
Ну хорошо, не буду волноваться!..
Ну хорошо, не буду волноваться!!!

Потомков не бывает благодарных.
А тут уже и «всякие» «не ходють».
Уйти живым сейчас — уже красиво!
Ну хорошо, не буду волноваться.
ДАВНО ХОТЕЛ СПРОСИТЬ:

«А ТАНЦЫ БУДУТ?..»

Ну хорошо, не буду волноваться...
(...Что там за море вторит мне и вторит:
«Ну хорошо, не буду волноваться...»?)

Евгений Гусев

Исповедь вкладчика

Завтра утром со стены
Я сниму берданку
И с восточной стороны
Подойду к сбербанку.

С юга деверь подойдет
Со своей винтовкой,
Притаранят пулемет
Шурин с сыном Вовкой,

Запад будет прикрывать
 На новейшем танке
 Офицер запаса зять
 В форменной ушанке.

Ну а с севера братан
 Прилетит кометой,
 У него — аэроплан
 С подвесной ракетой,

В общем, шурин, деверь, брат,
 Я и зять в ушанке
 Выбьем старый бабкин вклад,
 Что лежит в сбербанке...

Герман Дробиз

Мой совет МОЛОДЫМ

Я принес стихи в газету,
 начинались они так:
 «Над Россией ветер свищет,
 тучи снежные несет,
 вылез доллар за две тыщи,
 устремился к двум пятьсот».
 Через месяц их решили напечатать.

Но, увы,

в них начало устарело —
 переделывать пришлось:
 «Над Россией ветер свищет,
 учиняет бурелом.
 Вылез доллар за три тыщи,
 устремился к четырем».
 Через месяц их решили напечатать.

Но, увы,

в них начало устарело —
 переделывать пришлось:
 «Замело леса и доли,
 ни проехать, ни пройти,
 за четыре вылез доллар,

устремляется к пяти».
Обещают через месяц
напечатать, — но тогда
доллар вылезет за сколько,
устремитесь ко сколько?
Обращаюсь я с советом
К стихотворцам молодым:
ребятня, не начинайте
курсом доллара стихи —
напечатать их при жизни
не удастся никогда!

Ефим Ефимовский

Неловкий друг

Неловкий друг доверчивому другу
Нанес непоправимую услугу.

Властитель

Он всех делил «на лично преданных»
И преданных (им лично преданных)!

Поэт

Страдал от неизвестности поэт:
Придет к нему известность или нет?

Ради формы

Бывает, что формы —
Предмет обожания.
Но все же недешево
Их содержание.

Вежливость

Не действовал бандит без разрешения:
— Позвольте, дама, ваши украшения!

Дым отечества

В отечестве приятен даже дым,
хотя несладко думать, что горим!

Наталья Заруцкая

Ода любимому мужу

Ты так эротичен с дрелью в руке,
Как Шварценеггер в боевике,
Миклухо-Маклай среди злых
дикарей,
Один из трех русских богатырей.
Как ловко ты в стену дюбель
вогнал,
Болконский, прибывший
на карнавал,
Высоцкий, задевший у сердца
струну,
Борец олимпийский за нашу
страну.
Ты так эротичен с дрелью в руке!
Не спать тебе больше на половике!

Аркадий Кайданов

***

Не пороча Отчизну ни делом,
ни словом,
проживая в семье и согласно прописке,
с незнакомых балконов бывал
я оплеван
и бывал не внесен в очень
важные списки.

На меня не хватало наград и билетов,
у меня перед носом трамваи сбегали,
среди многих других элегантно одетых,
лишь меня регулярно собаки и кусали.

Будь я телом слабее и духом пожиже,
будь подвержен обидам и вредным
влияниям,

я давно обретался бы где-то в Париже
со своим исключительным обаяньем.

И любой бы на месте моем
закордонном
заколачивал бабки в свободном эфире,
вспоминая, как был он оплеван
с балкона
раза три или, может быть, даже четыре.

Владимир К онстантинов
Борис Рацер

Эпиграммы

Олегу БАСИЛАШВИЛИ

Всего намешано в нем много,
Но скажем лишь наверняка,
Что он Актер,
Актер от Бога
И демократ — от Собчака.

Михаилу БОЯРСКОМУ

Вот уж кто с песней по жизни шагает,
Вот уж кому, говоря антр ну,
Песня и строить, и жить помогает,
И прокормить двух детей и жену.

Сергею ЮРСКОМУ

Сколько солнца в этой голове!
Труд без передышки, без антракта...
Он хотел бы умереть в Москве,
Если б не парижские контракты.

Валентину ГАФТУ

Когда сегодня эпиграмму
На вас напишет Валя Гафт,
То это лучшая реклама,
Чем с президентом брудершафт.

Александр ШИРВИНДТУ

Дитя двадцатого столетья,
Он дух столетья уловил,
Он сам Державина заметил
И сам его благословил.

Эльдару РЯЗАНОВУ

Все призы за три последних года
Отхватил, пожалуй, он один.
У природы нет плохой погоды,
У Эльдара нет плохих картин.

Леониду ЯРМОЛЬНИКУ

Боялись мы, что он в «Эль-клубе»
Талант актерский свой загубит.
Но он его не загубил,
А просто-напросто убил.

Михаилу ЖВАНЕЦКОМУ

Не потому ль в глазах печаль,
Что ты с годами понял все же:
Слезами горю не поможешь
И смехом тоже — как ни жаль!

Алле ПУГАЧЕВОЙ

Чихала на всех,
В ком зависть клокочет.
Чем больше успех,
Тем юбка короче.

Филиппу КИРКОРОВУ

Молодой, несмышленный, зеленый,
Он от славы чуть-чуть приустал.
Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный
Наконец-то мужчиною стал!

Никите МИХАЛКОВУ

К нему благоволит двадцатый век,
Возносит, награждает и лелеет,
Он переплюнул всех своих коллег,
Особенно по части юбилеев.

Выбор

Поспорил с человеком черт,
Цени в любой игре искусство:
Что дама сердца предпочтет —
Богатство или голос чувства?
И черт немедленно надел
На палец женщины колечко,
А человек с душой пропел
Ей серенаду у крылечка.
Черт сбегал к бабке и достал
Ей драгоценные мониста.
А человек ей рассказал
О жизни графа Монте-Кристо.
Черт ей с поклоном подарил
Шелка с атласом и парчою.
А человек ей предложил
Прогулки ночью под луною.
И черт тогда возвел дворец
И ей сказал: «Твое все это!»
А человек принес ларец
Стихов, поскольку был поэтом.
«Ну, выбирай!» — сказал ей черт,
И человек смотрел упрямо,
Поскольку тот и тот был горд
И каждый жаждал сердца дамы.
У женщин правила игры
Тверды как присно, так и ныне:
Она взяла дворец, дары,
А сердце отдала мужчине.
Конец истории. И вот
Салют гремит из всех орудий
И старый черт, блудливый черт
Сказал в сердцах: «Живут же люди!»

Атлантида

Мы сами готовим свое погружение.
Примите таблетки, чтоб снять напряжение.
Вадимыч, скорей собирай домино —
Атлантида уходит на дно!

Европа в восторге. Визжат папарацци.
На желтых страницах танцуют абзацы.
Вы — наши соседи, но вам все равно.
Атлантида уходит на дно!

Мы жили для вас так чудно-непонятно.
Плывут по Атлантике белые пятна.
И все незаметнее наше пятно —
Атлантида уходит на дно.

Да, были жестоки вожди Атлантиды,
Но были меж нас и свои Еврипиды.
Мы книжки писали, снимали кино,
А нынче уходим на дно!

Прощайте, Париж, Ливерпуль и Киото!
Что делать, что делать, коль жить неохота!
Поручик Голицын, несите вино!
Атлантида уходит на дно!

Товарищи, смирно! Равнение на знамя!
Ведь с нами Чайковский, и Лермонтов с нами!
Ах, Федор Михалыч, помрем заодно!
Атлантида уходит на дно!

Уходим под воду. Там жены-сирены
Родят нам потомство, как боги, из пены.
Посадим сады, разобьем огород,
Построим консервный завод, —

И будут шарахаться ваши подлодки
В глуби океана от запаха водки.
И будут пугать иностранных людей
Беззубые лики вождей...

Однажды, плывя в стае крейсеров-монстров,
Упрется ваш флагман в неведомый остров,
И контр-адмирал вскрикнет, побагровев:
«Атлантида выходит наверх!..»

Валерий Краско

***

Фугу Вечности — в программе
«межпланетных новостей» —
нам сыграют на органе
наших трубчатых костей.

Суета сует

Мне тоску, как соску в рот,
Суета сует суёт...

Морская считалка

Ни «нет», ни «да» —
и нет суда
на яд наяд:
от зуда —
вы, как суда, — туда-сюда,
а я — сюда-отсюда.

Пессимист

Тоска для пессимиста —
молвы уста:
близка от киски миска —
увы, пуста...

Ну, и...

Вознесены мы до небес
снами —
во сне — с р а м н ы м и?
Ну, и секс
с нами!

Вперед долгами

Автоэпитафии

***

Уж вы, ребята, извините,
Что это все не на граните.
Но где б я взял так много тысяч,
Чтоб столько слов на камне
высечь?!

***

Я испустил табачный дух.
Теперь я — прах, земля мне — пух,
Я был не прав, что дуба дал.
...А ведь Минздрав предупреждал!

***

В жизни главное — родня,
Остальное все фигня.
Жаль, что я, в ущерб родне,
Посвящал себя фигне.

***

Я приказал вам долго жить,
Но ни одна еще зараза
Не потрудилась доложить
Об исполнении приказа.

***

И получал не по чуть-чуть,
И не сорил деньгами,
А все равно в последний путь
Несли вперед долгами.

Чисто мужское

Пляжу от злобы
                                костяной
На то, что пройдено.
Пока я лаялся
                                с женой,
Погибла Родина.

Иду по городу — гляжу:
Окопы веером.
Ну, я ей, твари, покажу
Сегодня вечером!

***

На излете века
Взял и ниспроверг
Злого человека
Добрый человек.

Из гранатомета
Шлеп его, козла!
Стало быть, добро-то
Посильнее зла.

Шуточка

Не всегда бывает
                                понят
Мой словесный цирк:
Пошутил, что судно
                                тонет.
А сосед — кувырк!

Вот такие парадоксы,
Массовый
                                невроз...
Эй, верните танки
                                в боксы!
Я же не всерьез!

Нескладуха

Мир становится с годами
 Не яснее, но теснее:
 С тем сидел на первой
   парте,
 С этой вовсе
   переспал...
 Вскинешь голову —
   знакомы
 И судья,
   и заседатель!
 Значит, все-таки
   посадят,
 Не стрелять же
   другана...

Дачное

Мысли заплясали,
 Екнуло в груди —
 Чьи-то грабли сами
 Просят:
                                 «Укради...»

Тягостная повесть.
 Пагубная страсть.
 Ведь замучит
                                 совесть,
 Если не украсть!

Под сенью обкома

Следователь.

В сарае, где хранится инвентарь,
 у вас нашли веревку из капрона,
 большой обмылок и кусок картона
 с двумя словами: «Первый секретарь».
 Признаетесь, Петров, или помочь?

Пауза.

Не думал я, что вы такой молчальник...

Петров.

А, ладно! Так и быть! Колюсь, начальник!
Пишите: выступаем завтра в ночь.
Как раз в канун Седьмого ноября...
Сначала — тех, которые с акцентом...
Ребята подзаймутся телецентром,
а нам с Витьком мочить секретаря...

Следователь.

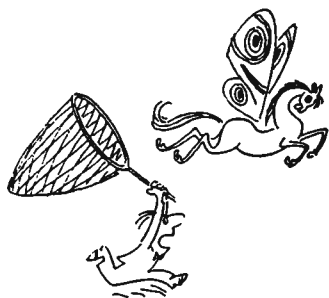
Так что ж ты, падла, морду утюгом?
Который час? Почти двенадцать тридцаты!
Витек уже, наверно, матерится!
Давай хватай веревку — и бегом!..

***

Все шло при нем наоборот,
и очень может быть,
что вздумай он спойть народ —
народ бы бросил пить.

Еще предположить рискну,
что в те же времена затей
он развалить страну —
окрепла бы страна.

Попробуй разорить дотла —
эх, жили бы тогда!..
Но президент хотел добра.
Вот в том-то и беда.

Виктор Матвийко

Я вижу вас

Я вижу вас,
Как на ладони
Увидел как-то Гулливер
Шутов,
Лжецов,
Воров в законе,
Обжор, жующих камамбер.

Куда как скоры на расправы
Их лилипутские вожди,
Везде облавы да заставы,
Нигде пощады и не жди.

Как это множество убого!
И как смешон
Нелепый блуд,
Когда
Себе подобным
Бога
Воображает лилипут!

Я вижу вас,
Как на ладони
Увидел добрый человек
Тщету
В сутане и на троне
Со жгучей злобой из-под век!

Для вас и я
Не вышел носом,
Коль не склоняю головы,
Но с вами мне одним навозом
Дышать не хочется, увы!

Стреляйте, жгите —
Мне не больно,
И пусть не вырваться из пут —
Я вижу вас,
И мне довольно
Того, что я
Не лилипут!

Групповой портрет на фоне бюрократической лестницы

Чем отличается рабочий
от бригадира?

У одного — лопата,
У другого — зарплата
И главное — возможность
Корчить из себя командира.

Чем отличается бригадир
от начальника смены?

Во-первых — разносом,
Кулаком перед носом
И — сладострастной радостью
Ощущать себя эдаким боссом.

Чем отличается этот начальник
от директора треста?

Тем, что его мгновенно
Ставят на место —
Презрительным взглядом,
Язвительным матом,
Превращением в рака,
ходящего задом,
И — чувством абсолютного
Собственного достоинства.

Тем же самым директор
Отличается от министра,
Министр — от Премьера,
Премьер — от Страшно Сказать Кого!

Итого:

В субстанции подчиненности
Вырабатывается адреналин уличенности
В нерадивости, казнокрадстве,
В масонстве, анонимном рукоприкладстве,
В разглашении государственной тайны
И еще неизвестно в чем!
Но главное —
Подчиненный всегда уличен!
Вот почему наши рожи
Так унизительно схожи,
Ибо в нашей совковой ментальности
Ровно столько же злобы,
Сколько глупой сентиментальности.

Хвала тараканам

Живут в квартире тараканы,
И нет нигде покоя нам.
Они кочуют, как цыганы,
По нашим стенам и углам.

От их внезапного десанта
Тефтели гибнут и супы,
В них сладострастие де Сада,
В них что-то даже от судьбы.

Что им с голландским лейблом яды!
Слона он свалит, этот яд!
А эти черные ребята,
Смеясь, усами шевелят!

Нет, это в космос их антенны
Устремлены, и без конца
Их восхитительные гены
Втекают в самку от самца.

Мы ищем истину в стакане,
И оттого не видит глаз,
Что это инопланетяне
Живут в их облике у нас.

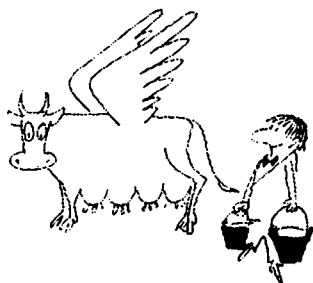
Они нас просто изучают,
Не понимая, отчего
Скучает вечером за чаем
Замученное существо.

Бранит, слюнявя сигарету,
Жену, правительство, судьбу
И вдруг, в сердцах свернув газету,
Устроит страшную пальбу.

Ба-бах! — и кровь из-под доспехов,
И черный шлем напололам!
Так мало, в сущности, успехов
На долю выпадает нам.

Когда же чью-то жизнь размажем
По стенке мстительной рукой —
«Вот так!» — победоносно скажем
И ощутим в душе покой.

Уже не смотришь истуканом,
Уже тебя волнует стих.
Спасибо нашим тараканам —
Да кем мы были бы без них?!

Григорий Медведовский

Крутые рубан

Сбылся сладостный сон — «новым русским» ты стал,
Клевым «мерсом» и цепью своей заблистал.
Но уже не живешь, а трясешься, чтоб киллер
Из «игрушки» с прицелом тебя не достал...

Без охраны теперь не сходить и в сортир,
Вот и «крышу» опять предложил рэкети́р.
Зачастили «братки», взяли моду стрелять,
Словно фирма твоя полигон или тир.

Если утром приносит известие факс,
Что рубли пожирает взбесившийся «бакс»,
Перейди без волненья на фунты и марки,
Навсегда посрамив растерявшихся плакс.

Днем и ночью тебя с нетерпением ждут:
И жена, и четыре любовницы ждут.
Только с банком и «крышей» ты расплатился —
А уже из налоговой весточка: ждут...

Расплатился со всеми, пополнив казну —
Тут, конечно, тебя потянуло ко сну.
Спишь спокойно, отдав, как в рекламе, налоги,
Но бездействием крепко обидев жену.

«Бабки» учит ковать не Талмуд, не Коран,
Не газеты, не глупый слюнявый экран.
Если сам не оставишь соперника с носом —
Значит, ты не искусный делец, а баран.

Прибыль есть — распирает от гордости грудь,
Значит, можно недельку от дел отдохнуть.
Ты лежишь на Канарах, а кто-то — на нарах:
Знать тебе не дано, чем закончишь свой путь.

Евгений Никифоровенко

Ну нету неталантливых людей!
Ты можешь хоть в лепешку
расшибиться,
Но этот тип — талантливый злодей,
А этот — гениальнейший тупица.

***

Никто не станет ближе Богу,
Взорвав чужую синагогу.

***

Как мы с моралью пролетели!
Гнилой базар царит в стране...
Меня сейчас купить хотели.
Что ж, значит, я еще в цене!

***

Когда увижу я порой
Творенье массовой культуры —
Вздохну печально: «Боже мой!
О, как мне хочется цензуры!»

Владимир Орлов

Предложение

— Халды-булды!
Сказал индюк индюшке.
— Валды-хулды! —
Услышал от подружки.
И тут без перевода
Стало ясно,
Что девушка ответила:
— Согласна!

Время

Исчезают годы и мгновенья
В неустанном шуме голосов.
Время, незаметное для зренья,
Мчится на колесиках часов.

Разборчивая плотва

Я в речке маленькой в лесу
Ловил плотву на колбасу.
Хотя плотва не клюнула,
Зато всплыла и плюнула.

Слуги и хозяева

Что народ зарабатывал —
У народа похищено:
Там, где слуги богатые,
Там хозяева нищие.

Пророк и падишах

Позвал пророка падишах:
— Двоится у меня в глазах!
Я часто вижу, что луна
На две луны разделена!
И не в моей могучей власти
Соединить две эти части!
Ты мне немножко напророчь —
Я правду выслушать не прочь!
За это ждет тебя награда! —
Пророк ответил:
— Пить не надо!
Не надо пить, — сказал пророк,
Тебе мешает твой порок.
Из-за него, мой падишах,
Двоится у тебя в глазах! —
Тут подошел к пророку воин —
И мигом был пророк раздвоен.

Мораль для будущих пророков:
У падишахов нет пороков!

Черная кошка
В четверг или в среду
Перебежала дорогу соседу.
И после этого
Ей, как назло,
Вплоть до субботы
Ни в чем не везло.

Урина Осенняя

Не стреляйте в пианиста!
Этот парень мне знаком:
У него броня под фраком
И горшок под париком.

Семен Пивоваров

Покончили, похоже,
с культом личности
И вновь летит вперед
наш паровоз...
Что справа на маршруте?
Култ наличности.
Что слева на маршруте?
Култ этничности.
А дальше что за станция?
Вопрос.

Откуда в нас
такой апломб?
Вглядитесь в нашу
биографию:

То мир боялся
наших бомб,
То мир боится
нашу мафию..

Квиты

Жить не можем
Без вранья.
И ворует часто:
Государство —
У меня,
Я —
У государства.

Любовное

Нас женщины могут донять
пустяками,
Но любим прелестниц своих
повсеместно
За то, что не держат за пазухой
камень,
За то, что у них это занято
место.

Открытие

«Деньги — зло».
Сквозь перлы эти
Жизнь в ином предстала
свете:
Если деньги —
это зло,
Значит,
мне всегда
везло.

В чем дело

Меня, в решеньях жизненной
Задачи,
Преследовали часто
Неудачи.

Прошли года —
Преследуют опять...
Но вот в чем дело —
Стали догонять.

Виктор ПЛОТИЦЫН

Песня протеста

Коммунисты — не пройдут!
И фашисты — не пройдут!
И противники реформы
с антирыночной платформой —
не пройдут!
И валютчики-мажоры,
и бездельники-обжоры —
не пройдут!
И торговцы анашой
с их продажной душой —
не пройдут!
И дельцы любого рода,
обиратели народа,
и агенты А и Б
из резерва ФСБ —
не пройдут!

Потому что городской водоканал
нашу улицу траншеей обкорнал.

Не напечатали зарплату

Опять не напечатали зарплату,
и слышен разговор из-за кулис,
что вот они какие, демократы,
и что не прав, как водится, Борис.

А ведь они старались, бедолаги,
дорогу к рынку тщились отыскать.
Но что поделать, если нет бумаги
и не на чем купюры выпускать.

Мы ж пионеров развенчали сдуру,
теперь живем, кусая локотки,
и некому собрать макулатуру,
чтоб запустить остывшие станки.

О главном

Есть у нас, ребята,
девушка одна.
Очень мне, ребята,
нравится она.
У нее, ребята,
синие глаза,
а еще, ребята,
длинная коса.

Я куплю, ребята,
девушке букет,
чтоб она, ребята,
не сказала «нет».
Рядом с ней, ребята,
я готов пройти
разные, ребята,
трудные пути.

Если ж там, ребята,
мне дадут отбой,
я пойду, ребята,
к девушке другой.
И любовь, ребята,
нечего жалеть:
главное, ребята,
сердцем не стареть!

Сергей Сатин

Желание быть древним греком

Я написать хотел бы о влюбленных.
Я б показал таких страстей накал!
О розах, ядах, клятвах и балконах,
И о дуэлях я бы написал.

Всё против них. Надежд на счастье нету.
 И оба покидают этот мир...
 Я написал бы. Но работу эту
 уже проделал, слышал я, Шекспир.
 Еще сюжет: жена бросает мужа.
 Муж — старый хрыч.
 Другой ей нынче мил.
 Но тот ее третирует.
 К тому же встречаться с чадом муж ей запретил.
 В итоге — стресс, железная дорога,
 и точку ставит грузовой состав...
 Сюжет — конфетка! Жаль, меня немного
 опередил какой-то шустрый граф.

Ну, граф есть граф, чего на графа злиться —
 я б лучше за неделю накатал,
 как прибыл завоевывать столицу
 нахальный молодой провинциал.
 Он энергичен, беспринципен, яркок.
 Вулкан эмоций! Фейерверк ума!
 Ведь это же не тема, а подарок, —
 но, говорят, ее раскрыл Дюма...

Да есть ли, черт возьми, на свете тропы,
 что лишь тебе дарованы судьбой?!
 Куда ни сунься — всюду чьи-то... спины
 маячат далеко перед тобой.
 Ей-богу, позавидуешь Гомеру —
 старик не ведал слова «плагиат».
 Попасть бы в догомеровскую эру,
 до «Одиссей» еще, до «Илиад»!
 Марай небрежно лист, за словом слово —
 хоть драмой, хоть романом, хоть эссе —
 и все в восторге: «Ах, как это ново!»
 «Свежо-то как!» — пускают слюни все.

Юрий Тейх

Бедный писатель

Писатель бедный на банкете,
 В кулак собрав остатки сил,

Последний бутерброд заметил
И, в рот вводя, благословил.

Другу

Я все знаменитее день ото дня —
Не хочешь ли сняться на фоне
меня?

Термометр

Почувствовав тепло, он вдруг
разволновался,
И столбик у термометра
поднялся.

Милой

Я хочу рассказать тебе многое,
Ничего-ничего не тая...
Ах ты, счастье мое кривоногое,
Я плешивая радость твоя!

Пушкину

Еще и тем ты долго будешь мил,
Что тьму пушкиноведов
прокормил!

Россия

Россия вспрянет ото сна,
И все увидят в мире,
Что встала на ноги она,
Причем на все четыре.

Павел Хмара
А. Г.

***

Когда б не твой солидный муж,
Когда б не возраст
мой печальный,
Когда бы не был я к тому ж
Давно под ношей обручальной,

Когда бы тише ветер ревел,
 К тебе б я подойти сумел,
 Я к твоему приник бы стану
 И был бы
                                 у твоих я ног!
 Я б и сейчас
                                 припасть к ним мог,
 Да вот боюсь —
                                 потом не встану!

Пара слов о сатире и сатириках

Виктору ШЕНДЕРОВИЧУ

Все в мире стоит по ранжиру,
 Ниспосланы свыше стези!
 Дал бог тебе в судьбы сатиру —
 Бичуй, насмехайся, рази!
 Сатира красна не вестями,
 Ей выше назначен удел:
 Сатира — заслон пред властями,
 Пошедшими на беспредел!
 Эзоп — не пигмей перед Гойей,
 А Свифт — выше даже Пиаф!
 Сатира — праща, пред которой
 Пасует гигант Голиаф!
 Законы сатиры суровы:
 Сатирик, чьи сладки слова,
 Чудней кровожадной коровы,
 Смешней травоядного льва!
 Их мало, к всеобщему счастью,
 Ручных разжиревших котов.
 Сатирик, обласканный властью,
 Кошмарен, нелеп и бредов.
 Ничтожней явленья на свете
 Природа создать не могла:
 Вампир на молочной диете,
 Сосущий кефир из горла!
 Сатирик! Отринь поцелуи!
 Уж лучше громи и хули!
 Сатирики — не чистоплюи!
 Тем более — не холуи.

Зиновий Вальшонок

Виктор БОКОВ

Пастораль

Мимо кошкина окошка
Я без дела, не хожу.
То сыграю на гармошке,
то на дудке погужу.
Выходи, моя Мурлыка,
я тебе не кум, не зять.
Кто наврал тебе, что лыко
не способен я вязать?
Самогон — не валерьянка.
Соблюдая этикет,
я на закусь после пьянки
поднажму на «Китекет».
Вникну в суть кошачьих истин,
корифей и баламут.
Нас и Кошечкин, и Кисин,
и Котеночкин поймут.

Нам сервиз не нужен венский.
Что нам яйца Фаберже?
Слышь, гудим по-деревенски,
Забалдевшие уже.
Хрен на грядке серебрится,
мышь снует меж лебеды.
Старый кот, как говорится,
не испортит борозды.
В Переделкине на даче,
где игривый оком,
мы с тобой чудим-судачим
с балалаечкой втроем.
Я умелец в этой роли
и частушкой воспую
кошку-мышку, кралю-дролю
и природу — мать твою!

Константин ВАНШЕНКИН

Кот в кирзовых сапогах

Я люблю тебя, Кот!
Ты в го́дину событий грозо́вых
вышел с нами в поход
в сапожищах солдатских кирзовых.
Плыл с десантом во мгле,
одурев от небесной болтанки.
А потом на земле
ты сушил деловито портянки
Учащенно дыша,
на привале, в минуту покоя,
драил свой ППШ —
ты ведь знаешь, что это такое.
Ты учился в пальбе
Парашютом владеть и лопатой,
И сидеть на губе,
И всегда быть готовым к штрафбату.

Был охочий до баб,
важно холил свой ус белобрысый.
Но от яростных лап
разбегались окопные крысы.
Я с тобой, новичком,
как сверхсрочник в развалинах дымных
поделюсь табачком,
но надеюсь, что это взаимно.
Не в шевьот-коверкот,
а в шинельку тебя одевали.
Я люблю тебя, Кот!
(Так в полку Ваську Котова звали.)
Закалялся в огне,
бил захватчиков крупным калибром.
Бредил рифмой во сне,
а ругался — отборным верлибром.

Михаил Казовский

О, везунчик!

Телепародия

На экране — шапка передачи: воодушевленный народ изо всех сил хочет принять участие в этом супермодном телевизионном конкурсе, где можно отхватить целый миллион!

Громовая музыка. Под шквал аплодисментов зала в студии появляется ведущий, одетый в смокинг, под которым — фирменная футболка.

Ведущий (улыбаясь хитро, но вместе с тем добродушно и очаровательно). Здравствуйте! Разрешите, чтобы не терять попусту времени, сразу начать с отборочного тура! Итак, задание: расположите нижеследующие спиртные напитки по их крепости, начиная с наименьшего: тройной одеколон, денатурат, тормозная жидкость, зубная паста «Поморин»! (Барабанная дробь.) Правильно сделал это только один участник — Ашот Хасавюрченко! Прошу вас ко мне, уважаемый Ашот Моисеевич!

Игрок и ведущий усаживаются в высокие кресла у мониторов.

Ведущий. Дорогие телезрители, разрешите представить вам Ашота Моисеевича Хасавюрченко, кандидата в мастера спорта по прыжкам на батуте с шестом, доктора физиологических наук, заслуженного патологоанатома Манты-Хинкальной АО, временно находящегося в отпуске по уходу за новорожденной таксой. Скажите, кто сегодня за вас болеет?

Хасавюрченко. Моя теща, Джуди Пантелеймоновна.

Ведущий. Очень приятно. Джуди Пантелеймоновна. А скажите честно: господин Хасавюрченко — зять хороший?

Теща. Он хороший зять, сын, отец, деверь, шурин, свояк, внук и хозяин таксы!

Ведущий. Замечательно. А я хочу, чтобы не терять попусту времени, напомнить нашим дорогим телезрителям, что попасть к нам на конкурс можно не только обла-

дателям новорожденных такс, но и всем желающим; для этого достаточно позвонить по телефону, который вы видите сейчас на экране, и пройти отборочное десятиборье с препятствиями. Спонсором нашей программы является фирма «Каска», которая раньше выпускала легкие танки, а теперь делает тяжелые утюги. Утюг от фирмы «Каска» — это всегда хорошее настроение... для тех, кто не уронил его себе на ногу! А еще необходимо подчеркнуть, что спонсором подсказки «Звонок другу» является фирма «Даинь-дон», подсказки «Пятьдесят на пятьдесят» — компания «Российские авиалинии», а подсказки «Вопрос залу» — ЗАО «Дурдом Интернэшнл». Также обязан отметить: на пути к миллиону Ашоту Моисеевичу придется пройти пятнадцать шагов-этапов, получить две непотопляемые суммы и не смыться с дистанции раньше времени с промежуточными выигрышами! Скажите, господин Хасавюрченко, а что вы сделаете с миллионом, если, конечно, он вам обломится?

Хасавюрченко. Я раздам его бедным. Родственникам. Как-то: жене, теще, тестю, детям...

Ведущий. А таксе?

Хасавюрченко. Такса и так богатая — у нее есть я!

Ведущий. Превосходно! А теперь, чтобы не терять попусту времени, разрешите задать вам первый вопрос...

Барабанная дробь.

Кто изображен на гербе Российской Федерации? Варианты ответов: А — двуглавый орел, В — двуглавый козел, С — трехглавый медведь, D — квадратный трехчлен?

Игрок мычит, стонет, закатывает глаза, кусает губу.

Ведущий. Ну? Может быть, позвоним другу? Или спросим у зала?

Хасавюрченко (*трет лоб*). Нет-нет... я помнил, помнил... Что-то подсказывает мне, что это вариант А — двуглавый орел...

Ведущий (*насулясь*). Точно? Не медведь? Может, возьмем «Пятьдесят на пятьдесят»?

Хасавюрченко. Нет-нет... я, конечно, не уверен... но мне так кажется...

Ведущий (совсем мрачно). Значит, орел? (Пауза.) Называем вариант А? (Пауза.) Окончательно? (Трагическим тоном.) «А — двуглавый орел!» (Невыносимая пауза.) А теперь, чтобы не терять попусту времени, мы узнаем ответ после блока рекламы!

Минут пятнадцать тянутся рекламные ролики.

Ведущий (сардонически). Эх, Ашот Моисеевич, Ашот Моисеевич! А еще доктор наук, понимаешь! Чем вам двуглавый козел-то не понравился? Не говоря о трехчлене? Орла какого-то выбрали... (Радостно, вздохнув.) И правильно сделали — это вариант А!!!

Ураган аплодисментов.

Ведущий. Признайтесь, господин Хасавюрченко, вы заранее знали ответ на этот труднейший вопрос?

Хасавюрченко. Нет-нет... я чисто интуитивно...

Ведущий. Ну, хорошо, чтобы не терять попусту времени, переходим ко второму этапу...

Оглушительно воеет сирена.

Увы, увы! Время все-таки вышло, и господин хозяин таксы порадует нас неслыханной интуицией и эрудицией в следующий раз. Смотрите наш конкурс! Участвуйте! Обогащайтесь — и духовно, и материально! А я, ваш покорный слуга, ведунчик-везунчик-антрополог, буду развлекать вас своим остроумием, обаянием и непринужденностью изо всех сил! До незабываемых скорых встреч, господа!

Ростислав Кривицкий

Дополнительные правила русского языка

1. Употребление знаков препинания после словосочетания «по кочану»

В русском языке словосочетание «по кочану» может применяться с использованием любых знаков препинания, стоящих после него. Однако если к этому словосочетанию применим проверочный вопрос «почему?», «по кочану» пишется только с восклицательным знаком в конце.

Прим.:

- « — Почему организацию экспедиции я поручил Николаю?
- По кочану!»

В.КАВЕРИН, «Два капитана»

Исключение. В случае повтора устойчивого словосочетания «почему — по кочану» в одном диалоге «по кочану» следует употреблять исключительно с тремя и более восклицательными знаками.

Прим.:

- « — Почему организацию экспедиции я поручил Николаю?
- По кочану!
- Почему-почему?
- ПО КОЧАНУ!!!»

В.КАВЕРИН, «Два капитана»

2. Правила написания «ё» после шипящей «ч»

Наряду со словом «неча» в русском языке имеется слово «ничё», употребление которого ограничено, как правило, пределами Москвы и Московской области. Сходные

по смыслу «неча» и «ничё» означают отсутствие какого-либо предмета или действия. Однако если к слову применим проверочный вопрос «что?», следует писать «неча», а если «чё?» — «ничё».

Прим.:

а) «Что делать?»

В.ЛЕНИН, «Что делать?»

«— А неча тут делать! Стрелять гадов!»

РЕВОЛЮЦИОННО НАСТРОЕННЫЕ МАТРОСЫ

б) «— Кому чё, кому ничё...»

Д.МОРОЗ,

Выступление на Кремлевской елке в 1928 году

Исключение. В случаях, особо оговоренных правилами проживания жителей Украины на территории России, а также в случае, если подходит проверочный вопрос «шо», следует писать «нишо».

Прим.:

«— А это, сынку, у тебя шо такое?»

— Где, шо? А, это... Та нишо... То так просто...»

Н.ГОГОЛЬ, «Тарас Бульба»

3. Правила употребления устойчивых словосочетаний «как говорится», «как бы», «типа того что», «вроде как», «типа там», «в смысле», «такая история», «значит» и «понимаешь», а также частиц «ну-у-у» и «э-э-э».

Данные устойчивые словосочетания и частицы служат для придания повествованию красочности, загадочности и весомости. Употребляться они могут как все вместе, так и по отдельности в любом месте предложения. Устойчивые словосочетания обычно отделяются справа и слева запятыми, а частицы «ну-у-у» и «э-э-э» — многоточием справа. Количество этих словосочетаний не регламентируется правилами русского языка и не зависит от длины первоначального предложения. Сравните:

«У Лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.

И днем, и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом».

А.ПУШКИН, «Руслан и Людмила»

«Как говорится, у Лукоморья, типа того,

что, дуб, значит, зеленый.

Такая история, золотая, как бы, цепь на э-э-э... дубе том.

Ну-у-у... И днем, как бы, и ночью кот, понимаешь, ученый.

Вроде как, ходит, в смысле, по цепи, типа там, кругом».

Е.КИСЕЛЕВ, «Знаете ли вы сказки Пушкина?»

4. Слитное и раздельное написание слов «внагляк» и «в натуре»

Для правильного написания слов «внагляк» и «в натуре» следует руководствоваться следующим правилом: если к проверяемому слову подходит проверочный вопрос «как?» — писать следует слитно.

Если к проверяемому слову применим проверочный вопрос «ты чё?» — раздельно.

Прим.:

«И долго буду тем любезен
я, в натуре,

Что чувства добрые будил
в литературе...»

А.ПУШКИН, «Памятник»

Примечание.

В устаревшем русском языке перед словосочетанием «в натуре» не требовалось ставить никаких знаков препинания. В настоящее время, согласно секретному циркуляру Министерства образования за № 456-97, запятая перед словосочетанием «в натуре» ставится всегда. Сравните:

«Я бы посмотрел на это в натуре!» (устар.)

«Я бы посмотрел на это, в натуре!» (совр.)

5. Употребление суффикса «-як» для придания существительным весомости

Для придания существительным весомости в некоторых случаях необходимо ставить после корня суффикс

«-як», который в русском языке означает крайнюю степень положительных или отрицательных эмоций:

пиво — пивняк (просто замечательная забегаловка)
клуб — клубняк (тусняк, где все крайне офигиневающее)
вопрос — вопросняк (чрезвычайно трудный вопрос)
край — крайняк (самый последний срок, предел)

Прим.:

«Науки юношей питают,
Пенсионерам в отрадняк,
В счастливой жизни
украшают.
Да и в несчастной, на крайняк».

М.ЛОМОНОСОВ,

«На день восшествия на престол Елисаветы Петровны»

Исключение.

Следует знать, что от существительного «фиг» образование эмоционально окрашенного существительного происходит по особому правилу: суффикс «-як» при написании с существительным «фиг» теряет свою последнюю букву. Таким образом, *фиг* — *фигня*, а не *фигняк*.

Примечание.

Слова «внагляк» и «ништяк» употребляются только в эмоциональной форме, поскольку «внагляк» — наречие, а не существительное (проверочный вопрос «как?»), а «ништяк» — он ништяк и есть.

Римма Казакова

Йорик-Ра

(По мотивам произведений В.Пелевина)

Гертруда. Поздравляю тебя, сын мой Гамлет, с окончанием Геттингенского университета, теперь ты человек образованный!

Гамлет. Нет, маман, я чувствую, геттингенского образования для меня недостаточно. Мой девиз — «Учиться, учиться и учиться». Я желаю поступить в летнюю школу имени Йорика-Пелевина-Ра.

— Ну что ж, я не возражаю, — сказала королева, — лишнее образование никому еще не мешало.

Не откладывая решение в долгий ящик, принц собрал самое необходимое в рюкзак: бритву «Жилетт», плеер с наушниками, «Диол» для свежего дыхания — и отбыл в школу.

Подъехав туда на такси, он первым делом обратил внимание на надпись над фронтоном: «Оставь надежду всяк сюда входящий!»

Надпись звучала обнадеживающе.

Он открыл дверь.

Широкая лестница вела вверх. По ее бокам стояли на подставках черепа, под каждым из которых была прикреплена серебряная дощечка с фамилией, именем, названием факультета, датой рождения и гибели ученика школы.

Принц с одобрением отнесся к тому, как здесь хранят память о своих питомцах.

«На какой факультет поступить? — думал принц. — Быть или не быть?»

Пожалуй, в этой школе лучше «не быть».

Но зато, в случае чего, его череп будет выставлен в вестибюле со всеми регалиями.

«А может, все-таки быть?»

«Умереть, уснуть...» — подумал он и вошел в деканат.

Там его приветливо приняли и вручили анкету.

Фамилия, имя, отчество, год и место рождения — это все просто.

Был ли на оккупированной территории? — Был. Под шведами.

Мать — королева.

Отец — тень.

«Бедный Йорик!»

«Гамлет», Шекспир (?)

Пятый пункт — датчанин.

Родственников за границей нет. Друзья есть: Розенкранц и Гильденстерн.

Не женат.

Образование высшее гуманитарное...

— Подходит, — сказал декан и велел выдать принцу летное обмундирование.

— Только у нас ни пить, ни курить, — добавил декан. — И насчет женского пола ни-ни...

— Уже чего-чего, а это мы понимаем, — сказал Гамлет.

Началась учеба, тренировки. В перерывах Гамлет играл на флейте модные мелодии.

Товарищи по школе относились к нему хорошо, поскольку держался он скромно, как если бы и не был принцем крови.

Учился Гамлет с охотой, был дисциплинирован и усерден, морально устойчив.

И вот наконец наступило время полета в космос.

Обрядившись в скафандр, принц вошел в ракету и после сигнала оторвался от Земли.

Все шло прекрасно. Самочувствие, несмотря на невесомость, было нормальное. Вокруг был космос.

— Быть! — сказал Гамлет.

И вдруг что-то случилось — не то с приборами, не то топливо кончилось.

Раздался чудовищный грохот, и ракета вместе с содержимым, то есть Гамлетом, взорвалась и сгорела.

Останки корабля и принц упали в море, и ни единой кости найти не удалось.

А потому, конечно, ни на какой памятный череп на лестнице школы рассчитывать не приходилось...

Бедный Йорик, бедный Гамлет, бедная безутешная Гертруда, бедный В.Пелевин, бедный автор этих строк.

Евгений Обухов

Ай да Пушкин!

Откровенное хармство

Пушкина не зря называли

«солнце русской поэзии». Однажды пришел Гоголь и стал читать свою новую комедию. Пушкин так веселился, так смеялся, ну прямо-таки закатывался.

С тех пор и пошло выражение: «Закатилось солнце русской поэзии».

***

Играл Александр Сергеевич Пушкин с архимандритом в карты на щелбаны. И то все хорошо, хорошо, а один раз и проиграл. Архимандрит так обрадовался, что при расчете приложился что было мочи. Пушкин потер лоб и сказал ему:

— Балда ты, батюшка!

***

Пришел раз Римский-Корсаков к Пушкину в гости. Наталья Николаевна подала к столу жареного петуха.

— И почему нынче брали такого петушка? — спросил Римский-Корсаков, облизывая пальцы.

— Сотня на базаре, — ответила Наталья Николаевна.

— Ого! Золотой петушок-то!

***

Пушкин любил Москву. Придет, бывало, на Тверскую, встанет на площади. — и стоит, стоит... Народ гуляет, смотрит — Пушкин:

«Ну прям как памятник!»

***

У Вяземского было 19 человек детей. А у Крылова — 24 человека. Вот они все придут к Пушкину, и та-а-кое начинается!

Виснут, за бороду дергают!.. Вот поэтому на всех портретах Пушкин — без бороды.

***

Пришли как-то к Пушкину Жуковский, Вяземский, Чуковский, Маяковский и Писемский. И каждый — со «Смирновской».

Так они хорошо посидели!

***

Входит Наталья Николаевна, хохочет:

— Погляди, какая фамилия есть у Гоголя — Яичница!

— Это что, — говорит Пушкин. — У Прибедова похле-ще есть!

— Какая же?

— Эта... Как ее?.. А, — Чапаев!

***

Был у Александра Сергеевича попугай. Такой забавник! Бывалоча в июле спросит его поэт:

— Ну, дурак, чего там за окном?

Попугай и рад стараться:

— Морроз! Морроз! Морроз!

Гости — ну хохотать! Попугай видит такое дело — и скорее поправляться:

— И солнце! И солнце!

Гости расходятся очень довольные, говоря Пушкину:

— День чудесный!

Александр Сергеевич все это записывает.

Рога и Копыта

Криминальная хроника

На днях правоохранные органы провели успешную операцию по снегозадержанию.

Эмилий АРХИТЕКТОР

Народная примета

Как только спрячешь деньги под матрасом, сразу приходят революционные матросы.

Нестор БЕГЕМОТОВ

Хобби

В минуты отдыха в узком кругу друзей и близких тенор Харитонов любит попеть басом.

Опечатка

Под иллюстрацией картины И.Е. Репина «Бурлаки на Волге» вместо «Питер Брейгель, «Слепые» следует читать: «В.М. Васнецов, «Богатыри».

Поправка

В известной формуле «я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак» следует читать: «вы начальник — я дурак».

Разное

В районе Песчаной площади пропала собака — лайка, метис, самец, спина черная, бока серые, грудь, живот, хвост белые, уши стоят, с поводком на шее. За поводок держится 40-летний мужчина в состоянии легкого алкогольного опьянения.

Встреча в верхах

История о том, как не встретились Матиас Руст с Виктором Талалихиным.

Борис ГУРЕЕВ

Мечта

Эх, ну хоть бы еще разок слиплось и рожа треснула!

Умная фраза

Когда на планете ожидается потепление, покупать жене новую шубу — просто глупость!

Приказ по Цру

За систематическое пьянство на территории России присвоить агенту 007 новый кодовый номер — «Агент 0,7 — 0,8».

Доразоружались

Воинами N-ской дивизии недавно во время учений впервые в мире применен противотанковый штык-нож.

Вернисаж

Во вторник в ЦДХ открылась выставка картин молодых художников. Наибольшим успехом у публики пользуется полотно неизвестного крутого мастера «Московские рэкетеры пишат ультиматум турецкому султану».

Объявление в ресторане

«Места для здоровенных пьяных мужиков без детей и без инвалидов».

Сергей ВЛАСОВ

Нечто подсознательное

Мужчины, в отличие от женщин, не любят золота. Особенно обручальные кольца.

Страшная невоспитанность

Когда приходили друзья, Фишкин вылезал из постели и бежал в магазин. Когда приходили подруги, он из постели не вылезал.

В мире грез

Российская мечта: выйти на пенсию и потом еще долго-долго работать.

Тщетные надежды

Народ безмолвствовал, надеясь за свое молчание получить золотом.

Другие времена

Дети, которые сейчас не читают книг, будут ругать своих детей, которые не захотят смотреть телевизор.

Магия цифр

Странно, но килограмм долларов весит столько же, сколько килограмм навоза.

Амир ДАУТОВ

Опытная гадалка

Предсказываю будущее, угадываю прошлое, с большим сочувствием выслушиваю о настоящем.

Герман ДРОБИЗ

Новая услуга

Согласно постановлению Министерства связи жители России теперь могут беспрепятственно пересылать по почте вина и коньяки. Причем без всякой упаковки. Лишь бы были марочными.

Утоги косовицы

Тысячи молодых жителей Краснодурьевского района азартно поработали на заготовке сочных кормов. Глава администрации поделился с корреспондентом секретом столь удачной организации косовицы: «Вот так, с пользой для дела, косят наши ребята от армии».

Н овинки секс-шопов

Помимо примелькавшихся резиновых женщин в секс-шопах Фуфыринска стали продаваться и надувные резиновые мужики. Они способны выпить сколько нальют и при этом не лопнут.

П ротест

Сергей ЖБАНКОВ

Жители Пустодыринска решили объявить голодовку в знак протеста против наступающего в регионе голода.

Александр ЗИБОРОВ

З амечаемая традиция

По инициативе сената и настоятельной просьбе помпейцев в ближайшее воскресенье решено провести праздник — последний день города.

М ирная инициатива

Ассоциация советских импотентов выступила с односторонним мораторием на все виды секс-бомб.

Х роника

Вчера прапорщик Чугуев произвел деполитизацию своих внутренних органов.

Владимир КОЛЕЧИЦКИЙ

З а морями, за горами

На днях в штаб-квартире компартии Тибета ученые обнаружили бесценную статую восьмирукого Маркса.

Министерство культуры сообщает

Из всех искусств для нас важнейшим является по-
жрать.

Фактор риска

Одна из самых опасных профессий в Индии — двор-
ник. Змеи там часто прикидываются шлангами.

Это интересно

Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья. А вод-
ка, секс и пироги — наши лучшие враги.

Потрясающая безграмотность

Девяносто из ста опрошенных школьников уверены,
что за дательным падежом сразу следует родительный

Сказано — сделано

Георгий КОНН

Каких-нибудь 40 лет назад с высокой трибуны было
сказано, что школьникам будут выдаваться бесплатные
обедаы. И вот прошло 40 лет. Бывшие школьники, а ныне
малообеспеченные граждане получают обещанные бес-
платные обедаы.

Опечатка

В прошлом номере газеты была помещена информа-
ция о том, как группа рэкетиров пыталась вымогать
деньги с пассажиров на городском транспорте.

Следует читать: «группа ревизоров на хозрасчете» и
далее по тексту.

ародная дипломатия

Нижнереченский колхоз «Вперед» вызвал на соревнование израильский кибуц «Эрев». В ответ на это кибуц тоже послал в колхоз несколько вызовов.

В помощь отъезжающим

Республика Буркина Фасо приглашает на постоянное жительство знающих буркинский язык и фасинский со словарем.

Геннадий КОСТОВЕЦКИЙ, Олег ПОПОВ

овести оборонки

В России разработан принципиально новый тип истребителя «ИЛ-невидимка».

В случае обнаружения противником истребитель ныряет в ил и забивается под корягу.

П роблема заложников

В воронежском зоопарке львы, тигры, пантеры возмутились систематическим расхищением их мясного пайка и взяли в заложники директора.

Следует отметить, что из одного директора получилось очень много заложников.

адежный щит

Спущен на воду новейший эсминец «Нервный». Корабль оснащен самым мощным в мире ракетным комплексом неполноценности.

В Средней Азии

Ромашки спрятались, поникли лютики, теперь повсюду мак да конопля.

Алексей КОТОВ

Позвони мне, да?

В новогоднюю ночь половина коренных москвичей звонит в Баку, а вторая половина коренных москвичей из-за этого не может дозвониться в Баку.

Новогодняя страшилка

У нас в деревне Дед Мороз здоровый был детина! Берет, бывало, елку — и об колено ее! Возьмет пять-шесть детишек — и в мешок!

Ростислав КРИВИЦКИЙ

Святое дело

В Спасо-Иконостасном монастыре начато лицензионное производство святой кока-колы.

Вот заживем!

Правительство планирует ввести плавающий курс килограмма, метра и литра.

Вам, наблюдательные!

Отличить моржа от налогоплательщика очень просто. Голый человек, прыгающий в прорубь с кирпичом на шее, — налогоплательщик, без кирпича — морж.

Слово о «Макдоналдсе»

Какой же русский не любит быстрой еды?!

Не затерялось в архивах

Военным историкам удалось установить, какую фразу произнес Суворов после перехода через Альпы. Генералиссимус с изумлением сказал: «Ну, вы, блин, даете!»

Андрей ПАНИСЯК

Ток высокого напряжения

Два увлекательнейших ток-шоу ожидают на следующей неделе зрителей цикла образовательных программ, транслируемого по российскому телевидению.

Ток-шоу в серии «Физика» будет посвящено теме «Электрический ток», а ток-шоу в серии «Литература» — теме «Драматургия Шоу».

Владимир РЕЗНИЧЕНКО

Занимательная этнография

Как показали исследования ученых НИИ прикладной этнографии, мы живем ныне так же, как и американцы, только хуже и меньше.

Очередное банкротство

Серокузовский центральный коммерческий банк «Гималаи» лопнул от смеха над доверчивостью своих вкладчиков.

Евгений ТАРАСОВ

Фразы

Тщательно мойте шею перед эшафотом!

В последний раз надоедаешь родственникам в день похорон.

Родившиеся близнецы оказались сводными братьями.

Палач шел домой с гордо поднятой головой жертвы.

Хирург-скоросшиватель.

В Грозный прибыл необученный генерал.

Стоматологу воздвигли памятник из зубного камня.

Книга расходов Гиннесса.

Удостоверение заверений Иуды — иудостоверение.

Экологически нечистая сила.

Юрий АВЕРБУХ

Число ограниченных людей пока не ограничено.

Константин АКАТНОВ

Не оскудеет земля русская зарытыми в нее талантами.

Эмилий АРХИТЕКТОР

В выборах побеждает большинство, а выигрывают единицы.

Юрий БАЗЫЛЕВ

Анкета: «У вас в роду беременные были?»

Не так страшен квадрат, как его нарисовал Малевич.

— Рота! Слушай мою команду! От великого до смешного — бегом марш!

— Уважаемый, не сочтите за труд... Вскопайте мне четыре грядки!..

В лифт вошла беременная девица и внимательно всех осмотрела: от кого?

— А что у вас творится на минном поле? Постоянно какие-то крики, фейерверки... Что вы там празднуете, черт подери?!

— Мужик, у тебя алиби есть? А «бабки»? Во, народ! Совсем уж совесть обнаглели! Ни алиби, ни денег, а по улицам шастают.

Правительство меняется с такой скоростью, что народ не успевает даже составить фоторобот.

Больше всего времени у меня отнимает жизнь.

Нестор БЕГЕМОТОВ

И яйца курицу учат, если они крутые.

Юрий БЕЛЯЙЧЕВ

Вам взрывпакет, пляшите!

Женщины могут все. Просто некоторые стесняются.

— Посмотри, как у тебя от никотина пальцы пожелтели!

— Это на руках... Ты еще ног не видел!

Сейчас бесплатно можно поступить лишь в Институт Склифосовского...

Крысы побежали с корабля, едва узнав, кто будет капитаном...

Андрей ВАНСОВИЧ

До чего беспомощными кажутся троллейбусы, когда кончается электричество!

Как несчастен человек с искрой божьей! Он со временем или сгорит, или потухнет.

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ

К двум бедам гоголевской России сейчас добавились еще три: перхоть, кариес и критические дни.

Объявление: «Хороший хирург поможет плохому танцору».

Чистосердечное признание чукотского взяточника: «Наша взяла!»

Как бы нам не отключили свет в конце тоннеля...

Путана наставляла мужу рога изобилия.

Детство у «нового русского» было трудное: под стол вынуждали ходить пешком.

Андрей ВАНСОВИЧ

Эх, дожить бы до посмертной славы!

Владимир ВЛАДИН

Вкусили социализма — горько. Попробовали капитализма — кисло. А что на сладкое?

Павел ВЛАДЫКИН

Спорт захватил всех. Из разговора двух дам элегантного возраста: «Вы сколько раз подтянулись?»

Искусственный интеллект? Это то, что мужчины демонстрируют малознакомым женщинам.

Юрий ВОИТЕЛЕВ

Праздник: сорок дней как поженились...

Не шути — согнем!

Александр ГАЛАГАНОВ

Мы многого не сделали, но все, что не сделали, все — к лучшему.

Не могу поверить, что Баба-Яга в молодости была Снегурочкой.

Что делает совесть чистой? Ее угрызения.

Обидно, когда тебя продают люди, не знающие тебе цены.

На земле сегодня накоплено столько оружия, что, если бы сейчас наступил конец света, люди смогли бы его встретить во всеоружии.

Чтобы народ не почувствовал голода, его кормят обещаниями.

Курение вредно для здоровья человека не всегда, а только при его жизни.

Число дураков не уменьшается, но качество их растет.

Некоторые всю жизнь идут вперед, вместо того чтобы идти в нужном направлении.

Не верьте тому, кто обещал вас обмануть, но слова не сдержал.

Склероз — это такое состояние памяти, когда точно знаешь, что влюблен, а в кого — не помнишь.

Михаил ГЕНИН

При демократии народ берет власть в свои руки, а власть народ — за горло.

Люди, конечно, летают. Но обычно вниз головой.

С народом нельзя шутить, с ним можно лишь заигрывать.

Память, возможно, изменяет нам чаще, чем женщины, но о первом знаем только мы, о втором — только они.

Когда женщина протягивает ручку, ее хватают за ножку.

Мудрость не в том, чтобы показать себя слишком умным, а в том, чтобы не выглядеть чересчур глупым.

Хорошо умно говорить, но еще лучше умно промолчать.

Веселин ГЕОРГИЕВ

Тургеневские барышни стреляли глазками, современные — ведут огонь с бедра.

Ничто так не поддерживает талию, как мужские ладони.

В западных женщинах для меня осталась только одна загадка: где на них взять денег?

Если вы мужчина — шерше ля фам, если нет — не шерше!

В отличие от других гениев, я себя гением не ощущаю.

Борис ЗАМЯТИН

На патронов киллеры патронов не жалеют.

Александр ЗИБОРОВ

О свете в конце туннеля чаще вспоминают те, кому уже ничего не светит.

Пока никому не удавалось стать дважды героем нашего времени.

Цены на плоды растут тогда, когда не растут эти плоды.

Светлое будущее чаще всего грозит тем, кто вылез из теневой экономики.

Всегда найдется то, что еще можно потерять.

Владимир ЗУЕВ

Люди! Не заблуждайтесь! Папа Карло никогда не пахал.

Пол Маккартни и две трети Леннона...

Злостный налогоплательщик.

Беспробудная трезвость.

Реввоенсовет да любовь...

Если все умрут от счастья, будет ли это всеобщим счастьем?

С чувством глубокого самоудовлетворения.

И «баксики» зеленые в глазах...

Николай КАЗАКОВ

Законно избранные диктаторы чувствуют себя освободителями.

Женщина непобедима в умении сдаваться.

В бане все люди равны, а некоторые еще и моются.

Взаимное падение усиливает тяготение.

После выборов многие ходят как в урну опущенные.

Знамена часто придают ветру нужное направление.

Наводить порядок легче прямой наводкой.

Тамара КЛЕЙМАН

Пролетарии всех стран, не обольщайтесь!

У облаков свое понятие тучности.

В почерке пилотов — свои графоманы.

Георгий КОВАЛЬЧУК

Как легко обольстить нацию, назвав ее великой!

— Время собирать камни! — сказала Печень.

Боги жаждут, а народ пьет.

Из русской народной сказки: изБУШка на ножках БУШа.

Лучше гор могут быть только... Горки-9.

Слова ложатся на музыку. Но не все оплодотворяют ее.

Контрольные веса правосудия.

Что может поводыр без слепца!

Удивительно! Столько мест лишения свободы в стране, где нет ее вообще.

Гроб из досок почета.

Владимир КОЛЕЧИЦКИЙ

Какой все-таки это соблазнительный ритм жизни: вино — карты — женщины! Не то, что пиво — домино — жена...

Да, женщина имеет право быть игрушкой, но сначала пусть вымоет пол, приберет в квартире и приготовит ужин.

Алексей КОТОВ

Никто так не умеет жить, как не умеем мы.

Фига в кармане создает иллюзию, что в нем что-то есть.

Порой не так страшна харизма, как лицо, которое она скрывает.

Чем хуже дороги, тем лучше путеводители.

Жизнь не удалась, но попытку засчитали.

Рожденный ползать все схватывает на лету.

Без тернового венца нимб на голове не держится.

Как мало богоизбранных среди избранных всенародно!

Яркие личности быстрее линяют.

Когда чаша терпения переполнена, ничего не остается, как хлебнуть лишнего.

Стоять за свои убеждения часто приходится сидя.

Даже в самом плохом человеке можно найти что-то хорошее, если его обыскать.

Семейная жизнь хороша еще и тем, что дается не один раз.

Пока красота спасет мир, уроды его погубят.

Нашему народу уже столько обещано, а ему все мало.

Минздрав предупреждает: «Так жить нельзя!»

Насильно мир не будет.

Человек должен чувствовать себя свободным не только по команде «Вольно!».

Деньги пахнут тем, чем их отмывают.

Был олухом царя небесного по отцовской линии.

Совесть! Не позволяй себе лишнего!

Правду-матку потому и режут на куски, что целиком ее трудно проглотить.

В России три беды: дураки, дороги, и дураки, указывающие, какой дорогой идти.

Борис КРУТИЕР

Главная партия в рыночных условиях — партия «зелененьких».

Все на выморы!

Александр КУШНЕР

Если уж голосовать, то за шашлык, а не за баранов.

Константин КУШНЕР

Не дразните гусей: они Рим спасли!

Одному — склад ума, другому — свалка.

Все сложнее, чем кажется, но чем больше кажется, тем сложнее.

Работал на бессмертие за вычетом пожизненного заключения.

Профессионализм — дело дилетантов.

Чтобы жизнь шла как часы, ее нужно завести.

Если нравится — считайте, что получилось.

План планом вышибают.

Л. ЛЕОНИДОВ

Среди старых русских были купцы Калашниковы, среди «новых» — купцы с «калашниковыми».

Сергей ЛУЗАН

Приходящий всегда вовремя заставляет страдать
опаздывающих.

Учась на чужих ошибках, пользуешься шпаргалками.

Пока несут ответственность, половина выплескивается
на окружающих.

Не чини препятствий без инструментов.

В программах для безработных упор делается на доступ-
ность морских круизов.

Лучший отдых бывает там, где не уставал.

Войну против бедности выигрывают воюющие.

Воду лучше не разбавлять.

Не бери взяток натошак.

Курильщик, отвыкнуть жить еще трудней!

Преступник всегда будет найден, и ему придется
поделиться награбленным.

Не мешай людям думать, что они думают.

Не уверен — не отдавай.

Если все принимать на свой счет, его могут закрыть.

Счастье — это когда можешь идти на работу от жены и
домой — от дел.

Одинаковыми женщины бывают по-разному.

Наступила клиническая жизнь.

Геннадий МАЛКИН

Кто-то сказал: «Всякий человек не закончен». Так что, если вас назовут законченным кретином, не верьте: у вас еще все впереди!

В нашей стране питание, битие и вытие определяют бытие.

Николай ОРЛОВ

Пьет — значит, любит!

Н.Е. Пойман — не вор!

Не хочу учиться, учиться и еще раз учиться.

Виталий ПЕСКОВ (тот самый)

Как легко было бы накопить на черный день, если бы он был один.

Когда я был совсем маленьким, я был о женщинах лучшего мнения.

Раньше мы знали, за что бороться, а теперь — за сколько.

Перед выборами информационные потоки заметно мутнеют.

У нас программа-максимум — выполнить какой-нибудь минимум.

Анатолий РАС

Сколько ж надо произвести оружия, чтобы обеспечить всех миротворцев?

Александр РАТНЕР

Сваха производит искусственное осемянение.

Фирма по разведению крокодилов ищет крокодилеров.

Владимир РЕЗНИЧЕНКО

Если хотите иметь деньги, научитесь обходиться без них.

Из двух зол всегда выбирай третье.

Работа не волк, бегать за тобой не будет.

Ссудный день.

Будущее прекрасно, потому что нас там еще нет.

Кто был никем, тот станет всем в тягость.

Укатали Россию крутые Горки.

Надбавка за честность.

Мы выбираем, нас обувают.

В предвыборной гонке выигрывает проигравший: никто не упрекнет, что не выполнил своих обещаний.

Эх, налоги! Пыль да туман...

Одиннадцатая заповедь: не укрывай!

Десять лет без права заполнять декларацию.

Александр РОГОВ

«Новые русские» — это хорошо накормленные старые.

Евг. САЗОНОВ

Секс в чистом виде возможен только под душем.

Жизнь сваливается на нас как снег на голову, а затем потихоньку тает.

Сергей СИДОРОВ

Голосовать сердцем не позволяет желудок.

Нет в России ничего более стабильного, чем нестабильность.

Дмитрий СВИРИДОВ

Умейте достойно влачить свое существование!

У финансового туза «шестерки» всех мастей.

В борьбе за земное царство ангелы не участвуют.

Когда депутатов отзывают, они обычно не отзываются.

Белые пятна в биографии кандидата оказались черными.

Наш народ или безмолвствует, или матерится.

Претендент зависит от нас, только пока он не президент.

Если кругом нас одни ангелы — значит, опять началась избирательная кампания.

Сергей СКОТНИКОВ

Жить стало лучше некуда, а веселее — незачем.

Лучше умереть от счастья, чем так жить.

Жить с тараканами невозможно — убегают.

В подковерной борьбе верх одерживают коверные.

Чтобы будущее не оказалось прошлым, голосуйте за настоящих.

Эшелоны власти на предвыборных платформах не останавливаются.

Голосовать за нерушимый блок было проще, чем за его обломки.

Без царя в голове и в наполеоны можно...
На роль личности в истории дураки пробуются в гриме.

Все, что ни делается, не делается ни за что...

Виктор СУМБАТОВ

Ничто не портит жизнь так, как ее отсутствие.

Подавляющее большинство опять хочет, чтобы его подавляли.

Народу мало глотка свободы — он так и норовит упиться.

Отцы народов любят всем показывать кузькину мать.

Евгений ТАРАСОВ

Повсюду так много ненависти, что просто зла не хватает!

Валерий ФИЛЬЧЕНКО

Человек с ружьем — это звучит гордо.

Укатали сивку крутые.

Силовик есть — ума не надо.

Александр ХОРТ

Депутаты работали по принципу «Все для народа!» — повышение цен, налогов...

Савелий ЦЫПИН

Транш шантрапы

Политскороговорки

Спикер у спикера спер скипетр.

Сшит бюджет да не по-бюджетовски, надо бюджет пере-
бюджетовать, перевыбюджетовать.

Шантрапа транш выпрашивала-выпрашивала, пришел
транш, шантрапа транш транжирила-транжирила — и
растранжирила.

Кто квоты льготирует, тот и льготы котирует.

Дал взятку взятокодатель, взял датку датковзятель.

Думала Дума думу да недодумала и передумала думу
думать.

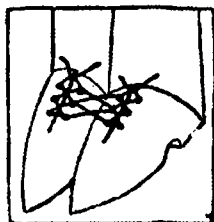
Патриоту патриот портрет не натрет.

Не пустили демонстранта в транспорт с транспарантом.

Нужен риэлтору электорат, как импичмент спичрайтеру.

У прокурора на вора компромат, а у вора — компромат
на прокурора.

Герман ДРОБИЗ

Бестолковый словарь

Бардак — фестиваль бардовской песни

Буханка — любительница бухнуть

Горилка — дочка гориллы

Заложник — любитель выпить

Кастрюля — евнух

Пломбир — зубной врач

Ползунки — тараканы

Путана — рабочая по ремонту путей

Пускатель — швейцар

Родоначальник — заведующий роддомом

Тостер — тамада

Ухват — омоновец

Георгий ТЕРИКОВ

Опetchки

Абсурдоперевод

Братва по разуму

Депутаны

Избирательный блокпост

Комната матери-Родины и ребенка

Мосгортранссексуал

Мазохизм-ленинизм

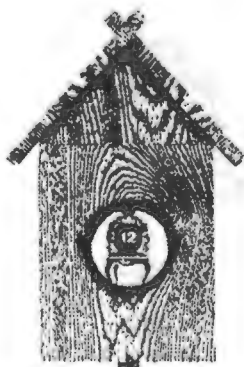
Промоушн мозгов

Параноев ковчег

Плэйбойня

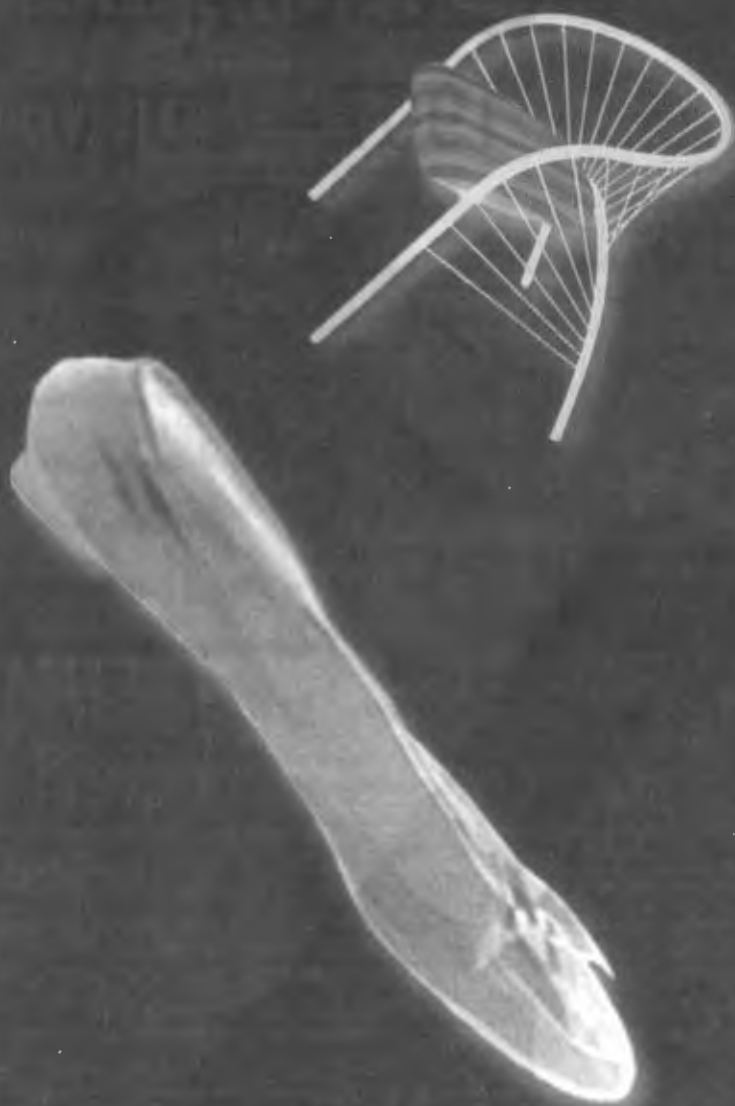
Памперсидская княжна

Андрей ВАНСОВИЧ

Сазониада 1967—2000

Жизнь — это бурный поток. Не блуди в потемках.

Евг. САЗОНОВ

Евг. Сазонов

Кто не знает это уже набившее оскомину замечательное имя! Автор романа века «Бурный поток» — писатель, прозаик, литератор, эссеист, член Межпланетного ПЕН-клуба, людовед, душелюб, верный друг и соратник администрации «Клуба ДС» и т. д. и т. п. и др. и пр. Одним словом, писатель, каких не было, нет и не надо.

В этот раздел вошли произведения, подписанные Евг. Сазоновым.

Однажды, отвечая на вопросы журналистов, Евг. Сазонов ненароком поведал о себе:

«У нас любой может стать писателем. Здесь записаны адреса, фамилии и телефоны товарищей, большинство из которых являются писателями. Многие из них в свое время учились в средней школе. Я тоже пытался окончить школу, но родители усадили меня за роман века «Бурный поток», и с юных лет мне пришлось познать горький хлеб писателя — людоведа и душелюба... Сейчас писателем стать легко.

Просто надо чего-нибудь написать. Это раньше было трудно».

Писатель часто раздумывает о месте читателя. Вот одна из его продуктивных мыслей: «Читатель должен любить писателя, просить у него автограф и активно покупать его художественные произведения. Писатели пло-

---

Евгений Сазонов

Роман века
Бурный поток

Глава 1

Шли годы. Смеркалось. В дверь кто-то постучал.

— Кто там? — спросила Анна радостно, не подозревая, что ее ждет впереди.

(Продолжение на стр. 548)

хих книг не пишут. Если книгу издали — значит, она хорошая. А плохих книг у нас не издают, потому что они никому не нужны. Литературная критика должна оберегать писателя от читателей. Бывает, что иной читатель до того распояшется, что начинает не любить того или иного писателя, создающего художественные полотна из прозы, поэзии и драматургии. Критик должен заставить читателя полюбить любое печатное слово. Читателем у нас может быть каждый...»

Так доброго тебе пути, гражданин читатель, по этому разделу, где собрано печатное слово, рожденное могучим талантом Евг. Сазонова. Спасибо тебе за внимание!

Информационное сообщение

Состоялась встреча читателей с Евг. Сазоновым (старшим). На встрече присутствовали: Маслобойщиков, Хурмин, Мельше, Кариесов, Пародонтозов, Питейкин, Скамейкин, Нарукавников, Стукачев, Саженец, Охмасон, Веков, Робортамов, Пеликанов, Съюзин, Маломальский, Закусонов, Плюхов, Погребальник, Иванов, Серопузов, Неандерталин, Страдиварич, Лушкин, Хрюков, Слонопотамов, Паниковский, Пятеркин, Собакевич, Каюк, Двойкин, Пижамов, Крышкин, Каарман, Шпиндель, Веритас, Противень, Дракулов, Франтиш, Шушушун, Далеченько, Икроматов, Ражданин, Телепецкий, Трусов, Укусов, Тампон, Наденьский, Тройкин, Папонько...

А также: Тритатушкин, Неваляшкин, Ширше, Бригелькин, Задальский, Стояночный, Быстренко, Крема-

---

Евгений Сазонов

Роман века
Бурный поток

Глава 1

(Продолжение, нач. см. на стр. 547)

Ответа не последовало.

— Кто там? — повторила вопрос Анна, услышав чье-то жаркое мужское дыхание там, за дверью.

— Откройте, — наконец донеслось до ее ушей.

(Продолжение на стр. 549)

цили, Жвачкин, Газложский, Аморалов, Тюльпин, Трико и другие...

Среди них: Курякин, Миноров, Втюлечко, Бананан, Мозгокрутов, Перевертыш, Втоматов, Закисальский, Семеркин, Тудаже, Обратко... и т. д.

После завершения встречи встречавшихся провожали: Семипядьев, Колунов, Каменец-Юдольский, Простоквашин, Девяткин, Самтрестян, Вамп, Тритонов, Тюлькин, Папин... и другие.

О встрече провожавших встречавшихся и о проводах встречавших провожавших вы можете узнать более подробно из наших следующих сообщений.

*Евг. САЗОНОВ-сын,
личный встречающий Евг. Сазонова-отца*

К вопросу о публикации романа века «Бурный поток»

От администрации «Клуба ДС»

Заканчивается публикация первой главы романа Евгения Сазонова «Бурный поток», но уже сейчас ясно: на наших страницах обрело жизнь новое интересное произведение молодого неизвестного писателя. В редакцию поступают многочисленные письма наших читателей с просьбой рассказать подробно о творческом пути Евгения Сазонова (если он его имеет), о его семье. (если он ее не бросил)... Кроме того, некоторые читательницы, озна-

---

Евгений Сазонов

Роман века
Бурный поток

Глава I

(Продолжение, нач. на стр. 547)

— Федя?.. Ты-ы?? — спросила Анна, будучи почти без чувств.

— Да, Анна, это я, Федя! — донеслось из-за двери.

— Верну-уу-уу-улся! — закричала Анна, и слезы бурным потоком хлынули из ее глаз.

(Продолжение на стр. 550)

комившись с творческим лицом Евгения Сазонова, мечтают посмотреть на его настоящее лицо.

Идя навстречу этим пожеланиям, мы начинаем печатать краткую биографию Евгения Сазонова.

Краткая биография Евг. Сазонова — автора романа века «Бурный поток» (Публикуется впервые)

Евгений Сазонов родился в 1936 году. Он родился в рубашке. И с той поры любит хорошо одеваться.
(Продолжение следует).

Еще раз от администрации «Клуба ДС»

Мы предполагали, что роман века «Бурный поток» Евгения Сазонова вызовет отклики, но бурный поток писем и отзывов превзошел все ожидания. Приводим выдержки из ряда неопубликованных высказываний мировой печати и общественности.

«...автор откровенно пишет: «И было неизвестно, кого из них она любила больше». Как уже неоднократно указывалось, положительный герой не может любить одновременно двоих. Это чудовищная клевета на нашего современника, искажение его морального облика...»

И. ИВАНОВ (журнал «Времена года»)

Евгений Сазонов

Роман века
Бурный поток

Глава II

(Продолжение, нач. на стр. 547)

Утром, идя на работу, Анна чувствовала себя счастливой и всю дорогу думала о Федоре, о его немеркнущем загубленном таланте.

(Продолжение на стр. 551)

«Как ни стараются московские писатели, им не удается скрыть, что Анна плачет. Вспомним Анну Каренину — она тоже плакала. И даже бросилась под поезд. Это естественная реакция русской души на советский образ жизни».

Доб ПИНЧЕР («Нью-Йорк ньюс»)

«Если автор глубже познает своих героев, их характеры, их живую речь, он поймет, что завуч Вероника Николаевна должна была свой извечный вопрос: «Почему вы опоздали?» — произнести так: «Почему вы опоздала?»

Вл. ВОЛОДЬКИН («Литературная газета»)

«Со мной тоже был похожий случай, но только мой Ваня больше мне не встречался. Помогите узнать его адрес или место работы и фамилию, а также стать на очередь в ясли».

Тамара Д. (из писем в реакцию молодежного журнала)

«...и хотя сказано много, остается неясным время действия: посевная или уборочная?»

К. ФЕТЕНКО (журнал «Молодой пахарь»)

«Психологическая глубина, цельные характеры, сочный язык и богатство красок ставят эту монументальную эпопею в один ряд с лучшими образцами художественной литературы всех времен и народов».

Евгений САЗОНОВ (из интервью с корреспондентом «Клуба ДС»)

Евгений Сазонов

Роман века
Бурный поток

Глава II

(Продолжение, нач. на стр. 547)

«Теперь он мой! Мой!» — хотелось ей крикнуть на весь троллейбус, чтобы весь мир, весь земной шар, все люди на свете услышали о ее огромной, негасимой любви.

(Продолжение на стр. 552)

К сожалению, мы не имеем возможности привести все имеющиеся в распоряжении администрации «Клуба» материалы. Ждем дальнейших откликов и охотно ответим на все возникшие вопросы.

Краткая биография Евг. Сазонова — автора романа века «Бурный поток» (Продолжение)

В 1944 году Евгений Сазонов поступил в первый класс. К счастью, школы тогда были мужскими и женскими...

В 1945 году Евгений Сазонов поступил во второй класс.

Встал вопрос — продолжать или не продолжать образование. Время было трудное. Сазонов решил продолжать.

В 1954 году Евгений Сазонов оканчивает десятилетку с одной тройкой и двумя золотыми медалями.

Первую золотую медаль он получил в барьерном беге на 100 метров, вторая оказалась серебряной.

Затем, с 1956 по 1960 год, Евгений Сазонов четырежды не поступает в Литературный институт.

Опять встал вопрос — продолжать или не продолжать.

На этот раз Евгений Сазонов решил: «Пора кончать!» И с этими словами он начал писать.

Прообразом завуча Вероники Николаевны послужил завхоз школы Ильяс Захарович Груздьев...

Евгений Сазонов

Роман века
Бурный поток

Глава II

(Продолжение, нач. на стр. 547)

— Вы на следующей сходите? — почему-то спросила она. И, не ожидая ответа, тут же почему-то вышла.

(Продолжение на стр. 553)

У Евгения Сазонова — обычная биография простого молодого писателя. Он мало видел, но много пишет. За это его и любят читатели.

Доброго пути, Евгений Сазонов!

Хроника «Клуба ДС»

Администрация «Клуба ДС» с удовлетворением сообщает, что Евг. Сазонов, автор романа века «Бурный поток», дал любезное согласие работать в штате «Клуба».

Решением администрации Евг. Сазонов зачислен на должность и. о. консультанта (на полставки) без испытательного срока.

Со стола Евг. Сазонова

Уважаемая редакция!

Недавно вы взяли на полставки известного писателя Евгения Сазонова. Я очень этому удивляюсь.

Мне кажется, что администрация «Клуба ДС» ввела вас в заблуждение и вы пошли у нее на поводу.

Евгений Сазонов, конечно, известный писатель. Но если разбираться по-честному — кому он обязан своей известностью, как не вверенной вам газете? Это она ему создала умышленную рекламу слухами о мнимой смерти, которая оказалась недействительной. С такой рекламой не только гений, но и простой талантливый человек может стать Е. Сазоновым.

Я внимательно прочитал весь «Бурный поток» целиком, от корки до корки. Признаться, не понимаю, почему его всюду так хвалят. У нас есть много других значитель-

---

Евгений Сазонов

Роман века
Бурный поток

Глава II

(Продолжение, нач. на стр. 547)

— Почему вы опоздали? — спросил Анну завуч Вероника Николаевна, старая, опытная педагог. И тут...

(Продолжение на стр. 554)

ных произведений, которые написаны не хуже. Видать, вокруг «Бурного потока» и его автора преднамеренно создана нездоровая атмосфера, благодаря которой этот роман принес такую популярность и, наверное, немалый гонорар. И автор, пользуясь такой недопустимой благожелательностью, начинает держаться нескромно, подавая плохой пример неустойчивой части нашей творческой молодежи. Не успел Сазонов приступить к работе в газете, как он стал направо и налево раздавать советы читать «Бурный поток». Почему вы разрешаете ему рекомендовать для чтения только это произведение?

А недавно вы вообще посвятили почти всю страницу творчеству Е. Сазонова. Нужна ли нам такая сазониада?

Нет, товарищ редактор, видно, Вы проявили близорукость и недальновидность, зачислив Сазонова на полставки, а главный бухгалтер Вас вовремя не поправил. Думаю, что на эти полставки нашлись бы более достойные писатели.

П. ПЕТУХОВ, технолог

От администрации «Клуба ДС»

Публикуя в порядке обсуждения письмо технолога Петухова, администрация «Клуба ДС» хочет поставить вопрос, давно волнующий всех: «Зачем мы это сделали?»

Администрация не может отмахнуться от жгучих вопросов технолога Петухова и по примеру многих периодических изданий (молодежных и немолодежных) начинает дискуссию. Пусть решает читатель, ибо, как говорил Евг. Сазонов, «читатель всегда прав».

Евгений Сазонов

Роман века
Бурный поток

Глава II

(Продолжение, нач. на стр. 547)

...прозвенел третий звонок.

(Продолжение на стр. 555)

Итак, зачем мы это сделали? Зачем мы взяли на полставки Евг. Сазонова? Почему именно его? Может ли простой талантливый человек стать Евг. Сазоновым? Вот, грубо говоря, те проблемы, которые волнуют технолога Петухова.

Администрация уполномочена заявить, что да, может! Пример тому — сам Евг. Сазонов. Мы уже имели случай познакомить читателей с биографией Сазонова. На его жизни можно научиться тому, как стать писателем и заслужить право работать на полставки в «Клубе ДС». Нужно только быть таким же людоведом! Надо лишь уметь вовремя сказать нужное слово нужным людям! И этим словом жечь, жечь и жечь!

Технолог Петухов справедливо пишет о том, что у нас есть и другие произведения, которые написаны не хуже романа века «Бурный поток». Не хуже, тов. Петухов, но и не лучше! А это главное!

Администрация «Клуба ДС» спрашивает читателей: заслуживает ли Евг. Сазонов того, чтобы его художественные произведения видели свет?

НУЖНА ЛИ НАМ ТАКАЯ САЗОНИАДА?

Евг. Сазонов — член ПЕН-клуба

14 октября распространенная шведская газета «Афтонбладет» поместила на своих литературных страницах статью, озаглавленную «Товарищ Сазонов». Цель ее, как пишет «Афтонбладет», состоит в том, чтобы «представить Евгения Сазонова шведской читательской публике». В статье подробно излагается творческая биография писателя, рассказывается о его работе в «Литературной газете».

Евгений Сазонов

Роман века
Бурный поток

Глава II

(Продолжение, нач. на стр. 547)

Войдя в класс, Анна сразу почувствовала себя моложе. Рассказывая детям о Пушкине, она думала о Федоре. И было неизвестно, кого из них она любила больше.

(Продолжение на стр. 556)

«Афтонбладет» сообщает далее, что «Евгений Сазонов вместе с Сальвадором Дальбергом, Уседомом Воллином и Альфредом Вестлундом* входит в состав временного правления нового межпланетного ПЕН-клуба».

Г. ДЕЛНИЧЕНКО, соб. корр. «Известий»
(специально для «Клуба ДС», по телефону)

Стокгольм

От администрации «Клуба ДС»

Администрация «Клуба 12 стульев» благодарит редакцию газеты «Афтонбладет» за признание заслуг Евг. Сазонова перед мировой литературой.

Судя по характеру статьи, дело идет к изданию шведского перевода романа века «Бурный поток», завоевавшего огромную популярность читателей. Примечательно также и то, что статья о творчестве Евгения Сазонова появилась на страницах такой влиятельной газеты, как «Афтонбладет», в момент, когда в Шведской академии началось обсуждение кандидатур на Нобелевскую премию по литературе.

Интервью с Евг. Сазоновым

Получив сообщение из Швеции, администрация «Клуба ДС» немедленно связалась по телефону с автором романа века «Бурный поток» писателем Евг. Сазоновым, который, как известно, в настоящее время отдыхает в Ялте. К телефону подошел сам Евг. Сазонов.

АДМИНИСТРАЦИЯ. Дорогой Евгений, только что в редакцию пришло известие о том, что вы избраны членом

---

* Персонажи литературной программы шведского телевидения.

Евгений Сазонов

Роман века
Бурный поток

Глава II
(Продолжение, нач. на стр. 547)

А когда урок завершился...
(Продолжение на стр. 557)

правления межпланетного ПЕН-клуба. Как вы относитесь к этому?

САЗОНОВ. Мне эта весть очень приятна, тем более что как раз сегодня утром я завершил вторую редакцию «Бурного потока». Надеюсь, что скоро ее увидят читатели. Без ложной скромности скажу: это потрясающие страницы!

АДМИНИСТРАЦИЯ. Не собираетесь ли вы в ближайшее время в Швецию?

САЗОНОВ. Я готов рассмотреть положительно любое приглашение, исходящее с территории нашего северного соседа.

АДМИНИСТРАЦИЯ. Не намерены ли вы покинуть «Клуб 12 стульев» в связи с избранием в ПЕН-клуб?

САЗОНОВ. В настоящее время я изучаю этот вопрос.

АДМИНИСТРАЦИЯ. Мы решили перевести вас с полставки на полную ставку. Кстати, этого требовали многие читатели, приславшие в ваш адрес письма протеста против наложения на вас эпиталамы.

САЗОНОВ. Думается, что читатели во многом правы.

АДМИНИСТРАЦИЯ. Что вы желаете будущим лауреатам Нобелевской премии?

САЗОНОВ. Хочу пожелать им успеха в личной жизни и счастья в труде.

АДМИНИСТРАЦИЯ. До свидания в Москве, Евгений! Желаем вам успехов в личной жизни и счастья в труде...

САЗОНОВ. Одну минуту...

АДМИНИСТРАЦИЯ. Да?..

САЗОНОВ. Я хотел бы узнать — берут ли алименты с Нобелевской премии?..

Евгений Сазонов

Роман века
Бурный поток

Глава II

(Продолжение, нач. на стр. 547)

Вечерело...

Дома было тихо. Только было слышно, как в соседней квартире кто-то в кого-то изредка стреляет.

(Продолжение следует на стр. 558)

На этом, к сожалению, разговор прервался по техническим причинам.

Евг. Сазонов и...*

Бурный поток

Литературный сценарий
по мотивам одноименного романа

1-я серия

По необозримым весям и сеньям, по кудрявым березкам и тихим речкам, по горам и долам плавно панорамирует камера. Медленно панорамирует. Долго. Примерно на сто полезных метров. В фонограмме незамысловатая, какая-то задушевная, берущая за сердце мелодия на три голоса.

По большакам и проселкам, по гатям и грунтовкам, по стежкам и дорожкам идет Федор. Медленно идет. Долго. Идет, идет, идет...

Крупно: нахмурен лоб на лице героя. Ассоциативный монтаж: экспрессивные вороны над импрессионными крестами покосившейся церквушки. В фонограмме: вороний грай, собачий лай, звуки эпиталамы.

Сардонически хохочет одна из ворон и человеческим голосом вопрошает:

— Что ж ты, Федя?

Резко вскакивает с постели Федор. Крупно: на лбу — ядреные капли пота.

Где-то к концу серии на экране появляются титры: «Бурный поток». Сценарий Евг. Сазонова...»

Величаво плывут титры. Долго. Примерно на одну часть.

Над кроватью Федора висит ружье.

---

* Пробел предлагается заполнить режиссеру, согласившемуся поставить фильм.

Евгений Сазонов

Роман века
Бурный поток

Глава 1

(Продолжение, нач. на стр. 547)

Кровь хлынула к лицу Анны. Воспоминания обо всей прожитой жизни молниеносно пронеслись в ее голове. Все замерло вокруг. Только было слышно, как на кухне медленно и ритмично капает из крана вода.

(Продолжение на стр. 559)

2-я серия

Жена Федора Анна, умеренно оголив ноги, моет пол.

Параллельный монтаж: Федор с приятелями пьет водку.

Основа конфликта: отсутствие общих интересов у супругов. Анна, помыв пол, бежит на берег речки. Где, прижав к груди однотомика Экзюпери, поет с подружками лирическую песню. Федор же горланит в прокуренной горнице: «Вот, допустим, захочется выпить вам...»

Развитие конфликта: сын Сережа, шестилетний сорванец, выводит на листке в три линейки: «Мой папа пьяница».

В фонограмме: звон гитары, звон разбиваемой посуды, крик, затмение, отчаяние, ночь... в общем, «блоу-ап».

Над кроватью Федора висит ружье.

3-я серия

Крупный план газетного аншлага: «Мой папа пьяница!» Встык (без диафрагм и шторок — по-современному) монтируется общинный план: Федор, обхватив голову руками, тяжело думает, сидя в пустой горнице. Ортогональная композиция подчеркивает некоммуникабельность героя. В фонограмме: контрастом депрессивной линии героя звучит популярная песня «А я по шпалам, опять по шпалам...».

Контрапунктический монтаж: песня продолжает звучать, но мы уже переносимся в школу, где просветленный классный руководитель Анна ведет урок. Дети наперебой спрашивают педагога: «В чем смысл жизни?», «Что есть истина?» Слышатся отдельные восклицания: «сексуализм», «экзистенциализм» и «специфика телевидения». Ласково улыбаясь, педагог читает ребятам несколько японских трехстиший.

Над кроватью Федора висит ружье.

Евгений Сазонов

Роман века
Бурный поток

Глава II

(Продолжение, нач. на стр. 547)

«А где же Федор?» — пронеслось у Анны по лицу. Постель была застелена...

— Уше-ее-ел! — закричала Анна, и слезы бурным потоком хлынули по ее красивой обветренной голове.

КОНЕЦ, а продолжение следует.

4-я серия

РТС. Парциальный монтаж: веялки, лобогрейки, сепараторы, сатураторы, перфокаторы. Все дышит перерождением. Текут внешние воды. Блики, зяблики, кораблики. Положительные моральные облики.

Из ворот РТС усталой, но счастливой походкой славно потрудившегося человека выходит Федор. Он улыбается. Из-под замызганной телогрейки высовывается белоснежная сорочка фирмы «Ничибо».

На проходной его с цветами встречает Анна. Изображение становится разноцветным. Крупно: лучезарные глаза счастливого педагога. Еще крупнее: лучезарные глаза слесаря-ремонтника, над бровью которого красуется трудовое масляное пятно.

— Ты оправдал надежды общественности, — торжественно, как-то по-домашнему говорит Анна.

— Спасибо, Анна, — отвечает Федор, обнимая грязными руками плечи жены, одетые в нейлоновую кофточку.

— Иди ты, — ласково говорит жена, глядя на масляное пятно, — в баню. Помойся.

Анна тихо и счастливо смеется.

Во весь экран — солнце. Огромное, красивое, которое вызовет ощущение гармонического финала у простого зрителя и аллодисменты в Доме кино.

В фонограмме — бархатный голос диктора:

— А какие интересные дела у них впереди! Мы обязательно расскажем об этом в следующих сериях.

Неожиданно Федор снимает со стены ружье и громко стреляет. Возникает титр:

Конец

Хроника «Клуба ДС»

Автор романа века «Бурный поток» писатель Евг. Сазонов принял решение вступить в законный брак. В связи с этим администрация «Клуба ДС» дала указание возобновить с 20 ноября с. г. деятельность сектора Пименя, открытого в порядке эксперимента в марте текущего года. Сегодня задачей сектора Пименя является подыскание невесты, согласной стать верным, преданным другом жизни автору романа века.

Администрация «Клуба ДС» просит заинтересованных лиц в самый кратчайший срок представить руководству клуба свою биографию и заявление. Просьба плохих биографий не присылать.

Владимир ВЛАДИН

Свадьба века

...И вот я на месте. Огни иллюминации, вереницы автомобилей. Через рупор объявляют:

— Машину писателя Индюкова к подъезду!

— Машину поэтессы Золотухиной к подъезду!

С трудом пробираюсь через толпу, поднимаюсь на двенадцатый этаж. Скромная пятикомнатная квартирка с кухней, ковры, мебель. На стенах много живописи: «Сазонов кушает компот», «Сазонов в президиуме», «Сазонов отвечает на вопросы читателей — работников Конного завода им. Айвенго».

Одно полотно меня особенно взволновало: необъятные просторы, посредине — трактор, за рулем Евгений читает свой «Бурный поток», а вокруг, куда ни кинешь взгляд, колосится пшено... Картину написал его брат — художник, тоже Евгений.

Кабинет Сазонова весь завален книгами и журналами. В углу арфа — подарок Горнораввинской мебельной фабрики.

Сегодня здесь, как написал бы Л.Толстой, «вся Москва». Мелькают знакомые лица писателей, художников, актеров. Много, очень много творческой интеллигенции. Сначала среди всей этой творческой интеллигенции невозможно различить, кто же Сазонов. Но потом привыкаешь, начинаешь отличать одного от другого. У кого-то носки другой расцветки, кто-то пишет другой авторучкой...

Ну вот и сам виновник. На нем строгий черный костюм, любимая вышитая рубашка. С трудом пробираюсь к жениху, здороваюсь за руку — Сазонов демократичен, прост, подчеркнуто скромен. С волнением задаю первый вопрос:

— Скажите, Женя, где вы достали печень трески?

Евгений с гордостью оглядывает стол:

— Прислали читатели — рыбаки Каспия. У них недавно давали.

Знакомлюсь с невестой. Широкое, открытое, простое, хорошее, с эдакой лукавинкой лицо. Что-то в глазах такое... в улыбке... К Сазонову, чувствуется, относится дру-

желюбно, но приветлива и с остальными гостями — настоящая хозяйка. Говорит мало, но как-то очень точно, умно, метко: «Сюда садитесь... сюда... а вы сюда...» Чувствуется, что такая все может — и полы вымыть, и песню спеть, и посадить, если надо.

Звучит свадебный марш Мендельштама. Все садятся за стол. Первый тост произносит самый почетный гость — дед Евгения, старый кадровый подсобный рабочий:

— Это, как в старину говорилось, муж и жена — одна сатана!

Общий хохот. Остроумный старик, да и вся у них семья такая — бунтари!

Следует тост за тостом. Молодой, слегка захмелевший поэт вдруг с размаху бьет кулаком по столу и кричит:

— Горько!

Сазонов, строгий, подтянутый, крепко, с достоинством целует невесту. Чувствуется, что ему хорошо.

За столом непринужденная обстановка, рассказывают анекдоты, когда выходят женщины — читают отрывки из своих произведений. И вдруг сквозь гомон и шум прорываются первые аккорды гармонии.

Звучит Эпиталама из оперы Рубинштейна «Нерон».

Поет молодая невеста. Дробно стучат ее каблучки по паркетному полу, в руках откуда-то появляется «Бурный поток», и она им уже игриво и призывно помахивает над головой.

Вот вступает другой голос:

Полюбила журналиста,
Журналиста юного...
Пусть уж лучше журналист,
Лишь бы не сюрреалист...

Бьют двенадцать ударов...

— Женья, — кричат со всех сторон, — Женья! Новый год!

Сазонов перестает целоваться. Он серьезен, подтянут. Поднимает бокал и молча, под гром оваций, пьет за свои творческие успехи в Новом году. Далеко за полночь гости начинают расходиться. У всех на душе радостный осадок.

И только мне еще предстоит работа — первая ночь молодых пройдет в интервью. Я вынимаю блокнот и ручку...

Со стола Евг. Сазонова

Я, граф и др.

Из путевого блокнота автора романа века

В предыдущих номерах газеты рассказывалось о зарубежном турне автора романа века и его супруги.

Отмечалось, что серебристый лайнер с Евг. Сазоновым на борту взмыл с бетонных дорожек Стокгольмского аэропорта и взял курс в неизвестном направлении. Вот что было потом...

Очнулся я в Люксембурге. Рядом находилась супруга. С этой страной я давно связан полюбившейся мне опереттой «Граф Люксембург». Сначала подумалось: «За что, за что, о боже мой, за что, за что, о боже мой?» Потом в голову пришла мысль о чемоданах со шведскими сувенирами: на месте ли? Оказалось, на месте.

Люксембург встретил нас дождливой погодой. Туман, ветер, слякоть. Но нам было тепло от рукопожатий люксембуржцев.

Люксембург — страна контрастов: как всегда, рядом с лачугами бедняков уживаются дворцы богачей, рядом с фешенебельными ресторанами уживаются и другие предприятия общественного питания.

Наш маршрут был обычным: универмаг, затем читательская конференция по роману «Бурный поток», организованная буржуазной прессой. Вечером — затянувшийся до утра конкурс красоты среди девушек этой небольшой страны. В зале полно мужчин, а девушки выходят на эстраду в купальных принадлежностях. А ведь человек прежде всего красив в труде, а не на пляже!

Вечерело... Я возвращался из магазина в отель, и меня остановила сомнительная девица, которая в наших условиях могла бы стать полезной для общества. Я гордо прошел мимо нее, бросив ей в лицо гневную фразу: «Я не один!»

Поздними вечерами мне приходилось активно посещать заведения под кричащим названием «Найт-клуб» или ходить в кинематограф на какой-нибудь очередной сексбоевик. Жену же я специально оставлял ночевать в отеле, чтобы она не разлагалась под тлетворным влиянием.

На читательской конференции меня все время спрашивали про художественную литературу. Интересова-

лись моим мнением о разных писателях и поэтах. Приходилось давать достойные ответы.

Спрашивают, например: «Какой сейчас у вас писатель самый модный?» Отвечаю: «Если бы вы читали «Бурный поток», то не задавали бы непродуманных вопросов».

В один из солнечных дней меня пригласили на местный стадион. Здесь шел футбол на какое-то первенство. Радио разнесло весть о том, что на футболе присутствует писатель Евг. Сазонов. Меня, естественно, позвали к центру поля произвести первый удар по мячу. Я вышел на центр, попросил игроков занять свои места, особенно вратарей, ибо я еще не решил, в какую сторону буду бить. Свисток, неторопливо отхожу, закрываю глаза, разбегаюсь и что есть силы ударяю по мячику! Стадион, конечно, взревел. Судья показал на центр. В чем дело? Что такое? Оказывается, мяч от моего удара влетел в одни из ворот и счет стал 1:0.

— Ничего, — говорю, — давайте, так сказать, для равновесия я ударю и по другим воротам.

Все согласились.

Мяч снова на центре.

— Вратарь! — кричу. — Готовься к бою, часовым ты поставлен у ворот. — А сам так с лукавинкой улыбаюсь.

Свисток. Разбегаюсь. Удар! 1:1. С этого счета и началась игра.

Когда на пресс-конференции акула пера Боб Пинчер спросил меня, как я расцениваю свои футбольные успехи, я скромно ответил, что давно уже живу футбольным законом: не важно куда бить, главное — быть в центре поля.

На следующий день наша супружеская чета была приглашена к знаменитому графу Люксембургу.

Эlegantный парень. И одет неплохо.. Мы говорили о художественной литературе. Я подарил ему роман «Бурный поток» на русском языке и гранки корректуры на языке люксембургском. Потом пригласил графа к себе домой в качестве личного гостя в удобное для него время. Он с удовольствием принял приглашение и сказал, что о дне визита он договорится по дипломатическому каналу. Встреча прошла в дружественной атмосфере.

Потом я был приглашен в ЛГУ — Люксембургский государственный университет имени графа Люксембурга. Выступил перед студентами с чтением отрывков из «Бурного потока». Молодежь от всей души аплодировала и за-

бросала меня вопросами о моих творческих планах. Пришлось мне еще раз прочитать свои отрывки и серьезно поговорить со студентами и студентками о настоящей литературе, понятие о которой, как мне показалось, запущено в этом высшем учебном заведении.

В общем, поездка оказалась тяжелой. Домой, домой! Покоя сердце просит.

Евг. САЗОНОВ

Западная Европа, проездом

Творческая лаборатория Евг. Сазонова

Первый вариант

Жевал я

люксембургский сыр

И вспомнил: есть на солнце
пятна,

Как непонятен этот мир

И все на свете непонятно!

Окончательный вариант

Я ел вчера наш вкусный

сыр

И думал: пусть на солнце

пятна,

Но мне понятен этот мир

И остальное все понятно!

* Разжевал В.Бабичков

Со стола Евг. Сазонова

Возвратясь из отпуска, Евгений Сазонов свой первый взгляд бросил на молодых. «Они — мое будущее», — решил он. Писатель века предложил вниманию администрации «Клуба 12 стульев» творческие портреты своих учеников.

«Я сегодня — это они завтра», — сказал Мазетро, желая им доброго пути.

Меня попросили пожелать доброго пути трем молодым стихотворцам. Я с интересом прочел их стихи, познакомился с основными этапами творческих путей, с палитрами образов, с эстетическими платформами. Сейчас я поделюсь своей точкой зрения.

Первый из авторов — Вадим Угорелых — не замыкается в узком квартирном мирке, мыслит широко, безбрежно. Он не копается эгоистически в скучных личных переживаниях. Его образы дерзновенно устремляются в романтические дали:

Вселенная, которой нет
предела,

Лишь полустанок
на моем пути...

Другой автор — Владлен Замурский — нигде не опускается до бессвязных абстракций. Ему чужды вычурные гиперболы и риторическое фантазерство. Его стихия — обостренное восприятие жизни во всех ее проявлениях. Не пугаясь драматизма, порой трагизма, он искренне рвется туда, где тонко:

Не жди, все равно не приду.
Не смотри в окно, не приду.
Не гляди с тоской
На восток.
Ни наяву, ни в бреду
Я не приду
В восторг.

В этих строках слышится дыхание самого автора.

Осталась еще молодая поэтесса Илья Топорищин (это ее псевдоним). Она не из тех, кто пишет изысканно и утонченно, она пишет доступно и утолщенно. Илья Топорищин далека от квазиэмоций и псевдоконфликтов. Ее стихи — это своеобразная летопись ее чувств. Их у нее пять. Лучше других, пожалуй, развито зрение — искусство смотреть и видеть. То, что она видит, понятно и близко всем:

Вот край, где я родился,
Где детство я провел,
Как он преобразился,
Какой

вид
приобрел!

Эти стихи переливаются верными красками.

Должен заметить, что при всей несхожести манер трех молодых авторов объединяет удивительная скромность таланта. Но они не должны зазнаваться. Им следует много и плодотворно трудиться. Будут они и знаменитыми, и талантливыми.

Невольнo вспоминается молодость... И вот успех, слава, мировое признание, самый расцвет моего дарования. Думается, что не случайно все это. Не случайно я вышел на большую дорогу. Не сверну с нее никогда. Доброго пути!

Со стола Евг. Сазонова

Читатели «Клуба ДС» уже знакомы с мыслями и рассуждениями Евг. Сазонова о музыке. С не меньшим интересом встретят они еще один жанр, в котором плодотворно трудится писатель-людовед. Это мини-эссе о литературе. По зрелости содержания, отточенности формы и поразительной емкости двести этих по праву стоят вровень с лучшими страницами «Бурного потока». Шарм, интим, наив в сочетании с тонким пониманием литературного процесса — вот в чем волнительность этих миниатюр. Мини-эссе Сазонова о литературе ярко свидетельствуют: перед нами — большой мастер слова, подлинный эссенцизатор.

Мини-эссе о литературе

(в соавторстве с Вл. Владиным)

***

Совсем не фокус

печь тома

Бригадным методом Дюма!

***

Знает весь микрорайон,
За что повешен был Вийон.

***

И мы писать романы

могем,

Как Сомерсет, простите,

Мозм.

***

Всегда передо мной

дилемма:

Читать Немцова или Лема?

***

Я в мастерстве —

пари держу —

Не уступаю Занд Жоржу!

***

Люблю пить чай
за файф-о-клоком
Я с беллетристом
Поль де Коком.

***

Сядь в ванну,
яблоко очисти —
И превзойдешь
Агату Кристи!

***

Лишь я один во всей
Европе
Сравним с самим
де Вегой Лопе!

***

Хемингуэй работал стоя
И потому не знал простоя!

***

Бальзак — писатель мой
любимый.
Где брал он кофе
растворимый?..

***

Быть лордом лучше,
чем бароном:
Давно доказано
Байроном.

***

Неподражаем я. Не так ли?
Ответь, Андроников
Ираклий!

Афоризмы

(Из записной книжки Евг. Сазонова)

♦ Жизнь — вредная штука: от нее умирают.

- ♦ Редактор — это специалист, который, плохо зная, что такое хорошо, хорошо знает, что такое плохо.
- ♦ Любовники приходят и уходят, а мужья остаются.
- ♦ Если хочешь подрубить сук, на котором сидишь, то сперва слезь с него.
- ♦ У Петра I с Екатериной I за двадцать два года родилось одиннадцать детей. Молодцы!

Философемсы

— Меня смущают неумеренные похвалы, раздающиеся в мой адрес, — сказал мне как-то в доверительной беседе Евгений Сазонов. — Несколько раз я читал и слышал применительно к своему творчеству определение «гениально». Как бы это ни тешило авторское самолюбие, я более трезво смотрю на вещи. Будущее покажет, что я был просто большим писателем с широким творческим диапазоном.

Речь зашла о последних работах Сазонова, и он признался, что не без успеха пробует свои силы в новом для него жанре — философемсах. К своему стыду, я не знал, что это такое.

— Не мудрено, — усмехнулся писатель. — До меня этот жанр почти не разрабатывался. Философемса — это восьмистишие с философским уклоном. Форма чрезвычайно емкая, позволяющая вложить в себя два, три и более смысла. «Ни дня без философемсы, а то и без двух!» — это стало моим девизом.

Вскоре я издам их отдельной книгой, которую вместе с читателями буду ждать с большим нетерпением.

Несколько философемс мы публикуем с разрешения автора.

Вл. ЛИФШИЦ

Коробка

Моя черепная коробка
Полна всевозможных чудес.
Сейчас, например, эфиопка
Там пляшет в одеждах и без.

Бывает, газету листаю,
Беседую мирно с женой.
А сам средь галактик летаю
В коробке своей. Черепной.

Гены

Поверь, читатель: я вполне земной.
Куда мне от наследственности деться?
Как прадед, квас люблю я в летний зной,
Как дед, зимой люблю пивком погреться,
Как у отца, при виде коньяка,
Моя ладонь другую нежно гладит...
Во мне живут отец, и дед, и прадед —
У генов путь-дорожка далека.

Воображение

Когда гляжу я на хлеба
Под синим небом,
Мне представляются хлеба
Печеным хлебом:
Пшеничным, ситным, заварным,
Орловским, минским,
Обдирным, рижским, аржаным
И бородинским.

Данте АЛИГЬЕРИ

Божественная комедия, или Суший ад
(Авторизованный перевод с латинского Евг. Сазонова)

Песнь тридцать пятая

Я до песен страшно лютый
И охотно услужу.
Дайте мне скорей валюту¹

- 4 Я в страну теней схожу..
Эй, входящие, вниманье:
Здесь оставьте упованья!
7 Ты играй, моя кифара,
Музыкой дари меня.
Мы споем сейчас на пару
- 10 С Франческой да Римини².
Ой, подружка Беатриче,
Это ль не идиллия?
- 13 Ходит Данте твой по Аду
В обществе Виргилия.
Милка Цербер гонит лаем
- 16 Кардинала Николая.
Коля, Коля, Николай³,
В круте третьем погуляй!
- 19 Как у дроли у Харона⁴
На носу сидит ворона.
Прилетела та ворона
- 22 Из-под города Верона.
Мы плывем по Ахерону⁵
По-над нами Южный Крест
- 25 А для кормчего Харона
Homo homini lupus est⁶.
Потому что наш Харон
- 28 Прибыл прямо с похорон.
- 37 А у нашего Аида⁷
Нет садов Семирамиды,
Только нервный тик-с,
- 40 Да речушка Стикс...⁸
От райского от дерева
Эх, накося да выкуси!
- 43 Мы с тобой два берега
У одного Стикса..
Продолжай играть, кифара,
- 46 Эх, да на гулянке!
Дайте в руки гонорара⁹
Золотые бланки!

Песнь тридцать шестая

49

Эх!

*(Печатается с некоторыми сокращениями,
согласованными с Вл. ВЛАДИНЫМ)*

Биографическая справка

Данте Алигьери родился во Флоренции в 1265 году. Евгений Сазонов родился в городе Бараний Рог в 1936 году. В 1302 году Данте из-за интриг своих политических противников переехал в Верону. В 1954 году после окончания средней школы № 18 Сазонов вынужден был переехать в Москву.

Однажды Данте встретил девушку по имени Беатриче, и у поэта возникла глубокая и трогательная по своей наивности любовь. Беатриче рано умерла, так и не узнав об этом, так как Данте она видела всего пару раз, и то мельком. Все это вызвало к жизни и во многом обусловило пафос «Божественной комедии», которую автор писал четырнадцать лет.

Сазонов познакомился со своей будущей женой в парке культуры и отдыха. Они расписались в районном Дворце бракосочетаний 31 декабря 1968 года. Сазонов писал свой «Бурный поток» две недели.

Данте писал свою поэму так называемыми «терцинами» — трехстрочными ямбическими строфами с перекрещивающимися рифмами.

Талант Сазонова-переводчика не смог уложиться в узкие рамки терцин — Евгений раздвинул грани, созданные великим флорентийцем. Автор «Бурного потока» стал переводить «Божественную комедию», по-своему, творчески переосмысливая ее поэтический лад. У Данте тридцать четыре песни. В переводе Сазонова их тридцать шесть. Но в этом-то не только своеобразие, но и ценность нового перевода!

Примечания и комментарии

¹ Неточность перевода. У Данте читается не «валюту», а «лютно».

² Франческа да Римини — любовница Малатеста, брата своего мужа. Муж их за это обоих и убил. В средневековой Флорен-

ции подобные случаи бытовали среди распушенной местной знати. У Евг. Сазонова был вариант перевода.

*Я бы рассказал еще про Малатеста,
Да, к сожалению, и так много текста.*

³ Ошибка. По-видимому, имеется в виду не кардинал Николай, а папа Иоанн. Так что следует читать не «Коля, Коля, Николай», а «Ваня, Ваня, Иоанн»...

⁴ Харон — перевозил души умерших через речку Ахерон (по легенде).

⁵ Ахерон — см. 4 (легенда).

⁶ Homo homini lupus est — человек человеку волк (лат.). Фраза, взятая на вооружение зарвавшимися мракобесами от реакции. На самом деле все наоборот. Неясно, почему Евг. Сазонов не перевел эту фразу в соответствии с исторической правдой.

⁷ Аид — владыка царства теней (легенда).

⁸ Стикс — приток Ахерона (легенда).

⁹ Гонорар — бешеные деньги, выплачиваемые авторам за художественные произведения (легенда).

Раздумины

(в соавторстве с Вл. Бахновым)

1. О пользе серьезной музыки

Однажды я отдых воскресный прервал,
Пойдя на концерт пианиста,
Который в тот памятный вечер играл
Рапсодии Ференца Листа.
Ах, как он играл!
Зал почти не дышал,
Но я опечален был, ибо
Мне музыку слушать ужасно мешал
Мой кашель — наследие гриппа.
Не мог наслаждаться я дивной игрой,
Не мог я отдаться мелодии
И кашлял надсадно во время Второй
Всемирно известной рапсодии.
Мне было неловко. Но дело не в том:
Я кашлял, не ведая даже,
Что запись концерта идет

И потом
Найду я пластинку в продаже.
Купил я пластинку, где этот концерт,
Включил радиолу я дома
И вместе с рапсодией
Где-то в конце
Услышал свой кашель знакомый.
Да, это мой кашель! Конечно же, мой!
Звучал он так ясно, так чисто!
И снова и снова весь вечер с женой
Мы слушали кашель и Листа.
Мне в вечность открылась высокая дверь,
Бессмертием я обеспечен:
Ведь с Ференцем Листом
Мой кашель теперь
В грамзаписи увековечен!

Ходите, товарищи, в консерваторию
И так же, как я,
Попадете в историю!

2. Старое и новое

На плоской крыше синхрофазотрона
Сидела неприметная ворона.
Сидела и не ведала про то она,
Простая недоразвитая птица,
Что там, под ней, проносятся протоны
И за частицей гонится частица.
А я подумал: вот прогресса вехи,
Все изменилось на земле-старушке...
Живи ворона эта в прошлом веке,
На чем она сидела б?
На церквушке.
Сидела бы она, объята дремой,
На избах, крытых ржавою соломой.
А нынче
Та же самая ворона
Сидит на крыше синхрофазотрона!
Прносятся протоны да нейтроны,
Идут в природе всякие процессы,
И если даже, скажем, ты ворона,
Ты все равно зависишь от прогресса!

3. О поэте и его лирическом герое

Во избежанье недоразумений
 Я как поэт скажу вам не тая:
 Лирический герой моих творений
 Отнюдь не то же самое, что я.
 Коль, скажем, я пишу, что стар и сед
 И развожу об этом тары-бары,
 Не думайте, что стар и сед поэт.
 О нет: его герой седой и старый.
 Коль я пишу: мол, на душе тревога,
 Мол, выхожу один я на дорогу —
 Совсем не значит, что ночной порой
 Я сам иду пешком. Нет, слава богу,
 Я за столом сию,
 А на дорогу
 Выходит мой лирический герой.
 И коль пишу я, что иду вперед,
 То, значит, мой герой вперед идет,
 А я — я повторяю вам опять —
 Могу стоять на месте иль лежать.
 Так что оставьте ваши подозренья;
 Что, дескать, я пленен теперь другой.
 Да, я ей посвящал стихотворенья,
 Но в ресторан ходил с ней в воскресенье
 Не я,
 А мой лирический герой!

4. Стихи с недоговорками

По реке по голубой
 Нашу лодочку несло,
 И друг друга мы с тобой
 Понимали с полусло...
 Говорил я на заре
 О любви моей слова,
 И мои стихотворе...
 Тебя очень волнова...
 Мы бродили при луне,
 Был тебе я по душе.
 Почему ж ты вдруг ко мне
 Изменила отноше?...

Иль былое пустяки,
Все забыто от и до?
Иль теперь мои стихи
Для тебя малохудо?..
Нет покою мне нигде,
Изменился я в лице.
Да, мои произведе...
Ты теперь недооце!..
Говорят недаром все:
Ходишь ты с другим уже —
То ли, может, с Вознесе?..
То ли, может, с Евтуше?..
Если так — конец мечте,
Ни к чему теперь слова!
Больше я на эту те...
Не желаю разгова!..

5. В день развода

Я никак, родная, не повинный
В том, что нам расстаться суждено:
Не всегда, увы, две половины
Составляют целое одно.
Два пол-литра — литр, все это знают,
Но должна ты согласиться,
Что
Два полупальто не составляют
Одного единого пальто.
И сложить семью не так-то просто,
Много лет с тобой я горевал,
Но
Два полуострова — не остров,
Два полуподвала —
Не подвал...
Вот и нам не жить семьей единой,
Но не виноват я, видит бог:
Два полуботинка —
Не ботинок,
Два полусапожка —
Не сапог!

Оскар УАЙЛД

Идеальный мужик*(Авторизованный перевод с английского
Евг. Сазонова)*

Действующие лица

Лорд ГОРИНГ

Сэр Роберт ЧИЛТЕРН

Виконт де НОЖДАК

Мисс МЕЙБЛ, его жена

Миссис КРАМБЛ, их дочь

Леди БАДМИНТОН

Лорд ПИПИФАКС

Миссис ЧИВЛИ

ВАСИЛИЙ, дворецкий лорда Горинга

Гости, слуги, лорды, пары, сэры, миссисы, парни и девочки.

Действие происходит в высшем обществе.
В гостиную Пипифакса входит лорд Горинг.

Лорд Горинг. Здравствуйте, сэры.**Сэры.** Здравствуйте, лорд Горинг.**Мисс Мейбл.** Здравствуйте, леди Бадминтон.**Леди Бадминтон.** Здравствуйте, мисс Мейбл.**Чилтерн.** Здравствуйте, виконт де Нождак.**Виконт де Нождак.** Здравствуйте, сэр Роберт Чилтерн.

Все здороваются.

Мисс Мейбл. Леди Бадминтон, вы были вчера в опере
и слушали там оперу Пуччини «Тоска»?

Леди Бадминтон. Последнее время в опере только тем
и занимаются, что поют. Вы не находите?

Мисс Мейбл. Да, и что самое грустное — поют на сцене.

Лорд Горинг (обращается к Роберту Чилтерну и лорду Пипифаксу). А что, хлопцы, не спеть ли нам чего-нибудь?

Лорды дружно затягивают:

Отчего у нас в поселке у девчат переполох...

Входит дворецкий лорда Горинга.

Дворецкий. Сэр, к вам пришли из министерства иностранных дел по поводу вашего вчерашнего выступления в палате общин по поводу этой аферы с Аргентинским каналом, которая после вашей речи должна, безусловно, провалиться...

Чилтерн. Спасибо, Вася.

С улицы доносятся веселые голоса английских парней и девчат второй половины прошлого века.

Играет гармонь. Слышны задорные частушки:

А у сэра у Роберта
До того высокий пост!
Чтобы в этом убедиться,
Почитайте «Морнинг пост»!

Частушки подхватывает леди Бадминтон:

Подружка моя,
Я тебе советую —
Не ходи ты в высший свет
С этою газетою!!

Общее веселье лордов и сэров.

На этом, к сожалению, перевод обрывается.

В соавторстве с Вл. ВЛАДИНЫМ

Евг. Сазонов: книжки очень развивают!

Стенограмма несостоявшегося выступления
на семинаре молодых юмористов

Дорогие товарищи семинаристы!

Прежде всего я хочу сказать, что юмор надо писать смешно. Можно как исключение писать и несмешно, но тогда получается сатира.

Французский писатель Г.Д. Мопассан говорил, что главное у писателя — глаз. В.П. Катаев, полемизируя с этим французом, сказал на семинаре, что ухо — главнее. Я согласен, особенно если у кого очки, а не пенсне. Но в общем, мне кажется, прав и Валентин Петрович, и Ги Де:

нужны и глаз, и ухо — хотя бы по одному. Лучше, конечно, обе пары.

И еще важно писателю иметь руку. Не важно где.

Я к чему это говорю? Я это к тому говорю, что писатель должен активно вторгаться в жизнь. В кино сходиться, посидеть у телевизора, даже иной раз книжку почитать. Книжки очень развивают — становишься начитанным, культурным человеком. Театр тоже в этом смысле неплох.

Но здесь я увлекся — это на секции драматургов надо сказать.

Теперь к вопросу о языке. Язык — очень важная часть писателя, если он умеет им владеть на семинарах и совещаниях.

Плохо также обстоят дела с краткостью — сестрой таланта. Так, например, по сравнению с последним кварталом прошлого года словам стало теснее на тридцать процентов, правда мыслям стало просторней на пятьдесят процентов.

Да, так что же я хотел вам сказать? Писать надо лучше, вот что. Гоголь с Чеховым Антон Палычем как писали? А тоже такие же, как вы, когда-то были молодые, причем люди были не бог весть какого здоровья. А сейчас я иной раз вижу здорового парня, кулак с голову пионера, косая сажень в плечах, а написать мало-мальски приличный роман или поэму не может.

Это я к тому говорю, что лучше писать лучше, чем хуже. Хуже писать хуже.

Вот, собственно, и все. Желаю вам счастья в труде, трудовой деятельности и работе.

В соавторстве с Вл. ВЛАДИНЫМ

Владимир Волин

Современники о Евг. Сазонове

Специальный корреспондент «Клуба 12 стульев» Владимир Волин обратился к известным литераторам и артистам, которым посчастливилось общаться с Евг. Сазоновым, и попросил их рассказать о маститом романисте. Особую ценность представляют мемуары, обнаружен-

ные в сейфе с рукописями Хемингуэя в одном из швейцарских банков.

Публикуем часть этих материалов, в которых облик автора «Бурного потока» предстает во всей своей многогранности, сверкая новыми, еще не стертыми гранями.

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

Сазонов и море

В юности Сазонов учился писать у Гертруды Стайн и Ф. Скотта Фицджеральда.

— «Великий Гэтсби» — неплохая книга, — сказал мне Сазонов и налил стакан виски. — Может быть, даже хорошая книга. Но ей далеко до «Бурного потока». «Бурный поток» — это великая книга. Бедняге Скотту никогда не написать такую.

Он налил второй стакан и добавил:

— Ты тоже неплохо пишешь, Хэмми. Но и тебе далеко до меня. Напрасно ты работаешь босиком, Эрни.

Было хорошо сидеть вот так вдвоем, пить виски и вспоминать старину Скотта. В Вене тоже было хорошо, но там бармен не умел смешивать напитки. В Париже было не так хорошо, как в Вене, но все же лучше, чем в Милане. Я понимал это, и Сазонов тоже это понимал. Мы оба понимали это.

Мы вместе охотились на львов, и в Ки-Уэст, штат Флорида, когда мы поймали шикарную акулу, и в Мадриде на корриде. Он был настоящим парнем, этот Сазонов. Все матадоры уважали его.

— Ты тоже неплохо пьешь, Эрни, старина, — сказал мне Сазонов. — Но все же тебе далеко до меня. Напрасно ты смешиваешь виски с содовой, Хэмми.

Он свалился под стойку и захрапел. Сазонову снились авансы.

Ираклий АНДРОНИКОВ

Загадка «Евг. С.»

(Из устных рассказов)

Однажды в столовой Дома ученых я нашел обрывок бумажки с коряво нацарапанными буквами — «Евг. С.». Дальше было неразборчиво.

Вы не можете себе представить мое любопытство! Я сразу понял, что тут кроется очередная литературоведческая тайна. Что означали эти загадочные буквы?

Первое, что пришло мне в голову, — Евг. Онегин и Евг. Савойский. Но эту догадку после долгих колебаний и сомнений пришлось отбросить: первый, насколько я помнил, был литературным персонажем, а второй — принцем и пропуска в Дом ученых не имел.

Вы не можете себе представить мое огорчение! Но тут меня осенило. Таинственный незнакомец Евг. С. — не кто иной, как Евгений Сю, или, как его называют французы, Эжен Сю — автор знаменитых романов «Агасфер» и «Парижские тайны». Не здесь ли разгадка и моей тайны?

Я быстро собрал чемодан и поехал в Таганрог. Надо вам сказать, что в Таганроге до сих пор живет одна чудесная старушка, обладательница редчайшей, уникальнейшей, единственной в мире картотеки всех известных писателей, от Лукиана до Юлиана (Семенова). Но меня ожидал тяжелый удар. От приветливой старушки, угостившей меня чаем, я узнал, что Эжен Сю скончался еще в середине XIX века.

Вы не можете себе представить мое разочарование! Неужели я так и не узнаю, кто был этот загадочный Евг. С.?

И вдруг — какое счастье! — к моему столику подошел... нет, вы не знаете, что — я — увидел! Плотка — кратер! Небо — купол! Жест — дирижера Штидри! Эрудиция — самого Соллертинского! Голос — как у Сальвини в роли Сальери! И ни одной лишней детали!

Сомнений не было. Всеми этими качествами одновременно мог обладать только один человек — Евг. Сазонов.

Вы не можете себе представить мою радость! И я прошу всех читателей, телезрителей, радиослушателей: подбирайте любую бумажку с подписью «Евг. С.»! Ройтесь в корзинах, на чердаках, ищите в сундуках и рундуках, сохраняйте пожелтевшие фотографии автора «Бурного потока»!

Это наш долг перед историей, перед культурой. Иначе потомки нам не простят!

Люблю Сазонова

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Люблю Сазонова.

Люблю его творчество — устремленное в неизвестность, как гигантская парабола, и причудливое, как мо-

заика. Люблю его стиль — неровный и прерывистый, как буксующий синхрофазотрон. Люблю его грушевидное треугольное лицо. Люблю его фамилию — мне чудится в ней дюралевый запах рыбьей чешуи и буйство красок французских импрессионистов: Сазонов — сазан — Сезанн. Хорошо сказал о нем Маяковский в своих стихах о Верлене:

Один сезон —
наш бог — Ван-Гог,
Другой сезон — Сазонов.

Помню Евгения осенью в Сигулде и весной в Дубултах. Шлепая ахиллесовыми пятками по кромке Рижского взморья, он читал мне вслух отрывки из «Бурного потока». Спасибо!

Однажды в Марбурге мы с ним посетили дом, где жил Гёте. «Его тоже ругала критика», — промолвил Сазонов.

Не люблю критиков!

Владимир СОЛОУХИН

С Сазоновым по грибы

Это лето, как и все предыдущие, я провел в своей деревне Журавлихе. Жена, отчаянно проклиная мою страсть к экспериментированию, сушила боровики и моховики, жарила маслята и опята, тушила строчки и сморчки, солила и мариновала волнушки, свинушки и чернушки. Так продолжалось из года в год, из книги в книгу.

Как вдруг дверь распахнулась, и в избу, с иконой древнего письма под мышкой, вошел Женя Сазонов.

Он смотрел на меня ясными глазами, аппетитно похрустывая ноздреватым подгрудком.

— Исполать тебе, сударь ты мой, свет Володимер, — сказал он, бья челом. — А не сходить ли нам, сударик, в музей какой ни на есть, людей посмотреть, себя показать?

— В музей — оно, конечно, дело полезное для общей эрудиции, — отвечал я, дожевывая рассыпчатый подосиновик. — А все ж по грибы — оно вроде бы способнее. Знатные ноне мухоморы уродились!

И сейчас, спустя много лет, я думаю: а ведь как хорошо, что не пошли мы тогда с Евгением по грибы и не отравились ложными лисичками. Какая была бы утрата для родной литературы! Не видать бы тогда читателям «Бурного потока»!

Обошлось однако.

Аркадий РАЙКИН

Мой школьный товарищ Женя

Это что тут в приемной — опять народ просочился? Ах, по случаю Дня смеха... Ну да, я понимаю... А что это на столах — бутылброды с маслом?

Нет, конечно, я понимаю — в такой день, когда все человечество празднует... По-научному — это вам не понять — банкет называется.

Так что вы от меня хотели, товарищ? Ну не дают! Не дают работать! Ах, вспомнить о Сазонове? Это какой еще Сазонов? Рек-бус! Крок-сворд! Матусовский — помню, Долматовский, Колмановский, Богословский, Курский, Казанский... Ах, школьный товарищ? Нет, не припомню. Сидишь тут, как мальчишка, с пятью телефонами... Я же вас просил чай с лимоном, а вы что принесли? Я сам знаю, что День смеха. А что, горит? Уже смешно!

Так что он там написал, этот, как его фамилии... Роман-то какой, говорю? Ах, «Бурный поток»...

Настоящих-то потоков да-авно нет! Вот раньше потоки были — это да... В тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году, — как сейчас, помню... Весна... Все залило! Все-о! Земли не видно. Это — поток! А у Сазонова что? Нет, вообще-то, конечно, есть кое-что. Но — не то!

Что? Ах, меня уже сняли с работы? Ну еще бы. Женя Сазонов, как не помнить! Вместе в греческом зале... Мы же с ним из одного тамбура вышли. Как вспомню — так вздрогну, как вздрогну — мороз по коже. Бу сделано! Как говорят древние греки — айн унд цванциг, фир унд зибциг, что означает — с Первым апреля!

Ну, с этим вопросом все. Это я сказал, что я предупредил. Таким путем, в таком разрезе. Семья есть?

Привет семье!

Евг. Сазонов

Приветы и заветы

К вопросу о ресурсах. Россия — богатая страна! Если, скажем, всем кандидатам дать попрезидентствовать хотя бы по четыре года — и то мы обеспечены президентами на 48 лет вперед!

К итогам первого тура. Вот собрались в команде претендентов 11 джентльменов — а ведь одну женщину вперед не пропустят!

К предчувствию второго тура. Так и представляется — толкнутся в сених, сшибаясь по старинному обычаю плечами, Зюганов и Путин:

— А ну, давай выйдем? Один на один!

К переменам. Нет, что-то явно меняется! Раньше, к примеру, показывали человека, похожего на прокурора. А теперь показали человека, который на известного террориста ну совершенно не похож!

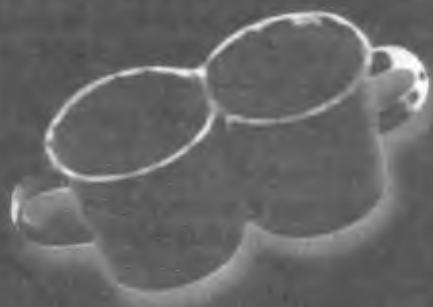
К вопросу о свободе. За десять лет так наглотались свободы, что случись тоталитаризм, поначалу воспримем это с радостным ощущением перемен!

Тринадцатый стул

MICHELLE STONE
BYTED

Тринадцатый стул

Павел Хмара,

третий главный администратор «Клуба 12 стульев»

Трактат о зарубах

Известно, что во всех видах

прессы — прогрессивной и консервативной, раскованной, рискованной и закованной, демократической и тиранической, независимой и ангажированной, — повторяю: во всех видах прессы ежедневно и ежечасно, вяло и энергично, грубо и утонченно, но обязательно постоянно протекает неумолимый процесс отклонения предлагаемых авторами к публикации творений. Назовем условно это отклонение словом «ЗАРУБ». Под заруб попадают и остро-, и тупоумные, и графо-толстовские, и графоманские, и высоко-, и низко-, и вообще не художественные произведения. Мне, редактору с непрерывным 25-летним стажем, хотелось бы познакомить читателя с моим видением такого жестокого и на первый взгляд несправедливого явления, каким является редакционный заруб, и с тем, как он выглядел в «Клубе 12 стульев».

Зарубы — это главная работа редакторов, и по своей сути они явление необходимое и естественное, потому что полезное. Зарубы иногда вызывают упреки в нарушении свободы слова, но только самые дремуче-оголтелые, близорукие и недальновидные оптимисты могут считать необузданную свободу слова признаком демократичности и цивилизованности общества. Если бы такая свобода была так жизненно необходима человечеству, как, скажем, солнце, воздух и вода, как хлеб и — не побоимся этого слова — зрелища, то у означенного человечества быст-

ро пропали бы аппетит, жажда, желание загорать, дышать, плавать, думать и развлекаться! И главное — желание читать! Ибо при необузданной свободе слово нужно было бы давать не только гениям и талантам, не только остроумцам, душелюбам и людоведам, но и графоманам, без достаточного основания считающим себя гениями, душегубам и людоедам, мошенникам, ксенофобам, мизантропам, а то и вообще недоантропам, то есть где-то врагам свободы. А уже давным-давно сказано: «Никакой свободы врагам свободы!».

«Клуб ДС» не исключение из правил и законам, на которых фундаментируются зарубы, подчинялся, как и все. Зарубы в «Клубе ДС», как и у всех, были:

- а) *противно-перестраховочными* и
- б) *вызванными суровой необходимостью*.

К числу противно-перестраховочных с полным основанием можно отнести *идеологические зарубы*, то есть такие, которые подчинены доминанте «нельзя!». Сейчас они почти вымерли, но когда-то доминировали среди всех других видов зарубов. В те времена главенствующее положение в прессе занимали лица, которые четко представляли, что можно печатать, а что — нельзя, и в соответствии с этим знанием разрешали и рубили.

Однажды, только-только начав работать в «Клубе ДС», я обратил внимание на то, что заместитель главного редактора, куратор нашего отдела, добрый, остроумный, образованный, но битый-перебитый за вольности в редакционных делах человек — А.С. Тертерян из материалов, которые мы ему сдавали, засылал в печать только худшие, а лучшие — отклонял. Убедившись в этой закономерности окончательно, я пришел к Тертеряну и горячо посетовал ему на это. Артур Сергеевич грустно и добродушно поглядел на меня как на большого ребенка и ответил: «Пашенька, молодец, умница! Ну что может понравиться такому гнилому интеллигенту, как я? Только то, что нельзя печатать ни под каким видом!». Он постиг науку «можно-нельзя» на собственной шкуре, если уместно так сказать про уважаемого человека. Угроза быть наказанным, вплоть до увольнения, или минимум получить втык реально нависала над всеми редакторами, и те, кому было терять больше, чем другим, всегда были начеку.

В 1979 году, в связи с наступающим пятидесятилетием советской «Литгазеты», было принято решение выпустить ретро-номер, включив в него все лучшее, что можно было в нем уместить. Мне было поручено составить 16-ю полосу. Я перелистал все подшивки с 1929 по 1979 год в поисках лучшего, которое, как известно, враг хорошего. В числе прочего мной были предъявлены критическая статья К. Чуковского и фельетон И. Ильфа и Е. Петрова. От статьи К. Чуковского по закону «можно-нельзя» было отсечено три четверти, а в фельетоне Ильфа и Петрова и вообще не нашлось ничего, что можно было бы по этому закону опубликовать. Острота, которую допускали контролеры в начале жизни газеты, оказалась недопустимой в 1979 году!

Кстати, в фельетоне я прочел о справке, выданной одному литератору «в том, что он является татарским писателем». Справка была действительна по 31 декабря ... года. Какого года, я забыл. Этот анекдотический случай впоследствии вошел в репертуар выступлений отдельных авторов «Клуба ДС», которые представляли эту ситуацию как прочитанную в письме, пришедшем в редакцию. Конечно, это была ложь, но какой невинной она кажется по сравнению с современными лжами!

Вот еще один случай идеологического заруба. Вернее — полузаруба. Во время визита Брежнева во Францию, а Косыгина в Англию (но не в связи с ними!) на 16-й полосе должно было быть опубликовано мое стихотворение «Размышление о чудесах». В стихотворении была такая строфа:

Чуда ждет Бонапарт, видя шаткость имперского трона:
Ах, найти бы для битвы чудесное это плато.
Чтобы смерч налетел и развеял полки Веллингтона!..
Друг мой выиграть хочет пять тысяч рублей в Спортлото...

Эта строфа была изъята из стихотворения в самый последний момент — очевидно, для того, чтобы между нашими державами не вспыхнула какая-нибудь междуусобица! Когда я прочитал, уже в газете, это стихотворение, я был просто раздавлен отчаянием! Стихотворение распалось начисто. Но зато потом, по совету одного из основателей «Клуба ДС» Ильи Суслова, я всегда пытался пи-

сать стихи так, чтобы никакое разрушение их части не приводило к полному развалу. Иногда это мне удавалось.

Идеологические зарубы часто отсекали от публикации очень хорошие материалы. Об этом лучше, безусловно, рассказал бы сам Илья Суслов, который в свое время, не надеясь, как я, на свою память, завел знаменитую папку «НЕТ» и хранил в ней отвергнутые по идеологическим причинам далеко не худшие произведения, попавшие в «Клуб». Некоторым из попавших не суждено было оказаться в числе пропавших, часть их была впоследствии опубликована.

Но кроме противно-идеологических зарубов существовало (и сейчас существует!) много других, из коих некоторые могли бы быть, могли бы и не быть, а некоторые — так необходимы, что без них нельзя обойтись никому, в том числе и «Клубу ДС». Вот они:

Эстетическо-вкусовые. Это когда под заруб идут шутки о тещах, о задницах, жеребьячи шутки патологических сексуалов, считающих, что добротный комический эффект возникает при демонстрации обнаженных половых органов, произведения, начинающиеся тривиальными словами «Вызывает меня начальник...», и т.д.

Настроенческие зарубы — ибо редактор, по не всеобщему, правда, мнению, тоже человек, и зависимость его суждений от всего человеческого (в том числе и от отсутствия чувства юмора) ему, как и всем людям, отнюдь не чужда.

Уровневые зарубы. В них главную роль играет уровень мастерства оцениваемого автора. Уровень никак не должен быть ниже или значительно ниже уровня планки, установленного администрацией «Клуба ДС» в качестве минимально допустимого. Этот заруб часто бывает весьма трудным для редактора. Довольно просто объяснить новичку, что он еще не овладел в совершенстве техникой письма, как, например, Антон Чехов, Владимир Валидин, а также какой-нибудь переводчик ранних рассказов Марка Твена. Или — что ему еще надо поучиться смешить читателей и пытаться заставить их задумываться при этом, как это делали Бомарше, Михайлы Жванецкий, Задорнов и Мишин, не говоря уже про Варлена Стронгина. Начинаящий автор со всем соглашается, заворуженно заглядывая в

рот редактору, и буквально улетает с просветленной душой к своему письменному столу, чтобы следующим своим опусом завоевать если не весь читающий мир, то хотя бы душу окрылившего его редактора. Другое дело, когда нужно пустить под заруб произведение известного, раскрученного, маститого автора, который, осчастливив редакцию, принес ей, грубо говоря, полную фигню, и практически нет таких доводов, которые могли бы убедить его в этом. В данном случае вовсе и не надо убеждать автора в том, что его постигла неудача: мэтр просто вас и не поймет, это у него не уместится в его раскрученных мозгах. Здесь уместнее обеспечить комфорт пребывания мэтра, объяснив ему, что опус его слишком смелый, опередивший время и только поэтому стоящий в стороне от задач, до которых редакция еще не доросла. Таким объяснением заруба удовлетворится любой автор и уйдет спокойно ожидать того времени, до которого миру еще надо дорасти, чтобы по достоинству оценить выдающееся, но пока не принятое произведение. Однако если потом вам перескажут слова гиганта мысли о том, что вы ущемили его право на свободу слова и что вы трусливый перестраховщик, — не удивляйтесь и не огорчайтесь: за все приходится платить.

И, наконец, существует самый жестокий вид заруба, который можно назвать количественным зарубом, поскольку главную роль здесь играет именно количество материалов — претендентов на публикацию. В «Клубе ДС» всегда был большой избыток такого рода материалов. Низкая пропускная способность 16-й полосы в совокупности с бурным потоком писем из всех концов нашей державы и из других — дальних, а особенно ближних зарубежных — стран, материалы, приносимые многочисленными авторами непосредственно в редакцию, создают эффект стихийного бедствия даже тогда, когда речь идет не о стихах, а о прозе. Нередки случаи, когда собранных опусов хватило бы на тридцать лет непрерывных публикаций, даже если бы за эти годы никто не предложил бы отделу ни единой строчки. Истинная беда была в те годы, когда, имея тираж шесть миллионов, «Литгазета» получала двенадцать тысяч писем в месяц, четыре тысячи из которых были адресованы «Клубу ДС»! Это значит, что минимум четыре тысячи худпроизведений в месяц (если считать, что

в каждом письме — по одному, что бывает крайне редко) претендуют на роль опубликованных. При пропускной способности сорок — и тоже в месяц! То есть один процент! А если учесть, что половина публикуемого составляет принесенное в редакцию помимо почты — то полпроцента! Приходилось пускать под заруб почти все, оставляя самое-самое лучшее, которое, дорогие читатели, вы и читали, да и продолжаете читать. Так что если уровень публикаций кого-то не удовлетворяет — значит, их не удовлетворяет состояние сатиры и юмора в стране! А мы, редакторы, только отражаем это состояние. Но сейчас оно — просто блистательное! Хотя, как говорят, и не безнадежное. Так что, несмотря на все зарубы (а может, благодаря им!), мы с вами еще посмеемся! Лучше, конечно, над собой.

Илья Суслов

Из «Эссе о цензуре»

Чтоб у нас в карманах было столько купюр, сколько их в этой книге.

Надпись на книге друга

Как-то так случилось в моей

жизни, что я все время имел дело с цензурой. Для человека, родившегося и выросшего в России, это само собой разумеющееся явление — ну как же без нее? Это не изобретение советской власти. Цензура была придумана еще в XIV веке Папой Урбаном VI, который постановил, что можно пользоваться только теми книгами, которые не содержат ничего противоречащего догматам церкви. С тех пор все догматики пользуются услугами цензуры. Сегодня цензура, если процитировать Большую советскую энциклопедию, — это «контроль официальных властей за содержанием, выпуском в свет и распространением печатной продукции, содержанием (исполнением, показом) пьес и других сценических произведений, кино-фотопроизведений изобразительного искусства, радио- и телевизионных передач, а иногда и частной переписки, с тем, чтобы не допустить или ограничить распространение идей и сведений, признаваемых этими властями нежелательными или вредными».

По способам существования цензура делится на предварительную и последующую. Предварительная предполагает необходимое разрешение на выпуск в свет книг, постановку пьес и т. д., последующая заключается в оценке уже опубликованных, выпущенных изданий, поставленных пьес и т. д. и принятии ограничительных мер в отношении тех, которые нарушают требования цензуры».

Далее там же сказано, что в России цензура зародилась в XVI веке (отстаем, как всегда, от передовых стран)

и была постоянным оружием царского правительства в его борьбе с революционным движением, демократической литературой и публицистикой.

Что же касается Советского Союза, то никакой цензуры и быть не может, потому что Конституция СССР в соответствии с интересами народа гарантирует гражданам свободу слова. Вместо же цензуры установлен государственный контроль, чтобы не допустить опубликования в открытой печати и распространения средствами массовой информации сведений, составляющих государственную тайну, сведений, которые могут нанести ущерб интересам трудящихся».

Под государственной тайной здесь подразумевается правда, а под трудящимися — партийная верхушка. Что, по-своему, тоже правда, потому что они много работают.

Такой длинный научный экскурс в историю вопроса я предпринял потому, что энциклопедия ничего не сказала о самом главном виде цензуры — самоцензуре, которая и является ведущей силой советской общественной жизни. Она подразумевает то обстоятельство, что народу в целом и его интеллигенции в частности уже внушен достаточный страх, и человеку разрешено думать одно, а говорить другое. Один гражданин, помнится, пришел к врачу и пожаловался на эти симптомы:

— Понимаете, доктор, говорю одно, думаю другое, а делаю третье.

Доктор послушал и сказал:

— Извините, но от марксизма мы не лечим.

Так что это явление — самоцензура — целиком советское. При царе его не было. А может, было?

Я стал копаться в литературе, чтобы узнать, как они тогда работали, сатирики и юмористы, что им разрешали, а что нет. Кто их вызывал, кто на них орал, кто им грозил и кто запрещал. Я это сделал, чтобы сравнить с живой жизнью советской литературы спустя пятьдесят — шестьдесят лет после революции. И, конечно, хотелось посмотреть, как это удавалось сатирикам писать так смешно и остро.

Как известно, в 1905 году «царь испугался и издал манифест». В учебниках немножко туманно рассказывалось, что же это за манифест такой. Обычно партийные

историки разъясняли, что манифест заключался в том, чтобы «мертвым — свободу, живых — под арест». И все. Школьник, конечно, представлял себе, что все живые граждане России отправились в тогдашний ГУЛаг, а почивших в бозе каким-то образом реанимировали и выпустили с кладбищ на свободу.

На самом же деле гражданам тогдашней России даровались гражданские права, в частности свобода печати. Революционеры открыто продавали свои газеты. Цензура была отменена. Сатирики и юмористы разыскивали друг друга и в 1908 году открыли журнал «Сатирикон» (с 1913 года — «Новый Сатирикон»). Правда, цензура все-таки имела место: царь упросил при составлении манифеста 1905 года, чтобы в печатных изданиях не было персональных насмешек над ним и его супругой. Чтобы на картинках не изображались члены царствующей семьи в похабном виде. Пожалуйста уж. В виде исключения. А так — все можно. И цензор просматривал «Сатирикон» с этой точки зрения.

И прямо-таки видится картинка: издатели «Сатирикона» г. г. Аверченко и Корнфельд приносят цензору сигнальную верстку свежего номера журнала «Сатирикон». Цензор, какой-нибудь там сенатор, в расшитом золотом камзоле, в лайковых перчатках, седовласый, с моноклем, рассматривает листы. Корнфельд и Аверченко презрительно за ним наблюдают.

— Ну что же вы, господа, опять за свое? — устало спрашивает цензор. — Ведь сказано уже в тысячный раз, что нельзя особ императорской фамилии изображать в таком, как бы это получше выразиться, неприглядном виде. А здесь у вас карикатура на ее императорское величество Александру Федоровну. Да и как гадко! Она же не публичная девка, как у вас здесь показано, а царица, — ну откуда у вас такое неуважение? Неприлично, господа...

— Ах так! — говорят Корнфельд и Аверченко. — Запрещаете, значит? Выходит, никакой свободы и нет? Мы подчиняемся насилию. Но не подумайте, пожалуйста, что мы с этим согласны!

Сенатор кивком головы отпускает журналистов. А те хватают пролетку и, хохоча во все горло, прилетают в редакцию.

— Сняли! — радостно говорят они. — Скорее выньте эту грязную карикатуру из набора!

Метранпаж вынимает клише карикатуры, и журнал выходит в свет с... белым пятном.

И читатель — ох уж этот наш русский читатель-либерал! — читает «Сатирикон» и, вытирая усы после шампанского, говорит знакомому в ресторане «Славянский базар»:

— Нет, вы только посмотрите, как замечательно проехался «Сатирикон» по язвам нашей жизни! И все так точно, так смело! А это белое пятно? Здесь, верно, уж такое было пропечатано, что эти псы цепные из царской охраны испугались пропустить! Нет, положительно настало время избавиться от проклятого царского режима! Ведь до чего доходит...

А этого только и нужно было предприимчивым Корнфельду и Аверченко! И журнал расходился, как пончики на углу Невского! (...)

Я стал редактировать «Клуб 12 стульев» «Литгазеты».

В общем, мне очень повезло. Никто не требовал от меня непосредственных цензурных функций. Предполагалось, что прямой сатиры, непосредственно обличающей порядки, основы, политику, никто и не напишет в подцензурную печать. Поэтому мне как редактору разрешали «подсовывать» те или иные вольности, написанные, впрочем, эзоповым языком. На фоне онемевшей литературы и это было довольно смелым и растущим явлением. Литература заговорила языком иносказаний. Скажем, если это был рассказ о евреях, то вместо слова «еврей» ставилось слово «бухгалтер». И если цензор улавливал смысл рассказа, то он его запрещал, а если нет, то рассказ и проходил, а съевший собаку на иносказаниях читатель хихикал и улыбался, многозначительно покачивая головой. А у меня всегда было оправдание перед начальством, которое, разнюхав смысл той или иной «эзоповщины», могло сделать мне выговор за «протаскивание», как они говорили, «антисоветчины». В таком случае я спрашивал: «Где, покажите мне, где здесь антисоветчина?» Они, скажем, говорили: «Вот здесь, если заменить слово «бухгалтер» словом «еврей», то получится вполне

антисоветский рассказик. И зачем вам это нужно? Хотите слететь с работы?» В ответ они получали полную дозу симулянтской редакционной истерики с воплями о том, что уже совершенно невозможно работать, что уже доказались до мерзких, в сталинском духе, подозрений, что таким глупым образом можно заменить любое слово и исказить любое произведение, и до чего нужно дойти, чтобы подумать, что бухгалтеры — это евреи, и при чем тут евреи, у вас в голове одни евреи, я сам еврей, и что же вы хотите этим сказать, что я бухгалтер, что ли, дались вам ваши евреи, ни о чем другом и думать не можете, позор!

И уставший начальник, повертев рассказ в руках, говорил, что нечего тут орать, ничего особенного он в виду не имел, и если я хочу напечатать этот чрезвычайно слабый, не делающий мне чести рассказ о бухгалтерах, то пусть он идет, черт с ним! Но если уж будет сигнал сверху и его подозрения относительно евреев оправдаются, то уж тогда я буду пенять на себя.

Рассказик проходил в газету. Как говорится (и было напечатано): если нельзя, но очень хочется, то можно.

Цензура съедает душу художника. Художник хочет так или иначе рассказать правду или то, что кажется ему правдой. Правда, даже самая маленькая, обладает способностью к обобщению. А этого, по цензурным соображениям, делать нельзя. Первое правило цензуры: не обобщать! Художник может сказать правду, но она должна носить узкий, местный, локальный характер. Нельзя создать рассказ об алкоголизме в России и его причинах, а можно написать рассказ о пьянице Сидорове, слесаре домоуправления № 6. Не обобщать!

Однажды Григорий Горин принес нам рассказ, который назывался «Потапов». Рассказ о суетности, лицемерии, душевной черствости современного городского жителя. Рассказ был очень сильный. И смешной, как многие рассказы этого писателя. Опытный Горин так записал свое произведение, что никакие «пристежки» типа «инженер одного из заводов Потапов», или «архитектор Потапов», или «слесарь Потапов из города Семисбруйска» не могли изменить обобщенности этого образа. И цензор долго мялся: рассказ нравился, но обобщение не давало

цензору покоя. Он переставлял рассказ из номера в номер, пока я не сказал ему:

— Ну что вы мучаетесь? Хороший рассказ, революции из-за него не случится. Чего вы боитесь?

— Надо снять обобщение, — сказал он. — Как насчет названия?

— А что?

— «Потапов». Это обобщает. Не все же у нас Потаповы, верно?

— Не все же у нас Клим Самгины. А книга называется «Клим Самгин». Не все же у нас Анны Каренины...

— Так то когда было! — сказал он. — Подумают, что мы обобщаем. Придумайте название — пропущу.

— Как насчет названия «Как жаль, что у нас еще встречаются такие Потаповы!»?

— Это хорошо, но подумают, что мы сами себя высмеяли. И сама фамилия какая-то обобщающая...

— Как насчет «Иванов»?

— Не морочьте голову!

— Чуждое название для рассказа: «Рабинович», а? И никаких обобщений!

— Думаете, смешно?

— Как насчет «Остановите Потапова!»

— Вот! — сказал цензор. — Вот оно! Гениально! Это то, что надо. Во-первых, активное отношение к отрицательному явлению. Во-вторых, снято обобщение, которое могло бы войти в историю как «потаповщина», потому что, что греха таить, все мы такие. Подписываю рассказ к печати. Ведь можете, когда захотите!..

Один из цензоров сказал мне: «Чем ночь темней, тем ярче звезды. Не будь нас, засияли бы имена Платонова, Пастернака, Булгакова, Бабеля, Зощенко Ахматовой, Есенина, Цветаевой? Не будь нас, валили бы вы на спектакли Любимова и «Современника»? Мы оттачиваем вашу мысль. Мы дисциплинируем ваше мышление. Мы заставляем вас находить новый в мире способ самовыражения. Ну что бы делали твои юмористы, если бы мы все разрешали? Что было бы в их произведениях, кроме набившего оскомину «долгой советской власти»? А с нами они должны вынашивать свои репризы, гранить, как алмаз, свои афоризмы, чтобы и мы не придрались, и пуб-

лика смеялась. вдумавшись во второй, глубинный смысл фразы. Посмотри, много ли на Западе острых философских карикатур, какие ты печатаешь? Много ли там талантливых сатириков, над которыми ты смеешься, как над нашими доморощенными? Все у них на Западе на поверхности. У нас же все в глубине, глубине, в подтексте, в душе. И все благодаря нам!»

Цинично, конечно. Но и не глупо. Ибо писатель наш настолько привык, что его не пропустят, что и мыслит уже цензурными категориями. Теперь общество живет по завету Салтыкова-Щедрина: «Интеллигент! Не самодонесись!»

Самоцензура! Каким смелым и искренним ты делаешь человека! Однажды, в начале семидесятых годов, «Литературная газета» проводила читательскую конференцию в Библиотеке Ленина. Все мы вставали и рассказывали о планах своих отделов, поэты читали стихи, юмористы хохмили. Все было как обычно. Потом пошли записки и ответы на них. Я сидел за А.Б. Чаковским. Записки читал его заместитель В.А. Сырокомский. Одну из записок он показал Чаковскому. Я из-за плеча прочел. Там было написано: «Почему вы не печатаете Солженицына?»

— Разорвать? — спросил Сырокомский.

— Зачем же? — сказал Чаковский. — Я отвечу. Учитесь.

Он встал и сказал:

— Вот сейчас пришла записка. Правда, без подписи. Анонимная записка. Тут спрашивается: «Почему вы не печатаете Солженицына?» Вообще-то в нашей советской жизни не принято отвечать на анонимные записки. Я обычно свои подписываю. Так уж водится у порядочных людей. Конечно, можно было бы и не отвечать. Но, может быть, человек просто забыл поставить свое имя? Кто это написал?

Никто не встал.

— Вот видите, — продолжал Александр Борисович, — такие уж у нас смелые «революционеры». Они ставят острые вопросы из-за угла, чтобы их самих не было видно. Но я все же отвечу на этот вопрос.

Видите ли, когда Солженицын написал «Один день Ивана Денисовича», я, как и вся наша партия, был за его публикацию. В этом произведении правильно ставился

вопрос об ошибках, допущенных в годы культа личности. Но с тех пор Александр Исаевич написал немало других произведений, которые совершенно с других позиций оценивают нашу с вами жизнь. Он стал, не побоюсь этого слова, врагом нашей партии и демонстрирует это в каждой своей книге. Вы их не читали, товарищи, а я читал! И утверждаю, что это произведения, враждебные нашему строю, моей стране и моей партии. Ответьте же мне — могу ли я, как член партии, поставившей меня руководить газетой, печатать произведения, с которыми в корне не согласен? Почему я должен печатать писателя, поднимающего руку на мою партию? Я не против того, чтобы Солженицын отнес свои м-м... произведения в любой другой орган печати. Быть может, найдется редактор, разделяющий его взгляды. Пожалуйста, на здоровье! Но я не хотел бы видеть в моей газете произведения человека, чьи взгляды вызывают у меня отвращение!

Раздались бурные аплодисменты. Читатели по достоинству оценили смелость и искренность Александра Борисовича.

Чаковский вернулся на свое место за столом президиума и, улыбаясь, сказал Сырокомскому:

— Понятно? Вот так с ними нужно. Учитесь.

Совсем забыл: в нашей редакции было два буфета: один для А.Б. Чаковского, а второй — для всех.

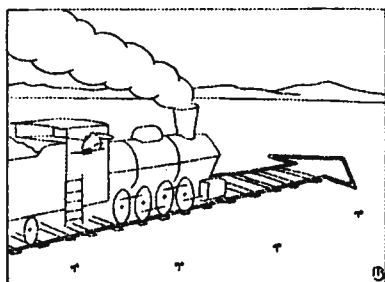
Картинки с выставки

Однажды я попал в студию Кукрыниксов. Она занимала последний этаж дома № 8 на улице Горького в Москве. Там они работали. Я приехал к ним заказать политическую карикатуру для 16-й страницы «Литературной газеты», где я работал. Вообще-то с самого начала новой, «толстой», «Литературки» мы решили, что карикатуристы старой, советской школы должны оставаться там, где они есть, — в «Правде», в «Известиях», в «Крокодиле». А мы уж обойдемся теми, кого воспитаем «в своем коллективе». И вокруг нас образовался узкий кружок молодых талантливых художников, которые любили не только рисовать, но и думать: Вагрич Бахчанян, Вита-

лий Песков, Владимир Иванов, Игорь Макаров и еще несколько человек...

Кукрыниксы и Борис Ефимов появлялись тогда, когда нельзя было печатать «своих»: «в день 7 Ноября», 1 Мая... Перед этими революционными праздниками начальство вызывало меня и говорило: «Не будем же мы поганить нашу газету вашими антисоветчиками в дни торжеств. Попросите Кукрыниксов украсить вашу гнусную страницу чем-нибудь выдающимся». И я ехал к Кукрыниксам...

В самом деле, можно ли было напечатать в газете Седьмого ноября такую, скажем, карикатуру?

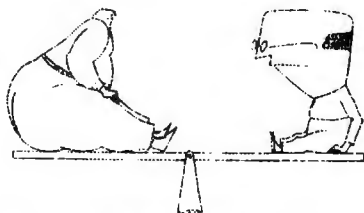
Общий тон картинки не очень-то радостный. Невольно вспоминается песня:

Наш паровоз, вперед лети,
В коммуне...

А что — «в коммуне»? Остановка. Почему? Художник и показывает вам — почему. Можно это печатать «в день 7 ноября»? Нельзя. А в другие дни — можно. Даже в советской печати. Потому что такие ассоциации всплывают в дни революционных праздников, а в обычные дни можно надуть даже бдительную советскую цензуру. Все карикатуры, которые я вам здесь продемонстрирую, были напечатаны в разное время в «Литературной газете» и в сборниках «Клуба 12 стульев», которые нам удалось издать еще при моей жизни в Советском Союзе. Перелистывая сегодня эти сборники, я вспомнил истории многих рисунков и решил рассказать их вам. Я не буду называть фамилии карикатуристов, потому что многие еще живут там. И те, кто там живет, даже и не догадывались, какой смысл в их произведениях вкладывали некоторые читатели.

ли и те, кто «проталкивал» их на 16-ю страницу «Литературы». Так что никакой ответственности эти художники не несут. Всю ответственность я беру на себя. Тем более что прошло уже довольно много времени...

Вот, скажем, была напечатана такая карикатура:

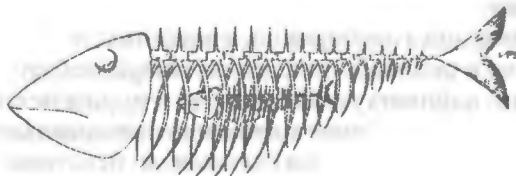
Что бы это значило? Весы. На весах сидит человек с большой головой. В очках. Интеллигент, наверное. На другой чаше весов сидит человек с большой... этой... задницей. Головка маленькая. Мозгов нет. Весы в равновесии. Место действия — Россия.

За неделю до этого во всех газетах страны были напечатаны письма трудящихся, клеймивших «врага народа» — оторвавшегося, изменившего, предавшего и т. д. — А. Солженицына. Рабочие, колхозники, писатели, студенты и учащиеся не могли не выразить через нашу изумительную прессу своего отношения к «отщепенцу», «власовцу», «агенту» и т. п., которого они, разумеется, не читали.

На следующий день ко мне пришел художник И. и принес эту карикатуру. «Ну, это, предположим, Солженицын, — сказал я. — Или Сахаров. А это кто?» — «Народ, — сказал художник. — Это весь наш могучий и добрый народ». — «А как я это объясню начальству?» — «А никак, — сказал он. — Начальство до этого не додумается».

И верно. Так и было напечатано.

Нас очень занимала мысль о подавлении творческого процесса в Советском Союзе. Писать об этом было нельзя. Говорить — нельзя. А шутить? Вот, скажем, такая шуточка:

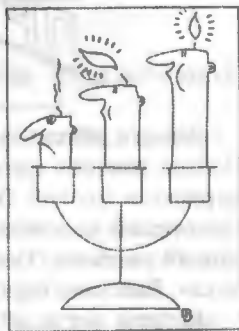
В ней не сказано, что социализм — мертв и культура его поэтому мертва. Не сказано, но показано. И имеющие глаза — видели.

Русская пословица гласит: «Что написано пером, не вырубишь топором». Ну почему же не вырубишь? Очень даже вырубишь, что и показано на следующей карикатуре:

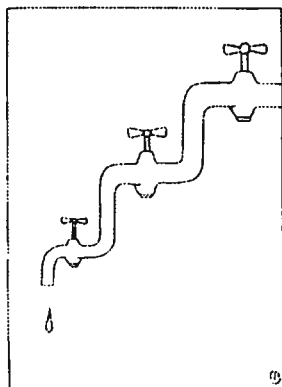

Вообще, топору в нашей жизни мы всегда уделяли большое место. Однажды в «Клубе 12 стульев» напечатали такую фразу Станислава Ежи Леца: «Целый день я не мог вспомнить слово «гильотина»: голова защищалась». Художник принес свой «афоризм», наглядно показывающий, что делает цензура с теми, кто пишет правду.

Западному читателю такого рода карикатура покажется обычной и даже банальной. Он не знает, чего могут стоить автору вызываемые им ассоциации и мысли.

Картинка рядом наглядно показывает, что один человек в России делает с другим, особенно в области литературы, искусства, науки и техники. И в других областях нашей замечательной жизни.

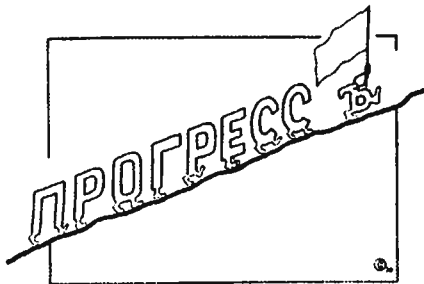

Если кому-то рисунок на предыдущей странице покажется не вполне убедительным, предлагаю другой на ту же тему и тоже опубликованный там.

Перестаньте, скажут мне скептики, — ну какая же это сатира? Это так, эзопов язык... Именно, скажу я, именно, любезнейшие! Эзопов! А на каком еще языке может разговаривать в России онемевший народ? На нем, на единственном, на эзоповом. В последние годы и на нем

не дают говорить... Нечего держать фигу в кармане в стране победившего социализма, неуклоннодвигающейся вверх по дорогам прогресса!

Прогресса? Уж не того ли, что я покажу вам ниже? Ну-ка, приглядитесь, кто несет флаг этого, с позволения сказать, прогресса?

Знаете дяденьку из агитпропа? А где ж у него лобик? Лобик, говорю, где? То место, где у приматов обычно содержатся мозги? Тю-тю. Ушло. Генетически новый тип. Советский человек. Без лобика. Говорят, недавно вышел новый учебник. Называется «Анатомия советского человека». Вот там, вероятно, описан этот феномен.

Кстати, когда я был в последний раз у Кукрыниксов, очень они ругали моих художников с 16-й полосы. Они говорили о молодежном радикализме и о неумении рисовать. Они втроем хватали карандаши и мгновенно рисовали типаж, выдуманные моими молодцами. И рисовали очень

похоже. Ага, думал я, пронялю вас, видите, где собака зарыта. А Кукрыниксы рассказывали, что в их время огромное внимание уделялось рисунку, а темы уже были вторичны. И как бы нам не попало, когда наверху поймут, что это обобщенный образ советского чиновника, — а обобщать нельзя! Нельзя, говорили Кукрыниксы, а я все оправдывался и повторял, что вовсе это не обобщенный, кого ж нам обобщать, это все частности, частные проявления незначительных недостатков, завезенных нам с Запада или оставленных проклятым прошлым. Я обещал, что буду уделять больше внимания юмору, чтобы все животики понадорвали от смеха. И это очень правильно, говорили Кукрыниксы.

Тогда я для смеха напечатал такую карикатуру:

Вообще-то я не любил карикатуры с подписями. Подпись — это будущие неприятности. Когда нет подписи, каждый думает что хочет. А подпись очень конкретна. Она в СССР опасна. Эта карикатурка была напечатана.

Утром раздался звонок:

— Что же вы усы не нарисовали?

— Кому?

— Царю.

— Почему — усы?

— А потому что это намек на Сталина. Это у него мать была прачка, а отец — сапожник.

— Что же вы хотите сказать, что Сталин был царем?

— Это не я хочу сказать, это вы хотите сказать!

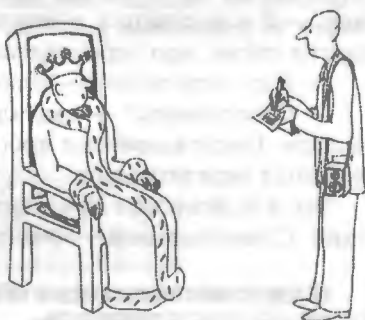
Допер, проклятый!

— Как вам не стыдно, товарищ! Такое подумать о советской газете! Каким испорченным воображением надо обладать, чтобы подумать, что Сталин был царем!

— Ладно, ладно, не заговаривайте зубы, и так все понятно. Будут неприятности — приходите, накормлю супом.

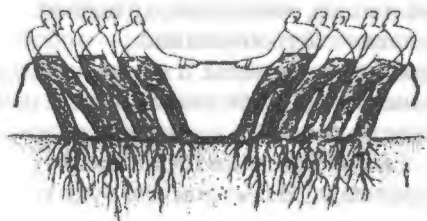
— Спасибо, милый!

Как-то мы разговорились у себя в отделе о Политбюро. Как они там живут наверху? Как решают вопросы?

— Мать моя была прачкой,
отец — сапожником.

На каком языке говорят? Как вы это себе представляете? Художник слушал-слушал наш треп, а потом сел за стол и нарисовал картинку:

— О чем это вы, товарищ? — строго спросил я. — На что это вы, так сказать, намекаете?

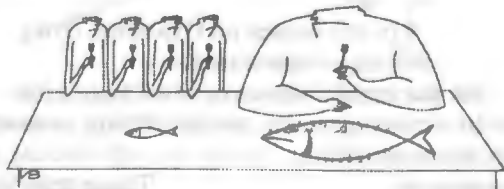
— Ни на что! — глядя прямо в глаза, ответил художник. — Я и не слышал, о чем вы там говорили. Это просто шутка такая, про перетягивание каната.

— А кто эти люди? — спросил я.

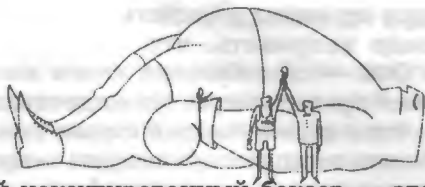
— Спортсмены! — сказал он. — Не очень хорошие, правда. Видите, как они вросли в землю. Наверное, давно канат перетягивают.

Так я и объяснил начальству. Так оно и было напечатано. С начальством — чем глупее, тем лучше.

И вдруг интеллигенция обрела голос! Это случилось в Чехословакии в 1968 году. Все началось, естественно, с экономического положения, которое нам представлялось таким:

Большой человек — это Советский Союз. А эти, с вилочками, — страны народной демократии. У большого человека — большая рыба. Он большой — ему больше нужно. А на остальных — маленькая рыбка. И скажите спасибо. И тут случилась Чехословакия! И мы уже видели все в таком радужном свете, что поместили такую карикатуру:

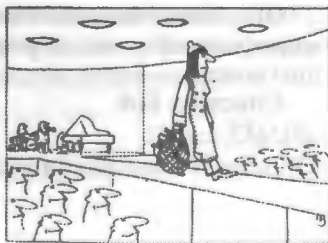
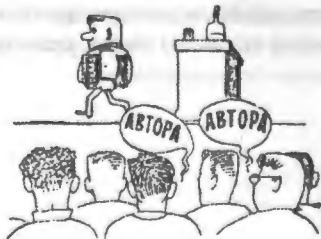
Большой нокаутированный боксер — это кто? Правильно. А маленький? Видите, как вы все теперь легко расшифровываете. Да и в те времена это легко читалось. Правда, не всеми, потому что в ином случае эти картинки никогда бы не увидели света. Я еще раз напоминаю, что все рисунки, которые я сегодня воспроизвожу, были в свое время напечатаны на 16-й странице «Литературной газеты».

Мы тогда думали, что чешская «зараза» непременно перекинется в СССР и мы наконец избавимся от таких руководителей:

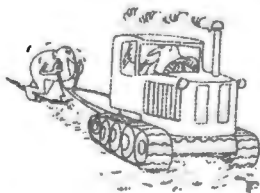

...от таких докладчиков...

...от таких «мод».

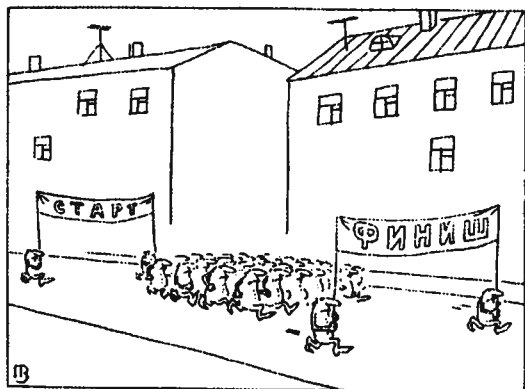

Мы надеялись, что наше сельское хозяйство сможет наконец работать не так, как показано на этой карикатуре.

Карикатура призвана улучшать нравы. Она показывает, что надо исправить, что стало смешным или страшным. Она — своеобразная книга жалоб народа. Она призывает принять меры. Но когда стало совершенно понятно, что в нашей бывшей стране не карикатуристы смеются над негодяями, а негодяи — над карикатуристами, что все наши «эзоповские» фиги в кармане, все наши экивоки — это стрельба горохом в стену, что ничего изменить нам не дано, мы решили уехать оттуда.

И Россия осталась одна строить коммунизм. Она осталась вот такой:

Она бежит на дальнюю дистанцию, и нет конца этому марафону, ибо «нет у революции начала, нет у революции конца».

Спаси их Бог.

К «Картинкам с выставки»

В «Клубе 12 стульев», как всегда, бурно протекал рабочий день, шла интенсивная подготовка очередной шедевральной 16-й полосы, которая в очередной раз должна была потрясти мир. И в это время подошел Юрий Кушак, который значится в выходных данных этой книги как главный редактор Антологии.

— Паша, — произнес подошедший громко, зная, что в «Клубе ДС» никогда чиновничество не принимало патологического характера и постороннего начальника могут даже не услышать. Страхивая последние признаки дремоты, я прислушался. — Паша, — назойливо продолжал вошедший, — а не помнишь ли ты, как в «Клубе ДС» проходил один ставший скандальным рисунок какого-то француза — летящий лебедь, которого задушила змея: голова лебедя болтается вниз, а вместо нее — летящая вперед змея, будто лебедь — это она сама и есть. Не помнишь?

Я не помнил. Это было досадно, но пришлось в этом сознать, что привело вопрошателя в крайнее расстройство. Чтобы хоть чем-то его успокоить, я сказал ему, что, может быть, об этом помнит Илья Суслов, проживающий на Вашингтонщине вот уже более четверти века. Недавно, постигая электронную почту, я достал его координаты и общаюсь с ним время от времени через Интернет. И на следующий день я снял с принтера ответ Ильи Петровича Суслова, да продлятся его годы самым счастливым образом на долгие времена!

Павел ХМАРА,
старший аксакал «Клуба ДС»

Читателю предлагается фрагмент письма И. Суслова к П. Хмаре:

«...Что касается картинки с лебедем, то, конечно, я ее помню («вы все, конечно, помните...»). Это было около 1968—1969 года. Художник был француз по фамилии

Топор. Покойный Артур Сергеевич Тертерян* не хотел ее пропускать. Он спрашивал: «И что, Илюшечка, какую именно подлятинку вы имеете в виду, подсовывая эту картинку?» И я говорил: «Это очень даже обидно, А.С., слышать от вас такое. Сейчас вы скажете, что эта змея — наши руководители, а лебедь — наша экономика? Это вы хотите мне пришить? Не получится. Потому что художник — француз, понятия не имеющий о нас или о вас. Это картинка про амбициозную змею, желающую выполнять обязанности лебедя. Вот что я хотел сказать: об исполняющих обязанности». — «И это смешно? — спросил Тертерян. «Нет, — сказал я, — это довольно страшно. Представляете, что кто-то еще может выполнять мои обязанности?» Тертерян сказал: «Надеюсь, это когда-нибудь случится» — и пропустил картинку Топора. Замечательная, надо сказать, была картинка. Обнимаю, твой Илья».

Рожденный ползать летать не может?

*А.С. Тертерян — один из заместителей главного редактора «ЛГ».

И битвы, где вместе...

Я попал в «Литературную газету» совершенно случайно. То есть, конечно, некая цепь событий этому предшествовала, но поскольку никаких закономерностей в Советском Союзе быть не может, то все выглядело как чистая случайность.

(...) Когда журнал «РТ» разогнали, я уже работал в Радиокомитете. И у меня была замечательная должность: старший редактор Объединения приключений и фантастики Центрального телевидения. Представляете? Сиди себе и экранизируй приключения. И научную фантастику. Рей Брэдбери. Кларк. Стругацкие. Уэллс. Дюма-отец. Дюма-сын. Брежнев. (Нет, это совсем уж фантастика.)

Но до того в том проклятом «РТ» под моим началом служил здоровенный рыжебородый парень Витя Веселовский, человек хороший и жизнелюбивый. Он в свое время женился на дочери адмирала флота Харламова, вступил в партию и мог в связи с этим возглавлять отделы, организации и учреждения. И когда разогнали «РТ», он пошел служить в только что организованную новую «Литературную газету», выпускаемую вместо старой газеты с таким же названием. И он позвонил мне и сказал:

— Ну что ты сидишь на своих приключениях? Идем со мной работать в новую «Литературку». Они хотят устроить отдел сатиры и юмора. Я буду зав, а ты зам. Ты же сам знаешь, что не так страшен зав, как его зам. Но я сознательный и партийный, а ты... Сам знаешь, кто ты. (...)

Я ему сказал:

— Витя! Я еврей, но беспартийный. Кто ж меня такого возьмет?

— Берут! — убежденно сказал Витя. — Набивают нашим братом всю редакцию. Говорят, что газета должна быть настоящей. И профессиональной.

— Ну тогда другое дело! — сказал я. — А как же Чаковский на это смотрит? Ему же в ЦК печенку вырвут.

— А Чаковского никто и не знает. Все дела ведет Виталий Сырокомский, его первый зам. Он из «Вечерки» при-

шел. На анкету не смотрит, смотрит только на деловые качества.

— Он не псих?

— Не знаю. Я о тебе говорил. Он просил зайти.

Это было в декабре 1966 года. Газета должна была выйти 1 января 1967-го.

Я пошел к Сырокомскому. В приемной уже сидел Витя. Он был трезвый и собранный. Мне дали анкету. Я заполнил. Ничего хорошего я не ждал. И не очень волновался, потому что у меня была работа. Помните? Фантастика... Приключения...

За столом сидел невысокий плотный молодой господин в золотых очках. Не поднимая глаз, он сказал:

— Мне о вас много говорили. Говорили, что вы хороший работник. Нам нужны хорошие работники. Вы приняты. Надеюсь, вы не подведете нашу газету. До свидания.

Я был поражен. Вот это стиль! Наверное, в Америке так разговаривают руководители корпораций с нанимаемыми служащими. Где это он так наблатыкался?

— Это все? — спросил я. — А зарплата какая? А должность?

— В нашей газете это не главное! — отрезал он. — Главное — любовь к делу и энтузиазм. Мне говорили, что вы энтузиаст. Зарплата будет хорошая. Должность — заместитель заведующего отделом.

Я вышел. Виктор остался. Наверное, в эту минуту Сырокомский взял мою анкету, потому что я услышал:

— Это что такое?! Почему вы мне не сказали? Ну что же это такое?!

— Так вы ж меня не спрашивали! — оправдывался Веселовский. — Вы ж говорили — «по деловым качествам»!

— Слушайте, — нервно говорил Сырокомский, — у нас же явный перебор! Да и фамилия у него совсем ни о чем не говорит! Как же я мог подумать? Мне же голову оторвут. Скажут — свивает гнездо.

— Про него не скажут, — убеждал Веселовский. — Да и поздно уже! Вы ж его приняли!

— А он вам нужен?

— Вы даже не представляете как!

— А другой у вас есть?

Я сунул голову в дверь и сказал:

— А другого у него нет. Кто ж это умеет делать целую страницу сатиры и юмора в неделю? Вы шутите...

— Почему это «целую страницу»? — испуганно спросил Сырокомский. — Где это видано — целую страницу?

— Вот и я то же говорю... Вы не смущайтесь. Нет так нет. Я привык.

— Ничего подобного! — сказал он. — Если я сказал «приняты» — значит, приняты. Завтра выходите на работу.

***

И мы с Витей стали делать страницу сатиры и юмора. Но чем ее наполнить? Где взять столько материалов? К кому обращаться за помощью? Все более или менее известные сатирики собрались у кормушки журнала «Крокодил», который уже давно набил у меня оскомину своими утвержденными в ЦК штампами. И я решил пойти по известному мне пути: найти самостоятельных авторов, способных стать профессионалами. Многих из них я знал еще по работе в журнале «Юность» и по еще более старым самостоятельным институтским обзорам. Я предложил сотрудничество Марку Розовскому из университетской студии «Наш дом», который в свое время прославился смешным фельетоном «Сочинение про Бабу Ягу», А.Арканову и Г.Горину, много и смешно писавшим для эстрады, Л.Измайлову из эстрадного обзора МАИ. Пришел однажды инженер В.Владин и принес пародию, очень мне понравившуюся, да так и остался на диване в моем кабинете. Я очень рассчитывал на умных и известных литературных критиков Л.Лазарева, В.Сарнова и С.Рассадына, которые, по слухам, стали писать пародии. Конечно же, я надеялся на таких талантливых фельетонистов, как Л.Лиходеев и Э.Паперный. А из старой гвардии сатириков больше всех ко двору пришлись замечательные В.Бахнов и В.Лифшиц. И для начала это было очень неплохо.

Название «Клуб 12 стульев» родилось как-то сразу и сразу было утверждено. Мы с Веселовским придумали себе дурацкий псевдоним «Администрация «Клуба ДС», потому что полагали, что будем жить вечно, а будущие

историки литературы впоследствии разгадают, кто это скрылся за столь бюрократическим псевдонимом и почему. А потом я сказал:

— Народ — творец истории. Стало быть, народ нам все и натворит. Надо его подтолкнуть, и он нас засыплет своей сатирой и, грубо говоря, юмором, а мы лишь будем отбирать лучшие образцы и таскать их на страницу. Это я называю связью с народом. И тогда мы не будем страшно далеки от народа и не превратимся в декабристов и интеллигентов. (...)

Потом мы решили создать некий персонаж типа Козьмы Пруткова, который бы олицетворял серость, пошлость, мнимую многозначительность и бесталанность среднеарифметического советского писателя-соцреалиста. Можно было бы придумать ему смешное имя — вроде Нила Литературкина или что-нибудь в этом роде, но потом решили, что имя у этого персонажа должно быть простым, как жизнь, как сама советская литература: Василий Федоров, Владимир Фирсов. Михаил Шолохов, наконец. (Очень мы недолюбливали последнего за его бандитские речи и хулиганские выступления и не верили, что этот человек мог написать «Тихий Дон».) И пришел Марк Розовский и сказал:

— Фамилия ему предлагается — Евгений Сазонов. Простенько, но со вкусом. И это имя будет нарицательным. И роман он пишет не «Тихий Дон», а «Бурный поток». И никто не догадается. Вот начало этого романа века: «Шли годы. Смеркалось. В дверь кто-то постучал. — Кто там? — спросила Анна, не подозревая, что ее ждет впереди. (Продолжение следует)». А завтра я напишу продолжение.

***

И так пошло. Мы из номера в номер печатали творения нашего «душелюба», женили его, отправляли в командировки на Запад, печатали его стихи, раздумья и мысли. И многие думали, что это живой человек, потому что на моей двери висела табличка: «И.П. Суслов, Евг. Сазонов». Но настоящий читатель отлично видел, кого пародировал этот персонаж, и разделял наше мнение. В

моем кабинете скопился целый музей подарков от советского народа Евгению Сазонову, наподобие музея подарков сами-знаете-кому. Чего тут только не было! И чайник в виде утюга, и вечный двигатель с табличкой «на ремонте», и десятки остроумнейших, совершенно бесполезных вещей.

Но однажды я все-таки попался. На Шолохове. Я уже говорил про «Бумеранг». Там можно было найти безобидные, но смешные ответы читателям, типа:

Москва. П.О. Ни-ву.

Я купил с позолотою брошку,
Приколю тебе к теплой груди.

— Попробуйте сначала приколоть к своей...

В 1967 году появилось такое:

Ростов. М.А. Ш-ву.

«От лица передовой общественности требую: закройте «Бумеранг»!»

— А где вас будут печатать?

На следующий день меня вызвал зам. главного редактора Артур Сергеевич Тертерян (ныне покойный) и сказал:

— Это все. Боюсь, что ваша карьера, Илья, кончилась. Получите волчий билет. Допрыгались?

— Что случилось, Артур Сергеевич? — спросил я, точно зная, что случилось.

— Сейчас «по вертушке» звонил секретарь Ростовского обкома партии. Он спросил, чья это провокация. И кто это осмелился травить Шолохова? Чаковский сказал, что сейчас это проверит и доложит. Вы зачем это сделали?

— Какой Шолохов? При чем тут Шолохов?

Тертерян с сардонической улыбкой показал мне «Бумеранг»: «Ростов. М.А. Ш-ву».

— Артур Сергеевич, — сказал я, — это письмо из Ростова от Моисея Абрамовича Шапирова. Какие инициалы я должен был поставить? И потом — Шолохов живет в

Вешенской, а не в Ростове. В-третьих, почему я должен думать, что Шолохов — такой занятой человек — будет читать нашу несчастную страницу?

— Где письмо?

— Какое письмо?

— Этого вашего шлимазла из Ростова.

— Сейчас принесу! Это же уму непостижимо — вот так просто обвинить человека! Сразу — Шолохов, Шолохов! При чем тут Шолохов? — орал я, вылетая из кабинета.

Никакого письма у меня, конечно, не было. Всю эту гадость с Шолоховым я придумал от начала до конца. Я тогда думал, что это очень умно и находчиво.

Все письма, приходящие в редакцию, попадают в отдел писем, где они тщательно регистрируются, читаются и лишь затем пересылаются в отделы, куда они адресованы. Крамольные письма, а их очень много (ну, скажем, в защиту Солженицына, Сахарова, про нехватку продуктов и ненормальные условия жизни), откладываются и передаются сотрудникам КГБ, специально приезжающим в каждую редакцию раз в две-три недели для чтения таких писем и принятия мер по месту работы и жительства. Некоторые наивные читатели под такими письмами ставят свои адреса и должности. Считайте, что они на учете или давно пропали. Анонимки тоже тщательно изучаются, и их посланцы не могут рассчитывать на безнаказанность: их все равно поймают. Так это примерно работает.

Я пришел к себе и написал письмо от имени этого Моисея Абрамовича. Конверта у меня не было, а если бы и был, на нем должны были быть почтовые штампы Ростова и Москвы. Я позвонил в Ростов какому-то моему автору и попросил срочно прислать мне письмо из Ростова от имени Моисея Абрамовича. Он помчался отправлять, потому что весь Ростов уже гудел от моего паршивого «Бумеранга». В отделе писем я по блату зарегистрировал письмо задним числом, поставил на него соответствующий штамп и понес Тертеряну.

Тертерян, покачивая головой как старый еврей у Стены Плача, дочитал мою писульку и сказал:

— А где конверт?

— Какой конверт?

— Простой конверт. Из Ростова.

— Что же я, должен хранить конверты? Видите, он просит закрыть «Бумеранг», а я остроумно ему отвечаю...

— Я вижу ваше остроумие. Я не вижу конверта.

— Выбросил, наверное. Пойду поищу.

— Поищите, поищите, любезный. А не найдете — пеняйте на себя. Шолохова мы вам в обиду не дадим. И так достаточно намеков с Сазоновым.

И он пошел показывать письмо Чаковскому.

Ах, как кричал Чаковский! Его было слышно на всех пяти этажах. На его месте я бы кричал еще громче. И зачем мне это было нужно? На кого я поднял руку, мальчишка? Меня же раздавят как таракашку. И никто даже не заметит.

Но все же Тертеряну удалось меня отстоять. С другой стороны, Чаковский сумел убедить ростовского вожда, что не на Шолохова же «Литературка» подняла руку! Да вот и письмо от какого-то идиота из Ростова...

Через два дня пришел конверт со штемпелями.

— Нашел, нашел! — кричал я, врываясь в кабинет Тертеряна. — Вот ваш конверт. Я его в корзинке нашел. Уборщица не успела выбросить. А вы сразу — Шолохов, Шолохов!

Тертерян брезгливо посмотрел на конверт и сказал:

— Хорошо сработано. Молодец. Оперативно. И штемпели в порядке. Вот только даты не совпадают. А так все хорошо. Еще раз сыграете в такую игру, Илюшечка, — костей не соберете. Ясно?

***

Штатным членом редколлегии у нас работал Георгий Гулиа, человек веселый и опасный. Он когда-то написал повесть «Весна в Сакене», за что получил Сталинскую премию. Одновременно он был сыном классика абхазской литературы Дмитрия Гулиа. Себя он считал отчасти сатириком, и ему отсылали наши штучки, если начальство в них хоть немного сомневалось. Он их с удовольствием «рубил», а потом приходил объяснять, что ничего не мог сделать, уж очень прозрачно было написано.

На редакционных летучках мы обсуждали вышедший номер и выясняли, что, с нашей точки зрения, хорошо, а что плохо.

В том номере прошел какой-то хороший рассказ и фразочка: «Хорошо тому, кто носит подтяжки, говорить: «Затянем пояс!»

Гулиа сидел на летучке рядом со мной.

— Слушай, — шептал он мне, — это колоссально, что ты сумел сказать этой фразой! Это колоссально, слушай! Я тебе точно говорю, это замечательная фраза, она войдет в историю! Вот такое мое мнение.

Он поднял руку и сказал:

— Можно мне высказаться? До каких пор мы будем терпеть антисоветские выходки на шестнадцатой полосе, а? Где это видано в советской печати так критиковать партию и правительство! Если партия на своем последнем пленуме совершенно правильно подняла вопрос об экономике в производстве и при потреблении продуктов питания, то кто дал право этим молодчикам с шестнадцатой полосы обзывать партию «подтяжками», а? Слушай, я вам точно говорю, что некоторых уже пора разгонять. Развели здесь, понимаешь, демагогию, а мы, редколлегия, потом за них отвечаем!

Я задохнулся! Это было сделано без всякого перехода. Вот только что он шептал мне на ухо одно, и через секунду — через секунду! — вот это! При всех! Вот гад!

Гулиа сел на место рядом со мной и прошептал:

— Слушай, не обращай внимания, это я так, для пользы дела. Фразочка колоссальная! Колоссальная, говорю, фразочка!

***

21 августа 1968 года на 16-й полосе «Литгазеты», в самом ее центре, была напечатана фотография из цикла «Что бы это значило?»: человек в четыре пальца свистит в ответ на что-то, что осталось за кадром. А за кадром в этот день было вторжение советских войск в Чехословакию. И понеслись письма читателей. Самыми спокойными были такие подписи под фотографией, предложенные читателями: «Уберите ваши танки!», «Долой агрессоров!», «Свободу не уничтожить!». Мы ходили как помешанные. Мы во все не собирались так, впрямую, разбойничать на странице советской газеты. Номер верстался за несколько дней до событий в Чехословакии. Вторжение прошло втайне, никто не был предупрежден, сообщение о вводе войск было дано, если не ошибаюсь, двумя днями позже. Но на-

частьство буквально ревело! Оно усмотрело саботаж и все такое. А вы бы не усмотрели? И сколько мы ни убеждали, что ни чуточки не виноваты, что любая иная безобидная картинка в этот день рассматривалась бы именно так, нам уже не верили. Мы попросили отдел писем отдавать нам письма читателей без регистрации, потому что отлично понимали, чем это грозит нашим корреспондентам. И надо сказать, что нам пошли навстречу. Мы пачками вскрывали письма, рвали мятежные ответы и складывали в стопочки «благопристойные», не имеющие острой политической подкладки. Но начальство решило, что с этого дня за нами нужен глаз да глаз. Если раньше и удавалось «просунуть» острую или сатирическую фразу или рассказик, то теперь каждый материал посылался на прочтение по крайней мере восьми-девяти членам редколлегии, которые не пропускали ничего! Мы были на грани отчаяния. Вместо одной полосы (это примерно 24 страницы машинописного текста) я был вынужден готовить четыре полосы! А где же взять материал? Народ наш был уже избалованный, смелый, я бы сказал — наглый, все вслух обсуждали чешские события и возмущались, и сколько я ни стучал кулаком по столу, требуя, чтобы все немедленно прикусили свои длинные языки, а то нас вообще разгонят, ничего не помогало. И полосы составлялись по старой российской цензурной методе: ты даешь начальству полосу с такой, скажем, фразой: «Если бы Лев Толстой жил в коммунальной квартире, он стал бы Салтыковым-Щедриным!» Начальство морщится и просит что-нибудь другое. Ты несешь фразу: «Очереди станут меньше, если сплотить ряды». Начальство смотрит на тебя как на красную тряпку и просит принести что-нибудь другое. Ты несешь фразу: «Знаете ли вы, что пулеметная очередь доходит до прилавка гораздо быстрее обыкновенной?» Начальство зеленеет и просит чего-нибудь еще. Ты приносишь: «Допустим, ты пробил головой стену. Что ты будешь делать в соседней камере?»

— Илья, — рычит начальство. — Вы издеваетесь! Можете принести что-нибудь человеческое?

— У меня больше ничего нет, — отвечаешь ты, потупив глазки.

Начальство размышляет. Потом говорит:

— Принесите ту, первую. Тоже глупая, но не такая, как все эти.

И появляется в газете фраза о Толстом в коммунальной квартире...

На следующей неделе все повторяется сначала...

Поэтому, цитируя одну из напечатанных фраз, могу сказать: «Жаль, что я не лирический поэт, — сколько грустных дней пропадает впустую...»

***

Прошла уже тыща лет. И жизнь другая, и проблемы другие, и забыто многое, и лица как в тумане... Но мы вспоминаем эти дни, потому что дорога нам наша молодость и мы никак не хотим с ней расстаться. Хотя... если перефразировать старую французскую поговорку, она звучала бы так: «Если бы молодость знала, она бы и в старости могла...» Ан нет, ничего не выходит в нынешней нашей старости, потому что многие из нас, и я в том числе, лишились того, что составляло суть и смысл нашей прежней жизни, — активного в ней участия. Ведь это я отбирал для «Литературки» смешной и талантливый материал. Это я его редактировал. Это я поверил в автора. Это я пробивал его в печать. И это не я его «рубил», уничтожал, не давал увидеть свет.

Ну? Поплакали? Пострадали вместе со мной? Попереживали? Хватит. Вернемся к нашим баранам. Наши бараны не хуже тутошних. Побродим по волнам нашей памяти. Настроим наши приемники на вчерашнюю передачу. У микрофона Илья Суслов. Тема нашей беседы — вчерашний день, прошлогодний снег, вчерашнее завтра всего прогрессивного человечества.

Пришел автор. По профессии — барабанщик в оркестре. Принес рассказик. Называется «История». Рассказик такой: стоит человек и ловит такси. Снег идет. Холодно. Такси не останавливается. Час стоит ловит, другой... Вдруг видит — на той стороне улицы другой человек стоит, тоже, видно, такси ловит. С протянутой рукой. Потрогал его герой и видит, что человек окаменел. Замерз, видно. Взял его на плечи, отнес домой, положил на диван. Утром жена говорит: «Ты кого, дрянь пьяная, принес вчера? Совсем упился, прохвост!» Он смотрит на диван, а там этот лежит, с протянутой рукой. Памятник с площади.

Пардон за неточный пересказ. Это я по памяти воспроизвел. У автора лучше было написано. Короткий рассказик. Строк на двадцать.

Напечатали. Начались звонки. Понеслись письма. Посыпались жалобы. От старых большевиков главным образом. Как?! На кого?! Руку?! Очумели?! Советская власть кончилась?! На Ленина?! На самого?! Стгноим!

Тертерян был спокоен. Он меня усадил в кресло. Он мне воды принес. Он был на «вы». Он был бледен, как Д'Артаньян, вручивший подвески герцога Букингемского французской королеве. Он сказал:

— Илья, из этой ситуации мы уже не выпутаемся. ЦК просит крови. Свою я отдать не могу. Мы выпустим вашу.

— Чего, чего? — залепетал я, придумывая на ходу версию. — Какую кровь? Вы шутите. Вы же гуманисты. Вы же за мир между нашими народами. Вы же за разоружение.

— Вы зачем Ленина тронули? — шепотом спросил он.

— Я? Ленина? Что я, псих? Кому надо трогать Ленина?

— Чей памятник подобрал ваш алкаш на площади?

— Пионерки! — сказал я. — Пионерки! Он ее принял за пассажира. Мы ведь с вами — за нормальную работу такси. Вот о чем рассказ.

— Пионерка?! — заорал он. — Пионерка делает салют рукой! С вытянутой рукой у нас Ленин стоит! На Ленина...

— Минуточку! — сказал я. — Почему только Ленин? А пограничник? Он стоит на бульваре и защищает границу родины.

— Я умру от вас, любезный, — сказал Тертерян. — Пограничник руку держит козырьком, всматриваясь во внешнего врага, нарушившего границу. Козырьком. Вы Ленина...

— Хорошо, — сказал я. — Пусть не пограничник. Это просто гипсовый памятник спортсмену, футболисту, Мичурину. Почему Ленину? Нам с вами и в голову не пришел Ленин. Мы с вами этот рассказ читали — не было там Ленина. Откуда появился?

Тертерян брезгливо бросил на стол толстую пачку писем.

— Это из ЦК, — сказал он. — Большевики вас раскусили.

Большевики писали, что только гнусные троцкисты, окопавшиеся в «Литературке», могли поднять руку на самое святое в жизни советского человека — на В.И. Ленина, святое имя, освещающее путь всему миру. И только сионистскими происками американского империализма

можно объяснить факт самого появления на свет кощунственного рассказика, где великий вождь и учитель, за которого не задумываясь отдадут свои жизни эти большевики и коммунисты всего мира, можно объяснить появление этой мрази на страницах другой мрази, называемой «Литгазетой». Просим принять меры! — так заканчивались все письма трудящихся.

— Ну, что будем делать? — спросил я, совершенно утнетенный их праведным гневом.

— Будем снимать с работы, — устало сказал Тертерян. — Вот теперь уже допрыгались окончательно. Сколько раз я вас предупреждал...

— Дайте побороться, — сказал я. — Товарищ Ленин как-то не пришел мне на ум в тот момент.

— Врете, — сказал Тертерян. — Это мне он не пришел на ум, когда я пропускал этот вонючий рассказик. Мне и в голову не пришло, что вы так далеко зайдете.

Я пошел к себе, вызвал секретаршу и попросил разыскать в библиотеке сведения обо всех памятниках в СССР, где герой с протянутой рукой. Таких оказалось два типа: Ленину (во всех городах и весях) и Кирову (в Ленинграде), что тоже было плохо. У остальных руки были на месте: у пояса, у бедер, на груди, за спиной. У Венеры вообще рук не было. У Сталина на одном памятнике отгвали одну руку. Павлика Морозова я бы задушил вот этими руками. Но не о них шла речь. Других памятников на площадях и в скверах не ставили.

Я сел писать письма большевикам. Я написал, что только безумцы могут подумать, что парторганизация «Литгазеты» (я был беспартийный, но знал, как надо писать) могла проявить такую бестактность, чтобы опубликовать рассказ о Ленине, нашем вожде и учителе. И кроме того, писал я, памятники Ленину делают из гранита и мрамора, так что совершенно невозможно отнести их на себе домой и положить на диван, неужели такая простая мысль не могла прийти в голову людям, справедливо охраняющим чистоту ленинского учения от происков врагов мира, которых, конечно же, нет в редакции «Литературной газеты».

Стало быть, речь в рассказе шла о безвкусной гипсовой скульптурке, какие отравляют внешний вид наших замечательных городов. Поэтому, наряду с заботой о более добросовестном обслуживании советских

людей некоторыми таксистами, был поставлен вопрос об эстетическом уровне убранства наших городов в части архитектурного и скульптурного их оформления. И не следовало уважающим себя коммунистам бросать тень на «Литературную газету» и на ее коллектив, помогающий партии бороться со всеми и всяческими недостатками, все еще иногда встречающимися в нашей жизни!

Я отнес проект письма Тертеряну. Он прочел, остался доволен и понес его Чаковскому. Чаковский прошелся по письму рукой мастера, убирая подтексты и ненужную и даже идиотскую иронию, сохраняя то выражение невинности и некоторой обиды за вверенный ему коллектив, которые были заложены в проекте письма большевикам. Письмо было размножено, подписано козлами отпущения (мною и Витей Веселовским) и послано в ЦК и по остальным адресам.

А мне стало так скучно и так страшно, что в следующий номер я вставил фразу, как никогда отвечавшую моим тогдашним настроениям: «Объявление. Вчера вечером потерял на углу Цветного бульвара и Садового кольца интерес к жизни».

Нас опять простили. Но с тех пор с нас требовали только позитивной сатиры. Знаете, что это такое? Это когда считают, что «цель сатиры в том, чтобы в крике «ка-раул!» прослушивалось «урал!». Это когда «на похоронах Чингис-хана кто-то говорит: «Он был чуткий и отзывчивый». Это когда «в действительности все выглядит иначе, чем на самом деле».

И когда ты понимаешь, что сделал все, что мог, что ты дорос до своего потолка и у тебя нет ни сегодня, ни завтра, а только вчера, ты начинаешь задумываться об эмиграции.

И потом ты уезжаешь. И начинаешь жить вторую отпущенную тебе жизнь.

И вспоминаешь тех, с кем жил в первой жизни. С кем работал. Тех, кто остался, И тех, кто делит с тобой горести и радости эмиграции. Ну, и хватит пока.

Владимир Владим

Еще о зарубах

Рассказ Михаила Успенского

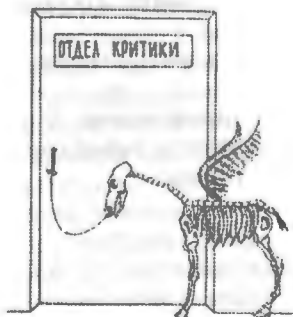
«Дурной глаз» был принят в «Клубе ДС» сразу безоговорочно и на ура, но так же сразу и безоговорочно был зарублен абсолютно всеми членами редколлегии. Вы думаете, члены редколлегии не пришли от рассказа в восторг? Ничего подобного! Как говорил один наш знакомый учитель литературы, «не отнюды!».

Все ощутили блеск рассказа, но... Никто не хотел стать безработным. И возникли знаменитые так называемые неконтролируемые ассоциации.

Кого мы видели в то время почти каждый день по телевизору? Конечно же, «дорогого Леонида Ильича Брежнева».

А теперь перечитайте последние строки рассказа — и вы поймете, что такое неконтролируемые ассоциации.

Думается, сам автор не имел в виду «дорогого» генсека.

Михаил Успенский

Дурной глаз

Одна женщина в роддоме № 4

взяла и родила мальчика, Николая Афанасьевича Пермякова. Нетрудно догадаться, что эта женщина была его мама. Когда Николая Афанасьевича, тогда еще просто существо, принесли первый раз кормить, существо раскрыло глаза и посмотрело на свою мамку так, что у нее враз пропало молоко в грудях. Одна старая женщина из подсобного медицинского персонала объяснила всем желающим, что у ребенка дурной глаз.

— Глазик у ребенка дурной, — говорила она.

А на вид — глазик как глазик. И второй такой же. Хотя и говорят в народе «дурной глаз», а попробуй определи, левый дурной или правый дурной.

Покуда маму Пермякову не выписали, все в роддоме шло через пень-колоду. То батареи прорвет, то еще что-нибудь. А один мальчик, который лежал рядом с Николаем Афанасьевичем, вырос и стал вор и бандит, был посажен в тюрьму и расстрелян.

Дома у Пермяковых тоже стало неблагополучно. Афанасий Пермяков по случаю рождения сына первый раз в жизни выпил — и пьет до сих пор. «Не напьется никак», — объясняет теща. У тещи, в свою очередь, сгорел свой дом в городе Барановичи Белорусской ССР. Мать помнила слово про дурной глаз и повела уже ходящего Николая к окулисту. Окулист долго смотрел в дурной глаз через специальный прибор, никаких болезней не нашел, посоветовал носить черные очки, а еще лучше — зеркальные.

Так и ходил Николай Афанасьевич — маленький, а в зеркальных очках, как цирковой артист-лилипут.

А тот окулист, Мовсесян Ваграпет Аршакович его фамилия, в тот день не пришел домой с работы, и никто его не может найти, хоть и объявили всесоюзный розыск, А не надо было в дурной глаз через специальный прибор глядеть, он же усиливает, прибор.

Пришло число первое сентября. Надо идти в школу. Николаю дали портфель и цветы астры.

— Ой, нельзя ходить в темных очках! — стала ругаться первая учительница Николая Афанасьевича Бородун Аэлита Степановна. — Так только одни стилиаги делают. Сейчас же снимай очки!

Николай очки-то и снял. Учительница посмотрела ему в глаза. У нее через неделю должна была быть свадьба. Куда там! Ее жених, известный в городе таксист Леха, полюбил вдруг не ее, а артистку эстрады на гастролях. Он возил ее по городу, так как она за вечер три-четыре концерта пела, уехал за ней и ездит теперь следом за ней повсюду, кроме заграники. В загранику его не пускают.

Потом Николаю пришла повестка в ряды армии. Конечно, на медкомиссии тоже был окулист — военный врач-офицер. Он признал, что глазки у Николая не больные, а нормальные, и надо служить. Вечером окулист пошел с одной знакомой в ресторан, выпил маленько, а запьянел сильно, разбил витрину и многое другое. Пришлось ему отсидеть на гауптвахте и заплатить очень много денег, а потом еще над ним был суд офицерской чести. В старые времена ему со стыда пришлось бы застрелиться, а теперь только звездочка одна слетела.

Николая привезли в армию, и прапорщик Огурной повел его с другими новобранцами в баню. Пермяков и в баню пошел в очках, хоть и голышом.

— Очки, салага, на гражданке оставь! — сказал ему прапорщик и снял с него очки. Поскользнулся на скользком полке, полетел вниз и там поломал руки-ноги.

Солдату в темных очках быть не положено, если не дембель. Так что в этой самой войсковой части стали твориться всякие неуставные дела: то солдат домой убежит, то дизентерия какая-нибудь. За полтора года трех командиров сменили с понижением. Только когда Николай

стал старослужащим солдатом, дембелем, он пошел в солдатский магазин «Военторг» и купил себе темные очки. Надел очки — и часть мигом стала ходить в отличных.

Отслужив как положено, Николай домой не вернулся, а поехал жить в большой город. Он все еще не знал, что у него за глазки такие. Не нашлось на него старой женщины, чтобы сказать:

— Глазик у вас дурной, Николай Афанасьевич!

Одни только цыганки, когда Николай Афанасьевич снимает на улице очки с целью протереть, шарахаются от него, как от милиционера. Цыганки знают что почем.

А очки он снимает только перед сном и еще на работе. А где работает Николай Афанасьевич, все люди знают, потому что видят его каждый день да через день. Причем без очков. У него такой приятный голос:

— Здравствуйте, дорогие товарищи! Начинаем передачи Центрального телевидения...

Евгений Обухов

Ностальгия по тоске

Н а днях пришел Володя Влади́н.

Как и раньше, рассыпает вокруг себя искры идей. Горячо настолько, что к нему почти опасно приближаться. Что же творилось в «Клубе» тридцать лет назад, когда все были молодые и этих «всех» там было много?!

Выпив пива, Влади́н рассказывает уже раз пятнадцать слышанную историю про Виталия Резникова и посетителя, принесшего в «Клуб» бутылку коньяка (см. его мемуар «Тоска по ностальгии»). И в пятнадцатый раз рассказывает смешно. Но теперь есть у рассказчика и другие интонации: минувшей ночью Володя по нашей с Юрой Кушаком просьбе разыскал в Америке Илью Суслова, чтобы вытребовать материалы для этого тома, и они оба — по выражению Влади́на — рыдали, склонившись к телефонным трубкам. Влади́н в этот день был просветлен и более обычного мемуаристичен. Дожидаемся рукописного факса из-за океана, и Паша Хмара долго списывает с него электронный адрес Ильи, советуясь со всеми: «Это «f» или «t»? Никому не грустно, хотя фактически у нас в руках послание из далеких 60-х в конец сентября 2000 года...

И я думаю: «Черт возьми, хорошо Влади́ну и Хмаре писать свои веселые мемуары о том, что было много лет назад. А каково «вспоминать», что произошло буквально позавчера? А ведь большое видится на расстоянии...» Впрочем, философствовать над есенинской строчкой некогда — с позапрошлого года, когда я присел на стул главного администратора, а Хмара выдвинулся в старшие аксакалы, мы только тем и занимаемся, что переезжаем. В здании пер-

манентный ремонт, и мы с Павлом, подобно обитателям растревоженного муравейника, носимся... нет, не с яйцами, а с пачками рукописей, прочим содержимым тумбочек и с драгоценными экспонатами (сохранившимися в период последних общероссийских смут) музея «Клуба ДС».

Как известно, один переезд равен лишь половине пожара, так что в обычное время это не слишком страшно. Но иногда в «Литературке» а-ля конец века наступает благодатное время выплаты гонораров. И тогда сонмы воспрянувших авторов «Клуба» заполняют коридоры редакции, разыскивая переехавшую альму и, я бы даже сказал, мастер современного юмора.

Идет Виталька Песков, возбуждая за спиной шепотливые вздохи студенток института журналистики при «ЛГ», в которых различимо восхищенное «сам Песков...» Не менее «сам» приходит Володя Вишневский. У него всегда наготове несколько новых строчек, и им все радуются. Вот и Витя Коклюшкин — узнаваемый и нешумливый. Он считает невозможным появиться в «Клубе», не оставив нового творения. Поэтому при каждом визите оставляет, извлекая вчетверо сложенные листочки из бокового кармана. Так же доверяет 16-й полосе «право первой ночи» искрометный Толя Трушкин.

За Трушкиным — одним из самых смешных писателей современного «Клуба ДС» — можно ходить с коробкой из-под ксерокса и ловить в нее случайно оброненные шутки. Вот, например, весной двухтысячного едем в Ростов-на-Дону на дни «Литературной газеты». Естественно, основа бригады — «Клуб 12 стульев». С нами Володя Вишневский, композитор Гриша Гладков и Толя Трушкин. В коридоре поезда стоит малыш, задрав на подоконник подбородок и наблюдая проносящиеся за окном интересные. У соседнего окна — величавый, как столличный орел, невозмутимый, подставивший лицо веселому ветру Трушкин. Малыш восторгается очередным пейзажем и бурно делится восторгом с окружающими, тыча в стекло пальцем:

—Ы! Ы! У-у!..

Трушкин, не меняя позы, «соглашается» заботливым и в то же время покорным голосом:

—Да-а... Всё разворовали... Всё...

В «Клубе» — не то, что в стране. Судьбы и годы разворачивали не все и не всех. Постоянно появляется неиссякаемый Марк Розовский, хранящий традиции придуманного им Евг. Сазонова. Другой частый и столь же желанный гость — еще один отец-основатель — Боря Брайнин. А еще — второй в истории клуба главный администратор Андрюша Яхонтов, который никогда не изменит ни любимому «Клубу», ни жанру среднего (по объему) рассказа. А еще из этой когорты — Герман Дробиз, Алексей Пьянов, Никита Богословский эт цэтэра.

Друзья и ровесники — те, кому по сорок—пятьдесят, — меня простят. Всех этих авторов перечислить невозможно, забыть назвать в перечислении — преступно. А лучше налью. А публикации в «Клубе ДС» — вне зависимости. Посмотрите четвертый раздел Антологии, посмотрите 16-ю полосу «ЛГ» — вот там новая волна юмористов, для которых живые и здравствующие Илья Суслов, Владимир Владин, Виталий Резников, Вагрич Бахчанян, Виталий Песков, Борис Брайнин, Сергей Тюнин, Михаил Златковский — уже легенды. Пусть же большинство из дээсовской молодежи доживут до такого же состояния души и славы. Да пусть все доживут!..

В последнее время у администрации возникла еще одна приятная обязанность. Прознав, что под крышей «Клуба» собрались сразу два человека, пишущих стихи, нас принялись атаковать просьбами о рифмованных поздравлениях. Что делать, не ронять же марку «Клуба»! И пошли выпекаться в администрации то строчки в честь юбилея Домжура:

Владея языком Эзопа
и речью пламенной прямой,
мы вместе с музой Каллиопой
сюда заходим как домой.
Такие речи здесь гремели,
что стали классикой уже...
Мы все, как из простой шинели,
пошли в народ из ЦДЖ...

То обращение к другу-стихотворцу:

Коль графоман придет —
 задвинем в тень его:
 учись, мол, идиот,
 у Игоря Иргеньева.
 Учись постройке дач,
 даренью роз и кал,
 решению задач
 по обаянью Алл...

а то шутливое обращение к верстальщице, навеянное визитом в «ЛГ» Андрея Вознесенского:

Ты поймаешь меня у буфета
 и с улыбкой попросишь остаться,
 я останусь с тобою за это,
 захочу я с тобою верстаться.
 Накидаю тебе юморесок,
 набросаю веселых картинок.
 Ты устало запустишь процессор,
 а в меня ты запустишь ботинок.
 И, кусая обсохшие губы,
 ты попробуешь сделать полоски,
 проклиная все стулья и клубы,
 юмористов, газеты, киоски...
 А когда я полоски сверстаю,
 Провожать меня с лестницы будешь.
 Я ступени ее сосчитаю,
 простонав: «Ты «ДС» не забудешь...»

Поздравилки расходились по редакции «ЛГ» в списках, добавляя «Клубу 12 стульев» авторитета и, впрочем, не добавляя гонораров...

Итак, с 1999 года мы с Пашей Хмарой несколько раз, уподобляясь муравьям, перетаскивали нехитрый (а также и хитрый) скарб «Клуба 12 стульев». Каждый переезд предвосхищался явлением Сергея Андреева, улыбчивого исполнительного директора «Литературки».

— Ну чо, ребята, — говорил он, окидывая лучезарным взором наши не до конца распакованные с предыдущего переезда пожитки. — На втором этаже начинается ремонт, давайте на шестой.

И первым брался за коробки, пока мы с Хмарой приходили в себя.

Единственное, чего мы не доверяли посторонним, — экспонаты. Мы бережно укладывали реликвии и несли:

- деревянное резное панно «Клуб 12 стульев», похожее на икону;

- бюст Венеры, расписанный всякими умными, но слегка хулиганствующими писателями;

- кружки, спаянные две в одну, чтобы пить на брудершафт;

- коловорот с ключом, надо полагать, от любого замка;

- туфельку Золушки 60—62-го размера, ожидающую хозяйку;

- всякие-разные черепа и изваяния, а также пепельницу с Моной Лизой — искусство, однако;

- ночную вазу с носиком (очень удобно, кстати);

- набор джентльмена в виде складного ножа (гаечный ключ, ложка, вилка, зубная щетка);

- кувшин «На троих» с тремя носиками;

- незнамо что в виде молотка с цепочкой от унитаза;

- электроприбор мощностью в одну свечу, т.е. патрон со вставленной в него свечкой и проводом с розеткой;

- терку для гигантской моркови, ну очень большую;

- веничек для бани из стекловолокна, мало не покажется;

- трубочку для коктейля в два пальца диаметром;

- стул венский с астробабой;

- и, наконец, особо торжественно — рога и копыта в едином оформлении с трогательной табличкой: «Александру Иванову от почитателей его таланта. п. Палатка 27.01.85 г.»

И вот теперь «Клуб ДС» — на шестом этаже «Литературки», в Г-образном помещении с двумя компьютерами, с прочими прибабасами и со всеми перечисленными экспонатами (бронзовую пепельницу в форме рыбы, принадлежавшую самому Виктору Веселовскому, злодеи сперли в канун какого-то из переездов в ноябре 1999 года). Все у нас современно, уютно, и все работает, включая кондиционер. Но до последнего времени чего-то не хватало. Может быть, той бурной, толкучей атмосферы, что

бытовала в том угловом помещении на другом конце здания, где было много дерева, а не пластика, много картинок и вырезок на стенах, да и рыба еще стояла на законном месте.

И вот недавно...

Все замечательные начинания в нашей стране случались аккурат после Дня смеха. Так что понедельник третьего апреля двухтысячного года совершенно заслуженно вписался в ряд таких дат. В этот день я оказался в кабинете главного редактора «Литературки» Льва Гущина, где присутствовал и генеральный директор Алексей Мезенцев. Их вид соответствовал торжественности момента:

— Давай пиши концепцию юмористического приложения. Будем издавать...

Так внезапно реализовалась многолетняя мечта всех членов «Клуба ДС», которые — повторюсь — всегда жили по принципу «если нельзя, но очень хочется, то можно». Многие годы существования «Клуба» было просто нельзя. Потом постепенно становилось можно, и вот наконец-то в этом году очень захотелось.

Условия издатели поставили вполне конкретные: новая газета не должна копировать 16-ю полосу ни по уровню, ни по стилю. И главный ее принцип — даешь юмор народу! А народ, как известно, любит и поострее, и погорячее, а то и похулиганистей. Когда документ под заголовком «Концепция» был готов, мы с Хмарой положили на стол чистый лист бумаги и принялись выдумывать варианты названия. В самый ответственный момент в «Клуб» ворвался обозреватель «ЛГ» Олег Осетинский и прокричал с порога: «Золотой козел»! Мы поняли, что в списке пора ставить точку. Он лег на стол начальства, и спустя некоторое время приложение с наиболее оригинальным из трех десятков предложенных названий — «Литературная газета — 12 стульев» — было зарегистрировано.

Благодаря этому «Клуб» после лет относительного затишья снова стал шумным и многолюдным. В редакцию пришли новые сотрудники — заражающий своим жизнерадостным смехом во время чтения чужих рукописей Олег Романов (он же Нестор Бегемотов, автор веселой мелочевки и нескольких иронических романов, в том числе

«Штирлиц, или Как размножаются ежики»), обстоятельный литератор Артур Кангин, с титаническим упорством читающий всю поступающую в новую газету прозу, и величаво-спокойный Сергей Сатин, одного взгляда на бакенбарды которого достаточно, чтобы понять: именно этот поэт и должен был стать автором «Истории государства Российского» и «Всемирной истории» — в частушках.

Такого наплыва юмористов не выдержал даже редакционный лифт, вознамерившись низвергнуть в бездну всю администрацию и редакцию «12 стульев». По случаю счастливого избавления Павел Хмара не мог не разразиться одой:

Однажды мы верстали приложение
(Нам дали время, чтоб его верстать!),
И влипли мы в такое положение,
Что лучше бы о нем не вспоминать!
Мы бились над изысканностью шрифта,
Мы отсекали лишек, пиво пья,
И к девяти попали в недра лифта,
Которому мы были, в общем-то,
почему-то безразличны...
...Мы ехали в таком шальном составе
секунд, конечно, менее пяти!
И, громко гукнув в старческом суставе,
Лифт встал уже на стартовом пути...

Продолжение этой душераздирающей истории предлагаю прочитать в газете «12 стульев» № 2/2000 г. Но раз вы читаете и эти строчки, поверьте: происшествие закончилось массовым фотографированием на память у подъезда «ЛГ»...

Отцы-основатели «Клуба 12 стульев» вспоминают (теперь-то с удовольствием), как в советские времена рублили тексты и как порой приходилось биться с начальством из-за каждой строчки. Сейчас все иначе — был бы хороший материал. И в случае неудачи мы получаем свою долю критики постфактум, после выхода 16-й полосы или номера «12 стульев». Впрочем, эта критика приятна. А как иначе, если, например, однажды на планерке зашла речь о публикации в «Клубе ДС».

— Н-да... — сказал ответсек «Литературки» Леонид Колпаков. — Колпак-то сшит не по-колпаковски!

— Мне эти слова — как обухом по голове! — отреагировал я, то бишь, главный администратор и главред приложения Обухов.

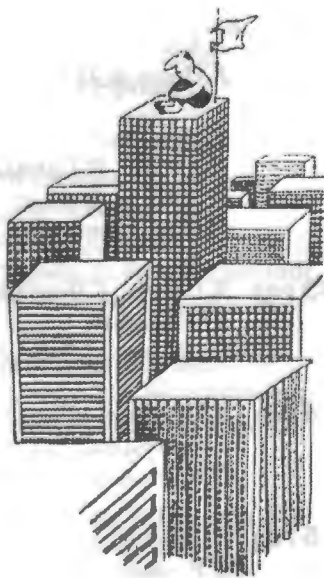
— Вот, зацепились... А ведь надо жить друзенко... — добродушно пробурчал ведущий редактор элгэшной тетрадки «Политика, экономика» Анатолий Друзенко.

— Ничего, ничего, — вмешался Лев Гуштин, — Можно еще гуще, еще гуще...

Завершил «разборку» главный художник Михаил Златковский:

— Златковские слова, вовремя сказанные!..

...Нет, тосковать в этой редакции «Клубу 12 стульев» не дадут. Да мы и не будем.

Приложение

Лауреаты премии «Золотой теленок», учрежденной «Клубом 12 стульев»

1968 год Г.Горин, В.Токарева, В.Владин

1969 год Г.Горин, М-З.Аминов

1970 год В.Бахнов, А.Курляндский, А.Хайт, Б.Егоров,
А.Кучаев

1971 год А.Арканов, М.Кривич, О.Ольгин, С.Бодров,
А.Иванов, В.Иванов

1972 год Д.Иванов, В.Трифонов, В.Джалагония,
П.Хмара, В.Бахчанян, А.Тер-Григорян,
В.Зубков, В.Карпов, Б.Норман,
Л.Подольский, А.Спичка, Ю.Батицкий

1973 год Х.Чугуев, Г.Дробиз, В.Бахнов, Л.Измайлов,
Ю.Волович, С.Каминский, А.Эйрамджан,
В.Песков, С.Тюнин

1974 год Е.Шатько, М.Розовский, Б.Козлов,
В.Свиридов, В.Стронгин, Е.Загданский,
С.Альтов, Н.Елин, В.Кашаев, И.Макаров

1975 год Л.Лиходеев, Л.Зорин, В.Славкин, М.Мишин,
В.Розанцев, Л.Наумов, О.Молотков,
Б.Викторов

1976 год В.Луговой, А.Хайт, З.Грибенко, Е.Шатько,
А.Иванов, Т.Нойонен, М.Генин, Ю.Ивакин,
Л.Новожинов, В.Лебедев

- 1977 год** В.Бахнов, В.Панков, А.Курляндский,
Л.Измайлов, А.Инин, Л.Осадчук,
И.Двинский, В.Коваль, Н.Исаев, В.Токарев,
Г.Кемоклидзе, Б.Брайнин
- 1978 год** Д.Иванов, В.Трифонов, Ю.Левитанский,
В.Тубельская, В.Стронгин, Б.Ларин, А.Рас,
В.Гастелло, О.Донской, С.Комиссаренко,
В.Дубов
- 1979 год** В.Жилинскойте, Е.Шатько, М.Задорнов,
Л.Измайлов, А.Пьянов, Н.Лабковский,
Н.Богословский, А.Саркисов, А.Толмазов,
А.Хорт
- 1980 год** Н.Думбадзе, В.Славкин, З.Паперный,
В.Колечицкий, Ю.Серов, Ю.Аратовский,
Н.Латыпов, В.Владин, Ф.Ефимов,
О.Кузнецов
- 1981 год** А.Карпов, Е.Гик, Р.Казакова, В.Костров,
А.Кабаков, М.Мишин, В.Витальев,
Д.Рудый, С.Лившин, В.Чудодеев,
К.Исмагилов, В.Афонин, Л.Фулыштинский,
С.Комиссаренко, В.Лебедев, М.Златковский
- 1982 год** Л.Зорин, Л.Лиходеев, В.Климович,
Э.Медведкин, С.Спасский, А.Бердичевский,
А.Климов, Е.Дмитриев, Ю.Мосеешвили,
Л.Кабилов, С.Малоземцев
- 1983 год** Л.Фулыштинский, З.Халил, В.Тодоров,
Б.Салимов, С.Цыпин, С.Дяченко,
М.Успенский, И.Капельницкий, В.Хасанкаев
- 1984 год** И.Андроников, Н.Ильина, Р.Рождественский
- 1985 год** С.Михалков, Л.Зорин, Д.Евдокимов,
Л.Сальников

- 1986 год** М.Жванецкий, Л.Лазарев, Л.Резников,
В.Песков
- 1987 год** А.Арканов, А.Пьянов, В.Вишневский
- 1988 год** К.Булычев, Ф.Кривин, В.Орлов
- 1989 год** Е.Смолин, Л.Треер, О.Донской
- 1990 год** М.Городинский, В.Резниченко,
И.Губерман (премия Кота Бегемота)
- 1991 год** А.Кайданов, Н.Савельева, И.Воронов,
И.Суслов, А.Гартвич,
Н.Богословский, В.Шендерович
- 1992 год** А.Трушкин, М.Воздвиженский,
М.Дружинина, И.Иртеньев,
А.Васильчиков, Ю.Воскобойников
- 1993 год** С.Сатин, В.Горшков, Б.Крутиер,
В.Ручинский,
А.Кондрашов (премия им. В.Веселовского)
- 1994 год** А.Кондрашов, А.Портер, С.Пивоваров,
А.Ратнер, Б.Замятин, Г.Малкин
- 1995 год** Г.Фере, Е.Шестаков, Ю.Арабов, А.Жуков,
Е.Тарасов, Ю.Базылев, В.Федоров
- 1996 год** М.Розовский, В.Панков, Л.Шерешевский,
Г.Фере
- 1999 год** В.Коклюшкин, А.Макуни, А.Евтушенко,
В.Солдатов
- 2000 год** А.Пашков, Л.Дымова, Е.Лукин, А.Ио,
В.Матвийко

**Самое яркое событие
в литературной жизни
России 2000 года!**

**антология сатиры и юмора
россии XX века
в 50 томах**

**Вышли в свет
одиннадцать томов серии**

- т.1 АРКАДИЙ АРКАНОВ**
- т.2 ВИКТОР ШЕНДЕРОВИЧ**
- т.3 «САТИРИКОН»
И САТИРИКОНЦЫ**
- т.4 ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ**
- т.5 ИГОРЬ ИРТЕНЬЕВ**
- т.6 ГРИГОРИЙ ГОРИН**
- т.7 ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ**
- т.8 ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ**
- т.9 ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ**
- т.10 МИХАИЛ БУЛГАКОВ**
- т.11 «КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ»**

**В ближайшее время увидят свет книги
Антологии**

**ТЭФФИ
ВЛАДИМИР ВИШНЕВСКИЙ**

Литературно-художественное издание

«Клуб 12 стульев»

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Том одиннадцатый

Автор серийного оформления
Евгений Поликашин

Редактор-корректор *Е. Остроумова*
Компьютерная верстка *А. Филиппов*
Корректор *С. Жилова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.12.2000.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6.
Тираж 7000 экз. Заказ 6409.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»
Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.

125190, Москва, Ленинградский проспект,
д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

Книга — почтой:
Книжный клуб «ЭКСМО»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

ISBN 5-04-006965-0

9 785040 069651 >

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Борис Козлов Алексей Пьянов Никита Богословский Бор
Гуреев Леонид Зорин Михаил Задорнов Григор
Заколюдажный Лион Измайлов Александр Кабаков Андр
Кучаев Лев Лайнер Михаил Мишин Людмила Петрушевск
Евгений Попов Ефим Смолин Ростислав Соломко Дани
Хармс Наталья Веселовская Владимир Вишневский Натал
Грачева Александр Дольский Борис Заходер Игорь Иртень
Владимир Костров Борис Мартыхин Сергей Мнацакан
Зиновий Паперный Семен Пивоваров Анатолий Преловск
Владлен Прудовский Александр Раскин Эльдар Рязан
Ефим Самоварщиков Давид Самойлов Андрей Мурай Алек
Пьянов Виктор Шендерович Александр Брюханов Улья Бутми
Виктор Верижников Владимир Вестер Виктор Гастелло Михай
Городинский Владимир Гречанинов Борис Гуреев Валер
Чудодеев Аркадий Унин Артур Кангин Владимир Котен
Антон'Макуни Андрей Панисьяк Александр Портер Ун
Савельева Евгений Сагаловский Сергей Силин Анатол
Трушкин Андрей Туманов Виталий Уражцев Васил
Шимберов Евгений Гусев Ефим Ефимовский Наталья Заруцк
Аркадий Кайданов Владимир Константинов Борис Раца
Юрий Котлярский Дмитрий Курилов Валерий Краско Евгений
Лукин Виктор Матвийко Григорий Медведевский Евгений
Чикифоренко Ирина Асенняя Виктор Плотицын Серг
Сатин Юрий Тейх Зиновий Вальшонок Ростисл
Кривицкий Римма Казакова Улья Сулов Михаил Успенски

Евгений Обухов Владимир Владаин Виктор Веселовский Ва
Битов Никита Богословский Сергей Бодров Владимир Волин
Жванецкий Лион Измайлов Владимир Климович Виктор Коклю
Аркадий Хайт Андрей Кучаев Борис Лобков Евгений Попов Ма
Евгений Шатько Андрей Вознесенский Николай Глазков Анатолий
Владимир Лившиц Владимир Масс Владимир Орлов Эдуард Усп
Олейников Борис Брайнин Евгений Евтушенко Владимир Соколо
Левитанский Виталий Резников Семен Альтов Виктор Гастелло Ге
Владимир Трифонов Аркадий Унин Леонид Осадчук Лутфулла
Корсунский Андрей Кучаев Михаил Липскеров Эдуард Медвед
Славкин Ефим Смолин Варлен Стронгин Леонид Треер Валерий
Кузнецов Новелла Матвеева Александр Сивицкий Юрий Тимянски
Борис Козлов Алексей Пьянов Борис Гуреев Леонид Зорин Миха
Лайнер Людмила Петрушевская Ростислав Соломко Даниил Карм
Александр Дольский Борис Заходер Игорь Уртеньев Владимир К
Семен Пивоваров Анатолий Преловский Владилен Прудовский Алекса
Андрей Мурай Виктор Шендерович Александр Брюханов Илья Бу
Владимир Гречанинов Валерий Чудодеев Артур Кангин Владимир
Савельева Евгений Сагаловский Сергей Силин Анатолий Трушкин
Гусев Ефим Ефимовский Наталья Заруцкая Аркадий Кайдан
Дмитрий Курилов Валерий Краско Евгений Лукин Виктор Матвийк
Виктор Плотицын Сергей Сатин Юрий Тейх Зиновий Вальшонок Рост

Василий Аксенов Аркадий Арканов Вагрич Бахчанян Андрей
Григорий Горин Владимир Дворцов Виктор Драгунский Михаил
Люшкин Михаил Кривич, Ольгерт Ольгин Александр Курляндский
Марк Розовский Виктория Токарева Александр и Лев Шаргородские
Игорь Житницкий Руслан Киреев Михаил Кудинов Михаил Либин
Спенский Павел Хмара Лев Щеглов Аркадий Аверченко Николай
Иванов Александр Заславский Александр Иванов Вадим Левин Юрий
Герман Дробиз Николай Елин Владимир Кашаев Дмитрий Иванов,
Алла Кабилов Александр Каневский Герберт Кемоклидзе Лев
Редкин Михаил Мишин Лев Новожинов Владимир Панков Виктор
Иван Чудодеев Андрей Яхонтов Олег Дмитриев Феликс Кривин Юрий
Игорь Бородин Борис Слуцкий Павел Хмара Владлен Бахнов Михаил Казовский
Игорь Захаров Михаил Задорнов Григорий Заколюдяжный Александр Кабаков Лев
Иван Мисюк Наталья Веселовская Владимир Вишневский Наталья Грачева
Игорь Костров Борис Мартыхин Сергей Мнацаканян Зиновий Паперный
Игорь Александр Раскин Эльдар Рязанов Ефим Самоварщиков Давид Самойлов
Игорь Бутман Виктор Верижников Владимир Вестер Михаил Городинский
Игорь Котенко Антон Макуни Андрей Панисяк Александр Портер Инна
Андрей Туманов Виталий Уражцев Василий Шимберов Евгений
Иванов Владимир Константинов Борис Рацер Юрий Котлярский
Игорь Яко Григорий Медведевский Евгений Никифорова Ирина Осенняя
Игорь Стислав Кривицкий Римма Казакова Улья Суслов Михаил Успенский

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

ЛГ «Клуб 12 стульев»

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Роб
и
копыта

Долг, к сожалению, платежом
красен.

Владимир ВЛАДИН

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Уберите эти строчки: они мешают
читать между ними.

Михаил ГЕНИН

Антология Сатиры и Юмора России XX века

...И если снова где-нибудь
взорвется —
то это слово наше отзовется.

Владимир ВИШНЕВСКИЙ

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века